

СОКРОВИЩА

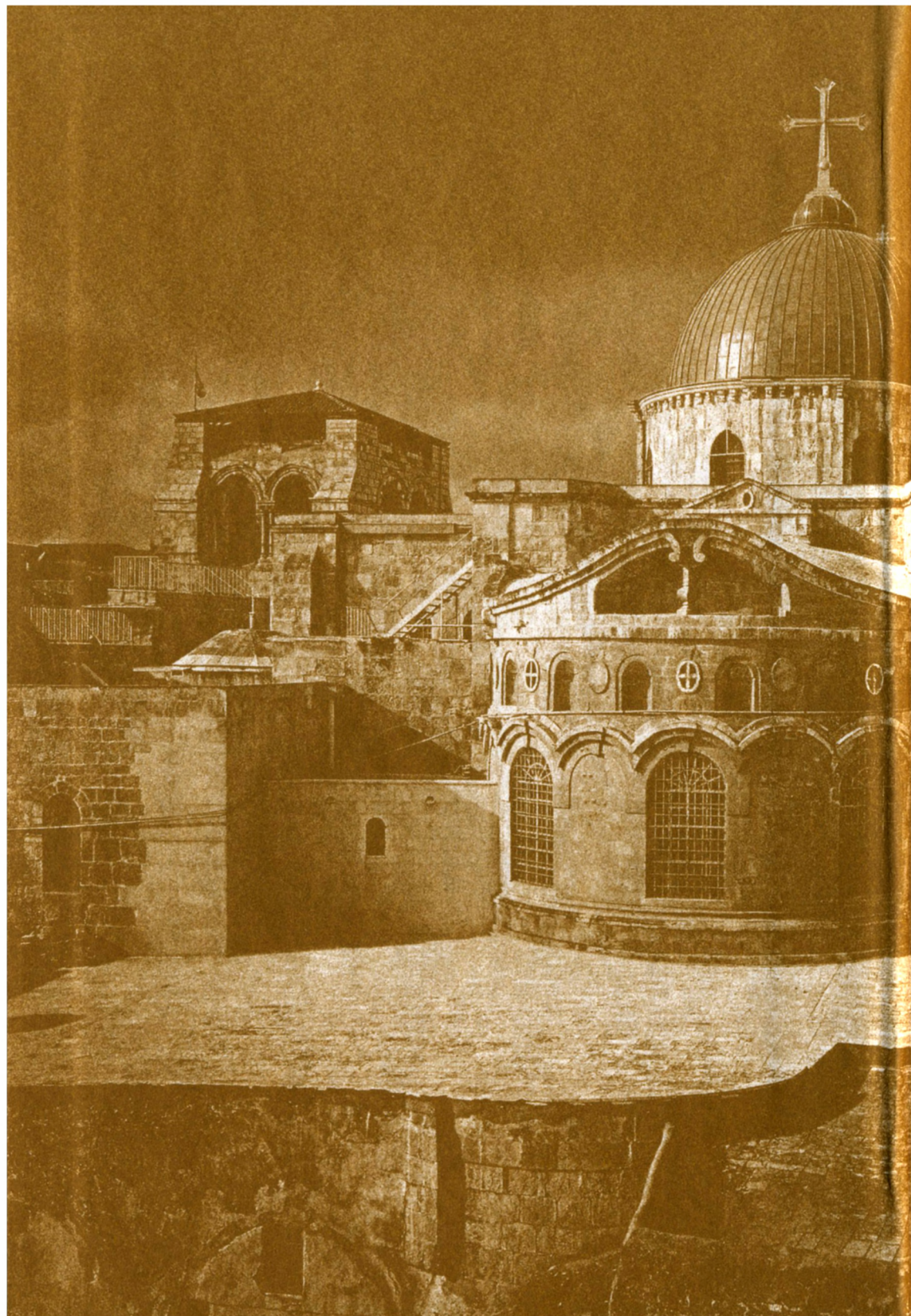
ДУХОВНА

БЛАЖЕННЫЙ
ФЕОФИЛАКТ
БОЛГАРСКИЙ

ТОЛКОВАНИЕ
НА ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ ИОАННА

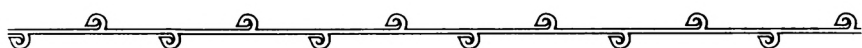
ДУХОВНАА
СОКРОВИЩНИЦА

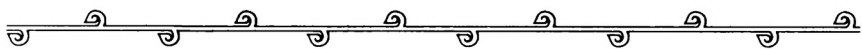
ОД ЕВАНГЕЛІА БГОС.

БЛАЖЕННЫЙ
ФЕОФИЛАКТ БОЛГАРСКИЙ

БЛАГОВЕСТНИК

Толкование
на Евангелие
от Иоанна

3-е издание

Издательство
Сретенского монастыря

Москва, 2013

УДК 27-247-277

ББК 86.37

Ф42

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

ИС 13-303-0279

Блаженный Феофилакт Болгарский

Ф42 **Благовестник: В 4 т. — Т. 4. Толкование на Евангелие от Иоанна. — 3-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 560 с. — (серия «Духовная сокровищница»).**

ISBN 978-5-7533-0784-2 (т. 4)

ISBN 978-5-7533-0780-4

«Благовестник» блаженного Феофилакта Болгарского — толковое Четвероевангелие, написанное первоначально на греческом языке и затем переведенное в Болгарии на славянский, — стал широко известен в России и до сих пор пользуется непререкаемым авторитетом. Размышляя над евангельским текстом, блаженный Феофилакт простым и эмоциональным языком изъясняет спасительные христианские истины веры и благочестия.

Текст печатается по изданию: Благовестник, или Толкование блж. Феофилакта, архиепископа Болгарскаго, на Святое Евангелие. Казань : Тип. Губернского правления, 1855–1857.

УДК 27-247-277

ББК 86.37

ISBN 978-5-7533-0784-2 (т. 4)

ISBN 978-5-7533-0780-4

© Сретенский монастырь, 2008

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА

(по Синопису
мученика Дорофея,
епископа Тирского)

Иоанн, брат Господень и евангелист, возлюбленный Господом, проповедовал Евангелие Христово в Азии; за слово Господне сослан в заточение на остров Патмос. Находясь там, он и написал святое Евангелие, и выдал оное в Ефесе через странноприимца, диакона Гаия, о котором и апостол Павел свидетельствует, говоря римлянам: *Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви* (Рим 16, 23).

По смерти Домициана блаженный Иоанн возвратился с острова, поселился в Ефесе и дожил до ста двадцати лет. После сего по воле Божией он был здесь погребен. Некоторые говорят, что он был заточен на Патмос не при Домициане, сыне Веспасиана, но при Траяне.

Евангелист Иоанн

Сила Духа Святого, как написано и как веруем, *совершается в немощи* (2 Кор 12, 9), — в немощи не только тела, но и разума, и красноречия. Это видно из многого, и особенно из того, что благодать показала на великом богослове и брате Христовом.

Отец у него был рыболов; сам Иоанн занимался тем же промыслом, каким и отец; он не только не получил греческого и иудейского образования, но вовсе не был учен, как замечает о нем божественный Лука в Деяниях святых апостолов (см.: Деян 4, 13). Да и отечество его самое бедное и незнатное, как местечко, в котором занимались рыбной ловлей, а не науками. Его произвела на свет Вифсаида.

Однако же смотри, какого Духа получил этот неученый, незнатный, ни в каком отношении не замечательный человек. Он возгремел о том, чему не учил нас никто из прочих евангелистов. Так как они благовествуют о воплощении Христовом, а о предвечном Его бытии не сказали ничего довольно ясного и наглядного, то угрожала опасность, что люди, привязанные к земному и не способные помыслить ни о чем высоком, подумают, что Христос тогда лишь начал Свое бытие, когда родился от Марии, а не от Отца прежде веков. В такое заблуждение, как известно, впал

самосатский* Павел. Посему великий Иоанн возвещает о горнем рождении, не преминув, впрочем, упомянуть и о воплощении Слова. Ибо говорит: *И Слово стало плотью* (Ин 1, 14).

Иные говорят, что православные и просили его написать о горнем рождении, так как в то время уже появились еретики, учившие, что Иисус был простым человеком.

Говорят также, что святой Иоанн, прочитав писания прочих евангелистов, подивился истинности их повествования обо всем и признал их здравомысленными и не сказавшими ничего в угоду апостолам.

Впрочем, о чем они неясно сказали или совершенно умолчали, то он распространил, уяснил и прибавил в своем Евангелии, которое и написал в то время, когда находился в заточении на острове Патмос, спустя тридцать два года по вознесении Христовом.

Иоанн был любим Господом более всех учеников за его простоту, кротость, добродушие и чистоту сердца, или девство. Вследствие такого дарования ему вверено и богословие, наслаждение таинствами, для многих незримыми. Ибо *блаженны, сказано, чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф 5, 8). Иоанн был и сродник Господа.

* Самосат — город на западном берегу Евфрата, родина Павла Самосатского (прим. ред.).

А как? Слушай. Иосиф, обручник Пречистой Богородицы, имел от первой жены семерых детей — четырех мужского пола и трех женского пола: Марфу, Есфирь и Саломию; сей-то Саломии Иоанн и был сыном. Таким образом оказывается, что Господь был ему дядя. Так как Иосиф отец Господу, а Саломия дочь этого Иосифа, то Саломия приходится сестрой Господу, а посему и сын ее Иоанн — племянником Господу.

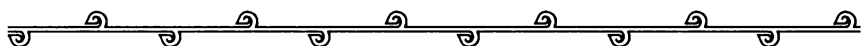
Быть может, уместно разобрать и имена матери Иоанна и самого евангелиста. Саломия означает «мирная», а Иоанн — «благодать». Пусть всякая душа знает, что мир с человеками и мир от страстей в душе становится источником Божественной благодати и порождает ее в нас, ибо душе, возмущаемой и ведущей борьбу с прочими людьми и с самой собой, неестественно удостоиться Божественной благодати.

Нам представляется и еще одно дивное обстоятельство в евангелисте Иоанне. Сын Саломии, за великий глас в Евангелии названный *сын громов* (Мк 3, 17), он и Богородицы сын — ибо сказано: *Се, Матерь твоя!* (Ин 19, 27).

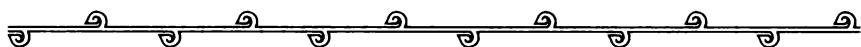
Сказав это, мы должны начать разбор и самих речей Иоанновых.

Толкование на Евангелие

ОТ ИОАННА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(1) **В** *начале было Слово.* — Что я сказал в предисловии, то и теперь повторяю, а именно: тогда как прочие евангелисты пространно повествуют о земном рождении Господа, воспитании Его и возрастании, Иоанн опускает эти события, так как о них довольно сказано соучениками его, а ведет речь о Божестве Вочеловечившегося ради нас. Впрочем, при тщательном рассмотрении увидишь, что как те не умолчали о Божестве Единородного, но упомянули, хотя и необширно, так и Иоанн, вперив свой взор к вышнему Слову, не опустил вовсе из внимания домостроительство воплощения, ибо один Дух руководил душами всех. Иоанн, говоря нам о Сыне, упоминает и об Отце. Указывает он на вечность Единородного, когда говорит: *В начале было Слово,* — то есть было от начала, ибо у того, что существует от

начала, без сомнения, не найдется такого времени, когда бы оно не существовало. Откуда, скажет иной, видно, что выражение **в начале было** означает то же, что «от начала»? Откуда? Как от самого общего понимания, так особенно и из самого этого евангелиста, ибо в одном из своих посланий он говорит *о том, что было от начала, что мы... видели* (1 Ин 1, 1). Всё так, скажет вопрошающий, но я понимаю это **в начале** так же, как у Моисея: *в начале сотворил Бог* (Быт 1, 1). Как там выражение **в начале** не дает той мысли, будто бы небо вечно, так и здесь я не буду понимать слова **в начале** так, будто бы Единородный вечен. Так скажет еретик. На это безумное упорство мы ничего другого не будем говорить, кроме сего: «Мудрец злобы! Зачем ты умолчал о последующем? Но мы это скажем и против твоей воли. Там Моисей говорит, что *в начале Бог сотворил небо и землю*, а здесь сказано, что **в начале было Слово**. Что же общего между *сотворил* и **было**? Если бы и здесь было написано, что в начале сотворил Бог Сына, то я умолчал бы, но теперь, когда здесь сказано, что **в начале было**, я заключаю из сего, что Слово существует от века, а не впоследствии получило бытие, как ты пустословишь».

Почему Иоанн не сказал, что в начале был Сын, но — **Слово**? Слушай. Это ради немощи слушателей, дабы мы, с самого начала услышав о Сы-

не, не помыслили о страстном и плотском рождении. Для того назвал Его Словом, чтобы ты знал, что как слово рождается от ума бесстрастно, так и Он рождается от Отца бесстрастно. И еще: назвал Его Словом потому, что Он возвестил нам о свойствах Отца, подобно как и всякое слово объявляет настроение ума; а вместе и для того, чтобы показать, что Он совечен Отцу. Ибо как нельзя сказать, что ум бывает иногда без слова, так и Отец и Бог не был без Сына. Много есть и иных слов Божиих, например пророчества, заповеди, как и сказано об Ангелах: *сильнии крепостию, творящим слово Его* (Пс 102, 20), то есть повеления Его. Но собственно *Слово* есть личное существо.

И Слово было у Бога. — Здесь евангелист еще яснее показывает, что Сын совечен Отцу. Дабы ты не подумал, что Отец был некогда без Сына, он говорит, что *Слово было у Бога*, то есть у Бога в недрах Отческих, ибо невозможно, чтобы Бог когда-либо был без Слова, или премудрости, или силы. Посему мы веруем, что Сын, так как Он есть *Слово*, премудрость и сила Отца (см.: 1 Кор 1, 24), всегда был *у Бога*, то есть был одновременно и совместно с Отцом. И как же, скажешь, Сын не после Отца? Как? Научись от вещественного примера. Сияние солнечное не от самого ли солнца? Так точно. Ужели оно и позднее солнца, так что будто бы можно представить себе время, когда

солнце было без сияния? Нельзя. Потому что как оно было бы солнцем, если бы не имело сияния? Если же так мыслим о солнце, то тем более должны так мыслить об Отце и Сыне. Должно верить, что Сын, будучи сиянием Отца, как говорит Павел (см.: Евр 1, 3), всегда блистает вместе с Отцом, а не позднее Его. Заметь также, что этим выражением опровергается и Савеллий, ливиянин. Он учил, что Отец, Сын и Дух суть одно лицо и что это единое лицо в одно время являлось как Отец, а в другое — как Сын, а в иное — как Дух. Так пустословил сын отца лжи, исполненный духа лукавого. Но словами *и Слово было у Бога* он явно обличается. Евангелист здесь самым ясным образом говорит, что иной есть Слово и иной — Бог, то есть Отец. Ибо если Слово было вместе с Богом, то очевидно вводятся два лица, хотя у них обоих и одно естество. А что одно естество, слушай.

И Слово было Бог. — Видишь, что *и Слово — Бог!* Это значит, что у Отца и Сына единое естество, как и единое Божество. Итак, да устыдятся и Арий, и Савеллий. Арий, называющий Сына Божия созданием и тварью, да посрамится тем, что *в начале было Слово*, и было Богом. А Савеллий, не принимающий троичности лиц, но единичность, да посрамится тем, что *Слово было у Бога*. Ибо здесь великий Иоанн ясно возвещает нам, что иной — Слово и иной — Отец,

хотя Они не иное и иное. Ибо «иной» говорится о лицах, а «иное и иное» — об естествах. Например, чтобы изложить мысль яснее, Петр и Павел суть иной и иной, ибо они два лица; но не иное и иное, ибо у них одно общее естество — человеческое. Так должно учить и об Отце и Сыне: Они, с одной стороны, иной и иной, ибо два лица, а с другой — не иное и иное, ибо одно естество — Божественное.

(2) *Оно было в начале у Бога.* — Бог Слово никогда не отделялся от Бога и Отца. Так как Иоанн сказал, что и Слово было Богом, то, дабы не смутила кого-нибудь такая сатанинская мысль, что если и Слово есть Бог, то не восставало ли Оно когда-нибудь против Отца, как боги язычников в их баснях, и если отделилось от Него, не стало ли Оно противником Богу, он говорит, что хотя Слово есть и Бог, однако же Оно опять у Бога и Отца, вместе с Ним пребывает и никогда не отделялось от Него. Уместно сказать держащимся Ариева учения и это: «Слушайте, глухие, называющие Сына Божия делом и творением Его; вы разумеете, какое имя Сыну Божию приложил евангелист: он назвал Его Словом. А вы именуете Его делом и творением. Не дело Он и не творение, а Слово». Слово же бывает двух родов. Одно — внутреннее, которое мы, когда и не говорим, имеем, то есть наша способность говорить, ибо и тот, кто спит

и не говорит, имеет всё же положенное в нем слово и не потерял способность к речи. Итак, одно слово есть внутреннее, а другое — произносимое, которое мы и устами произносим, приводя в действие способность говорить, способность умственного и внутри лежащего слова. Хотя, таким образом, слово двух родов, однако ни одно из них не подходит к Сыну Божию, ибо Слово Божие не есть ни произносимое, ни внутреннее. Те слова естественны и наши, а Слово Отца, будучи выше естества, не подлежит дольным хитрословиям. Посему хитрое умозаключение Порфирия, язычника, распадается само собой. Он, пытаясь ниспровергнуть Евангелие, употреблял такое разделение: если Сын Божий есть Слово, то или произносимое, или внутреннее слово; но Он — ни то, ни другое, следовательно, Он не есть и Слово. Итак, евангелист вперед разрешил это умозаключение, сказав, что внутреннее и произносимое говорится о нас и предметах естественных, тогда как о сверхъестественных ничего такого не говорится. Впрочем, и то нужно сказать, что сомнение язычника имело бы основание, если бы это имя — Слово — было вполне достойно Бога и собственно и существенно употреблялось бы о Нем. Но доселе никто еще не нашел никакого имени, вполне достойного Бога; ни это самое Слово не употребляется собственно и существенно о Нем,

а оно только показывает, что Сын родился от Отца бесстрастно, подобно как слово — от ума, и что Он стал вестником воли Отчей. Что же ты, несчастный, привязываешься к имени и, слыша об Отце, Сыне и Духе, ниспадаешь на вещественные отношения и воображаешь в уме плотских отцов и сыновей и ветер воздушный, может быть южный или северный или другой какой, производящий бурю? Но если хочешь узнать, что за слово — Божие Слово, то слушай, что следует далее.

(3) *Все чрез Него начало быть.* — Не считай, говорит, Слово разливающимся в воздухе и исчезающим, но почитай Творцом всего умопредставляемого и чувственного. Но ариане с настойчивостью говорят опять, что, как мы выражаемся, сделана дверь пилой, хотя она тут орудие, а другой двигал орудием — мастер, так и Сыном всё получило бытие, — не так, будто Он Сам — Творец, но орудие, подобно как там пила, а Творец есть Бог и Отец, и Он употребляет Сына как орудие. Посему Сын есть творение, на то созданное, чтобы Им всё получило бытие, подобно как пила сделана для того, чтобы ею производить плотницкие работы. Так твердит лукавый сонм Ария. Что же нам сказать им просто и прямо? Если Отец, как вы говорите, на то создал Сына, чтобы иметь Его орудием к совершению твари, то Сын честью будет ниже твари. Ибо как в том случае, когда бывает

орудием пила, устрояемое ею честнее ее, так как пила сделана для изделий, а не они для пилы, так и тварь будет честнее Единородного, потому что для нее, как они говорят, создал Его Отец, как будто бы Бог и не произвел из Себя Единородного, если бы не имел намерения сотворить всё. Что безумнее сих речей? Почему, говорят, евангелист не сказал, что это Слово сотворило всё, но употребил такой предлог — *чрез*? Чтобы ты не помыслил, что Сын не рожден, безначален и противен Богу, для сего и сказал он, что Отец всё сотворил Словом. Ибо представь себе, что какой-нибудь царь, имея сына и намереваясь построить город, устройство его вверил сыну. Как тот, кто говорит, что город построен сыном царя, сына царева не низводит в раба, но показывает, что этот сын и отца имеет, а не один только и есть, так и здесь евангелист, сказав, что всё сотворено Сыном, показал, что Отец, можно так сказать, употребил Его посредником к сотворению, — не как меньшего, но, напротив, как равносильного и как могущего выполнить столь великое поручение. Скажу тебе и то, что если тебя смущает предлог «чрез» и ты желаешь найти в Писании какое-нибудь место, говорящее, что Само Слово сотворило всё, то послушай Давида: *В началех Ты, [Господи], землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса* (Пс 101, 26). Не сказал он, что чрез Тебя сотворены

небеса и основана земля, но — Ты основал и небеса — дело рук Твоих. А что Давид говорит это о Единородном, а не об Отце, ты можешь узнать и от апостола, употребляющего эти слова в Послании к Евреям (см.: Евр 1, 8—10), можешь узнать и из самого псалма, ибо, сказав, что Господь призрел на землю (см.: Пс 101, 20) услышать воздыхание, разрешить умерщвленных и возвестить в Сионе имя Господне, на кого иного указывает Давид, как не на Сына Божия? Ибо Он призрел на землю — разуместь ли под ней ту, по которой мы движемся, или наше оземленившееся естество, или нашу плоть (см.: Быт 3, 19), которую Он воспринял на Себя? Он же и разрешил нас, связанных оковами собственных грехов, сыновей умерщвленных Адама и Евы, и возвестил в Сионе имя Господне. Ибо, стоя в храме, Он учил об Отце Своем, как и Сам говорит: *Я открыл имя Твое человекам* (Ин 17, 6). Кому эти действия приличествуют — Отцу или Сыну? Все — Сыну, ибо Он в учении возвестил имя Отца. Сказав это, блаженный Давид присовокупляет: *В началех Ты, [Господи], землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса* (Пс 101, 26). Не очевидно ли, что он выставляет Сына Творцом, а не орудием? Если, говоришь ты, предлог «чрез» вводит некоторое уменьшение, то что скажешь, когда Павел употребляет его об Отце? Ибо верен, говорит он, *Бог, Которым вы призваны в общение*

Сына Его (1 Кор 1, 9). Ужели здесь он делает Отца орудием? И еще: *Павел, волею Божиею призванный Апостол* (1 Кор 1, 1). Но сказано достаточно, и нужно возвратиться опять туда, откуда мы начали: *Все чрез Него начало быть*. Моисей, говоря о видимой твари, ничего не объяснил о тварях умопостигаемых. А евангелист говорит, что *все чрез Него начало быть* — видимое и умопредставляемое.

И без Него ничто не начало быть, что начало быть. — Поскольку евангелист сказал, что Слово сотворило всё, то, дабы кто не подумал, что и Духа Святого Оно же сотворило, прибавляет, что *всё чрез Него начало быть*. Что же — всё? Сотворенное. Как бы так он сказал: «Что ни есть в сотворенной природе, всё это получило бытие от Слова. Но Дух не принадлежит к сотворенной природе; посему Он не от Него и бытие получил». Итак, без силы Слова не получило бытия ничто, что не получило бытие, то есть что не было в созданной природе.

(4) *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.* — Духоборцы читают так: *И без Него ничто не начало быть* (ст. 3); потом, поставив тут знак препинания, читают как бы с новой строки: *Что начало быть* (ст. 3), *в Нем была жизнь*. И по своей мысли толкуют это место, говоря, что здесь евангелист ведет речь о Духе, то есть что Дух Свя-

той был жизнью. Так говорят македониане, стараясь доказать, что Дух Святой сотворен, и причислить Его к тварям. А мы не так, но, поставив знак препинания после слов *что начало быть* (ст. 3), читаем с новой строки: ***В Нем была жизнь.*** Сказав о творении, что всё Словом получило бытие, евангелист говорит и о промыслении, что Слово не только сотворило, но и сохраняет жизнь сотворенного. Ибо ***в Нем была жизнь.*** Знаю я у одного из святых такое чтение сего места: *И без Него ничто не начало быть, что начало быть в Нем.* Потом, поставив здесь знак препинания, он продолжал: ***была жизнь.*** Думаю, что и это чтение не включает ошибки, но содержит ту же правильную мысль. Ибо и этот святой правильно понимал, что без Слова не получило бытия ничто, что не получило в Нем бытие, так как всё, что получило бытие и сотворено, сотворено Самим Словом и, следовательно, без Него не было. Потом он начинал: ***была жизнь, и жизнь была свет человеков.*** Евангелист Господа называет жизнью — как потому, что Он поддерживает жизнь всего, так и потому, что Он подает жизнь духовную всем разумным существам, — и светом, но не столько чувственным, сколько умным, просвещающим самую душу. Не сказал, что Он — свет одних иудеев только, но — всех ***человеков.*** Ибо все мы — люди, поскольку получили ум

и рассудок от создавшего нас Слова и называемся посему просвещаемыми от Него. Ибо разум, данный нам, по которому мы и называемся разумными, есть свет, руководящий нас в том, что должно и чего не должно делать.

(5) *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.* — Свет, то есть Слово Божие, ***во тьме светит***, то есть в смерти и заблуждении. Ибо Он, и подчинившись смерти, так преодолел ее, что принудил ее исторгнуть и тех, которых она прежде поглотила. И в языческом заблуждении сияет проповедь.

И тьма не объяла Его. — Ни смерть не преодолела Его, ни заблуждение. Ибо свет этот, то есть Слово Божие, непреоборим. Некоторые тьмою считали плоть и земную жизнь. Слово сияло и тогда, когда стало во плоти и было в сей жизни, а тьма, то есть противоположная сила, искушала и преследовала Свет, но нашла Его неодолимым и непобедимым. Тьмою называется плоть не потому, будто она такова по естеству (да не будет!), но по причине греха, ибо доколе плоть управляется законом природы, не имеет решительно никакого зла, но когда подвигнется за предел природы и служит греху, становится и называется тьмой.

(6) *Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.* — Сказав нам о предвечном бытии Бога Слова и намереваясь сказать о воплощении

Слова, евангелист вставляет речь о Предтече. Да и о чем ином, как не о рождении Иоанна Предтечи, может быть слово перед речью о рождении Господа во плоти? Евангелист говорит о Предтече, что он был *посланный от Бога*, то есть послан Богом. Ибо лжепророки не от Бога. Когда слышишь, что он послан был от Бога, то знай, что он ничего не говорил от себя или от людей, но всё — от Бога. Посему и называется он Ангелом (см.: Мф 11, 10; Мал 3, 1), а преимущество Ангела — ничего не говорить от себя. Слыша об Ангеле, не подумай, что Иоанн был по естеству Ангел и сошел с небес, — он называется Ангелом по делу и служению. Так как он послужил проповеди и предвозвестил Господа, то за это и назван Ангелом. Посему и евангелист в опровержение предположения многих думавших, что Иоанн по естеству был Ангел, говорит: *Был человек, посланный от Бога*.

(7) *Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.* — Сей, говорит, послан от Бога, чтобы свидетельствовать о Свете. Потом, чтобы кто-нибудь не подумал, что нужно было свидетельство его для Единородного, как бы нуждающегося в чем-нибудь, евангелист присовокупляет, что Иоанн пришел засвидетельствовать о Сыне Божиим не потому, будто бы Он нуждался

в его свидетельстве, но чтобы *все уверовали чрез него*. Ужели же все и уверовали через него? Нет. Как же евангелист говорит *дабы все уверовали*? Сколько от него это зависело, он свидетельствовал для того, чтобы привлечь всех, а если некоторые не уверовали, то он не заслуживает порицания. И солнце затем восходит, чтобы всех осветить, но если кто, запершись в темной комнате, не пользуется лучом его, то ужели в этом виновно солнце? Так и здесь. Иоанн послан был, чтобы *все уверовали чрез него*; если же этого не случилось, он не виноват.

(8) *Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.* — Так как часто случается, что свидетель оказывается выше того, о ком свидетельствует, то чтобы ты не подумал, что и Иоанн, свидетельствующий о Христе, был выше Его, евангелист в опровержение этого лукавого помысла говорит: *Он не был свет*. Но, может быть, кто-нибудь скажет: ужели мы не можем называть светом ни Иоанна, ни иного кого из святых? Мы можем назвать светом каждого из святых, но Светом назвать не можем. Например, Иоанн не есть Свет в собственном смысле, но — свет по причастию, имеющий сияние от истинного Света.

(9) *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.* —

Евангелист намерен говорить о домостроительстве Единородного во плоти, что Он пришел к Своим, что Он стал плотию. Итак, чтобы кто-нибудь не подумал, что Он не существовал прежде воплощения, для сего возводит мысль к бытию прежде всякого начала и говорит, что **был Свет истинный** и прежде воплощения. Этим он ниспровергает и ересь Фотина, и Павла Самосатского, утверждавших, что Единородный лишь тогда получил бытие, когда родился от Девы, а прежде сего не существовал. И ты, арианин, не признающий Сына Божия истинным Богом, слушай, что говорит евангелист: **Свет истинный**. И ты, манихей, говорящий, что мы созданы злым творцом, слушай, что **Свет истинный... просвещает всякого человека**. Если злой творец есть тьма, он не может никого просвещать. Посему мы — создания истинного Света. И как, скажет кто, Свет просвещает всякого, когда мы видим некоторых омраченными? Насколько это зависит от Него Самого, Он просвещает всех. Ибо скажи, разве не все мы разумны? Разве не все по природе знаем добро и противное ему? Разве не имеем способности через размышление о тварях познавать Творца? Посему разум, данный нам и наставляющий нас природой, который называется законом естественным, может быть назван светом, данным нам от Бога. Если ж

некоторые худо воспользовались разумом, то сами омрачили себя. <...>

(10) *В мире был, и мир чрез Него на́чал быть, и мир Его не познал.* — Был в мире как вездесущий Бог, а можно сказать, что был в мире в отношении к промыслению и сохранению. Евангелист, впрочем, говорит: «Что́ я говорю, что был в мире, когда не было бы и мира, если бы Он не сотворил его?» Со всех сторон доказывает, что Он — Творец, в одно время отстраняя как безумие Манеса, говорившего, что всё произвел злой творец, так и безумие Ария, называвшего Сына Божия тварью, а вместе с тем и всякого человека приводя к исповеданию Творца, научая не служить тварям, но поклоняться Создателю. Но *мир*, говорит, *Его не познал*, то есть худые люди, занявшиеся мирскими делами. Ибо *мир* означает и эту вселенную, как и здесь сказано: *Мир чрез Него на́чал быть*; означает и мудрствующих помирскому, как сказано: *Мир Его не познал*, — то есть люди, приверженные к земле. Но все святые и пророки познали.

(11) *Пришел к своим, и свои Его не приняли.* — Здесь евангелист, очевидно, ведет речь о домостроительстве спасения во плоти и весь порядок мысли такой: Свет истинный в мире был без плоти и не был познан, потом *пришел к своим* с плотию. Под своими Ему можешь разуместь

или весь мир, или Иудею, которую Он избрал как долю наследия, как участок и собственность Свою (см.: Пс 113, 2).

И свои Его не приняли. — Или иудеи, или и все прочие люди, Им сотворенные. Таким образом, оплакивает безумие людей и удивляется человеколюбию Владыки. Будучи, говорит, своими Ему, не все приняли Его, ибо Господь не привлекает никого насильно, но предоставляет то на собственное усмотрение.

(12) **А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими.** — **Тем, которые приняли Его,** рабы они или свободные, отроки или старцы, варвары или греки, всем дал власть соделываться **чадами Божиими**. Кто же это такие? Верующие во имя Его, то есть те, которые приняли Слово и истинный Свет, — и приняли верою, и обняли. Почему евангелист не сказал, что Он сделал их чадами Божиими, но — **дал** им **власть** соделываться **чадами Божиими**? Почему? Слушай. Потому что для сохранения чистоты недостаточно креститься, но нужно много старания, чтобы сохранить неоскверненным образ сыноположения, начертанный в крещении. Посему многие хотя приняли благодать сыноположения через крещение, но по нерадению не пребыли до конца чадами Божиими. Иной, быть может, скажет и то, что многие

принимают Его через веру только, например так называемые оглашенные, но не соделались еще чадами Божиими. Впрочем, если они захотят креститься, имеют власть удостоиться и этой благодати, то есть сыноположения. Иной скажет еще и то, что хотя мы через крещение получаем благодать усыновления, но совершенство получим в воскресении; тогда надеемся получить совершеннейшее усыновление, как и Павел говорит: *Ожидая усыновления* (Рим 8, 23). Посему и евангелист этот не сказал, что тех, кто принял Его, Он сделал чадами Божиими, но *дал им власть* соделываться *чадами Божиими*, то есть получить эту благодать в будущем веке.

(13) *Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.* — Делает некоторым образом сравнение Божественного и плотского рождения, не без цели напоминая нам о плотских родах, но чтобы мы, через сравнение познав неблагородство и греховность плотского рождения, устремились к Божественной благодати. Говорит: *Которые ни от крови... родились*, — то есть не от месячных, ибо ими питается и растет дитя во чреве. Говорят также, что и семя прежде в кровь обращается, а потом уже образуется в плоть и прочее устройство. Поскольку же некоторые могли сказать, что и рождение Исаака было такое же, каким рожда-

ются верующие во Христа, так как Исаак родился не от кровей, ибо у Сарры прекратились месячные (см.: Быт 18, 11), — поскольку некоторые так могли подумать, то евангелист прибавляет: *ни от хотения плоти, ни от хотения мужа*. Рождение Исаака было хотя не от кровей, но было *от хотения мужа*, так как муж точно желал, чтобы от Сарры родилось ему дитя (см.: Быт 21, 7). А *от хотения плоти*, например, родился Самуил от Анны. Итак, можешь сказать, что Исаак от хотения мужа, а Самуил от хотения плоти были, ибо Анна, эта неплодная, сильно желала получить сына (см.: 1 Цар 1, 6), а может быть, то и другое было на том и другом. Если же ты хочешь научиться и еще чему-нибудь, то слушай. Смешение плотское бывает или от природного воспламенения, ибо часто иной получает очень горячее сложение и оттого очень склонен к соитию (это евангелист назвал хотением плоти), или неудержимое стремление к соитию бывает от худой привычки и неумеренного образа жизни. Это стремление он назвал хотением мужа и потому, что оно есть дело не природного сложения, но неумеренности мужа. Поскольку же сильная склонность к соитию оказывается иногда в жене, иногда — в муже, то, может быть, хотением мужа евангелист означил сладострастие мужа, а хотением плоти — сладострастие жены. Справедливо под хотением

плоти также можешь разуметь похоть, которая воспламеняет плоть к смешению, а под хотением мужа — согласие похотствующего на совокупление, каковое согласие есть начало дела. Евангелист положил то и другое потому, что многие похотствуют, однако же не увлекаются тотчас плотью, но одолевают ее и не впадают в самое дело. А те, которых она одолевает, доходят до желания совокупиться, потому что первоначально их воспламеняла плоть и тлеющая в ней похоть. Итак, евангелист хотение плоти благоприлично поставил прежде хотения мужа, потому что естественно похоть предшествует смешению; и то и другое хотение по необходимости стекается при совокуплении. Все это сказано ради тех, которые часто задают неразумные вопросы, потому что, собственно говоря, всем этим выражается одна мысль, а именно: выставляется на вид низость плотского рождения. Что же мы, верующие во Христа, имеем большего перед подзаконными израильтянами? Правда, и они назывались сынами Божиими, но между нами и ними большая разность. Закон во всем имел тень будущего (см.: Евр 10, 1) и не сообщал израильтянам сыноположения вполне, но как бы в образе и мысленном представлении. А мы, через крещение самым делом получив Духа Божия, взываем: *Авва, Отче!* (Гал 4, 6) У них как крещение было образом и те-

нью, так и сыноположение их прообразовало наше усыновление. Хотя и назывались они сынами, но в тени и самой истины сыноположения не имели, как мы теперь имеем через крещение.

(14) *И Слово стало плотью.* — Сказав прежде, что мы, верующие во Христа, если желаем, соделываемся чадами Божиими, евангелист присовокупляет и причину столь великого блага. Ты хочешь, говорит он, знать, что доставило нам это сыноположение? То, что *Слово стало плотью*. Когда же слышишь, что *Слово стало плотью*, не подумай, что Оно оставило собственную Свою природу и превратилось в плоть (ибо Оно не было бы и Богом, если бы превратилось и изменилось), но что, оставаясь тем, чем было, Оно стало тем, чем не было. Но Аполлинарий, лаодикийянин, составил отсюда ересь. Он учил, что Господь и Бог наш воспринял не целое естество человеческое, то есть тело с душой словесной, но одну только плоть, без словесной и разумной души. Какая-де была нужда в душе Богу, когда у Него телом управляло Божество, подобно как у нас телом нашим управляет душа? И основание сему думал видеть в настоящем изречении: *И Слово стало плотью*. Не сказал, говорит, евангелист, что Слово стало человеком, но — плотью; значит, Оно восприняло не душу разумную и словесную, но плоть неразумную

и бессловесную. Верно, не знал он, несчастный, что Писание часто называет частью целое. Например, хочет оно упомянуть о целом человеке, а называет его частью — словом «душа». *Истребится душа... из народа своего* (Быт 17, 14). Итак, вот, вместо того чтобы сказать «всякий человек», поименована часть — душа. Называет также Писание целого человека *плотью*, когда, например, говорит: *И узрит всякая плоть [спасение Божие]* (Ис 40, 5). Нужно бы сказать «всякий человек», а употреблено «плоть». Так и евангелист, вместо того чтобы сказать, что Слово стало человеком, сказал: *Слово стало плотью*, — называя человека, состоящего из души и тела, одной частью. А так как плоть чужда Божьего естества, то, может быть, евангелист упомянул о плоти с намерением показать необыкновенное снисхождение Божие, дабы мы изумились невыразимому человеколюбию Его, по которому Он для спасения нашего воспринял на Себя отличное и совершенно чуждое собственному естеству — плоть, ибо душа имеет некоторое сродство с Богом, а плоть совершенно ничего общего не имеет. Посему-то я думаю, что евангелист употребил здесь только «плоть» не потому, будто бы душа не причастна восприятию (вочеловечению), но для того, чтобы более показать, как чудно и страшно таинство, ибо если воплотившееся Слово не приняло ду-

ши человеческой, то души наши еще не исцелены, ведь чего Оно не приняло, того и не осватило. И как всё это смешно! Тогда как первая заболела душа (ибо она в раю сдалась на слова змия и обманулась, а потом уже вслед за душой, как госпожой и владычицей, коснулась и рука), воспринята, освящена и уврачевана плоть-служанка, а госпожа оставлена без восприятия и без уврачевания. Но пусть заблуждается Аполлинарий. А мы, когда слышим, что *Слово стало плотью*, веруем, что Оно стало совершенным человеком, так как в Писании в обычае называть человека одной частью — плотью или душой. Этим изречением ниспровергается и Несторий. Он говорил, что не Сам Бог Слово стал человеком, зачатым из пречистых кровей Святой Девы, но Дева родила человека, а сей человек, облагодатствованный всяким видом добродетели, стал иметь Слово Божие, соединившееся с ним и дававшее власть над духами нечистыми; и потому учил, что есть два сына: один сын Девы — Иисус, человек, а другой — Сын Божий, соединившийся с сим человеком и нераздельный с ним, но по благодати, отношению и любви, потому что человек сей был добродетелен. Так он глух к истине. Ибо если бы он хотел, он и сам услышал бы, что говорит сей блаженный евангелист, а именно: что *Слово стало плотью*. Не очевидное ли

ему здесь обличение? Потому что Само Слово стало Человеком. Не сказал евангелист, что Слово, найдя человека, соединилось с ним, но Само Оно стало Человеком. Этим изречением ниспровергается и Евтихий, и Валентин, и Манес. Они говорили, что Слово Божие явилось призрачно. Пусть же слышат, что *Слово стало плотью*; не сказано, что Слово представилось или показалось плотью, но — стало ею по истине и по существу, а не по видимости только, ибо нелепо и неразумно верить, будто бы Сын Божий, по существу и по имени Истина (см.: Ин 14, 6), солгал в вочеловечении. А обманчивая видимость, без сомнения, привела бы к этой мысли.

(14) *И обитало с нами.* — Поскольку евангелист выше уже сказал, что Слово стало плотью, то, чтобы кто-нибудь не подумал, что Христос стал наконец одним естеством, для сего прибавляет *обитало с нами*, чтобы показать два естества: одно — наше, а другое — Слова, ибо как иного естества обитель и обитающий в ней иного естества, так и Слово, когда о Нем говорится, что Оно обитало в нас, то есть в нашем естестве, должно быть естества иного, чем наше. Пусть постыдятся ариане, почитающие одно естество.

Итак, словами *Слово стало плотью* мы научаемся, что Само Слово стало Человеком и, будучи Сыном Бога, стало и сыном Жены, Которая

и называется поистине Богородицей, как родившая Бога во плоти. Словами же *обитало с нами* научаемся веровать, что в одном Христе два естества. Ибо хотя Он и един по ипостаси, или по лицу, но по естествам двояк — Бог и человек; а Божеское естество и человеческое не могут быть одним, хотя и созерцаются в одном Христе.

(14) *Полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.* — Сказав, что *Слово стало плотью*, евангелист прибавляет: *Мы видели славу Его*, — то есть Сущего во плоти. Ибо если израильтяне не могли смотреть на лицо Моисея, просветившееся от собеседования с Богом, то апостолы тем более не могли бы снести чистого (без покрова) Божества Единородного, если бы Он явился не в плоти. Видели же мы славу не такую, какую имел Моисей или с какой являлись пророку Херувимы и Серафимы, но такую славу, которая приличествовала Единородному Сыну, которая была присуща Ему по естеству от Бога Отца.

Частица *как* означает не уподобление, но утверждение и несомненное определение. Так, видя царя, идущего с великой славой, мы говорим, что он пришел как царь, вместо того чтобы сказать «истинно по-царски». Подобно сему и здесь слова *как Единородного* мы должны понимать так: слава, которую мы видели, была настоящая

слава истинного Сына, полная благодати и истины. *Полное благодати* потому, что и учение Его было, так сказать, облагодащено, как и Давид говорит: *излияся благодать во устнах Твоих* (Пс 44, 3), — и евангелист замечает, что все *дивились словам благодати, исходявшим из уст Его* (Лк 4, 22); и потому еще, что Он подавал исцеление всем нуждающимся в оном. *Полное... истины* потому, что все, что говорили или делали пророки и сам Моисей, было образами, а что говорил и делал Христос, то все полно истины, так как Он Сам есть благодать и истина и другим раздает оные. Где же апостолы *видели* эту *славу*? Можно с некоторыми думать, что они видели сию *славу Его* на горе Фавор, но справедливо также разуметь, что они видели ее не на одной только этой горе, но во всем, что Он делал и говорил.

(15) *Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.* — Евангелист часто ссылается на свидетельство Иоанна не потому, будто достоверность Владыки поставляет в зависимость от раба, но так как народ имел высокое понятие об Иоанне, то во свидетельство о Христе и ссылается на Иоанна, почитаемого им за великого и потому более всех заслуживающего доверия.

Слово **восклищая** указывает на большую смелость Иоанна, ибо он взывал о Христе не где-нибудь в углу, а с большой смелостью. Что же он говорил?

Сей был Тот, о Котором я сказал. — Иоанн свидетельствовал о Христе прежде, чем увидел Его. Так благоволил Бог, конечно, для того, чтобы он, свидетельствуя о Христе с очень хорошей стороны, не показался лицеприятным в отношении к Нему. Почему и говорит: **о Котором я сказал**, — то есть прежде, чем увидел Его.

Идущий за мною. — Разумеется, по времени рождения: Предтеча был шестью месяцами старше Христа по рождению во плоти. **Стал впереди меня**, то есть стал почтеннее и славнее меня. Почему? **Потому что Он и был прежде меня** по Божеству. Сие изречение ариане объясняли безумно. Желая доказать, что Сын Божий не рожден от Отца, но произошел как одно из творений, они говорят, что вот, Иоанн свидетельствует о Нем, что Он **стал впереди меня**, то есть произошел прежде меня и сотворен Богом как одно из творений. Но из нижеследующего они обличаются в худом понимании сего изречения. Ибо какая мысль выражается в словах **Сей** (Христос) **стал впереди меня** (сотворен прежде меня), **потому что был прежде меня**? Совершенно безумно говорить, что Бог сотворил Его прежде

потому, что Он *был прежде меня*. Напротив, лучше было бы сказать, что Сей был прежде меня, потому что стал или сотворен прежде меня. Так мудрствуют ариане. А мы по-православному понимаем так: *Идущий за мною*, по рождению от Девы во плоти, *стал впереди меня* — стал славнее меня и почтеннее по чудесам, которые совершались над Ним, по рождеству, по воспитанию, по мудрости. И это справедливо, *потому что Он был прежде меня* по предвечному рождению от Отца, хотя по явлению во плоти пришел и за мной.

(16) *И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать*. — Это слова Предтечи, говорящего о Христе, что все мы, пророки, приняли *от полноты Его*. Ибо Он имеет благодать не такую, какую имеют духовные люди, но, будучи источником всякого добра, всякой мудрости и пророчества, обильно изливает ее на всех достойных и при таком излиянии остается полон и никогда не истощается. И *мы приняли благодать*, разумеется, Нового Завета, вместо благодати законоположения. Поскольку тот Завет устарел и одряхлел, то вместо него мы приняли Новый. Почему же, скажут, назвал Ветхий Завет благодатью? Потому что иудеи усыновлены и приняты по благодати. Ибо сказано: «Я избрал вас не за множество ваше, а за отцов ваших» (см.: Втор 7, 6—8). И ветхоза-

ветные праведники приняты по благодати, и мы, очевидно, спасены по благодати.

(17) *Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.* — Объясняет нам, каким образом мы приняли величайшую благодать вместо благодати малой. Говорит, что *закон дан чрез Моисея*, то есть Бог употребил посредником человека — Моисея, а Новый Завет дан *чрез Иисуса Христа*. Он называется и благодатью, потому что Бог даровал нам не только прощение грехов, но и сыновство; называется и истиной, потому что Он ясно проповедал то, что ветхозаветные видели или говорили образно. Сей Новый Завет, называемый и благодатью, и истиной, имел посредником не просто-го человека, но Сына Божия. Приметь и то, что о Ветхом законе сказал, что он *дан чрез Моисея*, ибо он был подчиненный и слуга, а о Новом не сказал «дан», но — «произошел», дабы показать, что он от Господа нашего Иисуса Христа произошел как от Владыки, а не как от раба, и достиг благодати и истины. Закон дан Богом через Моисея; благодать произошла, а не дана через Иисуса Христа. Произошла — знак самостоятельности, дан — рабства.

(18) *Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.* — Сказав, что *благодать же и истина произошли*

чрез *Иисуса Христа* (ст. 17), и желая подтвердить это, евангелист говорит, что он не сказал ничего невероятного. Ибо Моисей, как и никто другой, ни **Бога не видел**, ни нам не мог сообщить о Нем ясного и наглядного понятия, но, будучи рабом, послужил только к написанию закона. А Христос, будучи Сыном Единородным и находящимся в недре Отца, не только видит Его, но и всем людям ясно говорит о Нем. Таким образом, поскольку Он Сын и видит Отца, как **сущий в недре** Его, Он справедливо дал нам благодать и истину. Но, быть может, скажет кто-нибудь: мы здесь узнаём, что никто не видел Бога, — как же пророк говорит: *Видел я Господа* (Ис 6, 1)? Пророк видел, но не самую сущность, а некоторое подобие и некоторое умственное представление, насколько мог видеть. Притом же иной видел в том образе, другой — в другом. А отсюда явно, что они видели не самую истину, ибо ее, по существу простую и без образа, не созерцали бы в разных видах. И Ангелы не видят сущности Бога, хотя и говорится о них, что они видят лицо Бога (см.: Мф 18, 10). Указывается на то только, что они всегда представляют в уме своем Бога. Итак, один Сын только видит Отца и являет Его всем людям; посему, слыша о недре Отца, не представляй ничего телесного в Боге. Такое название евангелист употребил с целью пока-

зять сродство, нераздельность и совечность Сына с Отцом.

(19–20) *И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос.* — Выше евангелист сказал, что *Иоанн свидетельствует о Нем* (ст. 15); потом вставил, что засвидетельствовал Иоанн о Христе, именно: что *Он стал впереди меня* (там же) и что все мы, пророки, приняли *от полноты Его* (ст. 16); теперь прибавляет: *И вот свидетельство Иоанна.* Какое? То, о котором выше сказал *впереди меня* и прочее. Но и нижеследующие слова *я не Христос* составляют также свидетельство Иоанна. Иудеи послали к Иоанну людей, по их мнению, лучших — *священников и левитов*, и притом иерусалимлян, с тем чтобы они, как умнейшие из многих, лаской убедили бы Иоанна объявить самого себя за Христа. Смотри же на уклончивость их. Не спрашивают прямо, Христос ли ты, но — *кто ты?* А он, видя их лукавство, не говорит, кто он, а объявляет, что он *не Христос*, имея в виду цель их и всячески привлекая их к вере, что Христос есть иной — Тот, Кого они считают бедным сыном бедного отца-плотника, происходящим из бедного отечества — Назарета, от Которого они не ожидали ничего доброго. Между тем о самом

Предтече они имели высокое мнение, так как он был сыном первосвященника и жизнь вел ангельскую и почти бесплотную. Вот почему стоит удивления, как запутываются они в том, чем думали повредить славе Христа. Они спрашивают Иоанна как человека достоверного, чтобы в его свидетельстве иметь предлог к неверию во Христа в том случае, если бы он Его Христом не объявил. А это обратилось против них. Ибо находят, что тот, кого они считали достоверным, свидетельствует в пользу Христа и чести Его не присвоет себе.

(21–23) И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия. — На основании древнего предания ожидали пришествия Илии. Посему спрашивают Иоанна, не Илия ли он, так как и жизнь его была подобна жизни Илии. Но он отрекся и от этого, хотя был пророк. Как же отрекается? Почему? Потому что его спрашивали, тот ли он пророк, которого ожидают, о котором Моисей сказал, что Господь Бог восставит вам пророка (см.: Втор 18, 15). Посему Иоанн и отрекся — не от того, что он пророк, а от того, что тот пророк, которого ожидают.

А так как они знали слова Моисея о том, что восстанет пророк, то и надеялись, что когда-нибудь явится пророк. Потом опять настойчиво спрашивают: «Скажи нам, *кто же ты?*» Тогда Иоанн отвечает им: *я глас вопиющего в пустыне*. Я, говорит, тот, о котором сказал пророк Исаия: *глас вопиющего в пустыне* (Ис 40, 3). Ибо если не прибавить слова о пророке, то речь Иоанна представится странной.

Что же вопиющего? *Исправьте путь Господу*. Я, Иоанн говорит, раб и предуготовляю сердца ваши для Господа. Итак, вы, лукавые и хитрые, исправьте их и уравняйте так, чтобы через вас был путь для Господа Христа. Потом приводит свидетелем Исаию. Сказав великое о Христе, что Он — Господь, а о себе, что он исполняет дело раба и глашатая, прибегает к пророчеству. Быть может, слова *я глас вопиющего* кто-нибудь объяснит так: «Я голос Христа вопиющего, то есть ясно возвещающего истину, ибо все вестники закона негромогласны, так как не пришло еще время истины Евангелия, и слабый голос Моисея подлинно указывал на невнятность и неясность закона. А Христос, как самосушая Истина и всем нам возвестивший об Отце, есть вопиющий». Итак, Иоанн говорит, что он голос Слова вопиющего, живущий в пустыне. Иоанн, как предтеча Христа, справедливо называется голосом, поскольку

голос предшествует слову. Скажу яснее: голос есть нечленораздельное дыхание, выходящее из груди; когда же языком оно разделится на члены, тогда бывает слово. Так, прежде — голос, потом — Слово; прежде — Иоанн, потом — Христос, по явлению во плоти. И крещение Иоанново нечленораздельно, ибо не имело действия Духом, а крещение Христово членораздельно, не имеет ничего тенистого и образного, ибо совершается Духом (см.: Мф 3, 11).

(24–25) *А посланные были из фарисеев; И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк?* — После того как не смогли увлечь его (Иоанна) ласкательством, чтобы он сказал, чего им желалось, и самого себя объявил Христом, застрашивают его очень строгими и грозными речами, говоря: **«Что же ты крестишь?»** Кто дал тебе такую власть?» Из сей же речи видно, что они считали Христа иным и иным — ожидаемого Пророка. Худо они знают. Ибо Пророк и есть Самый Христос и Бог наш. Всё сие они говорили, как я сказал, для того, чтобы принудить Иоанна объявить себя Христом. А ближе к истине можно сказать, что они спрашивают его как бы из зависти к его славе. Они не спрашивают, что Христос ли он, но — *кто ты?* Как бы так говорят: «Кто ты, что принимаешься за такое важное дело — крестишь и очищаешь исповедую-

щихся?» И мне кажется, что иудеи, не желая, чтобы и Иоанн большинством был принят за Христа, от зависти и недоброжелательства спрашивают его *кто ты?* Итак, прокляты те, которые принимают Крестителя, а после крещения не признают его; подлинно иудеи — порождения ехидны.

(26–27) Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его. — Примечай кротость святого и правдивость. Кротость — в том, что Иоанн не отвечает им ничего сурового, несмотря на их высокомерие; правдивость — в том, что он свидетельствует о славе Христа с большой смелостью и не скрывает славы Господа с тем, чтобы себе заслужить доброе имя, но объявляет, что крестит крещением не совершенным, ибо крестит в одной воде, не имеющей прощения грехов, но приготовительным к принятию крещения духовного, дарующего прощение грехов.

Стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. — Господь соединился с народом, и потому не знали, Кто Он и откуда. Может, кто-нибудь скажет, что и в ином смысле Господь стоял среди фарисеев, но они не знали Его. Так как они, как казалось, прилежно занимались Писаниями, а в них возвещаем был Господь, то Он был среди

них, в сердцах их, но они не знали Его, потому что не понимали Писаний, хотя и имели их в сердцах. Может, и в том смысле, что Господь был посредником между Богом и людьми, Он стоял среди фарисеев, желая примирить их с Богом, но они не знали Его. Постоянно Иоанн прибавляет: *Идущий за мною*, — чтобы показать, что его крещение не совершенное, но приготовительное к крещению духовному.

Стал впереди меня. — То есть почетнее, славнее меня, и настолько, что я не считаю себя находящимся и между последними Его рабами. Для того же он говорит, что *недостойн развязать ремень у обуви Его*, ибо развязывать обувь — дело последнего служения. Знаю я и читал у одного из святых такое объяснение: обувь везде понимается как плоть грешников, подлежащая тлению, а ремень или повязка — как узы греховные. Итак, Иоанн у прочих, приходящих к нему и исповедующихся, мог развязывать ремень грехов, ибо они приходили к нему связанные узами собственных грехов, и, убеждая их к покаянию, указывал им путь и к совершенному свержению с себя ремня сего и греховной обуви; на Христе же, не находя ремня или уз греха, естественно, не мог и развязать его. Почему же не находил его? Потому что Он не сделал никакого греха, и *не было лести в устах Его* (1 Пет 2, 22). Обувью означает и явле-

ние к нам Господа, ремнем ее — способ воплощения и то, как Слово Божие соединилось с телом. Способ сей невозможно разрешить. Ибо кто может объяснить, как Бог соединился с телом?

(28) *Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн.* — Для чего евангелист сказал, что сие *происходило в Вифаваре*? Для того, чтобы показать смелость великого проповедника, что он проповедовал так о Христе не в доме, не в углу, но *при Иордане*, среди множества народа.

(29) *На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира.* — Господь часто приходит к Предтече. Для чего? Так как и Господь крестился от Иоанна как один из многих, то часто приходит к нему для того, без сомнения, чтобы некоторые не подумали, что Он наравне с прочими крестился как виновный в грехах. Креститель, желая исправить такое предположение, говорит: *Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира.* Тот, Кто настолько чист, что берет на Себя и истребляет грехи прочих, очевидно, не мог принять крещение исповедания и покаяния наравне с прочими.

Исследуй, прошу тебя, и сие выражение: *вот Агнец Божий.* Многие желали видеть Агнца, о Котором возвещает Исаия (см.: 53, 7—8), ибо их,

тщательно занимавшихся пророческой книгой Исаии, естественно, занимал вопрос, кто был сей Агнец. Иоанн указывает Его: так как агнцев много, как и христов много, Агнец, Которого прообраз указан у Моисея (см.: Исх гл. 12) и о Котором возвещает Исаия (см.: Ис гл. 53), Христос, называется Агнцем Божиим, и называется Он так или потому, что Бог отдал Его за нас на смерть, или потому, что Бог принял смерть Христа за наше спасение. Как мы обыкновенно говорим, что это жертва такого-то, вместо того чтобы сказать, что эту жертву принес такой-то, так и Господь называется Агнцем Божиим потому, что Бог и Отец из любви к нам отдал Его на заклание за нас. Не сказал Иоанн, что «взял грех», но — **берет**, потому что Он каждый день берет на Себя грехи наши, одни — через крещение, другие — через покаяние. Агнцы, которых закалали в Ветхом Завете, не уничтожали совершенно ни одного греха; но сей Агнец берет на Себя грех всего мира, то есть истребляет, изглаживает. Почему не сказал Иоанн «грехи», но — **грех**? Может быть, и потому, что, сказав **грех**, он сказал вообще о всех грехах; как и мы обыкновенно говорим, что человек отпал от Бога, вместо «всё человечество», так и он здесь, сказав **грех**, обозначил все грехи. А может быть, и потому, что **грех мира** состоял в непослушании, так как человек низринулся в страсти че-

рез неповиновение Богу, а Господь загладил это непослушание, будучи послушным до смерти и уврачевав противное противным.

(30) Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. — Выше Иоанн говорит пришедшим от фарисеев, что стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете, но Который первенствует предо мною (ст. 26—27), а теперь и перстом указывает Его и объявляет незнающим, говоря, что **Сей есть** Тот, о Котором я свидетельствовал перед фарисеями, что Он первенствует предо мной, то есть превосходит меня достоинством и честью. Почему? **Потому что Он был прежде меня.** Слушай, Арий! Не сказал Иоанн о Христе «создан прежде меня», но — **был**. Слушай и ты, секта Самосатянина! Господь начал бытие не от Марии, но был прежде Предтечи по предвечному бытию. Потому что если бы Господь, как вы пустословите, получил начало бытия от Марии, то как бы Он был прежде Предтечи? А Предтеча, всем известно, явился на свет шестью месяцами прежде рождения Господа во плоти.

За мною идет Муж. — Мужем называется Господь, быть может, и потому, что имел совершенный возраст, ибо Он крестился тридцати лет, а может, в том смысле, что Он есть **Муж** всякой души и Жених Церкви. Ибо апостол Павел

говорит, что он обручил нас, чтобы представить единому Мужу, именно Христу (см.: 2 Кор 11, 2). Так и Предтеча говорит: «Я только друг Женихов и посредник, а Муж идет *за мной*; я привлекаю души к вере во Христа, а Он есть Муж, Который соединится с ними».

(31–34) Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий. — Так как Предтеча был родственник Господу, ибо Ангел говорит Деве: *Елисавета, родственница Твоя... зачала* (Лк 1, 36), то, чтобы кто не подумал, что Предтеча благоприятствует Господу и дает о Нем такое высокое свидетельство по родству с Ним, он часто говорит *я не знал Его* и тем удаляет подозрение.

Но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. — То есть чтобы все могли прийти к вере в Него и Он был явлен народу, для того я крещу; ибо когда я крещу, народ стекается, а когда народ собирается, я объявляю ему о Христе в проповеди моей, и Сам Он, буду-

чи на виду, является присутствующим. Ибо если б люди не приходили для крещения, как бы Иоанн явил им Господа? Не стал бы он ходить по домам и, водя за руку Христа, указывать на Него всякому. Посему и говорит: **«Я для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был мною людям, приходящим для крещения»**. Отсюда же узнаём, что чудеса, приписываемые Христу в отрочестве, ложны и сложены теми, которые хотели осмеять таинство. Ибо если бы они были истинны, то как не знали бы Господа, совершавшего оные? По крайней мере неестественно выглядело, чтобы о таком Чудотворце не было всюду разглашено. Но не так это, ибо прежде крещения Господь ни чудес не творил, ни известностью не пользовался.

Но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. — Иоанн, отклоняя, как я сказал, подозрение от своего свидетельства о Христе, возводит сие свидетельство к Богу и Отцу. **Я**, говорит, и **не знал Его**, но Отец открыл мне Его в крещении. Но, спросит иной, если Иоанн не знал Его, как же евангелист Матфей говорит, что он удерживал Его и говорил, что **мне надобно креститься от Тебя** (Мф 3, 14)? На сие можно ответить и то, что слова **не знал Его** нужно

понимать так, что задолго вперед и до крещения Иоанн не знал Его, но тогда, во время крещения, узнал Его. Или можно и иначе отвечать: хотя Иоанн знал об Иисусе, что Он — Христос, но что Он будет крестить Духом Святым, тогда узнал, когда увидел Духа, сходящего на Него. Словами *я не знал Его* Иоанн дает разуместь, что хотя он не знал, что Он будет крестить *Духом Святым*, но знал, что Он превосходнее многих. Почему, зная наверное, что Он больше всех, по словам евангелиста Матфея, Иоанн *удерживал Его* (там же). Но когда нисшел Дух, то он еще яснее узнал Его и прочим проповедовал о Нем. А Дух явился всем присутствующим, а не только Иоанну. Почему же, скажет иной, другие не уверовали? Потому что неразумное сердце их омрачилось так, что они, видя Его и чудодействующим, не уверовали. Некоторые говорят, что Духа не все видели, а только благоговейнейшие. Ибо хотя Дух нисшел и чувственно, но Ему определено явиться не всем, а достойным: например, пророки Даниил и Иезекииль многое видели в чувственном виде, однако никто другой не видел.

И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий. — Где Иоанн свидетельствовал об Иисусе, что Он *есть Сын Божий*? Этого нигде не написано. Агнцем называет, но нигде — Сыном Божиим. Отсюда естественно предпола-

гать, что и многое другое оставлено апостолами без записи, ибо не всё записано.

(35–37) На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. — По причине легкомыслия слушателей Иоанн принужден повторять одно и то же, чтобы, по крайней мере, непрерывным свидетельством произвести что-нибудь. И не обманулся, но привел двух учеников ко Христу. Будучи истинным невестоводителем, он делал всё для того, чтобы природе человеческую привести к ее Жениху. Посему и Христос, как Жених, молчит, а всё возглашает посредник. И Господь, как Жених, приходит к народу. На браках обыкновенно не невеста приходит к жениху, но жених к невесте, хотя бы он был и царский сын. Так и Господь, желая уневестить Себе природу нашу, Сам сошел к ней на землю и, когда брак совершился, взял ее с Собой, когда вознесся в дом Отца Своего.

Увидев, сказано, Иисуса, то есть имея перед глазами радость свою об Иисусе и чудо, **Иоанн сказал: вот Агнец Божий.** Ученики, подготовленные постоянным свидетельством, **пошли за Иисусом** вслед не из презрения к Иоанну, а наиболее из послушания ему, свидетельствующему о Христе с лучшей стороны.

(38–39) *Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви́, — что значит: учитель, — где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.* — Евангелист Матфей, рассказав о крещении Господа, тотчас возводит Его на гору для искушения, а Иоанн, опустив сказанное Матфеем, повествует о случившемся по сошествии Господа с горы. Итак, ученики Иоанна Крестителя следуют за Христом и идут к Нему после того, как Он сошел с горы и вынес искушение. По моему мнению, такое сочетание событий показывает, что никому не нужно вступать в звание учителя прежде, чем он взойдет на высоту добродетели (ибо сие означает горой), победит всякое искушение и будет иметь знак торжества над искушителем. Ученики прежде следуют за Иисусом, а потом уже спрашивают Его, где Он живет. Ибо им нужно было беседовать с Ним не открыто, в присутствии многих, но наедине, как о предмете необходимом. Даже и не они первые спрашивают, но Христос Сам наводит их на вопрос.

Что вам надобно? — говорит им Христос. Спрашивает не потому, чтобы не знал Он (Он, Который знает сердца человеческие), но чтобы вопросом побудить их высказать свое желание.

Вероятно, они стыдились и боялись Иисуса после свидетельства Иоаннова, что Он выше человека. А ты, прошу тебя, подивись их благоразумию. Они не только пошли вслед за Иисусом, но и называют Его *Равви́*, — *что значит: учитель*, и притом тогда, когда еще ничего не слышали от Него.

Однако, желая чему-нибудь научиться от Него наедине, они спрашивают Его: *где живешь?* Ибо в тишине удобнее и говорить, и слушать. Господь не указывает признаков дома, но говорит им: *пойдите и увидите*. Поступает так для того, чтобы еще более привлечь их к последованию, а вместе и обнаружить силу их желания в том случае, если они не затруднятся дорогой. Ибо если они пошли бы за Иисусом с чувством холодным, то не решились бы идти до дома. Каким образом согласовать то, что Христос здесь представляется имеющим дом, а в другом месте говорится, что *Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Лк 9, 58)? Одно другому не противоречит. Ибо когда говорит, что не имеет, где главу приклонить, говорит не то, чтобы не имел решительно никакого пристанища, но что не имел собственного. Итак, если Он и жил в доме, то жил не в Своем доме, но в чужом.

Евангелист замечает о времени, что *было около десятого часа*, не без цели, но для того, чтобы

и учителей, и учеников научить не откладывать своего дела до другого времени: учитель не должен говорить, что сегодня поздно, научишься завтра, а ученик должен всякое время признавать годным для учения, а не откладывать слушания до завтра. И еще то узнаём, что ученики так были умеренны и трезвы, что употребляли на слушание такое время, которое другие проводят в успокоении тела, будучи обременены яствами и став неспособными к занятию важным делом. Истые ученики Иоанна-постника! Приметь и то, что Иисус обращается к идущим за Ним и показывает им Свое лицо. Ибо если не пойдешь вслед за Иисусом своей доброй деятельностью, то не достигнешь созерцания лица Господня, то есть не достигнешь просвещения Божественным знанием. Ибо свет есть дом Христов, как сказано: *обитает в неприступном свете* (1 Тим 6, 16). И как просветится знанием тот, кто не очистил себя и не идет путем очищения?

(40–42) Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр). —

Евангелист сообщает нам об Андрее, а об имени другого умалчивает. Некоторые говорят, что другим был сам Иоанн, пишущий это, а иные говорят, что он был из незнатных. Но от знания имени не прибыло бы пользы. Об Андрее упомянуто потому, что он был из знатных, так и потому, что он привел своего брата. Посмотри на любовь его к брату, он не скрыл от брата оное благо, но сообщает ему о сокровище и с большой радостью говорит: **Мы нашли** (вероятно, они сильно желали и много занимались исканием Мессии) Того Самого, Который есть поистине Христос. Ибо хотя многие назывались помазанниками и сынами Божиими, но ожидаемый ими был один.

Привел его к Иисусу. — Андрей привел Симона к Иисусу не потому, будто Симон был легкомыслен и увлекался всякой речью, но потому, что он был очень быстр и горяч и легко воспринял речи, которые брат передал ему о Христе. Ибо, вероятно, Андрей очень многое рассказал Симону и возвестил о Христе основательно, так как он довольно пробыл у Христа и узнал нечто таинственнейшее. Если же кто продолжает осуждать Петра за легкомыслие, то пусть знает таковой и то, что не написано, что он тотчас поверил Андрею, но что Андрей **привел его к Иисусу**, а это дело разума более твердого, чем увлекающегося. Ибо Симон не просто принял слова Андрея, но пожелал

и увидеть Христа, чтобы, если найдет в Нем нечто стоящее речей, последовать за Ним, а если не найдет, отступить назад, так что приведение Симона к Иисусу есть признак не легкомыслия его, но основательности. Что же Господь? Начинает Себя открывать ему пророчеством о нем, так как пророчества убеждают людей не менее, чем чудеса, если не более.

Ты Симон, сын Ионин — Господь пророчествует о Петре, потом открывает ему и его будущее: **Ты наречешься Кифа**. Высказав настоящее, через то удостоверяет и в будущем. Впрочем, не сказал «Я тебя переименую Петром», но — **ты наречешься**, ибо сначала Он не хотел обнаруживать всю Свою власть, так как они еще не имели твердой веры в Него. Для чего же Господь прозывает Симона Петром, а сынов Зеведеевых — сынами громовыми? Для того, чтобы показать, что Ветхий Завет дал Тот же, Кто и ныне меняет имена, как тогда назвал Аврама Авраамом и Сарру — Саррой (см.: Быт 17, 5 и 15). Знай и то, что Симон значит «послушание», а Иона — «голубь». Итак, послушание рождается от кротости, которая обозначается голубем. А кто имеет послушание, тот становится и Петром, через послушание достигая твердости в добре.

(43–45) *На другой день Иисус восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему:*

иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из одного города с Андреем и Петром. Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. — Андрей, услышав от Предтечи, и Петр, услышав от Андрея, последовали за Иисусом; а Филипп, кажется, ничего не слышал и, однако же, последовал за Господом тотчас, как только Он сказал ему: *Иди за Мною*. Чем же Филипп так скоро убедился? Думается, во-первых, что голос Господа произвел в душе его некоторое уязвление любви, ибо речь Господа не просто говорилась, а сердца достойных тотчас воспламеняла любовью к Нему, как и Клеопа со спутником говорят: *Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге* (Лк 24, 32)? Во-вторых, так как Филипп имел озабоченное сердце, постоянно занимался писаниями Моисеевыми и всегда ожидал Христа, то как увидел Его, тотчас убедился и говорит: *Мы нашли Иисуса*, — а это показывает, что он искал Его. Потом, не узнал ли Филипп чего-нибудь о Христе от Андрея и Петра? Вероятно, беседа с ним как с соотечественником, они рассказывали ему и о Господе. Кажется, на это намекает евангелист, когда говорит, что Филипп был из города Андреева и Петрова. Сей город был небольшой и точнее мог быть назван деревней. Посему и нужно

удивляться Христовой силе, что Он Своих лучших учеников избирал из среды не приносящих никакого плода. Филипп также не удерживает добра за самим собой, но передает Нафанаилу, и так как Нафанаил был сведущ в законе, то Филипп отсылает его к закону и пророкам, потому что он прилежно упражнялся в законе. Называет Господа сыном Иосифовым, потому что в то время считали Его еще сыном Иосифа. Называет Его Назарянином, несмотря на то что Он, собственно, был вифлеемлянин, потому что родился в Вифлееме, а в Назарете лишь воспитывался. Но так как рождение Его было многим неизвестно, а воспитание известно, то и называют Его Назарянином, как воспитанного в Назарете.

(46–48) Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. — Филипп сказал, что Христос из Назарета, а Нафанаил, как более сведущий в законе, знал из Писаний, что Христос должен прийти из Вифлеема, и потому говорит: *Из Назарета может ли быть*

что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри, — зная, что Нафанаил не отстанет от Христа, если послушает Его речей. Христос хвалит Нафанаила как истинного израильянина, потому что он не сказал ничего ни в пользу, ни против Него, ибо слова его происходили не от неверия, а от осмотрительности и от ума, знавшего из закона, что Христос придет не из Назарета, а из Вифлеема.

Что же Нафанаил? Не увлекся ли похвалой? Нет, он желает узнать нечто яснее и точнее и потому спрашивает: **Почему Ты знаешь меня?** Господь сказывает ему то, чего не знал никто, кроме него самого и Филиппа, — то, что было говорено и делано наедине. Таким образом Он открывает Свое Божество. Филипп беседовал с Нафанаилом наедине, когда никого не было под смоковницей, однако же Христос, и не быв там, знал всё, почему и говорит: **Когда ты был под смоковницею, Я видел тебя.** Господь заговорил о Нафанаиле прежде, чем приблизился Филипп, для того, чтобы кто не подумал, что Филипп пересказал Ему о смоковнице и о прочем, о чем Он говорил с Нафанаилом. Из сего Нафанаил узнал Господа и исповедал Его Сыном Божиим. Ибо слушай, что он говорит далее.

(49–51) Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал

ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому. — Пророчество имеет величайшую силу привлекать некоторых к вере, и его сила более, чем сила чудес. Ибо чудеса могут быть представлены призрачно и бесами, а точного предугадания и предсказания будущего никто не имеет — ни Ангелы, ни тем более бесы. Почему и Господь привлек Нафанаила, сказав ему и место, и то, что Филипп звал его и что он поистине израильтянин. Нафанаил, услышав сие, почувствовал величие Господа, насколько было возможно, и исповедал Его Сыном Божиим. Впрочем, хотя и Сыном Божиим исповедует, но не в том смысле, в каком Петр. Петр исповедал Его Сыном Божиим как истинного Бога, и за то Господь ублажает его и вверяет ему Церковь (см.: Мф 16, 16—19). Нафанаил же исповедал Его как простого человека, но по благодати усыновленного Богу за добродетель. И это видно из прибавления: *Ты Царь Израилев*. Видишь ли, он не достиг еще до совершенного познания истинного Божества Единородного. Он верует только, что Иисус есть человек боголюбезный и *Царь Израилев*. Если бы он исповедал Его истин-

ным Богом, то называл бы Его не Царем Израиля, но Царем всего мира. За это он и не ублажается, как Петр. Посему и Господь, исправляя его и возводя к уразумению, достойному Его Божества, говорит: *Будете видеть Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому*. Принимай, говорит, Меня не за простого человека, но за Владыку Ангелов. Ибо Кому служат Ангелы, Тот не может быть простым человеком, но истинный Бог. Это сбилось при распятии и при вознесении. Ибо, как повествует Лука, и перед страданиями Ангел с неба укреплял Его, и при гробе явился Ангел, и при вознесении (см.: Лк 22, 43; 24, 4 и 23; Деян 1, 10).

Видел тебя под смоковницею. — Некоторые под смоковницей разумели закон, так как он имел плод, на время сладкий, а строгостью законных предписаний и неудобоисполнимостью заповедей был покрыт как бы листьями. Господь видел Нафанаила. На сие говорят, что Он милостиво призрел и уразумел понимание его, хотя он был еще и под законом. Прошу тебя, если ты услаждаешься подобными вещами, обратить внимание и на то, что Господь увидел Нафанаила под смоковницей, или под законом, то есть внутри закона, исследующим глубины оногo. Если бы он не исследовал глубину закона, Господь не увидел бы его. Господь пришел в низверженную страну

всего мира (Галилея — значит «низверженная»), или в естество человеческое, и, как Человеколюбец, воззрел на нас, находящихся под смоковницей, то есть под грехом, усладительным на время, но с которым соединена и немалая острота по причине раскаяния и тамошних будущих казней, и тех, которые признают Его Сыном Божиим и Царем Израиля, видящим Бога, избрал Себе. Если же мы продолжим старание, то Он удостоит нас и больших созерцаний и мы будем видеть Ангелов, восходящих на высоту Божественного знания Его и опять нисходящих, потому что не можем достигнуть полного познания существа непостижимого. И иначе: восходит некто, когда занимается размышлением о Божестве Единородного; нисходит — когда охотно занимается размышлениями о воплощении и нисшествии в ад.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1-4) **Н***а третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жéно? еще не пришел час Мой. — Зовут Господа на брак не потому, что видели чудеса Его, не как великого человека, но просто как знакомого. Обозначая сие, евангелист говорит: Матерь Иисуса была там... и ученики Его. Господь не отвергает приглашения и приходит, потому что Он смотрел не на собственное достоинство, а на то, что полезно и благотворно для нас. Тот, кто не счел быть низким между рабами, тем более не мог счесть низким пойти на брак. Матерь убеждает Его совершить чудо, потому что из событий зачатия и рождения Она получила высокое понятие о силе Его, ибо Она всё сохраняла в сердце своем (см.: Лк 2, 19 и 51) и отсюда заключала, что Сын Ее имеет силу выше человека. Но Богоматерь не имела повода просить Иисуса о совершении чуда, как будто бы Он совершал уже и другие чудеса. Ибо, будучи отроком, Он не совершил ни одного чуда, иначе Он был бы известен всем. Вместе с этим Матерь помнила и отзывы Иоанна, в которых он свидетельствовал о Нем,*

видела уже, что и ученики следуют за Ним, и из всего этого догадывалась о силе Сына. Но Он делает Ей упрек, и не без основания. Если, говорит, нет вина, то и нужно было прийти и просить тем, которые не имеют его, а не Тебе, Матери. Ибо когда свои просят совершить чудо, то зрители его соблазняются, а когда просят сами нуждающиеся, тогда дело бывает свободно от подозрения.

Еще не пришел час Мой. — Сказал не потому, будто зависит от времени или наблюдает известные часы (как сие соответствует Творцу времен и веков?), но потому, что Он всё совершает в надлежащее время. Так как Он для многих был неизвестен, потому что не все были учениками, и даже присутствующие на браке не знали Его, ибо в таком случае сами обратились бы с просьбой о вине, — поскольку всё это было так, то и сказал: ***Еще не пришел час Мой,*** — то есть еще не наступило время, должное наступить. Но Арий пытается доказать, что Господь подчинен часам и временам. Научись, проклятый! Если бы Господь зависел от часов, то как наконец совершил бы чудо? Ибо если, по твоим словам, Он зависим от часов и времен, а час Его еще не пришел, из этого следовало бы, что Он не в силах совершить чудо. Однако же Он совершил чудо, следовательно, Он независим от часов. Примечай, как Он не до конца и не во всем противодействует Матери, но упрекнул не-

много и опять исполняет Ее просьбу, воздавая Ей честь и нам подавая образец уважения к родителям.

(5–8) Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. — Мать говорит служителям: **что скажет Он вам, то сделайте.** Говорит, чтобы они усилили просьбу, сами приступив к Нему, и просили Его, чтобы из этого явно было, что Он отказывает не от бессилия, но чтобы не подумали, будто Он прибегает к чудотворениям из самохвальства и пустой напыщенности.

Было... тут шесть каменных водоносов. — Каменные водоносы употреблялись для очищения иудеев, потому что иудеи почти каждый день обмывались и потом уже принимались за пищу. Прикасались ли они к прокаженному, к мертвецу, общались ли с женщиной, они обмывались как уже нечистые. И так как Палестина была безводна и нельзя было найти много источников, то иудеи всегда наполняли водоносы водой, чтобы не бегать на реки в случае осквернения. Не

без цели сказал *по обычаю очищения Иудейского*, — чтобы кто из неверных не подумал, что в сосудах оставался некоторый винный осадок, а потом, когда влили воду и смешали, образовалось самое слабое вино, евангелист показывает, что они никогда не были вместилищами вина. Но неужели не мог Он произвести вино из ничего, не наполняя сосуды водой? Конечно же, мог; но величие чудес часто уменьшает их удобоприемлемость. Могло быть и той целью, чтобы служители, носившие воду в сосуды, стали свидетелями чуда. Еще чтобы мы научились, что Он претворяет в вино влагу винограда, которая есть совершенная вода.

Приказывает служителям, чтобы они подали питье отведать *распорядителю пира* не без цели, но чтобы кто не подумал, что собрались пьяницы, вкус у них испортился и в состоянии опьянения они приняли воду за вино. Не желая такого подозрения, Он предоставляет отведать вина трезвому — *распорядителю пира*, ибо те, кому вверялось подобное служение, строго следили, чтобы под их распоряжением всё происходило чинно и благоприлично. Будем молиться, чтобы это совершилось и над нами, и ныне как бы совершился брак, то есть соединение Бога с душой нашей, доколе мы еще в Кане Галилейской, то есть в стране сего низкого и извращенного ми-

ра, во всех отношениях превратного и переменчивого. Брак сей не бывает без присутствия Христа, Его Матери и учеников. Ибо как соединится с Богом тот, кто не уверует во Христа, родившегося от Марии и говорившего в апостолах? Посмотрим же, какое чудо совершает Господь при таком браке и при таком соединении Бога с душой. Он претворяет воду в вино, наполняет *шесть каменных водоносов* наших.

Под *водою* ты можешь разуместь нашу водянистость, влажность и расслабление в жизни и мнениях; под *пятью водоносами* — пять чувств, которыми мы ошибаемся в делах; под *шестым же водоносом* — разум, которым колеблемся во мнениях. Итак, Господь наш Иисус Христос, евангельское Слово, врачующее наши падения — в деятельной ли жизни, в умственной или созерцательной, — жидкое и нетвердое в нас предлагает в вино, то есть в жизнь и учение, вяжущее и веселящее, и таким образом *шесть наших водоносов* наполняются этим прекрасным напитком: чувства — чтобы не погрешали в деятельности, а разум — чтобы мы не погрешали во мнениях. Прими во внимание, что там стояли каменные водоносы *по обычаю очищения Иудейского*. Слово Иуда значит «исповедание». Исповедующийся очищается в пяти чувствах, которыми прежде грешил. Глаз видел худо — глаз же при

исповедании плачет и таким образом служит к очищению. Ухо слышало блудные песни — оно же опять наклоняется ныне к словам уст Божиих. Так бывает и с прочими чувствами. Разум погрешает во мнениях — он же опять очищает прежнее зло, преклоняясь на правильное мудрствование. Водоносы каменные или потому, что состав наш из земли, или потому, что преднамереваемые вместилища такого вина должны быть тверды и неразрушимы. Разум Павла был каменным водоносом и в то время, когда он гнал церковь Божию (1 Кор 15, 9), ибо он ревновал по отеческим преданиям более многих сверстников (Гал 1, 14), и в то время, когда проповедовал, ибо имел такую силу в словах, что ликаонцы сочли его, как первенствующего в слове, за Ермия (см.: Деян 14, 12).

(9–10) Когда же распорядитель отведal воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. — Распорядитель пира спрашивает не служителей, а жениха. Почему? Конечно, по Божьему устройению. Если бы он спросил у служителей, они открыли бы чудо, но им не поверил бы никто, ибо оно было началом знамений и никто еще не имел

великого понятия о Христе. Однако же, когда после сего Он совершил и другие чудеса, настоящее должно было сделаться достоверным, а *служители*, всем рассказывающие о нем, мало-помалу могли приобрести доверие. Для этого Господь устроил так, что спрошены были не служители, а жених. Господь не просто сотворил из воды вино, но вино прекрасное. Ибо чудеса Христовы таковы, что гораздо превосходнее того, что совершается природой. О том, что вода претворилась в вино, свидетельствуют *служители, почерпавшие воду*; о том, что оно прекрасное, — *распорядитель* пира. Обо всем этом с течением времени проповедано, и слышащие должны были увериться твердо. Под вином ты можешь разумеать евангельское учение, а под водой — всё, предшествовавшее Евангелию, что было очень водянисто и не имело совершенства евангельского учения. Скажу пример. Господь дал человеку разные законы: один — в раю (см.: Быт 2, 16–17), другой — при Ное (см.: там же, гл. 9), третий — при Аврааме об обрезании (см.: там же, гл. 17), четвертый — через Моисея (см.: Исх гл. 19–20), пятый — через пророков. Все эти законы в сравнении с точностью и силой Евангелия водянисты, если кто понимает их просто и буквально. Если же кто углубится в дух их и уразумеет сокрытое в них, тот найдет воду, претворившуюся в вино, потому что различающий

духовно то, что говорится просто и понимается многими буквально, без сомнения, в этой воде найдет прекрасное вино, воспеваемое впоследствии и сберегаемое женихом Христом, так как Евангелие и явилось в последние времена.

(11) *Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его.* — Что Господь начал творить чудеса после Своего крещения, об этом мы говорили и прежде. Но кажется, что первое чудо Он совершил именно претворением воды в вино. Ибо сказано: *так положил Иисус начало чудесам.* Но скажет иной: если сие чудо и есть начало чудес, то не всех, а только совершенных в Кане Галилейской; так как Он совершил разные чудеса в Кане, то им оно — начало. Хотя мы многое имеем для подтверждения, что настоящее чудо есть начало и всех чудес, потому что слова *и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его* показывают, что прежде сего Он не творил другого чуда, которым бы Он *явил славу Свою*; однако же не будем спорить, оно ли было первым чудом или другое. Как же Он *явил славу Свою*, ведь немногие находились при сем событии и не перед лицом народа оно совершено? Но если не тогда, то впоследствии все должны были услышать об этом чуде, как оно и донныне возвещается, а не осталось безызвестным. Сло-

ва *уверовали в Него ученики Его* понимай так, что они возымели бóльшую и крепчайшую веру в Него. Они и прежде, конечно, веровали, но веровали не так твердо.

(12–17) После сего пришел Он в Капернаум, Сам и Матерь Его, и братья Его, и ученики Его; и там пробыли немного дней. Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по дому Твоем снедает Меня. — Господь приходит в Капернаум не для другого какого дела, как только для того, чтобы оставить там Мать Свою, чтобы не водить Ее за Собой повсюду. Так как они ходили в Кану на брак, а брак прошел, то Он и возвращает Мать в Капернаум в дом Ее. А что по этой именно причине Господь приходит в Капернаум, это открывается из того, что Он и немного дней пробыл там, и не совершал там чудес, потому что жители сего города не имели к Нему веры, почему Господь в другом месте и высказывает горе ему (см.: Мф 11, 23–24).

Словами *приближалась Пасха* евангелист показывает, что крестился Иисус незадолго до Пасхи. Придя в Иерусалим, Он совершает дело, обнаруживающее полное самовластие, именно: выгоняет из храма тех, кто продавал овец и волов. Хотя и Матфей повествует об этом (см.: Мф 21, 12–13), но знай, что Он делал сие не однажды.

Рассказываемое у Матфея Он совершает близко к страданиям Своим, а настоящее, у Иоанна, Он совершает в начале знамений. Посему здесь с послаблением сказал: *Дóма Отца Моего не делайте домом торговли*, — ибо чудеса только еще начинались и у Него не было еще той смелости, какую придавали чудеса. А у Матфея говорит: *вы сделали его вертепом разбойников* (Мф 21, 13). Явно назвал их разбойниками как занимающихся несправедливыми средствами, ибо кто малостоящую вещь ценит дорого и при случае извлекает себе выгоду от бедных и вдов (как обыкновенно делают скупающие необходимые предметы и потом продающие), что иное делает, как не разбойничает, извлекая себе прибыль из несчастья ближних? Для чего Он совсем выгоняет таких людей из храма? Не без основания: Он будет исцелять в субботу и как бы нарушать закон о ней, посему, чтобы тогда не сочли Его богопротивником, Он настоящим случаем предупреждает такую мысль, ибо кто показал такую ревность

по храму, тот не станет отвергать Бога, Господа храма.

И выгнал их не просто, но ударяя бичом *из веревок*, и *столы опрокинул*, и рассыпал *деньги меновщиков* — решился на дело весьма опасное. А кто подвергает себя опасности за дом Бога, тот может допустить отступление от закона Божия не как богопротивник, но, без сомнения, как Сын, имеющий равную власть с Богом и Отцом, давшим закон о субботе. Посему не сказал, что дом Бога, но — дом *Отца Моего*, показывая, что Он, как Сын, имеет власть над всем принадлежащим Отцу.

Подобно тогдашним торговцам грешат и многие из первосвященников: когда они продают в церкви *волон*, не отдавая чести отличающимся в учительском слове, но отдавая оную желающим злодействовать; когда продают *овец* — простой и обыкновенный народ, *голубей* — духовные дарования; когда поставляют на высшую степень тех, которые больше дают. Таких Господь выгоняет из святилища, находя их по суду Своему недостойными первосвященства. Также если кто продает крупную и мелкую монету, то есть мнение и слово, и, будучи учителем, но не предвидя пользы, не возвещает евангельского слова, то Господь опрокидывает и его стол, то есть звание учителя, и учение, которое он по злобе удерживает, не

давая его всем; между тем Господь Иисус отрешает такого от власти и сажает за стол учительский другого, достойного.

Ученики вспомнили, что написано у Давида: *ревность дому Твоего снеде мя* (Пс 68, 10). Немного еще времени возрастают они в добре, а уже припоминают и места из Писаний и, находя в них свидетельства, всё более и более утверждаются в своих познаниях о Христе.

(18–22) *На это Иудеи сказали: каким знаменем докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус.* — Когда иудеи увидели, что Господь делает это с великой властью и говорит, чтобы они дом Отца Его не делали рынком, то как бы говорят: «Уверь нас каким-нибудь чудом, что Ты — Сын Бога и что Ты Им послан. Ибо откуда видно, что Господь дома сего Отец Тебе?» Он же отвечает им притчей, говоря: *Разрушьте храм сей*, — без сомнения, говоря о Своем теле, потому что в нем обитало всё Божество Единородного. Словом

разрушьте не поощряет их к убийству (прочь такая мысль!), но, зная их намерение совершить сие, намекает на то, что случится безотложно.

Пусть и ариане слышат, как Господь и разрушитель смерти говорит: **Я воздвигну**. Не сказал, что Отец воздвигнет, но — **Я воздвигну**, употребив собственную силу, а не нуждаясь в чужой отвне. Иудеи же, думая, что Он говорит им о бездушном храме, смеются над Ним: как говоришь Ты, что **в три дня воздвигнешь его**, тогда как он **строился сорок шесть лет**? Нужно знать, что когда в первый раз храм строился при Соломоне, тогда всё было исполнено в двадцать лет. Впоследствии же, когда евреи после пленения получили позволение строить храм, они начали возобновлять его в царствование Кира; потом, встретив препятствие со стороны завистников, продолжали постройку до царствования Артаксеркса; при нем же, пользуясь полной безопасностью, с большим трудом могли окончить это дело. Когда говорится, что иудеи во время строительства в одной руке держали копье, а в другой — строительное орудие, то они были в большом страхе от соседственных идумеев, а не от персов, ибо от персов, как я сказал, они пользовались полной безопасностью. О сей-то постройке, бывшей после плена, говорят, что она продолжалась **сорок шесть лет**, так как иудеям препятствовали,

потому они протянули ее от царствования Кира до Артаксеркса. Не удивительно, что иудеи не поняли слов Иисуса, равно как и ученики. Для них были два величайших затруднения: одно — то, что дело воскресения очень неудобопонятно, тем более что им вовсе неизвестно; другое — то, что живущий в теле есть Бог. Однако же после воскресения ученики поняли и поверили Писанию. Какому Писанию? Всякому, которое предупреждает о воскресении, и, как яснейшему, сему: *не оставиши душу мою во аде* (Пс 15, 10) — и сему: *Не оставлена душа Его в аде* (Деян 2, 31). Аполлинарий пытается найти здесь защиту своей ереси. Желая подтвердить, что плоть Господа была без души, говорит, что плоть называется храмом, а храм бездушен, следовательно, и она бездушна. Пораженный громом и вскружившийся! Ты и плоть Господа сделаешь, пожалуй, и деревьями, и камнями, так как храм из них?! Когда ты слышишь слова Господа *душа Моя теперь возмущилась* (Ин 12, 27), как их понимаешь? Если ты скажешь, что сие говорится не о словесной и разумной душе, то где ты положишь слова *Отче! в руки Твои предаю дух Мой* (Лк 23, 46)? Неужели же и это будешь понимать о неразумной душе? А это: *не оставиши душу мою во аде* — как тебе кажется? Но погибай со своими единомышленниками!

(23–25) *И когда Он был в Иерусалиме на празднике Пасхи, то многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но Сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке.* — Когда Иисус был на празднике, то некоторые, по-видимому, *уверовали во имя Его*; но вера их была нетверда, ибо, внимая на время Христу не как Богу, а как богоносному человеку, они опять отпадали и от сей самой ничтожной веры. А что они были таковы, видно из нижеследующего. *Сам*, говорится, *Иисус не вверял Себя им* и не передавал всего учения, как неистинно верующим, проникая в сердца их (см.: Пс 93, 11; Иер 17, 10) и зная, что относительно Него в них было. Ибо от Него не укрывалось, каков был помысел в каждом человеке, по наружности верующем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(1-2) **М**ежду фарисеями был некто, именем *Никодим*, один из начальников *Иудейских*. Он пришел к *Иисусу* ночью и сказал *Ему*: *Равви́!* мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. — И Никодим верил *Иисусу* и, кажется, говорил иудеям в пользу Господа, что нужно судить Его по внимательном исследовании (см.: Ин 7, 50—51). Да и после распятия при погребении он также показал много заботливости и щедрости. Однако же он не веровал, как должно было. Придерживаясь еще слабости иудейской, он приходит к *Иисусу* ночью из страха перед иудеями (см.: Ин 19, 38—39); называет Его как просто-го человека, ибо имел такое понятие о Нем, почему и прибавляет, что *таких чудес... никто не может творить, если не будет с ним Бог*. Видишь, он приходит к *Иисусу* как к пророку и человеку, любимому Богом. Что же Господь? Он не обличает его грозным образом, не говорит, зачем ночью приходишь к Учителю, посланному от Бога, почему не имеешь смелости? Не говорит ничего такого, но милостиво разговаривает с ним о предметах Божественных и высоких. Примечай также, что хотя Христос творил много чудес, но

евангелист Иоанн не повествует ни об одном из них или потому, что о них сказано другими евангелистами, или потому, что они выше подробного повествования.

(3) *Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.* — Кажется, слова Господа к Никодиму не имеют ничего общего со словами к Нему Никодима. Но для внимательного откроется много общего. Так как Никодим имел понятие о Христе уничиженное — что Он учитель и что с Ним Бог, то Господь говорит ему: «Тебе естественно иметь такое понятие обо Мне, ибо ты еще не родился *свыше*, то есть от Бога, рождением духовным, но плотян еще, и познание, которое ты имеешь обо Мне, не есть духовное, но душевное и человеческое. А Я *говорю тебе*, что и ты, и всякий другой будет вне Царствия, *если не родится свыше* и от Бога, и вы не получите должного обо Мне понятия. Ибо рождение через крещение, внося в душу свет, дает ей возможность видеть или познавать Царствие Божие, то есть Единородного Его Сына. Сын может быть назван как Премудростью Божией, так и Царством Божиим. Царства же сего, Никодим, никто не может видеть или познать, если не родится от Бога. Так и ты, потому что не родился еще духовно, не видишь

Меня — *Царствия Божия*, но имеешь обо Мне низкое понятие».

(4–5) *Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.* — Никодим, слыша учение, которое превышает всё человеческое, изумляется и по свойству немогущей природы человеческой спрашивает, как возможно такое? Это признак неверия, ибо где нет веры, там являются подобные вопросы. Слова Никодима кажутся смешными еще и потому, что он не помыслил о духовном рождении, а припомнил телесное чрево. Услышав *если кто не родится свыше*, он подумал, что снова, во второй раз. Посему и спрашивает: *Как может человек... будучи стар... войти в утробу матери своей?* Два предмета для него были неудобопонятны: один — рождение духовное, другой — Царствие, ибо имени Царства Небесного иудеи никогда не слышали. Теперь он недоумевает о рождении. Христос и открывает ему яснее способ рождения духовного. Ибо человек, состоя из двух частей — из души и тела, имеет и образ рождения двучастный. Вода, видимо принимаемая, действует к очищению тела, а Дух, невидимо

соединяющийся, — к возрождению невидимой души. Если ты спрашиваешь, как вода может родить, то и я спрошу: как семя, которое само воднообразно, может образоваться в человека? Посему как над семенем телесным всё совершает благодать Божия, так и при крещении предлежит вода, но всё совершает Дух и молитвенное призывание, а особенно присутствие Бога, ибо в воде сей совершаются знаки и образ погребения и воскресения. Три погружения — знак тридневного погребения; потом человек воскресает (выныривает), как Господь, нося светлую и чистую одежду нетления, а тление погрузив в воду.

(6–8) Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. — Господь, отвлекая внимание Никодима от рождения плотского, говорит: *Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух*, — то есть человек, родившийся крещением, становится духовен, ибо слово *дух* должно разуместь вместо «духовный». Правда, крестившийся не делается духом Божественным, но, получив Духом сыноположение, благодать и честь, удостоивается быть

духовным. Видя же, что Никодим еще смущается, Господь говорит: *Не удивляйся*. Потом пытается учить чувственным примером. *Дух*, говорит, *дышит, где хочет, и голос его слышишь*, однако же не знаешь его направления, потому что он неудержим и беспрепятствен и по силе природы имеет стремление во все стороны. Если говорит *дышит, где хочет*, то не потому, будто ветер имеет способность свободного выбора и желания, но потому, что хочет, как я сказал, указать на естественное его движение и неудержимую силу. Если же не знаешь, где и как дышит ветер — сей дух, подлежащий чувству, — то как хочешь уразуметь возрождение от Духа Божия? Если сей дух не может быть задержан, то тем более не подчинится законам природы благодать Духа Святого. Да постыдятся духоборец Македоний и предшественник его Евномий. Первый составляет Духа в раба, однако здесь слышит, что ветер дышит где хочет, и, следовательно, тем более Дух самовластно имеет движение и действует, где и как хочет. А Евномий, прежде погрешив в этом же самом и назвав Духа тварью, до того простер свою дерзость, что будто он знает Бога так же, как самого себя. Пусть же слышит, что не знает он движения и стремления ветра, — как же, преступный, дерзаешь присвоить себе знание сущности Божией?

(9–12) *Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?* — Никодим еще остается с иудейской немощью, потому опять спрашивает: *Как это может быть?* Посему и Господь, показывая ему, что он спрашивает так от простоты, говорит: «*Ты, учитель Израилев*, если вспомнишь славные чудеса, совершенные в Ветхом Завете, начиная от сотворения человека и далее: как он сотворен (см.: Быт 2, 7 и 21–22), как жена создана из ребра Адама, как совершились знамения в Египте, как в Чермном море (см.: Исх гл. 7–9 и 14), как неплодные рождали (см.: 1 Цар гл. 1) и т. п., — если сообразишь это, как учитель Израилев, то поверишь и тому, что Я теперь говорю. Притом Я говорю о том, что знаю и что видел, то есть знаю до точности». Ибо словом *видели* Он обозначает не телесное зрение, но знание самое точное. Но *вы свидетельства Нашего*, то есть Моего, *не принимаете*. Господь говорит это не одному Никодиму, но простирает к целому роду иудеев, до конца оставшихся в неверии.

Если Я сказал вам о земном, и вы не верите. — То есть если Я сказал вам о возрождении, совершающемся в крещении, и вы не приняли слов Моих, но спросили: «Как?» (называет сие рождение земным, потому что оно совершается на земле в благодеяние людям, живущим на земле; хотя оно по благодати и достоинству небесное, но мы крещаемся, будучи на земле), — итак, если Я сказал о земном рождении и нашел вас неверующими, то как вы поверите, если услышите о неизреченном рождении небесном, каким Единородный Сын родился от Отца? Некоторые же под земным разумели пример ветра, так что речь представляется в таком смысле: если Я представил вам пример из предметов земных, и вы им не убедились, то как можете учиться предметам более возвышенным?

(13) **Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах.** — И это, по-видимому, не имеет ничего общего с предыдущим. Но если кто внимательно всмотрится в мысль Господа, то окажется, что и это близко к предыдущему. Поскольку Никодим называл Господа учителем и пророком, то Он как бы говорит: «Не считай Меня за пророка, сущего от земли, посланного Богом учить, но считай Меня сшедшим свыше, как Сына, а не от земли сущим. **Никто** из пророков не

восходил на небо, а только Я один имею взойти, как и нисшел».

Услышав, что **Сын Человеческий** сшел с небес, не думай, что с неба сошла плоть. Действительно, Аполлинарий так думал, что Христос, имея тело с неба, прошел через Деву, как через канал. Но поскольку Христос, состоящий из двух естеств, был одна ипостась или одно лицо, то названия человека прилагаются к Слову и, наоборот, названия Слова — к человеку. Так и здесь говорится, что с неба сошел **Сын Человеческий**, потому что Он одно лицо и одна ипостась. Потом, чтобы ты, услышав сшедший, не подумал, что сшедший уже не находится на небе, говорит: **сущий на небесах**. Итак, услышав, что сошел, не подумай, что Я не нахожусь там, но Я и здесь присутствую телесно, и там восседаю с Отцом по Божеству.

(14–15) **И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.** — Сказав прежде о возрождении через крещение, говорит потом уже и о благодеении, совершенном для нас через крест, ибо крест и смерть — причина благодати, подаваемой нам через крещение, так как крещением изображается смерть Господня. Не говорит прямо: «Я буду распят», — но напоминает о змии

и о древней истории (см.: Чис 21, 5—9) и таким образом, с одной стороны, научает нас, что древнее сродно с новым; и что один и тот же законоположник Ветхого и Нового Заветов, хотя Маркион, Манес и остальное собрание подобных еретиков отвергают Ветхий Завет, говоря, что он есть законоположение злого демиурга (художника); с другой стороны, научает, что если иудеи избегали смерти через взгляд на медное изображение змия, то тем более мы избежим смерти душевной, взирая на Распятого и веруя в Него. Сличи образ с истиной. Там подобие змия, имеющее вид змия, но не имеющее яда, а здесь Господь — человек, но свободный от яда греха, пришедший в подобии плоти греха, то есть в подобии плоти, подлежащей греху, но Сам не есть плоть греха. Тогда взирающие избегали телесной смерти, а мы избегаем духовной. Тогда повешенный исцелял от ужаления змей, а ныне Христос исцеляет язвы от дракона мысленного.

Когда слышишь *должно вознесenu быть*, понимай как «быть повешенным». Ибо Он повешен был на высоте, чтобы Освятившему землю хождением по ней освятить и воздух. «Вознестись» понимай и как «быть прославленным». Ибо крест стал воистину высотой и славой Христа. В чем Он казался осужденным, тем осудил князя мира сего. Объясню несколько. Адам умер

по справедливости, потому что согрешил. Господь умер не по долгу справедливости, потому что не согрешил. До распятия Господа смерть справедливо властвовала над людьми. А так как Господь оказался безгрешным, то что мог диавол найти в Нем заслуживающего смерти? А так как Он был умерщвлен несправедливо, то победил умертвившего Его и таким образом освободил и Адама от смерти, справедливо причиненной ему как согрешившему. И иначе. Два предмета господствовали над родом человеческим: удовольствие и скорбь. Господь, пройдя через то и другое, оказался непобедим. Искушитель сначала приступал к Нему на горе с предложением удовольствия (см.: Мф 4, 3, 6 и 9), но, найдя Его непобедимым через это, употребил великую хитрость — навел скорбь, чтобы, по крайней мере, через нее овладеть Им, и для сего восставил против Него всё: отречение учеников, насмешки воинов, хулу мимопроходящих, смерть от иудеев, но и при этом нашел Его непобедимым. Ибо скорбь на кресте не могла возбудить в Господе ненависть к распинателям, но Он продолжал любить их и молился за них, говоря: «Отче! Не поставь им греха сего» (см.: Лк 23, 34). Видишь, как Он победил тем, чем, как казалось, был побежден. Таким образом, крест стал и возвышением Его, и славой.

(16–17) *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него.* — Любовь Бога к миру велика и до того простерлась, что Он *отдал* не Ангела, не пророка, но *Сына Своего*, и притом *Единородного* (см.: 1 Ин 4, 9). Если бы Он отдал и Ангела, то и это дело было бы немалым. Почему? Потому что Ангел верный и покорный Его слугитель, а мы — враги и отступники. Теперь же, когда отдал Сына, какое превосходство Он любви показал! Опять же, если бы Он имел много сыновей и отдал одного, то и это было бы очень великое дело. А теперь Он *отдал Единородного*. Можно ли достойно воспеть Его благость? Ариане говорят, что Единородным Сын называется потому, что Он один только произведен и сотворен Богом, а всё прочее уже Им сотворено. Ответ им простой. Если бы Он назван был Единородным без слова Сын, то ваша тонкая выдумка имела бы основание. Но теперь, когда Он называется Единородным и Сыном, слово Единородный нельзя понимать так, как вы, но так, что Он один только рожден от Отца. Заметь, прошу тебя, что как Он сказал выше, Сын Человеческий сошел с неба, хотя плоть не сошла с неба, но принадлежащее Богу приложил к человеку

по причине единства лица и единства ипостаси, так и здесь опять принадлежащее человеку прилагает к Богу Слову.

Отдал, говорит, **Сына Своего** на смерть. Хотя Бог пребыл бесстрастен, но поскольку по ипостаси один и тот же был и Бог Слово, и Человек, подлежащий страданиям, то и говорится, что на смерть отдается Сын, Который действительно и страдал в собственной плоти. Какая польза от того, что отдан Сын? Великая и недомыслимая для человека — та, чтобы *всякий верующий в Него* получил два блага: одно — чтобы *не погиб*, а другое — чтобы *имел жизнь*, и притом *вечную*. Ветхий Завет тем, которые в нем благоугождали Богу, обещал долголетнюю жизнь, а Евангелие награждает таких жизнью не временной, но вечной и неразрушимой.

Поскольку есть два Пришествия Христова — одно уже бывшее, а другое будущее, — то о Первом Пришествии говорит, что Сын не послан, *чтобы судить мир*. Если бы Он для сего пришел, то все были бы осуждены, потому как все согрешили, как и Павел говорит (см.: Рим 3, 23). Но Он преимущественно для того пришел, чтобы спасти мир. Такова была цель у Него. Но на деле вышло, что осуждены те, которые не уверовали. Моисеев закон пришел преимущественно для обличения греха (см.: Рим 3, 20) и осуждения

преступников, ибо он никому не прощал, но как находил согрешающего в чем-нибудь, в то же время налагал и наказание. Итак, Первое Пришествие не имело целью судить, кроме тех, которые на деле не уверовали, ибо они уже осуждены, а Второе Пришествие будет решительно для того, чтобы судить всех и воздать каждому по делам его.

(18–21) *Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.* — Что значит, что верующий в Сына *не судится*? Неужели *не судится*, если жизнь его нечиста? Весьма судится, таких и Павел не называет искренно верующими. Показывают, говорит, что они *знают Бога, а делами отрекаются* от Него (Тит 1, 16). Впрочем, здесь говорится о том, что *не судится* по тому самому, что уверовал; хотя в злых делах и отдаст самый строгий отчет, но за неверие не наказывается, потому что за один раз уверовал.

А неверующий уже осужден. — Как? Во-первых, потому, что и самое неверие есть осуждение, ибо быть вне света — одно только это — величайшее наказание. Потом, хотя здесь он прямо не отдается еще в геенну, но здесь соединяется всё, что доводит до будущего наказания; подобно тому как и убийца, хотя бы не был приговорен к наказанию приговором судьи, осужден сущностью дела. И Адам умер в тот же день, в который вкусил от запрещенного дерева, — хотя он был жив, но по приговору и по существу дела был мертв. Итак, всякий неверующий уже здесь осужден как несомненно подлежащий наказанию и не имеющий прийти на суд, по сказанному: *не воскреснут нечестивии на суд* (Пс 1, 5). Ибо от нечестивых не потребуется отчет, как и от диавола: они имеют прийти не на суд, а на осуждение. Так и в Евангелии Господь говорит, что уже *князь мира сего осужден* (Ин 16, 11) как потому, что сам не уверовал, так и потому, что Иуду сделал предателем и прочим приготовил гибель. Если же в притчах (см.: Мф 23, 14—32; Лк 19, 11—27). Господь и подлежащих наказанию выводит дающими отчет, то не удивляйся, во-первых, потому что говоримое есть притча, а притчи не нужно воспринимать, как законы и правила, ибо в тот день каждый, имея непогрешимого судью в совести, не потребует другого обличения, но пойдет связанный сам от себя;

во-вторых, потому что Господь выводит дающими отчет не неверующих, а верующих, но несострада-тельных и немилостивых. Мы же говорим о нече-стивых и неверующих; а иное — нечестивый и не-верующий, и иное — немилосердый и грешный.

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир. — Здесь неверующих показывает лишенны-ми всякого оправдания. В том, говорит, состоит суд, что свет пришел к ним, а они не устремились к нему. Не тем только они согрешили, что сами не искали света, но, что всего хуже, тем, что он пришел к ним, и они, однако же, не приняли. Посему-то они и осуждены. Если бы свет не при-шел, то люди могли бы сослаться на незнание до-бра. А когда Бог Слово пришел и преподал Свое учение, чтобы просветить их, и они не приняли, тогда они уже лишились всякого оправдания. Чтобы кто-нибудь не сказал, что никто не пред-почтет тьму свету, Господь выставляет и причи-ну, по которой люди обратились к тьме: ***«Пото-му что дела их были злы.*** Так как христианство требует не только правого образа мыслей, но и жизни честной, а они пожелали валяться в гря-зи греха, то посему делающие худые дела не по-желали идти к свету христианства и подчиниться Моим законам».

А поступающий по правде, то есть ведущий жизнь честную и богоугодную, стремится к хри-

стианству, как к свету, чтобы еще более преуспеть в добре и **дабы явны были дела его** по Боге. Ибо таковой, правильно веруя и проводя честную жизнь, светит всем людям, и Бог прославляется в нем. Посему причиной неверия язычников была нечистота их жизни. Иной скажет: что же, разве нет христиан порочных и язычников добродетельных по жизни? Что есть христиане порочные, я и сам это скажу; но чтобы нашлись язычники добрые — этого не могу сказать решительно. Некоторые могут оказаться от природы кроткими и добрыми, но это не добродетель, а добрыми от подвига и упражнения в добре — никто. Если же некоторые казались добрыми, то всё делали из-за славы; делающий же для славы, а не для самого добра с охотой предастся злему пожеланию, когда найдет к тому случай. Ибо если у нас и угроза геенной, и всякое иное, и примеры бесчисленных святых едва удерживают людей в добродетели, то бредни и гнусности язычников тем менее удержат их в добре. Велико и то, если они не сделают их совершенно злыми.

(22–24) После сего пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил. А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили туда и крестились, ибо Иоанн еще не был заключен в темницу. — Доколе

продолжался праздник Пасхи, Иисус был в Иерусалиме. Когда он прошел, Иисус вышел оттуда *в землю Иудейскую* и жил близ Иордана, куда многие сходились. Он искал многолюдных мест не для пустой чести или славы, но потому, что желал большему числу людей доставить пользу и благо. Когда Он восходил и на праздники, то ходил для этого же самого — чтобы большему числу людей доставить пользу и учением, и явлением чудес.

Слыша, что Он *крестил*, не подумай, что Он Сам крестил, — крестили ученики Его, а дело учеников евангелист относит к Учителю. Далее сей же самый евангелист говорит, что *Сам Иисус не крестил, а ученики Его* (Ин 4, 2). Спросишь ли, почему Он Сам не крестил? Узнай. Иоанн прежде сказал, что Он *будет крестить вас Духом Святым* (Мф 3, 11). А Духа Святого Он еще не давал, потому что было еще не время. Итак, если бы Он крестил, то крестил бы или без Духа (и чем бы тогда разнился от Иоанна?), или давал бы Духа прежде времени, а это недостойно Бога, делающего всё в свое время. Когда же было время дать Духа? Время после вознесения, ибо нашему естеству во Христе Иисусе нужно было явиться к Отцу безгрешным, и тогда, по примирении, таким образом, Бога с нами, нужно быть ниспослану Духу, как богатому и щедрому дару. Итак, уче-

ники Иисусовы крестили, и Иоанн еще крестил и не переставал, разом исполняя два дела: одно — то, что приходящим к нему говорил о Христе и приводил их к Нему, другое — то, что ученикам своим не давал повода к ревности и большим спорам. Если бы он перестал крестить, чего бы не сделали ученики его при завистливом расположении ко Христу? Если Иоанн, весьма часто взывая и всегда уступая первенство Христу, не убедил их обратиться к Нему, то какую бы зависть возбудил в них, когда бы перестал крестить? Посему и проповедовать Христос особенно начал тогда, когда Иоанн был заключен, по причине зависти учеников Крестителя. Я думаю, что и кончина Иоанна допущена была весьма скоро для того, чтобы всё расположение народа перешло ко Христу и чтобы народ не разделялся в мыслях о том и другом — об Иоанне и о Христе. Ученики Христовы крестят крещением, не имеющим ничего большего перед крещением Иоанновым, ибо то и другое несовершенно как непричастное Духа, хотя цель обоих одна — крещаемых привести ко Христу.

(25–27) Тогда у Иоанновых учеников произошел спор с Иудеями об очищении. И пришли к Иоанну и сказали ему: равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором Ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут

к Нему. Иоанн сказал в ответ: не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба. — При споре учеников Иоанновых с одним иудеем зашел разговор о крещении. Иудей ставил выше крещение учеников Христовых, а ученики Иоанновы — крещение учителя своего. Заспорившие об очищении, то есть крещении, приходят к учителю своему и начинают его подстрекать, говоря, что *Тот, Который был с тобою*, Который имел степень ученика, отделился и *крестит; Тот, о Котором ты свидетельствовал*, то есть Которого ты крестил, Которого ты сделал известным, осмеливается делать то же, что ты; сверх сего, некоторые не внимают тебе, а Ему внимают все, ибо, говорят, *все идут к Нему*, а тебя оставляют. Иоанн, желая утешить их и показать, что они, препятствуя Христу и отстраняя Его от славы, враждуют против Бога, говорит: *Не может человек ничего принимать на себя* — и прибавляет: *если не будет дано ему с неба*, — то есть если бы не дано было с неба, не возрастал бы Тот, Которому вы завидуете. Посему вы за один раз согрешаете дважды: раз — тем, что противитесь определению Божию, а другой — тем, что предпринимаете невозможное. Вместе с этим он их и успокаивает несколько: побеждающий их не человек, но Бог. Да и мы, говорит, что имели, то имели не от себя, а с не-

ба. Если же дела Христовы славнее, то не нужно удивляться, ибо так угодно Богу.

(28–30) *Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться.* — Вы, говорит, сами знаете, что я свидетельствовал о Нем, что Он больше меня. Итак, если вполне принимаете мое свидетельство, то знайте, что Он досточтимее меня и *радость моя* состоит в том, чтобы все приходила к Нему. Если бы к Этому Жениху не приходила невеста, то есть народ, тогда я, невестоводец, скорбел бы; теперь же, когда это случилось, я весьма радуюсь, ибо вижу, что Жених, Христос, взывает к невесте, народу, и учит его.

Не без цели сказал *стоящий*, но этим показывает, что его дело кончено и он стоит уже без действия, что ему наконец нужно стоять и только слушать учение Христа и беседу Его с невестой. Мое, говорит, дело окончено, и я передал народ Ему. Посему моей славе нужно *умяляться*, а Его — *расти*. Как же умяляется слава Предтечи? Как утренняя заря закрывается солнцем и кажется многим, что свет ее угас, хотя на самом деле не угас, а закрывается большим, так,

без сомнения, и денница Предтеча покрывается мысленным Солнцем, и потому говорится, что он умаляется. Христос же растет, потому что в короткое время делает Себя известным через чудеса. Не растет Он по мере успеха в добродетели. Прочь такая мысль! Она — пустословие Нестория. Но растет по мере проявления и обнаружения Божества, ибо мало-помалу, а не вдруг Он объявляет, что Он есть Бог.

Радость моя, говорит, исполнилась при Женихе. Дело, которое вверено мне как невестоводцу, я вижу, получило успех. Господь есть Жених всякой души; брачная комната, в которой бывает соединение, есть место крещения, то есть Церковь; дает Он невесте залог — прощение грехов, общение Духа Святого, а остальное — в будущем веке, когда Он достойных введет в лучшие и высшие таинства. Заметь, что Жених есть не другой кто, как только один Христос; все же учителя суть невестоводцы, как и Предтеча, ибо податель благ есть не кто другой, только Господь — все прочие суть посредники и служители благ, поданных от Господа.

(31-34) Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли; Приходящий с небес есть выше всех, и что Он видел и слышал, о том и свидетельствует; и никто не прини-

мает свидетельства Его. Принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен, ибо Тот, Которого послал Бог, говорит слова Божию; ибо не мерою дает Бог Духа. — Предтеча сравнивает себя с Христом и говорит, что Он приходит *свыше*, от Отца, *и есть выше всех*, превосходит всех и сохраняет превосходство Отчее, а я, *сущий от земли*, говорю земное, несовершенное и уничиженное в сравнении с учением Христовым. Хотя и учение самого Предтечи было Божественно, но в сравнении с учением Христовым оно имеет много земного. Христос говорит, что *видел и слышал*, то есть Он говорит *о том и свидетельствует*, что слышал от Отца и что видел, то есть что знает до точности. Но *никто не принимает свидетельства Его* из тех, которые не внимают истине. А кто принял свидетельство, то есть учение Его, тот *запечатлел*, показал, подтвердил, *что Бог истинен*. Ибо кто верует посланному от Бога, тот верует Богу, и этим он запечатлевает и доказывает, что поверил Ему, потому что Он истинен. И наоборот: кто не верует посланному от Бога, тот показывает, что Он лжив, и потому-то не поверил Ему, что Он лжив (см.: Рим 1, 25; 1 Ин 5, 10). Посему кто верует Христу, тот уже тем самым, что поверил посланному от Бога, показывает, что Бог истинен. Ибо, очевидно, он поверил Ему потому, что Он истинен.

И справедливо. Ибо все прочие, говорит, получили силу Духа мерою, а Самому Христу Он не мерою дал одну какую-нибудь или две силы, но Он существенно имеет всецелого Духа. Итак, пророкам Бог дает Духа, то есть силу Духа, но дает мерою, а Христу не дает ни мерою, ни без меры, ибо Христос имеет Его существенно. Когда слышишь, что Христос говорит то, что слышал от Отца, не думай, что Он имеет нужду учиться знанию от Отца, но поскольку всё, что знает Сын по естеству, Он имеет от Отца как Единосущный с Ним, то и говорится, что Он слышал от Отца то, что знает. Это подобно тому, как ты, увидев сына, во всем похожего на отца, говоришь, что он всё имеет от отца, то есть не похож ни на кого другого, кроме отца. Слыша, что Он послан, понимай так, что Он послан от Отца, как луч от солнца. Не говорим ли мы так, что солнце послало лучи или солнце пустило свет, то есть послало на землю? Однако мы не говорим, что луч иной сущности или позднее солнца. Так и Сын послан в мир от мысленного Солнца и Отца, как отблеск, как луч, как свет, — как угодно назови Его, насколько то соответственно. Здесь время сказать, коль уж зашла речь, о том, как Сын имеет Духа и в каком смысле Дух называется Сыновним. Апостол говорит: *Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!»* (Гал 4, 6), — и в другом месте:

Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его (Рим 8, 9). Латины, худо принимая и понимая слова эти, говорят, что Дух исходит от Сына. Мы скажем им, во-первых, что иное — быть от кого-нибудь и иное — чьим-нибудь. Что Дух есть Дух Сына, не подлежит сомнению, подтверждается всем Писанием, но о том, что Он от Сына, не свидетельствует никакое Писание, дабы мы не ввели двух виновников Духа — Отца и Сына. Иные смущаются, что Он дунул на учеников и сказал: *Примите Духа Святаго* (Ин 20, 22). Какое ложное понимание! Если бы Он дал Духа ученикам тогда, когда дунул на них, то как Он говорил им: *Через несколько дней после сего... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый* (Деян 1, 5 и 8)? Или зачем мы веруем, что в Пятидесятницу было нисшествие Духа, если Он дал Его вечером в канун дня воскресения Своего, ибо тогда еще Он дунул? Но это очень смешно. Очевидно, Он дал им тогда не Духа Святого, но одно из дарований Духа — прощение грехов. Ибо тотчас прибавляет: *Кому простите грехи* (Ин 20, 23). А Сын имеет Духа существенно, как Единосущный Ему, а не как приводимый Им в действие, ибо в действие приводятся пророки. Называется же Духом Сыновним потому, что Сын есть и истина, и сила, и премудрость, а Дух Святый описывается Исаией как Дух истины, и силы, и премудрости (см.: Ис 11, 2).

Сыновним и в ином смысле называется — в том именно, что людям подается он через Сына. Ты веруй, что Дух исходит от Отца, а подается твари через Сына, и это будет правилом Православия.

(35–36) Отец любит Сына и все дал в руку Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем. — Сказав высокое о Христе, теперь опять возвещает смиренное, чтобы сделать слово удобоприемлемым для слушателей. Посему говорит, что **Отец любит Сына**, как бы беседуя о каком-нибудь необычайном человеке, и что **все дал в руку Его** — по человечеству. Если и по Божеству, то что же? Отец всё дал Сыну по естеству, а не по благодати. Так как Он имеет бытие от Отца, то естественно говорится, что Он и всё от Отца имеет. Итак, Сын имеет всё, что на небе и что на земле, ибо господствует над всеми, хотя и не все желают того. Когда во Второе Пришествие поклонится пред Ним всякое колено, Он получит полное господство над всеми, когда злоба не будет уже иметь силы, но, оставаясь бездейственной, покажет, что природа добра от начала, добро присуще всем и содержит всё.

Верующий в Сына имеет жизнь вечную в себе, то есть Самого Христа, Который есть истинне жизнь (см.: Ин 14, 6), ибо *мы Им живем и движемся* (Деян 17, 28), **а не верующий... не увидит**

жизни, ибо кто произвольно отступился от жизни, как будет иметь ее, когда жизнь есть Христос? Ибо и апостол Павел говорит, что *когда... явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы*, став мертвыми для зла и неподвижными, *явитесь с Ним во славе* (Кол 3, 4).

Но гнев Божий пребывает на нем. — Не сказал, что оставит его, но — **пребывает на нем**, показывая, что никогда не отступит от него. Дабы ты, услышав о смерти, не принял ее за временную, говорит, что гнев пребудет на нем — на том, кто не уверовал, и наказание будет вечно. Этими словами Креститель приводит и побуждает всех слушателей к вере во Христа, ибо не без цели говорит это, но и своих учеников, и всех прочих вразумляет уже не завидовать Христу, но внимать как Богу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

(1-4) **К**огда же узнал Иисус о дошедшем до фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн, — хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его, — то оставил Иудею и пошел опять в Галилею. Надлежало же Ему проходить через Самарию. — Человеколюбец, однажды воплотившись для нас, всё делает для нашей пользы. Так и теперь, узнав, что фарисеи слышали о Его славе, и зная, что они позавидуют Ему и восстанут против Него, удаляется *в Галилею*, научая нас двум предметам: во-первых, щадить врагов и всячески стараться не давать им повода к соблазну или зависти; во-вторых, неразумно и без пользы не подвергаться искушениям, но удаляться на время, пока ярость укротится. Хотя Он силен остановить Своих завистников, если бы они и устремились на Него, однако же уклоняется, дабы дело воплощения не показалось призрачным. Ибо если бы Он постоянно удалялся из среды их, то чего бы не сказали еретики, то есть Манес, Валентин, проклятый Евтихий и ученики их? Евангелист, намекая на клевету завистников, говорит, что хотя Иисус не крестил, однако же завистники, желая подстрекнуть фарисеев против Христа, клеветали, что Он крестил.

Надлежало же Ему проходить через Самарию. — Он заходит к самарянам как бы между делом. Смотри: не сказал, что надлежало пойти в Самарию, но — **проходить через Самарию**. Он хотел отнять у иудеев всякий предлог к обвинению, дабы они не могли сказать, что Он, оставив их, перешел к нечистым — язычникам. Ибо когда изгоняли Его, тогда Он переходил к язычникам, и то не нарочито, а между делом.

(5-6) Итак, приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. — Стоит сказать, откуда произошли самаряне и от чего получили они такое название. На горе Семерон Амврием был выстроен город и назван Самария (см.: 3 Цар 16, 23—24). Живущие в городе первоначально назывались не самарянами, а израильтянами. Но за оскорбления Бога они в разные времена были предаваемы ассириянам. Наконец, когда они вознамерились отпасть, ассириянин взял их в плен и, опасаясь нового отступничества, не попустил им долее оставаться в их стране, но расселил их между вавилонянами и мидянами, а оттуда привел из разных мест народы и поселил в Самарии. После сего Бог, желая показать варварам, что Он предал им иудеев не по бессилию Своему, но за грехи их, на переселившихся в Самарию варваров

напустил львов, которые истребляли их всех вообще. Когда об этом довели до сведения царя, он призывает к себе некоторых старцев иудейских, бывших в плену, и спрашивает, что бы нужно сделать, дабы львы более не губили варваров, живущих в Самарии. Они объясняют ему, что Бог Израилев призрел на то место и не терпит, чтобы там жили не знающие законов Его. Посему если он заботится о тамошних варварах, то нужно послать иудейских священников, которые бы преподали варварам законы Божии, и таким образом Бог умиловится. Царь слушает их и посылает одного священника, чтобы он преподавал самарийским варварам закон Божий (см.: 4 Цар 17, 24—28). Но они приняли не все Божественные книги, а только пять Моисеевых: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Не отстали они совершенно и от нечестия, только по временам уклонялись от идолов и почитали Бога. Посему по возвращении из плена иудеи всегда относились к ним с ненавистью, как к ассириянам по происхождению, и по имени горы называли их самарянами. А сами себя они называли потомками Авраама и Иакова, потому что Авраам был халдей, а Иакова считали своим по причине находившегося тут источника. Иудеи же считали со всеми язычниками и самарян нечистыми, почему в укоризну Господу и говорили: *Ты Самарянин* (Ин 8, 48). И Сам Он

говорил ученикам: *В город Самарянский не входите* (Мф 10, 5).

107

Колодезь Иаковлев. — Для чего евангелист подробно говорит о местечке и колодезе Иакова? Во-первых, для того, чтобы ты не изумлялся, когда услышишь, что женщина говорит: «Отец наш Иаков дал нам этот колодезь» (см.: Ин 4, 12), — ибо местечко это было Сихем, где сыновья Иакова Симеон и Левий произвели жестокое убийство за то, что сестре их Дине было причинено насилие князем Сихемом (см.: Быт гл. 34). После того как сыновья Иакова, погубив сихемлян, опустошили город, Сихем был передан отцом в наследство Иосифу. Потом из того, что евангелист передает нам о местечке и колодезе, мы узнаем, что отвержение иудеев издавна было за их грехи, и когда они оскорбляли Бога, язычники овладевали их местами, и что они нечестием погубляли то, что патриархи приобрели верой во Христа. Поэтому нисколько не ново, если и ныне язычники введены в Царство Небесное вместо иудеев.

(6–8) Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. — Евангелист, говоря, что Господь утомился в дороге, *от пути*, показывает нам скромность и умеренность

Его, ибо Господь для путешествия не употреблял подъяремных животных, но ходил пешком, научая и нас не требовать многого. Показывает и то, что Он совершал путь, прилагая усилие, а не беспечно, откуда и мы научаемся совершать дело Божие с усилием и старанием.

Слово *сел* означает, что Он сел просто и как случилось, не на престоле, а совершенно просто, успокаивая прямо на земле тело и освежая его при колодезе. Потом вводит и другую причину тому, что Он *сел у колодезя*, — то, что был полдень: *было*, говорит, *около шестого часа*. Примечай, пожалуй, точность евангелиста. Он не сказал утвердительно, что был шестой час, но, чтобы не погрешить против истины, сказал *было около шестого часа*, сообщая достоверность своему слову. И еще, чтобы кто-нибудь не стал обвинять Господа в том, что Он, заповедав ученикам Своим не ходить к язычникам, Сам приходит к самарянам для того, говорит, что сидение на сем месте было по причине усталости и что для разговора с женщиной был повод, имевший достаточную причину, — жажду. Так как вследствие человеческой природы Он жаждал, то нуждался и в питии. Когда же Он просит пить, с Ним вступает в беседу женщина с душой пытливой. Что же нужно было делать? Ужели отвергнуть женщину, столь любознательную и жаждущую выслушать разъясне-

ние своих недоумений? Но это отнюдь не свойственно человеколюбию Божию.

Примечай и здесь скромность Господа. Он один остается при дороге, когда *ученики отлучились в город купить пищи*. Нужды чрева они считали до того второстепенными, что тогда, когда почти все отобедали и отдыхали, они только еще покупают пищу, то есть одного только хлеба, дабы и мы научились не заботиться о разнообразии яств.

(9–12) *Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не общаются. Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая?* — По виду и, может быть, по одежде, и манере держаться, и по самой беседе самарянка почла Господа за иудея, почему и говорит Ему: *Как ты, будучи Иудей* и так далее. Смотри, как проницательна была женщина. Если б нужно было беречься, то нужно было бы Господу, а не ей. Ибо не сказала, что самаряне не общаются с иудеями, но что *иудеи с Самарянами не общаются*. Однако женщина не останавливается на этом,

но, подумав, что Господь совершает дело противозаконное, исправляет делающееся не по закону. Христос открывает Самого Себя не прежде, как обнаружилась добродетель женщины. Когда же обнаружилась добродетель женщины, ее проницаемость и точность, тогда уже Он начинает беседовать с ней о предметах высших.

Если бы ты, говорит, знала дар Божий, то есть если бы ты знала, что дарует Бог, что Он дарует вечные и нетленные блага, если бы знала и Меня, знала, что Я, как Бог, могу дать тебе их, то ты просила бы и получила бы *воду живую*. Водю называет благодать Святого Духа, потому что она очищает приемлющих ее и сообщает им большое освежение; водой не стоячей, как бывает в ямах и колодезях, гнилой и испортившейся, но живою, то есть бьющей ключом, быстро текущей. Ибо благодать Духа делает душу всегда подвижной к добру, всегда полагающей восхождение. Такую воду, живую и всегда подвижную, пил Павел, забывающий заднее и стремящийся к переднему (см.: Флп 3, 13—14).

Женщина говорит Ему: *господин!* Видишь, как скоро отошла она от низкого мнения и воздает Ему большую честь, называя над собой господином. Однако же она не постигла глубины речей Христовых, но в ином смысле говорит о воде Он, в ином смысле понимает она.

(12-15) *Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную. Женщина говорит Ему: господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать.* — Женщина считает Иакова отцом своим и себя причисляет к иудейскому благородству. Смотри на разумность женщины, как она скоро от различия вод заключает и о различии дающих. Если, говорит, Ты дашь такую воду, без сомнения, Ты больше Иакова, который дал нам настоящую воду.

Слова *и сам из него* пил указывают на приятность воды. Патриарху, говорит, источник этот так нравился, что *и сам из него пил, и дети его*. Слова *и скот его* указывают на изобилие воды. Вода сия, говорит, не только приятна — так приятна, что Иаков пил ее, но и обильна — так обильна, что ее доставало для множества скота.

Когда женщина сказала: *Неужели ты больше отца нашего*, — то Господь, хоть Он и не говорит прямо: «Я подлинно больше», — дабы, не

представив еще доказательств Своей силы, не показаться тщеславным, но готовится к этому словами: «Кто пьет воду сию, тот опять возжаждет, а кто пьет Мою воду, тот не будет жаждать». То есть: «Если ты удивляешься Иакову, который дал воду сию, то тем более должна удивляться Мне, Который дает воду гораздо лучшую, ибо вода, которую Я даю, **сделается источником воды**, постоянно и непрерывно умножающейся, ибо святые не то только сохраняют до конца, что получают от Бога, но через благодать принимают семена и начатки добра и сами приумножают их и возвращают». На это указывает Господь притчей о талантах и о содержателе гостиницы. *Получивший два таланта через оборот в дело приобрел другие два* (Мф 25, 17). И содержателю гостиницы, принявшему израненного разбойниками, Господь обещает, что если тот издержит что из своего, Он отдаст ему (см.: Лк 10, 35). И здесь на это указывает Господь: «Я даю жаждущему воду, но вода, которую Я даю, не остается в той же мере, а умножается и делается источником». Так, в оглашениях Анании Господь дал Павлу немного воды (см.: Деян 9, 17), но эту малую воду учения Ананиина Павел показал источником, так что потоки этого источника *от Иерусалима достигли до Илирика* (Рим 15, 19).

Какое же при этом является расположение в женщине? Хотя еще не высокое, ибо она думает, что речь идет о воде чувственной, однако она обнаруживает и некоторое движение вперед. Прежде она недоумевала и говорила: «Откуда у Тебя вода живая», — а теперь, приняв то слово за несомненное, говорит: *Дай мне этой воды*. Посему она кажется понятливее Никодима. Тот, выслушав весьма много подобного, говорил: *Как это может быть?* (Ин 3, 9) А она начинает уже пренебрегать и источником Иакова. Если, говорит, Ты имеешь такую воду, то дай мне, и я не стану уже *приходить* сюда черпать. Видишь, как она Господа ставит уже выше Иакова.

(16–22) *Иисус говорит ей: пойдй, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы*

знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. — Видя, что женщина настаивает на получении воды, а Его побуждает дать ей воду, Господь говорит: *Пойди, позови мужа твоего*, — как бы показывая, что и муж ее должен с ней участвовать в сем даре. Женщина, чтобы скорее скрыть и вместе получить, говорит: *У меня нет мужа.*

У тебя было пять мужей. — Теперь-то Господь через пророческое ведение открывает Свою силу, перечисляет прежних ее мужей и обнаруживает того, которого она теперь скрывает. Некоторые под пятью мужами самарянки разумели пять Моисеевых книг, которые только принимала самарянка. *Тот*, говорит Господь, *которого ныне имеешь*, то есть учение Мое, которое ныне принимаешь от Меня, *не муж тебе* (ст. 18), ибо ты, говорит, не сопряглась еще с Моим учением — Иисусовым. Иной скажет, что самарянка служит образом природы человеческой. Естество наше прежде жило на горе, обладало умом, полным Божественной благодати, ибо Адам, прежде чем согрешил, был украшен всеми Божественными дарованиями. Он был и пророком. Пробудившись от сна, он ясно высказался о создании жены и об отношении мужа к ней, ибо сказал, что это ныне *кость от костей моих* и что для сего *оставит человек отца своего и мать* (Быт 2, 23 и 24). На сей горе, высоком уме, было наше естество, но за

оскорбление Бога отведено в плен. И диавол, пленив нас, семя святое, то есть всякую Божественную мысль, отвел в Вавилон, то есть в смешение здешнего мира. Вместо святых мыслей он поселил помыслы грубые: царствующие в нас добрые помыслы пожирали львы, доколе не убедили их принять речения Божии. Но они приняли их не всецело, ибо злоба, однажды поселившись на горе нашей, то есть в уме, хотя приняла книги Моисеевы, как эта самарянка, однако же не стала всецело добра, но и еще была под проклятием. Итак, Иисус, совершив путь, то есть пройдя многие пути домостроительства и способы к нашему спасению, улучшая нашу жизнь то угрозами, то ударами бедствий, то благодеяниями, то обещаниями благ и стараясь исправить нас такими способами, утрудился. Но Он нашел и иное домостроительство, на котором, как удовлетворительном, сел и успокоился. Какое же? Источник крещения, которым Он облагодетельствовал наше естество, как бы некоторую самарянку. Сей источник крещения справедливо может быть назван источником Иакова — в сем источнике всяк попирает диавола, в нем и Господь разрушил голову дракона, которого дал еси... *брашно людем эфиопским* (Пс 73, 14), ибо драконом этим не кто иной увеселяется и питается, как люди, омраченные и черные по душе, не имеющие участия в Божественном свете.

С сим естеством нашим вступили в союз пять мужей — разные законы, данные ему от Бога: закон в раю, закон при Ное, закон при Аврааме, закон при Моисее, закон через пророков. Ибо Ной после потопа принял некоторую заповедь, а Авраам заповедь обрезания (см.: Быт 9, 1—17; 17, 1—14). Сопрягшись с сими пятью законами, естество наше впоследствии приняло и шестой закон, Нового Завета, который не имело мужем и с которым еще не сочеталось. Иной под шестым законом может разуместь закон идолослужения. Ибо сей закон не был дан естеству нашему от Бога в мужья, но оно смешалось с ним как прелюбодейка. Посему и пророк говорит: и блудодействовали *под всяким ветвистым деревом* (Иер 2, 20), — говорит, очевидно, о том, что они почитали изваяния и деревья, ибо естество наше до такого дошло безумия, что и деревьям красивым — кипарисам, яворам и подобным — приносили жертвы за их красоту. Итак, когда человек полюбил этого шестого прелюбодея и ниспал в идолослужение, тогда Господь приходит и освобождает нас от него, посему и говорит: *Тот, которого ты ныне имеешь* (ст. 18). Ибо ко времени Пришествия Христова действительно и мудрецы иудейские обратились к язычеству, как это показывает ересь фарисеев, верующих судьбе и звездочетству. Самарянка есть и всякая душа, которая неразумно подчинилась

пяти чувствам, потом приняла и ложные учения, как бы шестого прелюбодея, но которой благодетельствует Иисус или крещением, или источником слез. И слезы могут быть названы колодезем Иакова, то есть ума нашего, попирающего злобу. Воду сию пьет и сам разум, и дети его — помыслы, и скот его — неразумные части души, гнев и желания. Ибо слезы служат освежением для ума, и для помыслов, и для прочих сил души.

Не пришла ли она в досаду от слов Господа? Не оставила ли Его и не убежала ли? Нет, она еще более удивилась, еще более укрепилась и говорит: *Господи! вижу, что Ты пророк*, — и спрашивает Его о предметах Божественных, а не о житейских: таких, например, как здоровье тела или имущество. Так целомудренна и благорасположена к добродетели душа ее! О чем же спрашивает женщина?

Отцы наши поклонялись на этой горе. — Говорит это об Аврааме и его преемниках, ибо здесь (см.: Быт гл. 22) Исаак приведен им на жертвенник.

А вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме. — Видишь, как она стала выше? Незадолго перед этим она заботилась о том, чтобы не мучиться жаждой, а теперь спрашивает об учении (догматах). Посему и Христос, видя ее понятливость, хотя и не

разрешает этого недоумения (ибо оно не имело особенной важности), но открывает другую, более важную истину, которой Он не открывал ни Никодиму, ни Нафанаилу.

Наступает, говорит, *время*, когда Богу будут поклоняться ни в Иерусалиме, ни здесь. Ты стараешься доказать, что обычаи самарянские достойнее иудейских. А Я тебе говорю, что ни те, ни другие не имеют достоинства, но наступит некоторый другой порядок, который лучше обоих сих. Но и при этом Я объявляю, что иудеи достойнее самарян. Вы, говорит, кланяетесь тому, чего не знаете; а мы, иудеи, кланяемся тому, что знаем. Себя причисляет к иудеям, потому что Он говорит применительно к понятию женщины, а она разумела Его как пророка иудейского. Посему-то Он и говорит: *Мы кланяемся*. Как же самаряне не знали, чему они кланялись? Они думали, что Бог ограничивается местом. Посему когда и львы их пожирали, как выше было сказано, они через послов донесли царю ассириян, что Бог места сего не терпит их. Однако же и после того они долго продолжали служить идолам, а не Самому Богу. А иудеи были свободны от такого понятия и, хотя не все, признавали Его Богом всех.

Ибо спасение от Иудеев. — Слова эти подаю нам двоякую мысль. Или ту, что блага для вселенной произошли от иудеев, ибо знание Бога и от-

вержение идолов от них имеет начало, и все прочие учения (догматы), и сей самый род вашего поклонения самарянского, хотя неправильный, получил начало от иудеев же. Или Он спасением называет Свое Пришествие, которое было от иудеев. Можно под спасением разуметь и Самого Господа, Который по плоти был от иудеев.

(23–24) *Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.* — Хотя мы, иудеи, в образе поклонения преимуществуем перед вами, самарянами, но и образ иудейского служения напоследок окончится. И перемена произойдет не в месте только, но и в способе служения, и перемена сия очень близка и настала уже, ибо эти предметы не будут иметь значения во все времена, как изречения пророков. *Настанет, говорит, время и настало уже* — время явления Моего во плоти, *когда истинные поклонники будут поклоняться* не на одном месте, как самаряне, но на всяком месте духом, совершая поклонение не телесное только, как и Павел говорит: *Которому [Богу] служу духом моим* (Рим 1, 9), — будут совершать служение не образное, тенистое и указывающее собой на будущее, как иудеи, но служение

истинное и не имеющее никаких теней. *Ибо таких поклонников Отец ищет Себе:* как Дух — духовных, как Истина — истинных.

Истинные поклонники. — Так называет тех, которые живут по Его закону, которые не ограничивают Бога местом, как самаряне, или не чтут Его служением телесным, как иудеи, но кланяются *в духе и истине*, то есть душой, чистотой ума. Так как *Бог есть дух*, то есть бестелесен, то и *поклоняться Ему должны* бестелесно, душой. Это означается словом *в духе*, ибо душа есть дух и существо бестелесное. А так как многие, видимо, поклоняются Ему душой, но не имеют о Нем истинного понятия, например еретики, посему присовокупил: *и истине*. Ибо должно поклоняться Богу умом, но также должно иметь и истинное понятие о Нем. Иной скажет, что здесь словами *в духе и истине* намекается на две части нашего любомудрия: на деятельность и созерцание. Словом *в духе* намекается на деятельность, ибо, по словам божественного апостола, *умерщвляете дела плотские... все, водимые Духом Божиим* (Рим 8, 13—14). И еще: *ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти* (Гал 5, 17). Таким образом, словом *в духе* намекается на деятельность; словом же *истине* — на созерцание. Так и Павел понимает, когда говорит: *с опресноками чистоты*, то есть чистоты жизни или, что

то же, деятельности, *и истины* (1 Кор 5, 8), то есть созерцания, ибо созерцание занимается истиной догматического учения. И иначе: так как самаряне ограничивали Бога местом и говорили, что на этом месте должно поклоняться, а у иудеев всё совершалось в образах и тенях, то против отличия самарян употребляет слово *в духе*, так что речь имеет такой смысл: вы, самаряне, совершаете служение Богу, но местное, а истинные поклонники будут совершать не местное, потому что они будут служить *в духе*, то есть умом и душой. Не будут поклоняться под образом и тенью, как иудеи, но *в... истине*, так как иудейские обычаи и обряды будут отменены. Так как закон иудейский, понимаемый буквально, был образом и тенью, то, может быть, *в духе* употреблено для отличия от буквы, ибо в нас действует уже закон не буквы, а духа, *потому что буква убивает, а дух животворит* (2 Кор 3, 6). Для отличия от образа и тени употреблено *в... истине*.

(25–27) *Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою. В это время пришли ученики Его и удивились, что Он разговаривал с женщиною; однако ж ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею? — Откуда знала*

женщина, что *придет Мессия*, называемый *Христос*? Из Писаний Моисеевых. Ибо мы выше говорили, что самаряне приняли Пятикнижие Моисеево. Так как они приняли книги Моисеевы, то из них и знали пророчество о Христе и то, что Он — Сын Божий. Так, слова *сотворим человека* (Быт 1, 26), очевидно, сказаны Отцом Сыну; беседовавший с Авраамом был Сын (см.: Быт гл. 18); о Нем пророчески говорил Моисей: *Пророка из... братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, — Его слушайте* (Втор 18, 15). И многие другие места возвещают о Пришествии Христа. Посему-то и говорит женщина: *Знаю, что придет Мессия*. Когда, таким образом, самый ход речи требовал, Господь уже открывает самарянке Самого Себя. Если же бы Он с самого начала сказал: «Христос — это Я», — то не убедил бы женщины, да и мог показаться заносчивым и гордым. А теперь, мало-помалу заставив ее вспомнить обетование о Христе, Он уже открывает и Самого Себя. Почему же Он женщине рассказывает, что Он — Мессия, а иудеям, которые часто спрашивали: «Скажи нам, Ты ли Христос?», — Он не открывает Себя? Им Он ничего не говорил потому, что они спрашивали не для того, чтобы узнать истину, но для того, чтобы более оклеветать, а ей ясно открывает Себя потому, что она благонамеренна. Она спрашивала простодушно и с желанием

узнать истину. Это видно и из нижеследующего. Услышав откровение, она не только сама уверовала, но и других привлекла к вере, во всем являясь женщиной основательной и верующей.

В то время как оканчивался уже разговор с женщиной и наставление ее в учении, *пришли ученики... и удивились* Его смирению, по которому Он с такой снисходительностью *разговаривал с женщиною* бедной и самарянской, тогда как у всех был в славе и известности. Удивляются, однако не смеют спросить, о чем Он говорит с ней. Так они были обучены и сохраняли должное ученикам уважение к Учителю! В иных же случаях они кажутся смелыми. Например, Иоанн припадает к груди Спасителя (см.: Ин 13, 23 и 25); ученики приступают к Нему с вопросом, *кто больше в Царстве Небесном* (Мф 18, 1); сыны Зеведеевы просят, чтобы одному сесть по правую, а другому по левую сторону от Него в славе Его (см.: Мк 10, 35 и 37). В этих случаях они спрашивают о том, что их самих касалось и что представлялось им тогда необходимым. А так как здесь вопрос не занимал их самих так много и не был совершенно необходим, то они и не употребляют смелости как неблаговременной.

(28–30) *Тогда женщина оставила водонос свой, и пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал*

мне всё, что я сделала: не Он ли Христос? Они вышли из города и пошли к Нему. — От слов Господа сердце женщины так возгорелось, что она и водонос свой оставила. Так скоро она воду Христову предпочла колодезю Иакова и верой, объявшей ее сердце, возводится в звание апостола, учит и привлекает целый город. *Пойдите, говорит, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала.* Поистине душа, воспламененная Божественным огнем, не смотрит ни на что земное — ни на стыд, ни на бесчестье. Вот и она не стыдится обнаруживать свои дела, но говорит: *Который сказал мне все, что я сделала.* Она могла бы сказать и иначе: «Пойдите, посмотрите пророка, который пророчествует». Но не говорит так, а пренебрегает мнением о самой себе и имеет в виду только одно — проповедать истину.

Не говорит утвердительно, что Он — Христос, но — *не Он ли Христос?* Говорит для того, чтобы их самих привести к одинаковому с собой мнению и сделать слово более удобоприемлемым. Ибо если бы она утверждала, что Он — Христос, то некоторые, быть может, не согласились бы, не приняли бы мнение ее, как женщины отверженной.

(31–34) *Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь. Но Он сказал им: у Меня*

есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть? Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его. — Ученики спрашивали, то есть просили Господа есть, не по безрассудству, но по сильной любви к Учителю, ибо видели, что Он утрудился от пути и от палящего жара. А Господь, зная, что самарянка привлечет к Нему почти весь город и что самаряне уверуют в Него, говорит, что *у Меня есть* чем напиться — спасение людей, ибо спасения сего Я так желаю, как никто из вас не желает чувственной пищи. Пищи, которую Я имею есть, вы, ученики Мои, не знаете. Вы еще плотяны и не можете понимать того, что Я говорю прикровенно, а потому не знаете, что пищей Я называю спасение людей. И иначе: *вы не знаете* сей пищи, ибо не знаете, что самаряне уверуют в Меня и спасутся. Хотя они и не спрашивали, Он объясняет сказанное прикровенно и говорит: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня* (ибо спасение людей — воля Божия) *и совершить дело Его.* Пророки и закон не могли совершить дело Божие, потому что, являя собой образы и тени будущих благ, сами были несовершенны, а Господь совершил дело Божие, то есть наше спасение и обновление. Под делом

Божиим разумей, пожалуй, человека, которого усовершенствовал один только Сын Божий, так как Он в Себе Самом явил естество наше безгрешным и через Божественную жизнь во плоти усовершенствованным во всяком добром деле, показал оное совершенным и до конца победил мир. И закон есть дело Божие, так как написан *перстом Божиим* (Втор 9, 10). Господь совершил этот закон, *потому что конец закона — Христос* (Рим 10, 4). Он прекратил всё совершавшееся в законе и от телесного служения возвел к духовному. Господь часто говорит прикровенно, чтобы слушателей сделать внимательнее, возбудить их к исследованию и познанию того, что говорится приокровенно. Называя спасение людей пищей, Господь научает учеников, чтобы и они, когда будут рукоположены в учителя вселенной, не заботились много о телесной пище, а всё усердие прилагали к спасению людей. Заметь и то, что Господь принимал яства, когда кто-нибудь приносил их. Ибо ученики говорят: *разве кто принес Ему есть?* Делал это Господь не потому, будто нуждался в услужении других, ибо Сам *дает пищу всякой плоти* (Пс 135, 25), но для того, чтобы приносящие имели награду и привыкали питать других и чтобы показать всем людям, что не нужно стыдиться бедности и тяготиться в случае получения питания от других. Учителям же

свойственно и даже необходимо заботы о пище возлагать на других для того, чтобы самим, не отвлекаясь, совершать служение Слова. Посему Он заповедал ученикам питаться за счет наставляемых ими (см. Лк 10, 7).

(35–38) Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их. — Господь начинает теперь яснее раскрывать ученикам то, что прежде говорил прикровенно. Он как бы говорит: «Вы говорите, что *еще четыре месяца, и наступит жатва*, то есть жатва чувственная; а Я говорю вам, что разумная жатва уже наступила». Это говорил Он о самарянах, которые уже шли к Нему. **Возведите очи ваши** — и разумные, и чувственные — **и посмотрите** на множество самарян, идущих сюда, и на души их, расположенные и готовые к вере, которые, как побелевшие нивы, нуждаются в жатве, ибо как колосья, когда побелеют, готовы к жатве, так и они готовы к спасению.

Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут. — Смысл слов такой: пророки сеяли, но не пожали. Впрочем, через это они не лишились удовольствия, но радуются вместе с нами. В чувственных жатвах так не бывает. Там если случится иному сеять, а иному жать, нежнущий скорбит. А в духовных жатвах не так. Но и пророки, проповедавшие и предрасположившие умы людей, радуются вместе с нами, которые привлекли людей к спасению.

Я послал вас жать то, над чем вы не трудились. — Господь говорит это для того, чтобы когда Он пошлет учеников на проповедь, они не смущались тем, что посылаются на дело трудное. Труднейшее, говорит Он, приняли на себя пророки, а вас Я посылаю на готовое. Справедливым изречением называет Он поговорку, употреблявшуюся в народе, что иной сеет и иной жнет. Смотри, как Он говорит с повелением: ***Я послал вас жать.*** Пусть слышат ученики проклятого Маркиона и Манеса и им подобных, которые отчуждают Ветхий Завет от Нового. Они и здесь обличаются. Ибо если бы Ветхий Завет был чужд Нового, как бы апостолы пожали сеянное пророками? Если же апостолы жали сеянное в Ветхом Завете, то он не чужд Нового Завета, но оба суть один Завет. Пусть слышат и ариане, что Христос

посылает учеников как Господь и Владыка. Посылает, чтобы они жали и отрезывали от земных предметов пристрастившихся к ним язычников и иудеев и сносили их на гумно, то есть в Церковь. В ней через молотьбу волами, то есть учителями, и подчинение им они растираются и, освобождаясь от всякой половы, от всего плотского и пожираемого огнем, складываются чистыми зернами в небесную житницу и потом становятся пищей Богу, радующемуся их спасению. Так Павел жал, отрезая нас от земли и научая, что *наше... жительство — на небесах* (Флп 3, 20).

Есть некоторые, кто слова *посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве* применяет к старцам по причине их седин и того, что их пожинаяет смерть.

(39–42) *И многие Самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала. И потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову. А женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос. — Самаряне веруют по слову женщины, благоразумно судя по самим себе, что женщина не открыла бы перед всеми*

своей жизни из-за угождения другому, если бы проповедуемый ею не был поистине велик и превосходней многих, посему, доказывая веру делами, *просили Его побыть у них*. Господь проводит у самарян только *два дня*, и по учению Его уверовало их *еще большее число*. Хотя евангелист не повествует, в частности, о чудных речениях Его учения, но силу Божественного Его учения дает нам разуместь из окончания дела, ибо евангелисты опускают много и из великих дел, потому что пишут не из честолюбия, а для истины. Вероятно, и в бытность у самарян Господь учил чему-нибудь Божественному, потому что они, не увидев никакого чуда, веруют в Него и просят Его остаться. А иудеи, удостоенные от Него бесчисленного множества речей и чудес, еще и гнали Его. Воистину, *враги человеку — домашние его* (Мих 7, 6; Мф 10, 36).

Смотри, пожалуй, в короткое время народ превзошел свою учительницу, ибо они называют Его не пророком, не Спасителем Израиля, но *Спаситель мира*, Который собственно и истинно спас всех. Многие приходили спасать — и закон, и пророки, и Ангелы, но *истинно Спаситель* есть Он.

(43–45) *По прошествии же двух дней Он вышел оттуда и пошел в Галилею, ибо Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет че-*

сти в своем отечестве. Когда пришел Он в Галилею, то Галилеяне приняли Его, видев всё, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, — ибо и они ходили на праздник. — Господь, выйдя из Самарии, приходит *в Галилею*. Потом, чтобы кто-нибудь не стал исследовать и недоумевать, почему Он не пребывал всегда в Галилее, но приходил в оную с промежутками, между тем как и происходил, по-видимому, из Галилеи, говорит, что потому не жил Он в Галилее, что галилеяне не оказывали Ему никакой чести. Сам Иисус свидетельствовал, что *пророк* не пользуется честью *в своем отечестве*. Ибо мы, люди, обыкновенно презираем то, что становится обычным, но на странное и необычное всегда обращаем внимание. Что же? Не видим ли мы многих в чести и у своих? Да, но это весьма редко. Если же иные находятся в чести и в отечестве своем, то в чужой стране они будут чтимы гораздо более, так что честь, оказываемая в отечестве, при сравнении с честью в чужой стране покажется бесчестьем. Ибо зависть не позволяет соотечественникам воздавать должную славу, и они воздают ее уменьшенной, считая за стыд себе прославление единоплеменника.

Когда Господь пришел в Галилею, галилеяне уверовали, видев знамения, которые Он сделал в Иерусалиме. Но самаряне достойны большего

одобрения, потому что они уверовали без знамений, по слову женщины. Смотри: почитаемые отверженными повсюду отличаются верой — разумею самарян и галилеян, ибо и сих последних презирали как живущих по-деревенски, почему и говорили, что *из Галилеи не приходит пророк* (Ин 7, 52). А почитавшиеся избранными, каковы были иерусалимские иудеи, отвергаются. Подлинно, что справедливо приняты и мы, язычники, ибо в собственном отечестве, по разумению иного — в синагоге иудейской, пророк Христос не имел чести, хотя и говорит Моисей, что *пророка... воздвигнет тебе Господь Бог твой* (Втор 18, 15).

(46–50) Итак, Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино. В Капернауме был некоторый царедворец, у которого сын был болен. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его придти и исцелить сына его, который был при смерти. Иисус сказал ему: вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес. Царедворец говорит Ему: Господи! приди, пока не умер сын мой. Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел. — Евангелист напоминает нам о чуде в Кане, где вода претворена в вино, во-первых, для того, чтобы

яснее выставить достоинство самарян. Галилеяне, говорит, приняли Господа по причине знамений, сотворенных в Иерусалиме и у них, а самаряне — по одному свидетельству женщины и по учению Самого Господа. Во-вторых, напоминает для того, чтобы показать нам, что от чуда в Кане получил некоторое доброе, хотя и не вполне достойное, понятие о Христе и царедворец. <...> Иной скажет, не один ли и тот же царедворец сей с сотником, упоминаемым в Евангелии от Матфея (см.: 8, 5—15)? Ибо и тот был в Капернауме. Я думаю, что не один и тот же. Тот, когда Христос хочет прийти, удерживает Его, говоря, что он недостойн, чтобы Он вошел под кров его, а этот усиленно зовет Иисуса в дом свой. У того расслаблением страдал слуга, а у этого болен сын горячкой. Там Господь пришел в Капернаум по сошествии с горы, а теперь приходит из Самарии, и не в Капернаум, а в Кану. По всему тот — сотник, а этот — царедворец. Царедворец просит Господа *прийти и исцелить сына*, а Господь упрекает его в том, что он верит не вполне, а отчасти, ибо слова *приди, пока не умер сын мой* обнаруживают, что вера его слаба. Он не верует, что и в случае смерти его сына Господь силен воскресить его. Посему-то, упрекая его, Он говорит: *Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес*, осуждая вместе с ним и других

жителей Капернаума, ибо они всюду представляются виновными в сильном неверии. Так как царедворец был нетверд в мыслях и настаивал, чтобы Господь пришел для исцеления его сына, то Спаситель показывает ему, что Он и заочно может исцелить, и говорит: *Пойди, сын твой здоров*. Таким образом, за один раз исцелил сына от горячки, а отца — от неверия. Знай и то, что иное дело — чудо и иное — знамение. Чудо — то, что сверх природы, например открыть очи слепорожденному, воскресить мертвого, а знамение — то, что не вне природы, например исцелить больного. Такое чудо Господь и ныне совершает над всяким приходящим. <...> Часто оказывается, что у иного ум, как сын царедворца, страдает от огня неуместных удовольствий и от похотений. Если он пойдет к Иисусу и попросит Его прийти, то есть явить снисхождение человеколюбия и простить ему грехи, пока он не умер окончательно от болезни похотений, — ибо если Бог не снизойдет к нам, но будет взирать на беззакония и по ним судить, то *кто постойт?* (Пс 129, 3), — итак, если он пойдет к Христу, то, как сказано, найдет искомое и уму своему получит здоровье (см.: Мф 7, 7–8). Впрочем, заметь, что Господь ему говорит: *Пойди, сын твой здоров*, — то есть не будь неподвижен к добру, но ступай и обнаруживай непрестанное движение к добру,

потому что в таком случае сын твой жив. Если же прекратишь шествие, то ум твой окончательно умрет, получив омертвление от неподвижности к добру.

(51–54) На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров. Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его. Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров, и уверовал сам и весь дом его. Это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею. — Слуги, изумленные внезапной переменой болезни, встречают господина и сказывают ему о здоровье сына, ибо он избавился от горячки не просто и как бы случайно, но внезапно. Дело это, очевидно, было не следствием природы, но действием силы Христовой. Узнав от слуг о часе, в котором сыну стало легче, то есть когда сын пришел в лучшее и здоровое состояние, отец совершенно уверовал в Господа, ибо прежняя вера его была несовершенна. Не говори мне, что он и не пошел бы ко Христу, если бы не веровал, ибо отцы из любви к детям обыкновенно обращаются к врачам не только опытным, но и к неискусным, не желая оставить ничего должного. Итак, он пришел по вере, допустим и это, но по вере холодной

и несовершенной, которую иной не назовет и верою, а тогда, когда узнал и о часе исцеления, совершенно уверовал.

Для чего евангелист говорит, что *это второе чудо сотворил Иисус* в Кане? Для того, чтобы показать, какой похвалы заслуживают самаряне; хотя, говорит, это было и второе чудо, однако же галилеяне не достигли высоты тех, которые не видели ни одного знамения и уверовали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

(1-4) **П**осле сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим. Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью. — Был праздник Иудейский; думаю, что праздник Пятидесятницы. Господь идет на праздник отчасти для того, чтобы не явиться противником закона, но присутствовать на празднике народа, отчасти для того, чтобы большее число людей привлечь к Себе учением и знамениями, и особенно бесхитростный народ, ибо на праздники обыкновенно сходятся и земледельцы, и городские ремесленники, которые в прочие дни занимаются работами.

Купальня называлась Овечьей, потому что к ней пригоняли жертвенных овец и омывали их внутренности. Многие думали, что вода получала некоторую Божественную силу от одного того, что в ней омывались внутренности жертв,

и Ангел сходил на сию воду как на избранную и чудодействовал. Кажется, Божественный Промысл предусмотрел чудо в этой купальне для того, чтобы издалека вести иудеев к вере во Христа. Так как было даровано крещение, имеющее великую силу и величайший дар, ибо оно очищает от грехов и оживляет души, то Бог предживописует крещение в иудейских обрядах и дает иудеям, например, воду, очищающую их от нечистот, хотя не существенных, а мнимых, например, от нечистоты вследствие прикосновения к мертвецу или к прокаженному и многого подобного; дает также и чудо этой купальни, руководящее их к принятию крещения. Под Овечьей купальней разумею, пожалуй, и благодать крещения, которой Господь Иисус, закланное за нас Овча, омылся, крестившись за нас.

Купальня эта имеет пять... ходов, ибо крещением нам даются четыре добродетели и созерцание с догматами. Итак, естество человеческое, наподобие расслабленного, разбитое во всех душевных силах, тридцать восемь лет лежало в болезни, ибо здоровой веры в Троицу не имело, не веровало твердо в будущий век, то есть в воскресение и в суд за всю жизнь. Оно не получало исцеления, ибо не имело человека, который бы спустил в купальню, то есть тогда Сын Божий, Который мог исцелить крещением, не был еще че-

ловеком, а когда стал человеком, тогда исцелил естество наше. Повелел взять и постель, то есть и тело сделать легким и тонким и возвыситься от земли, не отягощаясь плотью и земными заботами, но восстать от равнодушия к добру и ходить, то есть двигаться к деланию добра.

Ангел, нисходивший *по временам*, *возмущал воду* и сообщал ей целительную силу, ибо не от естества воды, чтобы ей исцелять самой по себе (в таком случае это было бы всегда), но всё зависело от действия Ангела. Так и у нас простая вода крещения, через Божественное нисхождение получив благодать Духа, уничтожает душевные болезни. Слеп ли кто, то есть имеет поврежденные очи душевные и не может различить добро от зла; хром ли кто, то есть неподвижен к деланию добра и преуспейанию в добре; иссох ли кто совершенно, то есть находится в состоянии отчаяния и не имеет в себе ничего доброго, — вода эта всех исцеляет. И тогда слабость не позволяла некоторым получить исцеление, а ныне мы не имеем никакого препятствия к крещению, ибо за выздоровлением одного прочие не остаются без исцеления, но хотя бы вся вселенная сошлась, благодать не уменьшится. <...> О если бы и нам получить здоровье! Нам, которые ослабели и неподвижны ко всякому доброму делу; мы, как бы уподобившиеся

скотам несмысленным, не имеем человека, то есть смысла человеческого, чтобы он опустил нас в нашу Овечью купальню — купель слезного покаяния, в которую кто войдет первым, тот получает исцеление, ибо надеющийся на последующее время и отлагающий покаяние и не спешащий покаяться здесь, но опаздывающий, не получает исцеления. Итак, старайся войти первым, чтобы не захватила тебя смерть.

Ангел Господень... возмушал воду. — То есть Ангел Великого Совета Отчего, Христос и Спаситель. Ибо если Божественное учение не коснется нашего сердца и не произведет в нем возмущения напоминанием о муках в будущем веке, то купель сия не будет действительна и здоровья расслабленной душе не будет. Справедливо она может быть названа Овечьей — в ней, как овцы, омываются внутренности и помыслы святых и незлобивых, уготовляющих себя в жертву живую и благоугодную Богу. О если бы и мы получили здоровье и по выздоровлении находились в храме, то есть не осквернялись несвященными помыслами, дабы не постигло нас худшее наказание в будущем!

(5–7) *Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здо-*

ров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня. — Терпение расслабленного изумительное! *Тридцать восемь лет* был болен, ежегодно ожидал избавления от болезни, но был предваряем сильнейшими; однако же он не отчаивался. Почему Господь и спрашивает его, желая показать нам терпение сего человека. Спрашивает не для того, чтобы узнать, потому что не только излишне, но и безумно спрашивать больного, хочет ли он быть здоровым. Он спрашивает для того, чтобы показать нам терпение этого человека. Что же он? Отвечает весьма кротко. Да, говорит, *Господи, я желаю, но не имею человека, который бы опустил меня в воду.* Не высказывает никакой хулы, не отвергает Христа как предложившего неуместный вопрос, не проклинает день рождения своего, как мы, малодушные, делаем, и притом в болезнях легчайших, но отвечает кротко и робко. Хотя он и не знал, Кто спрашивает его, но, может, считал Христа полезным для себя уже и в том одном, что Он опустит его в воду, и потому хотел привлечь и расположить Его к себе своими речами. Христос же не сказал: «Хочешь, Я исцелю тебя?» — для того, чтобы не показаться тщеславным.

(8–10) *Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели.* — Повелевает взять постель, чтобы никто не счел одного за привидение. Потому что если бы члены больного не утвердились и не укрепились, он не мог бы носить постель. Не требует Господь от него веры прежде исцеления, как от некоторых других, потому что больной не видал еще Его сотворившим знамение. Ибо от тех, от кого Господь требовал веры, Он требовал ее не прежде чудес, но совершив чудеса перед ними. Смотри, как он за один раз услышал и уверовал. Он не подумал сам в себе и не сказал: «Не шутит ли Он, что приказывает тотчас встать? Я за тридцать восемь лет болезни не получил исцеления и теперь вдруг встану?» Ничего такого он не подумал, но поверил и встал.

Было же это в день субботний. — Исцеляет в субботу, научая людей иначе понимать обряды закона и почитание субботы поставлять не в телесно понимаемом бездействии, но в воздержании от зла. Потому что закон, будучи законом всегда добротворящего Бога, не может воспрепятствовать добро творить в субботу.

(11–13) *Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте.* — Нужно удивляться смелости этого человека. Иудеи настойчиво говорят ему, что не должно брать свою постель в субботу, а он смело проповедует им своего благодетеля: *Кто меня исцелил, Тот мне сказал.* Он как бы так говорит: «Вы безумствуете, когда приказываете мне не слушать Того, *Кто меня исцелил* от болезни, столь продолжительной и трудной».

Иудеи не спрашивают этого человека, кто исцелил его, но — *кто Тот Человек, Который сказал тебе.* Так они добровольно смежили себе глаза для добра, а мнимое нарушение субботы постоянно выставляли на вид.

Иисус скрылся в народе отчасти для того, чтобы в Его отсутствие свидетельство об исцелении было свободно от всякого подозрения и чтобы не подумали, что человек этот благоприятствует Ему, но убедились бы, что он свидетельствует об истине; отчасти для того, чтобы еще более не воспламенить ярость иудеев, ибо и один только вид ненавидимого придает ненавидящим немалую искру ненависти. Посему Он оставляет их, чтобы

дело это исследовалось само по себе, ибо иудеи, обвиняя, переносят событие на исследование и рассуждение и делают оное тем более гласным.

(14–16) Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже. Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус. И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу. — Из слов Господа расслабленному *вот, ты выздоровел; не греши больше* мы научаемся, во-первых, что болезнь с этим человеком приключилась за грехи, и, во-вторых, что учение о геенне истинно и что мучение вечно. Где же ныне те, которые говорят, что в один час я соблюл, за что же буду нести бесконечное наказание? Ибо вот и этот человек не столько лет грешил, сколько терпел наказание, но почти целую жизнь человеческую провел в наказании. Грехи судятся не по продолжительности их, а по самому естеству преступлений. Научаемся вместе и тому, что хотя мы понесем тяжкое наказание за прежние грехи, но если опять впадем в те же грехи, потерпим еще большее наказание. И весьма справедливо, ибо кто не улучшился от первого наказания, тот подвергается большим мукам, потому что он бесчувственен и нерадив. Для чего, скажешь, не все так наказываются? Мы

видим, что многие порочные не обделены здоровьем и благоденствием. Но то, что они не потерпели здесь ничего, будет поводом к большему наказанию там. На сие-то указывая, Павел говорит: *Будучи... судимы*, то есть здесь, *наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор 11, 32), то есть там, ибо здешние страдания суть вразумления, а тамошние — наказания. Неужели же все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Ибо одни из них бывают за грехи, как случилось с этим расслабленным; и в книге Царств видим, что некто впал в проказу за грехи (см.: 4 Цар 5, 27; 15, 5); другие бывают для прославления и обнаружения, как случилось с Иовом, чтобы открылась его добродетель. Иные бывают от рассеянности, например от невоздержания и пьянства.

Некоторые из слов Господа *не греши больше* выводят догадку, что Господь знал, что сей расслабленный непременно объявит иудеям о Нем после встречи с Ним в храме, и поэтому говорит, чтобы тот не грешил. Но это не так. Человек сей оказывается благочестивым, потому что Иисус находит его *в храме*. Если бы он не был благочестив, он возвратился бы домой и предался бы отдыху и наслаждению, убежав от ярости иудеев и словопрения. Но ничто подобное не отвлекло его от храма. Узнав Иисуса, смотри, как

благоразумно он объявляет о Нем иудеям. Не говорит, как они желали слышать, что Иисус сказал возьми постель, но — меня исцелил (ст. 11), чего они не хотели слышать, обвиняя Его в нарушении субботы.

Если *стали Иудеи гнать* Господа, то чем виноват в этом человек, объявивший им о Нем? Он проповедовал об Исцелителе с доброй целью — чтобы и прочих привлечь к вере. Если же они стали гнать Благодетеля, то это их вина.

(17–18) *Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю. И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу.* — Иудеи обвиняют Христа в том, что Он совершил исцеление в субботу. А Он, как равный Отцу по чести и власти, говорит: «Как Бог и Отец Мой *делает* и в субботу, и вы не обвиняете Его, так и Меня не должны обвинять».

Как же *Отец... доныне делает*? Моисей говорит, что Бог *почил от всех дел Своих* (Быт 2, 3). Ты желаешь знать, как Бог *доныне делает*? Смотри на вселенную и познавай дела Промысла; посмотри на море, источники, реки, животных, как солнце восходит и заходит и вообще на всё сотворенное, и увидишь, что тварь делает свое дело, особенно же приводится в действие и движение

неизреченным способом Промысла. Без сомнения, Промысл творит и в субботу. Посему так как Отец делает и управляет тварью и в субботу, то и Я, Сын Его, делаю то справедливо.

Но они, подстрекаемые завистью, *искали убить Его* не только за то, что Он называет Бога Отцом Своим, делая Себя равночестным Богу. Ибо всякий сын бывает одного и того же естества с отцом. Где при этом Арий? Воистину он слеп при свете! Называя Христа Сыном Отца, он не допускал единосущия Его с Отцом, но Сына не-созданного Отца признавал тварью. Ему нужно было поучиться хотя бы у иудеев, которые гнали Господа за то, что Он называл Себя Сыном Божиим, а отсюда необходимо следовало и равенство Его с Богом. Если бы достоинство Сына не было важно и Он не делал Себя через оное равным Богу, то за что бы они стали гнать Его?

(19–21) *На это Иисус сказал: истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что́ творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему всё, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. — Сын... не может творить Сам от*

Себя, потому что не имеет ничего чуждого или отличного от Отца, но не во всем подобен Отцу; и не иное имеет существо, чтобы иметь иную силу, а следовательно, и действие иное, но, как существо имеет то же, то и силу имеет ту же. Посему и Сын делает то же и не может делать что-нибудь иное, кроме того, что делает Отец, ибо не иную имеет силу, меньшую или большую Отчей, но у Отца и Сына одно существо, одна сила, одно действие.

Но Отец становится как бы учителем Сына, показывающим Ему, как должно делать, ибо Сын ничего не творит, *если не увидит Отца творящего*. Итак, я спрашиваю Ария и Евномия, говорящих: как Отец учит Сына — Премудростью или нет? Без сомнения, Премудростью. Кто же Премудрость Божия? Не Сын ли? Да, без сомнения. Значит, Сын учит Самого Себя. Какое неразумие с вашей стороны! Вы поручаете Сына Отцу, как бы отрока какого-нибудь в научение. А я, согласно с Премудростью Божией, утверждаю, что если Отец знает что-либо, то знает не без Сына, ибо Премудрость Его есть Он; может ли что Отец, может не без Сына, ибо сила Его есть Он.

Что это истинно, слушай: *что́ творит Отец, то и Сын творит также*. Если Отец имеет власть и силу, и Сын также; значит, Сын не меньше Отца. Если сказано уничиженно: *показывает*

Ему всё... и покажет... больше сих, — то этому не нужно дивиться, ибо Он ведет речь с людьми, вопиющими против Него и снедаемыми завистью. Если бы Он не соединял везде с высоким смиренное, то чего бы они не сделали, если восстают на Него и в то время, когда Он большей частью говорит самоуничиженно? Что это значит: **покажет больше сих**? Укрепив расслабленного, Он намерен воскресить мертвого, посему и говорит: «Если вы удивляетесь, что Я исцелил расслабленного, то увидите больше сего». О том, что уничиженное выражение **покажет** Он сказал с намерением, чтобы смягчить их неразумие, слушай далее.

Он говорит: **Как Отец воскрешает мертвых... так и Сын оживляет, кого хочет**. Итак, Сын воскрешает как **Отец**. Этим показывает одинаковость их силы, а словами **кого хочет** — равенство власти. Ариане всё это выставляют против славы Сына, а мы, православные, понимаем в пользу ее.

(22–24) **Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь.** — Христос, сотворив многие

знамения, доказал, что Он может благодетельствовать. Но так как не убедил и не привлек их к достойному почитанию Себя, то говорит, что Отец отдал Сыну всякий суд, чтобы страх суда преклонил их воздать Ему почтение. Ибо мы, люди, и особенно неразумнейшие из нас, обыкновенно научаемся нужному более страхом, чем благодеяниями.

Слова *Отец... суд отдал Сыну* понимай так, что Он родил Его судьей, подобно тому как слышишь, что Он дал Ему жизнь, и понимаешь, что Он родил Его живущим. Поскольку Отец есть причина бытия Сына, то и говорится, что всё, что ни имеет Сын, принял от Отца как имеющий это от Него по естеству. Таким образом, и суд имеет от Отца так же, как имеет и Отец.

Чтобы мы, слыша, что Отец есть причина Сына, не стали понимать, что Он произвел Его, как и твари, и через то не впали бы в уменьшение чести Сына, для сего Он говорит, что между Отцом и Сыном нет никакого различия. Ибо кто имеет власть наказывать и награждать как хочет, тот имеет силу, одинаковую с Отцом; посему и почитать Его должно так же, как Отца, *дабы*, говорит, *все чтили Сына, как чтут Отца*. Так как ариане думают чтить Сына как тварь, то оказывается, что они и Отца чтут как тварь, ибо они или совсем не чтут и потому должны стать в ряд с иу-

деями, или если чтут Его как тварь, а Его должно чтить как и Отца, то решительно обличаются в том, что они и Отца чтут как тварь. И иначе, **как чтут Отца** не чтущие Сына? Ибо прибавляет, что **кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**, то есть кто не чтит так, как и Отца.

Если кто говорит, что Он есть тварь, превосходнейшая всех творений, и думает, что Ему (как Сыну) ложно и напрасно придается такая честь, тот решительно бесчестит **и Отца, пославшего Его**. Сказал **пославшего** для того, чтобы они не ожесточились, как мы сказали выше, ибо Он, сказано, чудно соединяет учение: иногда дает о Себе свидетельство высокое, как и следовало, иногда смиренное — из-за беснования враждебных иудеев. Ибо если после воскресения Его из мертвых, после вознесения на небеса, после обнаружения силы Его через апостолов Арий и Евномий восстали против Его славы и низвели Его в тварь, то современные Ему иудеи, видя Его ходящим во плоти, ядущим и пьющим с мытарями и блудницами, как одного из многих, чего бы не сделали, если бы Он говорил о Себе одно высокое, а не присоединял и уничиженного? Посему прибавляет: **слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную**. Таким образом успокаивает их умы тем, что слушающие слова Его будут веровать Богу, ибо не сказал

«верующий Мне», но — *в Пославшего Меня*. Верующий в Него *на суд не приходит*, то есть в муку, но живет вечной жизнью, не подлежа смерти душевной и вечной, хотя смерти телесной и временной и не избегнет.

(25–29) *Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут. Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения.* — Выше сказал, что кто не чтит Сына, тот не чтит Отца, и возвестил о Себе нечто высокое. Чтобы слова Его не приняли за напыщенность и пустую надменность, Он представляет и подтверждение. Говорит: *наступает время*. Потом, чтобы не подумали о времени далеком, говорит: *и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына*, то есть Меня, ныне живущего с вами. Говорит это о мертвых, которых Он воскресит: о сыне вдовы, о дочери начальника синагоги и о Лазаре. Потом присовокупляет и доказательство своих слов.

Как, говорит, Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, чтобы Он слушающих Его голос оживлял. И дал Ему власть не только оживлять, но **производить и суд**, то есть наказывать и предавать мукам. Часто вставляет речь о суде для того, чтобы привлечь слушателей к Себе, ибо кто убежден, что он воскреснет и должен будет дать Ему отчет в преступлениях, тот, без сомнения, поспешит к Нему, чтобы умиловать Его, как будущего своего судью.

Не удивляйтесь, что Он — **Сын Человеческий**. Он — Сын Человеческий, но вместе и Бог. Посему справедливо имеет власть суда как Сын Божий. Хотя Он видимостью и человек, но вы не удивляйтесь. <...>

Сказав о частном воскресении — Лазаря и других, которые прежде умерли, — теперь говорит о всеобщем воскресении: **Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас [Бога]**. Здесь говорит о всеобщем воскресении. Поскольку выше сказал, что верующий не приходит на суд, то дабы мы не подумали, что одной только веры достаточно для спасения, говорит, что **делавшие зло** восстанут **в воскресение осуждения**, а **творившие добро** — **в воскресение жизни**. Значит, оправдывает не одна вера без дел, но нужно иметь и дела, ибо тогда только

и вера бывает истинна. Смотри, как учение рас-
творено страхом и милостью. Ибо мысль, что де-
лавшие зло будут осуждены, устрашает, а обето-
вание, что творившие добро воскреснут в жизнь,
является для нас милостью.

(30) *Я ничего не могу творить Сам от Се-
бя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой правед-
ден; ибо не ищущу Моей воли, но воли пославше-
го Меня Отца.* — Слова *Я не могу творить
Сам от Себя* и им подобные, как и выше ска-
зано, указывают на равенство Сына с Отцом.
«Я не могу творить ничего нового и чуждого
Отцу, ибо Я не имею ни воли, ни силы, отлич-
ной от Отчей. Как слышу от Отца, так и сужу, то
есть как Сам Отец судит, так и Я», — говорит сие,
как мы часто говорили, для того, чтобы некото-
рые, видя Его человеком, не соблазнились, как
же человек может производить праведный суд.
Так как, по словам Давида, *всяк человек ложь*
(Пс 115, 2), то Он вперед сказал: «Не удивляйтесь
тому, что Я — Сын Человеческий». И теперь го-
ворит: «*Суд Мой праведен*, потому что Я сужу
так, как слышу от Отца Моего, судящего, ибо
Я не Своей ищущу воли, но воли Отца. И кто жела-
ет утвердить свою волю, тот может быть заподо-
зрен в нарушении правды, а кто не имеет в виду
себя, тот какой будет иметь предлог произно-
сить суд несправедный? А *Я не ищущу Моей воли,*

ибо Своей воли Я и не имею, но чего хочет Отец, того и Я желаю».

(31–35) Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне. Вы послали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине. Впрочем, Я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его. — Кажется, здесь Господь противоречит Себе, ибо Он неоднократно свидетельствовал Сам о Себе, например: самарянке сказал, что Он — Христос (см.: Ин 4, 25–26), слепому (см.: Ин 9, 35–37); и в другое время еще несколько раз. Если это ложно, то как нам надеяться на спасение? Но не в этом только представляется противоречие, а есть еще другое, не меньшее. После этого Он говорит: если Я и Сам свидетельствую о Себе, свидетельство Мое истинно (Ин 8, 14). Как же согласовать кажущееся противоречие? Когда Он говорит: Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно, — тогда говорит применительно к понятию иудеев. Быть может, они были намерены сказать Ему: «Ты

Сам о Себе свидетельствуешь, а в свидетельстве о самом себе никто не заслуживает веры». Посему Он настоятельно говорит: «Я Сам о Себе не свидетельствую, ибо в таком случае, по вашему мнению, Я не стоил бы веры, но *есть другой, свидетельствующий о Мне*, — Иоанн». Когда же говорит: *если Я и Сам свидетельствую, свидетельство Мое истинно* (Ин 8, 14), — то говорит так по уступчивости. Уступая помыслу иудеев, как бы говорит: «Пусть так, что *Я свидетельствую Сам о Себе*, но *если Я и Сам... свидетельствую, свидетельство Мое истинно*, ибо Я, будучи Бог, достоин веры». Посему первое сказал настоятельно, что не Он свидетельствует, но Предтеча, а второе — по противопоставлению или по уступчивости, то есть что если Он и свидетельствует, то свидетельство Его истинно. Я, говорит, имею троих свидетелей: Иоанна, дела Мои и Отца Моего.

Первым выставляет Иоанна. Чтобы кто-нибудь не сказал Ему, что Иоанн свидетельствовал о Тебе, чтобы угодить Тебе, говорит: «Вы сами *посылали к Иоанну*. Без сомнения, вы не послали бы спрашивать его, если бы не считали его достойным веры. Посему вы сами свидетельствуете, что Иоанн был истинен. Хотя Я, как Бог, не нуждаюсь в свидетельстве человека, Господь — в свидетельстве раба, но так как вы считаете его более прав-

дивым и внимаете ему более, нежели Мне, и к нему прибегали, а Мне и при чудесах не веруете, то посему Я напоминаю и о свидетельстве Иоанновом и делаю всё — принимаю и недостойное Моего Божества, только бы *вы спаслись*».

Он был светильник. — Называет Иоанна светильником горящим, потому что он имел происхождение земное и свет не сам от себя, но от благодати Духа и на время; когда же наступил день Господень, то есть учение, то светильник его закрылся. Всё проповеданное им приняли на время и порадовались о нем, а потом забыли сказанное им о Христе и остались при прежнем неверии. Ибо если бы они однажды твердо поверили Иоанну, то он скоро привел бы их к вере в Него.

(36–38) Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня. И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне. А вы ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели; и не имеете слова Его пребывающего в вас, потому что вы не веруете Тому, Которого Он послал. — Иоанн, говорит, засвидетельствовал обо Мне, Иоанн, которого вы считаете достовернее всех. Но так как могли найтись некоторые клеветники и сказать: «Да нам-то что? Иоанн был

благорасположен Тебе, посему и дал свидетельство весьма доброе», — посему Господь и говорит, что они сами посылали к Иоанну и спрашивали его без сомнения, считая его свидетельство истинным. Впрочем, говорит, Я имею еще и другое *свидетельство больше Иоаннова. Какое?*

Дела, которые Отец дал Мне, то есть возложил на Меня совершить... *свидетельствуют о Мне*. Делами называет чудеса, например исцеление расслабленного и прочие. Поскольку Его обвиняли за то, что Он творит оные в субботу, и говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы, то объявляет им, что Он творит заповеданное Ему Отцом и тем более от Бога, что совершает дела, возложенные на Него Богом, — дела, говорит, *которые Отец дал Мне совершить*. Если же дал их Отец, то вы, противясь таким делам, противитесь Богу.

И пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне. — Где же засвидетельствовал о Нем Отец? Некоторые говорят, что при крещении, когда сказал: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф 3, 17). А я думаю, что лучше разуместь, что Бог засвидетельствовал о Нем во всем Писании — в законе и пророках.

Вы, говорит, *ни гласа Его*, то есть Отца, *никогда не слышали, ни лица Его не видели*, да Он вам и решительно неизвестен, потому-то вы *и не*

имеете слова Его, пребывающего в вас, то есть не знаете Писаний, свидетельствующих обо Мне, хотя и думаете, что знаете, хотя и хвалитесь, что вам вверены слова Божии. Что вы не знаете Писаний, ясно из того, *что вы не веруете Тому, Которого Он послал*. И поскольку вы не слышали ни голоса Божия, ибо Он не имеет голоса чувственного, *ни лица Его не видели*, ибо Бог не имеет вида и образа, то *не имеете* в себе *слова Его*, то есть Писаний, свидетельствующих обо Мне.

(39–42) *Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь. Не принимаю славы от человеков, но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу.* — Сказал им: «В вас не пребывает слово Божие, то есть Писания, свидетельствующие обо Мне». Научая же, как они могут возыметь в себе слово Божие, говорит: *Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь*. Смотри: не сказал «вы имеете», но — *думаете иметь*. Сказал *думаете*, объявляя, что они поистине никакой пользы от Писаний не получали, так как ожидали, что будут спасены от одного только чтения, не прилагая веры.

Писания, говорит, *свидетельствуют о Мне, но вы не хотите придти ко Мне, чтобы*

иметь жизнь. Отсюда узнаём, что они были злы по произволению. Ибо не сказал «вы не можете придти», но — *не хотите придти.* Пусть манихеи слышат, что зло не в природе состоит, но в свободном изволении. Когда напомнил им о свидетельстве Иоанновом, то о свидетельстве Отца и свидетельстве дел Своих добавляет единственно из желания им спасения, между тем как многие могли подумать, что Он говорит это из любви к славе.

Посему говорит: «От людей *Я не принимаю славы*, то есть не нуждаюсь в славе, да и природу имею не такую, чтобы нуждалась она в славе от людей. Вы Меня преследуете под тем предлогом, что любите Бога».

И продолжает: «Но не так это, нет, ибо Я знаю о вас, что *вы не имеете в себе любви к Богу*, хотя и выставляете всюду, что гоните Меня из любви к Богу». Иудеи действительно не имели любви к Богу, потому что гнали самосущую любовь — Сына Божия. Не имели они в себе и слова Его пребывающим, ибо отказывались от Слова и Бога.

(43–47) *Я пришел во имя Отца Моего, и не принимает Меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимает славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете? Не*

думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам? — Я, говорит, пришел во имя Отца Моего. Везде прославляет Отца и говорит, что от Него послан и что Сам от Себя не может делать ничего, и вообще высказывает много уничиженного, желая пресечь всякий предлог к непризнанию Его.

А иной придет, то есть антихрист, который будет доказывать, что он только один Бог, его примете. Итак, Меня, Который пришел во имя Отца, Который послан Отцом, вы не принимаете, а его примете. Это с вами случится за то, что он пообещает вам славу житейскую, которой вы ищете, желая принимать славу друг от друга и отвергая славу, которая от одного Бога. А Я вам не обещаю ничего привлекательного в жизни, и в словах Моих вы видите много трудного. Потому-то, говорит, вы и не верите Мне, что не надеетесь получить от Меня никаких житейских благ. И иначе: вы не верите Мне потому, что любите друг от друга... славу. Ибо начальники и учителя, желая сами только быть в славе у народа, не принимают Меня, чтобы их слава не уменьшилась, а народ, ищущий любви от начальников,

не хочет обратиться ко Мне, чтобы из-за Меня не лишиться чести у начальников.

Есть на вас обвинитель Моисей. — Так как они постоянно ссылались на Моисея, то Господь говорит, что он будет обвинять их, *потому что он писал* о Нем. Где же Моисей писал о Нем? Во многих местах. Так, изречение *пророка... воздвигнет тебе Господь* (Втор 18, 15) относилось ко Христу, как и многое иное, частью — в словах, частью — в знамениях и символах. Например, чудо над купиною (см.: Исх 3, 2). Тут огнем означалось Божество, а терновым кустом — грешное естество, которое воспринял огонь Божества и, однако же, сохранил оное неопалимым, озарив светом и одарив Своим сиянием, а недостатков его не приняв. Весьма способствовало к вере во Христа и сие изречение Моисея: «Если восстанет пророк, творящий чудеса и отвлекающий от Бога, не верьте ему — это антихрист. Если же восстанет Пророк, творящий чудеса и ведущий к Богу и Отцу, а в особенности не отвлекающий от Него, Ему верьте» (см.: Втор 13, 1–3). Итак, Христос, пришедший во имя Отца, творящий чудеса и не отвлекающий иудеев от благочестия, был Тот Самый, о Котором пророчествовал Моисей.

Если же Моисея писаниям не верите, как поверите Моим словам? — Моисей написал, и Библия всегда у вас перед глазами, так что если бы вы

и забыли, легко можете припомнить, но, однако же, вы не верите написанному — как же поверите Моим словам, которые не написаны? Для чего же Ты это говоришь, Господи, когда знаешь, что они не поверят? Хотя, говорит, Я знаю, что не послушают, однако же говорю, чтобы они после не оправдывались, что мы поверили бы, если бы Ты сказал. И иначе: Его неблагодарные современники не верили, но несправедливо было лишить пользы от слов Христовых тех, которые должны были впоследствии уверовать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

(1-4) **П**осле сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, в окрестности Тивериады. За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил над больными. Иисус взошел на гору и там сидел с учениками Своими. Приближалась же Пасха, праздник Иудейский. — Господь после строгой речи к иудеям, которая возбудила в них зависть и гнев, укрощает их удалением от них и уходит на ту сторону моря Тивериадского. Озеро называет морем, ибо Божественное Писание собрания вод назвало морями (см.: Быт 1, 10). Иначе: переходит с места на место для того, чтобы испытать расположение народа, ибо тогда как нерадивые оставались в своем месте, более усердные следовали за Ним.

Впрочем, смотри, что и те, которые следовали, следовали не из-за учения, но из-за телесной пользы от чудес, *потому что, говорит, видели чудеса, которые Он творил над больными.* Упоминаемые у Матфея последователи лучше и любознательнее, потому что *народ, говорит евангелист, дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий* (Мф 7, 28-29).

Иисус взошел на гору. — Восходит на гору, потому что намеревался совершить чудо. Он не

любил чести и славы, чтобы творить чудеса среди городов, но, избегая пустой славы людской, искал уединения, научая и нас этому же. **Взошел на гору** и потому, что желает сообщить ученикам нечто таинственное, ибо Он обыкновенно всегда так делал, потому что тому, кто будет вести такую речь, нужно быть свободным от всякого смущения и нужно место, свободное от всякого шума.

Приближалась Пасха, праздник Иудейский. — Господь однако же не идет на оный, но удаляется в Галилею, потому что Он не подлежал уже постановлениям закона, чтобы соблюдать законные праздники. И иначе: так как злоба иудеев преследовала Его, то Он, воспользовавшись случаем, мало-помалу обессиливает закон. Примечай и сие: **праздник Иудейский.** Он не был праздником Христовым, потому Христос и не пошел на оный, а одни только иудеи.

(5–9) **Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему:**

здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? — Для чего сказано *Иисус, возведя очи?* Для того, чтобы мы знали, что очи Его не блуждали там и сям, но Он сидел с сознанием, вниманием и сосредоточенностью, беседуя с учениками о предметах Божественных, наконец воззрел очами и спрашивает о народе, чем бы его накормить.

Не другому кому, но *говорит Филиппу*, ибо тот требовал большего обучения, так как впоследствии скажет: *Покажи нам Отца, и довольно для нас* (Ин 14, 8). Посему заранее готовит его и вопросом побуждает его всегда помнить это чудо, ибо если бы чудо совершено было просто, оно не показалось бы таким великим чудом. А теперь Он предварительно заставляет его объявить о недостатке хлеба, чтобы тот лучше понял величие совершившегося чуда и не мог уже забыть выказанного.

Посему говорит: *Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?* Говорит это, испытывая Филиппа, то есть желая обнаружить, какую имеет он веру. Без сомнения, Он спрашивает Филиппа не потому, будто Сам не знает мыслей его, но потому, что хочет обнаружить ее перед прочими.

Ибо Сам Господь знал, что хотел сделать. — Испытав Филиппа, имеет ли он веру,

и открыв, что он не свободен еще от немощи человеческой, таковым же находит и Андрея, хотя его представление и было несколько выше Филиппова. Филипп сказал, что *на двести динариев не довольно будет хлеба*. Андрей указывает на *пять хлебов ячменных и две рыбки*, быть может, вспомнив о чудесах пророков, как, например, Елисей совершил чудо над хлебами, когда Самария дошла до крайней гибели (см.: 4 Цар 4, 42—44).

Однако оказывается, что недостойный Господа помысл имел и Андрей. Ведь он говорит: *но что это для такого множества?* Он думал, что Господь, быть может, умножит эти хлеба, но если бы их было более, большее было бы и умножение. Очевидно, мысль его неверна. Ибо Господь мог из ничего сотворить хлеба в достаточном для народа количестве. Однако же, чтобы не думали, что тварь чужда Его Премудрости, Он самую тварь употребляет в орудие для совершения чудес, а хлебы — как некое вещество, приняв за повод, и таким образом являет чудо. Да постыдятся манихеи, которые говорят, что хлеб и всё созданное есть произведение бога злого, и посему если кто подаст им хлеб, не берут оный из рук его, но приказывают бросить его издалека, сами же стоят и проклинаят подавшего: «Посеявший тебя (хлеб) пусть сам рассеется! Моловший тебя

пусть сам измолот будет!» — и прочее подобное. Да постыдятся же, когда слышат, что Христос, Сын Бога благого, умножал хлебы. Если бы они были злым творением, Благий не умножил бы зла, не говорю уже о том, что и Сам не стал бы есть хлеба. Может, кто-нибудь спросит: сие чудо над хлебами одно ли и то же с чудом, описанным в Евангелии от Матфея (см.: Мф гл. 14)? Одно и то же. Если там ученики подходят и напоминают о народе, чтобы его отпустить, а здесь Сам Иисус спрашивает, чем бы накормить народ, то этому не нужно удивляться, ибо, вероятно, было то и другое: сначала ученики напомнили Господу, что надо отпустить народ, а потом Господь спросил Филиппа, чем накормить его.

(10–13) Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак, возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели. — Повелевает им тотчас возлечь, как будто стол уже готов. Ученики прежде не верили, однако же теперь с готов-

ностью располагают людей возлечь. Была трава, что по времени свойственно весне, ибо приближалась, говорит, Пасха, а она совершалась в первый весенний месяц. Евангелист исчисляет только мужей. Он следует в этом законному обычаю, ибо и Моисей исчислял народ как сынов израилевых от двадцати лет и выше (см.: Чис гл. 26), но не упомянул ни об одной женщине. Писание сим показывает, что всё мужеское и юношеское ценно и достойно исчисления у Бога.

Взяв хлебы, благодарит. Сим показывает, что прежде принятия пищи должно благодарить Бога. А так как тут был народ, то в присутствии народа благодарит и для того, чтобы все узнали, что Он пришел по воле Божией, что Он не противник Богу, но всё относит к Отцу. Когда Он творит знамения наедине, то ничего такого не делает, хотя и большее чудо совершает. Но когда чудодействует перед лицом многих, тогда возводит очи к Богу. А что Он делает так не по бессилию, но с тем намерением, о котором мы сказали, это видно из того, что Он большие чудеса творит господственно и самовластно. По словам же некоторых, Он для того благодарит, чтобы до времени страданий укрыться от князя мира, чтобы он по сему действию не почел Его за Бога, но прельстился и обманулся и, таким образом, был умерщвлен крестом.

Соберите оставшиеся куски. — Господь попускает от хлебов остаться излишку не для покаяния Себя, нет, но для того, чтобы насыщение мужей не приняли за призрачное, а все бы ясно увидели, что они истинно насытились, так что и осталось очень много. По сей же причине повелевает и куски собрать, чтобы, видя их, более помнили о совершенном чуде.

Наполнили двенадцать коробов. — Нужно удивляться не тому только, что оказался остаток, но и числу остатка. Господь устроил так, что коробов остатков оказалось ни больше ни меньше, но по числу учеников, чтобы все носили и Иуда не остался бы без части, но и в этом чуде имел бы указание на то, что Учитель его Бог, и отсюда получил бы пользу, хотя по его злобе это обратилось в большее осуждение ему, так как он предал Того, Кто сделал так много остатка, что и он имел короб. Не без цели Он повелел апостолам носить коробы, но для того, чтобы они, как будущие учителя вселенной, всегда помнили о чуде. Ибо народ не думал получить никакой важной пользы, а тотчас забыл о чуде — так он неразумен! А ученики должны были получить пользу, и не только случайную. Из этого события мы научаемся не малодушествовать в тесноте убожества, не уклоняться от странноприимства и подаяния милостыни, но веровать, что если мы и один хлеб бу-

дем иметь, то его умножит Тот, Кто от пяти хлебов сделал такой остаток. В смысле иносказательном будем разуметь так. Когда Господь отступился от Иерусалима, по сказанному у пророков: *Я оставил дом Мой; покинул удел Мой* (Иер 12, 7), — тогда Он отходит в языческую Галилею и принимает язычников, и много народа следует за Ним. Восходит на гору, или на крест, чтобы всех привлечь к Себе, или на небо, в богоприличную честь и славу. Ибо так как мы по вознесении Его на небо прославляем Его как Бога, а не простого человека, то и говорится, что Он восшел на гору. Горю означает высокая мысль о Нем. Дает нам, подлежащим пяти чувствам, пять разумных хлебов, ибо каждому чувству дает соответствующий хлеб или учение, как и Павел говорит: *В церкви хочу... пять слов сказать* (1 Кор 14, 19), — то есть служащих к исправлению пяти чувств. Однако же мы не можем съесть все сии пять слов — остается и излишек, ибо никто из нас не может вместить всего таинственного учения. То, что для нас, грубых, непостижимо и неудобоваримо, апостолы вмещают в своих праведных душах, как бы в некоторых коробах. Короба делаются из ветвей финиковой пальмы, а *праведник яко финикс процветет* (Пс 91, 13).

(14–15) *Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот*

Пророк, Которому должно придти в мир. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один. — Смотри, как народ любит чрево. Тогда как Иисус творил бесчисленные и самые поразительные чудеса, они не удивлялись. А вот из-за пищи говорят, что Сей есть *Тот Пророк*; не обвиняют уже Его в нарушении субботы, не мстят уже за нарушение закона, но за хлеба считают Его столь великим, что не только пророком называют, но и считают достойным царства. Но Он удаляется, научая нас презирать мирские достоинства. Он *удалился на гору один* только, не взяв ни одного из учеников, для того, чтобы испытать любовь их, смотря по тому, как снесут они Его отсутствие.

(16–21) *Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось. Проплыв около двадцати пяти или тридцати стадий, они увидели Иисуса, идущего по морю и приближающегося к лодке, и испугались. Но Он сказал им: это Я; не бойтесь. Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли.* — Господь удалился на гору один (ст. 15) только для того, как мы сказали,

чтобы испытать любовь учеников, будут ли они искать Его. Они ждут Его до вечера, думая, что Он придет. Когда же Он не пришел, они не удерживаются, но, любовью побуждаемые искать Его, входят в лодку. Евангелист не просто и как бы случайно указал на время, но для того, чтобы показать их сильную любовь тем, что и вечер их не остановил. Господь попускает им испытать бурю для того, чтобы когда после бури настанет тишина, они бы более обрадовались случившемуся и чтобы в сердцах их запечатлелось неизгладимое воспоминание об этом. Когда они находились в опасности, Он предстает перед ними и словом Своим прогоняет страх их и на море производит тишину; и таким образом Он творит двоякую тишину — укрощает смущение в их душах и волнение на море. Господь не вошел в лодку, чтобы совершить большее чудо. Смотри, здесь три чуда: одно — что Он шел по морю; другое — что укротил волны; третье — что лодка вдруг пристала к тому берегу, куда они плыли, хотя далеко еще была от того берега, когда пришел к ней Господь. Когда иудеи перешли через Красное море под предводительством Моисея, то он всё делал как раб и силой молитвы, а Сей действует с совершенной властью. Там вода от воздвигнутого Господом сильного южного ветра расступилась, так что они перешли по суше (см.: Исх 14, 21—22),

а здесь совершилось большее чудо: море оставалось при собственной природе и, однако же, носило Господа на поверхности своей, чтобы исполнилось пророческое слово: *ходит... по высотам моря* (Иов 9, 8). И ныне многие из нас находятся в мысленной тьме и в опасности потонуть в море мысленном. Но воспримем в себя Христа, и мы совершенно избавимся от бед. И если некоторые искусители наши — бесы или люди — часто наводят на нас страх и страхом пытаются поколебать нас, то будем слушать Христа, взывающего: **Это Я; не бойтесь**. Слова Его имеют такое значение: «Страхи проходят, посему не бойтесь того, что проходит. А Я есть, то есть всегда пребываю; и, как Бог, Я есть Тот, Который есть Сущий. Итак, поскольку страхи временны и не имеют истинного бытия, а Я есть, то есть пребываю и никогда не перестаю быть, но истинно есть, то веру в Меня не изменяйте из-за того, что временно». Смотри, как Христос является и уничтожает страх не в начале опасности, но в крайности. Он попускает нам стать среди опасностей для того, чтобы мы, поборовшись со скорбью и стесненные ею, сделались удобоприемлемее и, употребив в дело всю свою силу и мудрость, но найдя ее слабой, прибегли к Нему одному, могущему спасти неожиданным образом. Ибо когда ум человеческий утомится, тогда вдруг является спасение от Бога и побуж-

дает нас стремиться к Нему, единственному Спасителю, а не приписывать спасения самим себе. Если мы пожелаем принять Христа и в лодку нашу, то есть поселить Христа в сердце нашем, то мы тотчас очутимся на той земле, к которой плывем. Что же это за земля? Без сомнения, это земля обещанная — небо, земля кротких и умирившихся от всякой злобы.

(22–26) *На другой день народ, стоявший по ту сторону моря, видел, что там, кроме одной лодки, в которую вошли ученики Его, иной не было, и что Иисус не входил в лодку с учениками Своими, а отплыли одни ученики Его. Между тем пришли из Тивериады другие лодки близко к тому месту, где ели хлеб по благословению Господнем. Итак, когда народ увидел, что тут нет Иисуса, ни учеников Его, то вошли в лодки и приплыли в Капернаум, ища Иисуса. И, найдя Его на той стороне моря, сказали Ему: Раввѣ! когда Ты сюда пришел? Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. — Иисус перешел на ту сторону моря пешком. На другой день народ, ища Его и видя, что одна только была лодка, в которую поместились ученики, но в которую Иисус не входил вместе с ними, пришел к мысли об*

этом чуде и предполагал, что Иисус перешел через море пешком на ту сторону. Если бы и другая лодка была, то естественно было бы предположить, что Он, не поплыв с учениками, вошел в нее и переправился. А теперь, когда лодка была одна и в нее *вошли ученики* одни, а Господь *не входил*, чудо очевидно. Народ, придя к этой мысли и найдя другие лодки, приплывшие с той стороны, вошел в оные и переправился *в Капернаум*. Найдя здесь Господа, народ не падает пред Ним, не хочет узнать, как Он пришел, не расспрашивает об этом чуде, но этак небрежно говорит: *Когда Ты сюда пришел?* Те, которые хотели недавно взять Его и сделать царем, когда нашли Его, не желают уже ничего подобного. Они не обращают внимания на чудо, но желают в другой раз насытиться, как и прежде. Посему-то Господь и укоряет их. *Вы*, говорит, *ищите Меня... потому, что ели хлеб*, и за тем придерживаетесь Меня, чтобы Я опять накормил вас. Заметь: хотя Он обличает их, однако же не употребляет строгого обличения. Он не сказал, что они чревоугодники и обжорливы, но сказал кротко. Потому что Он обличает их с желанием исправить и через открытие тайн сердца их привести к большей вере. Что целью обличения их было исправление, видно из нижеследующего, ибо Он преподает им далее учение самое спасительное.

(27) *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог.* — Вы, говорит, ищите Меня из-за хлебов, желая насытиться ими. Но вы не должны всецело заниматься чревом, а преимущественно стараться о духовном и не употреблять всей заботы на пищу телесную, ибо ее Он назвал пищей тленной. Так как многие из желающих жить праздно, и особенно масалиане, употребляют сии слова в защиту своей праздности, то необходимо уяснить это изречение. Господь наш Иисус Христос сказал это не потому, будто желал пресечь телесную деятельность и расположить к праздности, ибо *праздность научила многому худому* (Сир 33, 28). И если нужно сказать точнее, то именно желание жить праздно и есть та тленная пища. А последователь Христов должен трудиться, чтобы мог и другим уделять, ибо в награду за это обещано будущее Царствие. Как же, скажут, Господь сказал, что не должно стараться о пище тленной? Он сказал это, с тем чтобы пресечь чрезмерную заботливость их о яствах и перевести оную на предметы духовные. Что Христос искореняет телесную деятельность, видно из слов Его к Марфе: *Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть* (Лк 10, 41—42). То же

видно и из слов: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф 6, 34). Так рассуждают желающие быть без труда. Что же мы скажем? Что сказанное Марфе сказано не о деле, не о деятельности, не о праздности, но о том, что нужно знать время и времени слушания не употреблять на заботу о яствах. Он сказал это с целью научить ее, что время учения не нужно употреблять напрасно — на занятие тем, что относится к чреву. И тогда, когда Он говорит *не заботьтесь*, не отвергает деятельности, потому что иное — забота, иное — деятельность. Бывает, что человек и делает что-нибудь, но нисколько не заботится. Итак, Господь, научая нас не пригвождаться к житейским вещам, не заботиться об успокоении на день завтрашний, но желая, чтобы нам лучше трудиться каждодневно, говорит: «Не заботьтесь о том, как бы вам, потрудившись сегодня, быть и завтра спокойными, но, приобретая каждый день пищу дневным трудом, не заботьтесь о завтрашнем дне».

Пищей *пребывающей* называет таинственное причастие Плоти Господней, которую Сам дает нам, соделавшись Сыном Человеческим, на Котором *положил печать Свою Отец*, то есть показал, подтвердил, что Он есть Сын Его. Хотя Христос и Сам подтвердил Свое достоинство чудесами, но так как Он говорит сие иудеям, то чтобы они не возмутились, обращается к Отцу и

говорит, что Им запечатлен, то есть доказан, засвидетельствован. Так как Сын есть образ Отца, и печать, и отражение, то Он запечатлен Отцом, поскольку есть Его образ и печать. Посему слова сии имеют такой смысл: Сего, Который по виду есть **Сын Человеческий**, Отец запечатлел, то есть родил печатью и образом Своим, сохраняющим совершенную неизменяемость и естественное с Ним тождество.

(28–30) *Итак, сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал. На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? что Ты делаешь?* — Иудеи хотят узнать о деле Божием не для того, чтобы совершать оное, но чтобы получить повод к речи. Посему, хотя знает, что они не получают никакой пользы, однако же для общей пользы учения дает ответ и показывает им, равно и всем людям, что **дело Божие** состоит в том, *чтобы веровали в Того, Кого Он послал*. Вера в Него есть дело поистине священное и совершенное и освящающее имеющих оную, ибо основательная вера руководит ко всякому доброму делу, а добрая деятельность сохраняет веру; и как дела без веры мертвы, так и вера без дел мертва (Иак 2, 26). Смотри, какая неблагодарность

и бесчувственность. После того как видели столько и таких чудес, опять просят **знамения**, и при том большего, чем хлебá, которыми насытились. Как чревоугодники, они опять требуют такого чуда, которое бы служило их чреву.

(31–34) Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб. — Не напрасно мы говорили, что они просят знамения как рабы чрева. Таково было чудо над хлебами. И теперь они вспоминают о манне, а не о другом каком-нибудь чуде, над египтянами ли совершенном или над Красным морем. Желая возбудить Его совершить такое чудо, которое могло бы напитать их плоть, они напоминают о манне по крайнему чревоугодию. Что же отвечает им неиспытанная Премудрость Божия, Господь наш Иисус?

Не Моисей дал вам хлеб сей, то есть Моисей не дал вам хлеба истинного, но всё, тогда бывшее (см.: Пс 77, 24), служило образом того, что совершается ныне. Так, Моисей представлял образ Бога, истинного Вождя мысленных израильтян, а хлеб

оний прообразовал Меня, Который сошел с небес, Который истинно питает и истинно существует. Называет Себя хлебом истинным не потому, будто манна была ложна, но потому, что она была образом и тенью, а не самой истиной. Ибо Единородный Сын Божий, сделавшийся Человеком, есть в собственном смысле Манна — поразительное слово и слышание. Манна означает «что это?» Ибо евреи, увидев ее, во множестве выпавшую, каждый около своей палатки, пораженные необычайностью и странностью видения, спрашивали друг друга: «Что это?» И Господь, Сын Божий, стал Человеком и Сам есть поражающая всех Манна, так что каждый в недоумении говорит: «Что это? Как Сын Божий и Сын Человеческий? Как из двух противоположных естеств одно Лицо? Что это за таинство?» Итак, сей Хлеб, по естеству будучи жизнь, как Сын живого Отца, творит свойственное Ему — оживляет всё. Так как хлеб земной поддерживает слабое естество плоти и не попускает разлагаться, то и Христос действием Духа оживляет душу и само тело поддерживает в нетлении, ибо Христом даровано естеству человеческому восстание из мертвых и нетление тел. Но иудеи, еще занятые чревом и всецело будучи земными, понимают слова эти о хлебе чувственном и говорят: дай нам такого хлеба. Безумствуя таким образом, они обличали себя.

Подавай нам всегда такой хлеб. — Говорят так не по одному дню и не по два. Говорили это и по сребролюбию: «Чтобы самим не употреблять своих денег на приобретение пищи, подавай всегда этот легко получаемый хлеб».

(35–38) **Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.** — Так как иудеи, как земные, думают, что Господь говорит о чувственном хлебе, и потому настойчиво просят одного, то Господь, обличая их и показывая, что они стремились к Нему, доколе предполагали чувственную пищу, а когда узнают, что она духовная, то уже не побегут, говорит: **Я есмь хлеб жизни.** Не сказал, что хлеб пищи, но — **жизни.** Поскольку все было умерщвлено, то оживил нас Сам Собою. Он есть Хлеб, поскольку мы веруем, что закваска человеческого смешения испечена огнем Божества. **Хлеб жизни** — не простой, обыкновенной, но особенной и не пресекаемой смертью.

Верующий в такой Хлеб **не будет алкать**, не будет терпеть голод слышания слова Божия

и не будет иметь разумной жажды, бывающей от неимения воды крещения и освящения Духа. Ибо некрещеный имеет жажду и большую сухость, не участвуя в святой воде, возрождающей душу, а крещеный, имея Духа, всегда от Него оживляется.

Показывая же, что вера в Него не есть дело случайное, но дар Божий, подаваемый от Отца достойным и благонравным по сердцу, говорит: *Всё, что дает Мне Отец, ко Мне придет*, — то есть те будут веровать в Меня, которых дает Мне Отец. А вы, иудеи, как недостойные, не даётеся Мне от Отца, потому и не приходите ко Мне. Ибо вы не имеете правого сердца, чтобы Бог и Отец, возлюбив вас, привел к вере в Меня.

А *Я приходящего ко Мне не изгоню вон*, то есть не погублю, но спасу и доставлю ему много наслаждения, *ибо Я сошел с небес* не затем, чтобы делать что-нибудь иное, кроме воли Отца. Говорит это, чтобы узнали, что не принимающий Его противен Богу как противящийся воле Отца. Так как иудеи называли Его противником Богу, то Он обвинение сие обращает на них и говорит, хотя неявно, что, не принимая Того, Кто следует воле Отца, они делаются противниками Богу. Где здесь Несторий, говорящий, что Христос обоготворен после воскресения? Разве не слышишь, несчастный, что Он *сошел с небес*? А спешивший

с небес, очевидно, был не простой человек, но Бог, ибо простой человек не нисходит, а иногда восходит на небо, когда Бог дарует ему сие за добродетель. Поскольку схождение Господа предшествовало воскресению, то Сам Он и сошел с небес как Бог, сошедший для вочеловечения, и восшел на небеса с плотью как человек, где прежде был как Бог. Итак, Христос не простой человек, обоготворенный впоследствии, как пустословил Несторий, но предвечный Бог, вочеловечившийся в последние времена.

(39–40) Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. — Постоянно говорит «Отец **Мне дал**» для того, чтобы поразить сердца их и чтобы они узнали, что они недостойны этого Божия дара. Ибо если Отец дает веру во Христа как нечто великое, а они ее не имеют, то, очевидно, они лишлись дара Божия. Итак, Я, говорит, не погублю тех, которых дает Мне Отец, то есть верующих в Меня, но воскрешу их, то есть удостою светлого воскресения. Воскресение двоякого рода: одно — общее и вселенское, которым воскреснут и все грешники, а другое — которым воскреснут одни

только праведники, восхищаемые на облаках по воздуху навстречу Господу и встречающие Господа с дерзновением (см.: 1 Фес 4, 17). Ибо грешники хотя воскреснут от гробов, но не поднимутся от земли на воздух, а останутся внизу как осужденные. Господь, объясняя значение слов «ничего не погублю из того, что дал Мне Отец», выражает эту же мысль другими словами: **Чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную.** Ибо он говорит не иное что, как то же, что сказал выше. Слова «всё, что дал Мне Отец» тождественны со словами **всякий, видящий Сына и верующий**, а слова **не погубить** тождественны со словами **имел жизнь вечную**. Часто упоминает о воскресении для того, чтобы люди не ограничивали Промысл Божий одним видимым порядком дел, но знали, что есть и иное состояние, когда они несомненно получают награды за добродетель, и не оставляли течения к добродетели из-за того, что в настоящей жизни не обнаруживают воздаяния.

(41–44) **Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес. И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес? Иисус сказал им в ответ: не ропщите между собою. Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его**

Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день. — Когда Господь сказал: *Я есмь хлеб*, — иудеи *возроптали на Него*, потому что обманулись. Ибо доколе они думали, что Он говорит о хлебе чувственном, они вели себя кротко, надеясь, что Он даст им сего хлеба и удовлетворит их чреву. А когда Он открыл им, что у Него речь не о чувственном хлебе, а о духовном, то они в отчаянии ропщут. Ибо где им помышлять о духовной пище, жизни и воскресении? Они соблазнялись о Нем, видя, с одной стороны, Матерь Его, а с другой стороны, слыша *Я сшел с небес*. Смотря на видимое и не разумея, что Он же есть и Бог, они роптали, будто бы Господь обманывал, и говорили: «Не Иосифов ли это сын?» Сам же Спаситель не отвечает им, что Он не Иосифов сын, ибо они не могли понять неизреченного рождения от Девы. Если мысль их не обнимала рождения по плоти, тем более не могла обнять превечного рождения от Отца. Что же Он отвечает им?

Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец. — Говорит это, не уничтожая самопроизволения, но показывая, что имеющий веровать нуждается во многом содействии от Бога. Иначе: Отец привлекает тех, которые имеют способность по их произволению, а тех, которые сами себя сделали неспособными,

не привлекает к вере. Ибо как магнит привлекает не всё, к чему приближается, а одно только железо, так и Бог ко всем приближается, но привлекает только тех, которые способны и обнаруживают некоторое родство с Ним. Отец привлекает и приводит к Сыну, а Сын воскрешает и оживляет, даруя дыхание в добре и жизнь, которая есть Дух Святой. Итак, верующим благодетельствует вся Святая Троица, а не один только Отец или один только Сын, но как естество одно, так и действие благодетельствования одно: Отец приводит, Сын оживляет, Дух Святой для оживляемых служит дыханием, ибо всякий живой имеет и дыхание.

Смотри, какая власть Сына. *Я*, говорит, *воскрешу*. Не сказал, что Отец Мой воскресит, но — *Я*. Ибо не всегда говорит о Себе уничиженно, а иногда открывает и высоту Своего Божества.

(45–47) У пророков написано: и будут все научены Богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне. Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. — Сказал: «Кого Отец привлечет, тот приходит ко Мне», а желая подтвердить это, ссылается на пророков: **У пророков написано: и будут все научены Богом** (см. также: Ис 54, 13); все, разумеется, желающие. Отец есть общий Учитель,

чрез откровение достойным дающий знать о Своем Сыне, ибо, касаясь сердец простых и незлобивых, открывает им Сына, подобно как и Петру открыл Его (см.: Мф 16, 17).

Итак, *слышавший от Отца*, то есть принимающий откровение Отца и делающийся истинным Его учеником, *приходит ко Мне*. Смотри, с какой точностью говорит Он обо всем. Не сказал, что приходит ко Мне тот, кто слышит от Отца, но прибавил: *и научившийся*. Ибо недостаточно слышать, надобно еще и учиться. Что же? Ужели прежде сего они не были учены Богом в Ветхом Завете? Были, но не так. Ибо здесь, то есть в Новом Завете, есть особенность. Тогда учились познанию о Боге через людей, а ныне, когда воплотился Единородный, познание бывает от Самого Отца во Святом Духе, так что исполняется пророческое слово: «во свете Тебя, Отца, то есть в Духе, узрим Свет, Который есть Сын» (см.: Пс 35, 10). Подлинно все мы, которые приняли веру во Христа, научены ныне Богом. Так как сказал: «Ко Мне приходит тот, кто слышал от Отца», — то, дабы кто не подумал, что Он говорит об отце чувственном, прибавляет: «Я не то говорю, будто Отца видит кто-нибудь, кроме Сына, истинно сущего от Него и рожденного из Его существа, ибо все мы от Бога, но собственно Сын — один Тот, Кто и знает Отца».

(48–51) *Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.* — Подаваемую им пищу Господь сравнивает с манной. *Я*, говорит, *есмь хлеб жизни*, а евшие манну умерли.

Не просто Господь прибавил: *в пустыне*, но с целью показать, что манны ненадолго хватило отцам — *в пустыне* только, а в землю обетованную она не вошла с ними. Сей же хлеб не таков, но пребывает вовек, так что они, если захотят, получат блага гораздо большие, чем отцы их. Как не больше то, что даруется Христом? Ибо хотя всякий вкусит смерть, однако он жив будет надеждой воскресения.

Хлеб... который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. — Ясно говорит Он здесь о таинственном причастии Его Тела. Показывая Свою власть, что Он распят не как раб и меньший Отца, но по Своей воле, говорит, что *Я дам Плоть Мою за жизнь мира*. Хотя говорится, что Он отдан Отцом (см.: Ин 3, 16), но Он отдал и Сам Себя: первое сказано, чтобы мы познали единомыслие с Отцом, а второе — чтобы познали самовластие Сына. Заметь, что хлеб, вкушаемый нами

в Таинстве, не образ тела Господня, но есть самая Плоть Господа. Ибо не сказал Он, что *хлеб... который Я дам*, есть образ Плоти Моей, но — *есть Плоть Моя*. Хлеб сей неизреченными словами, через таинственное благословение и наитие Святого Духа, претворяется в Плоть Господа. Никто да не страшится веровать, что хлеб становится Плотью, ибо когда Господь ходил во плоти и принимал пищу из хлеба, то хлеб сей, вкушаемый, пременялся в Его тело и уподоблялся святой Его Плоти и, по обычаю естества человеческого, служил к возрастанию и укреплению. И ныне хлеб сей претворяется в Плоть Господа. Как же, скажут нам, является не Плоть, а хлеб? Это для того, чтобы у нас не было отвращения к яству, ибо если бы нам показывалась плоть, мы неприятно располагались бы к причастию, а теперь, когда Господь снисходит нашей слабости, таинственная пища нам является такой, какая у нас бывает обыкновенно. Он отдал плоть Свою на смерть *за жизнь мира*, ибо смертью Своей разрушил смерть. Разумей под жизнью мира и воскресение, ибо смерть Господа произвела всеобщее воскресение для всего рода человеческого. Может быть, жизнью мира Господь именует и жизнь в святости и блаженстве. Хотя и не все приняли освящение и жизнь в Духе, но Господь отдал Самого Себя за мир, и что касается Его, то мир спасен и всё

естество освящено, поскольку получило силу побеждать грех и он бежал через одного Человека — Господа нашего Иисуса Христа, как и через одного Адама человечество впало в грех.

(52–55) Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. — Иудеи, услышав о вкушении плоти Господней, не верят, поэтому и произносят слово неверия. Посему и Он, желая показать, что сие не только возможно, но и весьма необходимо, что нельзя иначе иметь жизни, говорит: Если не будете есть Плоти и прочее. Так и Никодим от неверия говорил: Как может человек... войти в утробу матери?.. (Ин 3, 4) Посему, когда слышим, что, не вкушая Плоти Сына, не можем иметь жизни, мы должны иметь несомненную веру при принятии Божественных Таин, а не спрашивать: Как Он может дать нам есть Плоть Свою? Ибо душевный человек, то есть следующий помыслам человеческим, душевным или естественным,

не принимает сверхъестественного и духовного (см.: 1 Кор 2, 14). Так и духовной пищи, Плоти Господней, он не понимает. Между тем не причащающиеся оной не будут иметь участия в жизни вечной как не принявшие Иисуса, Который есть истинная Жизнь. Ибо вкушаемое не плоть простого человека, но Плоть Бога, могущая боготворить как соединенная с Божеством. Он есть истинно пища, поскольку удовлетворяет не на малое время, не портится, как преходящая пища, но способствует вечной жизни. Подобным образом и питье Крови Господней есть истинно питье, потому что утоляет жажду не на время, но пьющего охраняет от жажды и нужды навсегда, как и самарянке Господь говорил: *Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать* (Ин 4, 14). Ибо кто через причащение Божественных Таин получит благодать Святого Духа, тот не будет, подобно неверующим, ощущать ни голода разумного, ни жажды.

(56–58) Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек. — Здесь мы научаемся Таинству причащения. Ядущий и пьющий Плоть и Кровь

Господа пребывает в Самом Господе, и Господь — в нем. Странное и непостижимое бывает соединение, так что Бог пребывает в нас, а мы — в Боге. Не страшное слышишь ты учение. Мы вкушаем не Самого Бога, ибо Он неосязаем и бестелесен и необъятен ни для глаз, ни для зубов; но вкушаем не плоть простого человека, ибо она не может принести никакой пользы. Но как Бог неизреченным смешением соединил Сам с Собою Плоть, то и Плоть животворит не потому, будто переменялась в естество Божие, — нет, но по подобию раскаленного железа, которое и остается железом, и обнаруживает силу огня. Так и Плоть Господня, пребывая плотью, животворит, как Плоть Бога Слова.

Как... Я, говорит, живу Отцем, то есть потому, что родился от Отца, Который есть Жизнь, *так и ядущий Меня жить будет Мною*, соединившись и как бы претворившись в Меня, могущего животворить. Когда же слышишь Я живу, не думай, что Он живет по причастию жизни. Иначе Богом называлось бы животное. Но нет! Ибо ни животное не называется Богом, ни сотворенное Жизнью. Часто повторяет *отцы ваши ели манну* [в пустыне] для того, чтобы убедить слушателей, что если можно было питаться людям без жатвы и сеяния в течение сорока лет и жизнь их поддерживалась, тем более ныне Господь подкрепит

нашу разумную жизнь лучшим хлебом — Плотью Своей, образовавшейся из земли — Девы, без сеяния — мужа. Везде упоминает о жизни и часто приводит это слово, потому что ничто так не приятно людям, как жизнь. Впрочем, ты можешь есть Плоть и пить Кровь Владыки не только в таинственном Причастии, но и иным образом. Плоть ест тот, кто идет путем деятельности. Ибо плоть неудобоварима, как и деятельность — многотрудна. Кровь пьет, будто бы вино, веселящее сердце, созерцатель. Ибо созерцание не сопряжено с трудом и есть даже успокоение от трудов, похожее на питье, как и питье легче, чем пища.

*(59–62) Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме. Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать? Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: это ли соблазняет вас? Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде? — Для чего Он учил в синагоге? Отчасти для того, чтобы привлечь больше людей, отчасти для того, чтобы показать, что Он не противник закону, читаемому в синагогах. Почему же Он произносил перед народом такие речи, когда знал, что никто не получит от них пользы, а многие даже соблазняются? Ибо ученики Его, услышав их, говорили: **Какие странные слова! кто***

может это слушать? Какая же польза от сих слов? Очень большая и важная. Иудеи постоянно упоминали о телесной пище и выставляли на вид манну. Господь, показывая им, что всё это было образами и тенью, а то, что Он ныне говорит, это истина, говорит сие и упоминает о духовной пище для того, чтобы убедить их сколько-нибудь отклониться от чувственного и оставить образы и тень, а устремиться к истине. Но они, не будучи в силах понять ничего сверхъестественного, не улучшаются, а даже отвращаются и говорят, что слова сии странны, то есть суровы, неудобоприемлемы. Ибо кто, будучи плотян, может принять духовную пищу — хлеб, сходящий с небес, Плоть вкушаемую? Когда же слышишь, что ученики отстали от Него, не понимай этого об истинных учениках, но о тех, которые следовали за Ним в ряду учеников и одним только видом показывали, будто учатся от Него. Ибо и между учениками были некоторые, кто в сравнении с народом назывались учениками Его, потому что проводили при Нем времени более, чем народ, но в сравнении с истинными учениками Его не стоили ничего, так как верили Ему на время и, так сказать, от холодной горячности. Смотри, какое неразумие. Нужно бы спросить и узнать о том, чего не знают, а они отступают и ничего не понимают в духовном смысле, но всё — буквально. Слыша о Плоти,

они и думали, что Он принуждает их сделаться плотоядцами и кровопийцами. Но мы, понимающие это в духовном смысле, не только не плотоядцы, а даже освящаемся такой пищей.

Желая показать им, что от Него, как Бога, нисколько не укрываются их сердечные помыслы, говорит: *Это ли соблазняет вас?* Что же скажете, *если увидите* Меня, по виду *Сына Человеческого, восходящего* на небо, *где Я был прежде* как Бог? Ибо Один и Тот же восходит как человек туда, где был прежде как Бог. Сказал сие для того, чтобы отвлечь их от мнения о Нем как о сыне Иосифовом, ибо кто поверил, что Он прежде был на небе, тот, без сомнения, поверит, что Он и сын не Иосифов, а Сын Божий, и наконец поверит и речам Его. Слыша, что Сын Человеческий был прежде на небе, не подумай, что тело снизошло с неба (так пустословят ересеначальники Маркелл и Аполлинарий). Однако поскольку Один и Тот же был Сын Человеческий и Бог Слово, то, как мы сказали, говорится, что Он восходит как человек туда, где был прежде как Бог.

(63–64) *Дух животворит; плоть не пользует нисколько. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь. Но есть из вас некоторые неверующие. Ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его.* — Они понимали слова Христовы по-плотскому, как мы

часто уже говорили, и соблазнялись. Посему Он говорит, что только духовное понимание слов Его полезно, а плотское понимание их не полезно нисколько, а бывает поводом к соблазну. Так как они соблазнялись, понимая слова Христовы плотски, Он и присовокупляет, что *слова, которые говорю Я вам, суть дух*, то есть духовны, *и жизнь* — не имеют ничего плотского, а доставляют жизнь вечную. Проявляя свойство Божественное, а именно открывая сокровенное, говорит им, что *из вас некоторые* не веруют; сказав *некоторые*, исключил учеников. И евангелист, желая показать нам, что Он знал всё прежде устройства мира, говорит, что *Иисус от начала знал, кто суть неверующие*, знал и злобу предателя. А это было доказательством истинного Божества. И пророк так говорит о Боге: *ведаящий... все прежде бытия его* (Дан 13, 42).

(65–67) *И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего. С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти?* — Часто мы говорили, что когда слышишь, что Отец дает веру в Сына, не думай, что одним Отец благодотворит, а другим — нет, по жребию, ибо это свойственно неправедному, но так

понимай, что Отец благодетельствует и дает дар веры тем, у которых есть произволение, ибо не имеющий произволения не получит пользы и от помощи Божией. Объяснюсь. Бог дает всем Свои дары. Одни принимают и хорошо употребляют данное и, сохраняя оное, показывают дар Божий. А другие принимают, но теряют данное и оказываются ничего не получившими. Итак, когда евангелист говорит, что кому не будет дано от Отца, тот не может прийти к Сыну, то слова его значат, что приходит к Сыну тот, кому дает Отец и кто сохранит поданный ему от Бога дар.

Многие из учеников отошли назад, то есть, отделившись от Него, не пошли к лучшему, но возвратились назад, то есть к неверию. Ибо, поистине, кто отделяется от Христа, тот отходит назад, а кто, подобно Павлу, прилепляется к Господу (см.: 1 Кор 6, 17), тот постоянно простирается вперед (см.: Флп 3, 13).

Он же, показывая, что не нуждается ни в ком и в служении или попечении от них, говорит им: *Не хотите ли и вы отойти?* Почему, напротив, Он не похвалил двенадцать учеников за то, что они не отошли вместе с прочими? С одной стороны, чтобы сохранить достоинство Учителя, а с другой — показать и нам, что таким образом можно еще более привлечь. Ибо если бы Он похвалил, то они, быть может, испытали бы нечто

человеческое и возгордились, думая, что своим последованием за Ним одалживают Его. А показывая, что Он не нуждается в их следовании за Ним, Он вернее мог удержать их как благоделуемых, чем благоделствующих, и как получающих благодать, а не дающих. Примечай, как благоразумно Он выразился. Не сказал «отойдите», ибо это значило бы отталкивать, но спрашивает: *Не хотите ли... отойти?* Таким образом предоставляет полную свободу следовать за Ним или нет, показывая, что Он хочет, чтобы следовали не из стыда перед Ним, но сознавая, что за последование получают благодать.

(68–71) *Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго. Иисус отвечал им: не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол. Это говорил Он об Иуде Симонове Искарите, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати.* — Петр, имея нежную любовь к Нему и к братьям, отвечает за весь лик апостолов. Он не сказал «Господи! к кому я пойду?» и «я познал и уверовал», но — *к кому нам идти?* Говорит, что Господь имеет *глаголы вечной жизни*, потому что слышал, как Он говорил, что верующего в Него Он воскресит и он будет иметь жизнь вечную, ибо

они уже приняли истину воскресения и всё учение Христово. Посему причиной соблазна были не слова Христа, но невнимательность, нерадение и неблагодарность слушателей, ибо и сии двенадцать слышали то же и, однако же, не соблазнились, но пребыли верны. Что же Христос? Одобрят ли Петра, как это сделал Он при другом случае (см.: Мф 16, 17)? Никак нет — для того, чтобы не показаться льстящим за то, что он пребыл с Ним. Что же говорит Он Петру?

Я избрал вас двенадцать, однако не все вы достойны сего избрания — *один из вас диавол*. Это можно понимать двояко: или потому диавол, что и теперь всё Мое извращает и ничего из оногo не принимает, или потому, что оклеветает Меня, ибо таковым действительно оказался Иуда, клеветца на Господа перед иудеями и выдавая им Его тайны. Господь говорит это Петру, чтобы исправить его, когда он сказал: «Мы узнали все и уверовали». А Господь говорит: «Не думай так; вы не все верны и не все узнали Меня». Смотри, как Он издалека предотвращает злобу предателя и, как бы насильно удерживая ее, говорит это, хотя и знает, что не принесет пользы, но исполняет Свое дело. И не обнаружил его, и не оставил совершенно неизвестным; первое сделал для того, чтобы он, потеряв стыд, не стал упорнее; другое, чтобы он не без страха совершал задуманное дело и не ду-

мал, что скроется. Отсюда мы научаемся и тому, что Бог не делает добрыми по принуждению и насильственно и что избрание Божие не стесняет нашего произвола; когда кто зол, Он не принуждает его сделаться добрым. А избрание Божие состоит в том, что Бог предрасполагает нас к добру и дарует нам Свою благодать. Спаситься и поступить достойно избрания или наоборот — зависит от нашей мысли и воли. Подивись и тому, как сильно враждует диавол. Он смог увлечь одного из двенадцати апостолов, которые воскрешали мертвых, совершали чудеса и слышали духовное и животворное учение Господа. И где, наконец, нам надежда на спасение, когда мы с юности добровольно поработили себя злу?

Посему и евангелист, как бы с удивлением, сказал: *Будучи один из двенадцати.* Хотя, говорит, принадлежал к сему святому лику, однако же по злему произволу оказался недостойным его. Так человек удобопреклонен ко злу! Пусть не заблуждаются манихеи. Мы злы не от природы. В этом случае в нас постоянно действовала бы злоба. Ведь и Иуда не всегда был зол, а был некогда и свят. Значит, зло и рождается, и растет от произвола.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

(1–5) **П**осле сего Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что Иудеи искали убить Его. Приближался праздник Иудейский — поставление кущей. Тогда братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойди в Иудею, чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь. Ибо никто не делает чего-либо втайне и ищет сам быть известным. Если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него. — Иисус удаляется от убийц-иудеев не потому, будто боится смерти, ибо Ему можно было и посреди них ходить и не потерпеть ничего, но потому, что если бы Он всегда так поступал, то не поверили бы, что Он был человек, но сочли бы за призрак. Посему теперь Он удаляется и тем подтверждает и удостоверяет, что Он человек, и поражает всех, которые говорят, что Он воплотился призрачно (Манеса, Маркиона, Василида и подобных им). В других же случаях, когда Он находится среди убийц, злоумышляющих на Него, и остается невредимым, Он показывает, что Он Бог, и постыжает Павла Самосатского и всех уверяет, что Он был не просто человек, но и Бог. Теперь Он уходит в Галилею. Так как не наступило еще время страдать, то Ему было напрасно

и излишне находиться среди врагов Своих и тем подавать повод к усилению их злобы.

Было, говорит, *поставление кущей*. О праздниках, совершаемых иудеями, нужно заметить следующее. Их было три. Один — праздник Пасхи, который иудеи совершали в память выхода из Египта, и он у них был главный. Другой праздник — Пятидесятница, которую они совершали в память избавления от бедствий в пустыне и вступления в землю обетованную. Тогда они в первый раз вкусили хлебных плодов, почему в праздник сей и приносили колосья, как начатки. Третий праздник — *поставление кущей*, который они совершали в благодарность за сбор плодов, по римскому счету, в сентябре. Тогда они благодарили Господа за то, что собрали все плоды, почему и ставили скинии, или палатки, и пребывали в веселии, как бы живя на поле. <...> Праздники эти имели и другое значение. Пасха означала наш переход от неверия к вере, а Пятидесятница — вступление в Церковь, как бы в иную землю обетованную, в которой мы также вкушаем хлеб, причащаясь Божественных Таин. Мы не тотчас вкушаем хлеба, как уверуем и перейдем от неверия, но должны прежде креститься и удостоиться стояния в Церкви вместе с крещеными и тогда уже причаститься хлеба. *Поставление кущей* означало воскресение, когда соберутся все

плоды наших дел, а хижины наши (тела), разрушенные смертью, снова восстанут. Есть и иные возвышенные стороны у сих праздников, но не время теперь высказывать их, ибо мы всегда выбираем то, что полезнее для многих.

Итак, когда приближался иудейский праздник, называемый поставление кущей, и братья Иисуса видели, что Он не собирается на праздник, они с завистью говорят Ему: **Выйди отсюда и пойд**и туда, чтобы и ученики Твои видели дела Твои, то есть народ, следующий за Тобой, потому что говорят не о двенадцати, но о других Его последователях. **Братья Его**, то есть дети Иосифа, обвиняют Его в двух расположениях — в боязни и славолюбии, посему и говорят: **Никто не делает чего-либо втайне** — это знак боязни, **и ищет сам быть известным** — это знак славолюбия. Этим они как бы так говорят: «Мы не в добрую сторону понимаем поведение Твое, ибо **если Ты творишь такие дела как добрые, то яви Себя миру**; если же Ты скрываешься, очевидно, скрываешься потому, что делаешь худое».

Для чего евангелист из пятимесячной деятельности ни о чем другом не рассказал, кроме чуда над хлебами и беседы Господа с насыщенными, но неблагодарными, и, опустив прочее, сказал: **приближался праздник Иудейский — поставление кущей?** А что он умолчал о делах, совер-

шенных в течение пяти месяцев, видно из следующего. Когда Иисус совершил чудо над хлебами, тогда была Пасха, которая совершалась в месяце, у римлян называемом мартом, а у иудеев — первым месяцем. Теперь же — поставление кущей, которое, по нашему исчислению, совершается в сентябре. Почему же евангелист так поступил? Потому что говорить обо всем по порядку было невозможно. И иначе: евангелисты старались говорить о том, из-за чего со стороны иудеев выходило какое-либо порицание или противоречие. Любовь их к истине достойна удивления. Они не стыдятся говорить о том, что, как кажется, навлекает на Учителя их некоторое бесславие. Так и сей евангелист, опустив многие чудеса и речи Господа, повествует о неверии братьев и о том, что они порицали Его. Откуда же в них такое неверие? От произвола и зависти. Впрочем, смотри. До распятия, хотя они и видят Его во славе и творящим чудеса, не веруют в Него, но после распятия и многого беславия свидетельствуют за Него, став Его апостолами, проповедниками и архиереями. Значит, они непререкаемо увидели Его воскресшим. Ибо если бы они не получили твердой уверенности в Его воскресении, то они и не предали бы себя ради Него на смерть.

(6–8) На это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время. Вас

мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы. Вы пойдите на праздник сей; а Я еще не пойду на сей праздник, потому что Мое время еще не исполнилось. — Братья, завидуя Господу, обвиняют Его в боязни и тщеславии. Что же Он говорит им? Не отвечает ли им сурово? Нет, но кротко. Он не сказал: «Кто вы, чтобы давать Мне такой совет и учить?» Но что говорит? *Мое время еще не настало*, то есть время страдания и смерти, *а для вас всегда время.* Вы, говорит, хотя всегда пребудете с иудеями, они не умертвят вас, как имеющих одинаковые с ними стремления, а Меня, как увидят, что пришел на праздник, тотчас решатся убить. Или это можно и иначе понимать. Тот, кто ублажает плачущих в настоящем веке (см.: Мф 5, 4), и теперь говорит подобное, что может случиться и со всеми святыми. Для Меня, говорит, еще не наступило время праздника, так как Я вижу, что в иудеях живет всякая злоба. Ибо время плача и скорби тогда, когда истина изгнана и воля Божия не преобладает. Посему-то для Меня еще не праздничное время. А для вас, живущих согласно с иудеями и привязанных к миру, свойственно и праздновать вместе с подобными вам. И мир, то есть заботящиеся о мирском, не могут ненавидеть вас, как одинаковых с собой.

А Меня ненавидит, потому что Я обличаю дела его, ибо обличение, весьма смелое, всегда порождает ненависть. Итак, посылает братьев на праздник, показывая, что не принуждает оставаться с Ним, если не хотят. Смотри же: на двоякое обвинение, возносимое на Него — в боязни и славолюбии, делает и двоякое оправдание. Против обвинения в боязни говорит, что Он обличает дела мира, то есть тех, которые заботятся о мирском. А Он не обличал бы, если б был боязлив, как вы думаете. Вопреки обвинению в славолюбии не принуждает их оставаться при Себе. А если бы Он был виновен в славолюбии, не отослал бы их, ибо славолюбивые и горделивые стараются, напротив, иметь многих последователей. Две вины приписывали Ему; естественно, что Он два оправдания и противопоставил, показывая им, что мнение их слабо.

Слова **Мое время еще не исполнилось** означают, что еще не время быть распятым и умереть. Мне нужно еще жить во плоти, и сотворить больше чудес, и высказать больше учения для того, чтобы больше народа приготовить к вере и учеников более утвердить через явление больших чудес и через учение. Итак, говорит, еще не настало время смерти, чтобы Мне предавать Себя враждующим на Меня, потому Я и не пойду на праздник.

(9–10) *Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник не явно, а как бы тайно.* — Для чего же сказал Он братьям, что Он на праздник не пойдет, а потом идет? Он не просто сказал, что не пойдет, но — теперь не пойдет, то есть с вами. Вначале Он отказывался идти, потому что иудеи пылали яростью, а потом отправляется к окончанию праздника, когда, естественно, и ярость их ослабла. И иначе. Он поступил не вопреки Своим словам, ибо Он пришел не праздновать, но учить, и не с пышностью, как обыкновенно делают панегиристы, но *тайно*. Укрывается Он для того, чтобы подтвердить Свое человечество, ибо если бы Он явился, они возъярились бы на Него с намерением убить Его. Он же не допустил бы им сделать это, так как не наступило еще время страдания, но, будучи среди них, избег бы страдания и показался бы воплотившимся призрачно. Посему, как человек, Он избегает и удаляется, устрояя Свое.

(11–13) *Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он? И много толков было о Нем в народе: одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ. Впрочем, никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев.* — Иудеи от сильной ненависти не упоминают имени Его. Не говорят «где Иисус?», но — *где Он?* Так они ненавидели и одно только имя Его. При-

мечай их склонность к убийству. Они не уважают времени праздника, но хотят Его уловить на оном, посему-то и ищут. Так они хранили благоговение и уважение к праздникам! Так правы были их дела!

В народе был спор о Нем, потому что мнения о Нем были различны. Начальники говорили, что Он *обольщает народ*, а народ говорил, что Он *добр*. Называвшие Его добрым были из народа. Справедливость сего видна из слова евангелиста, что никто не смел говорить о Нем явно, *боясь Иудеев*. Очевидно, не смеющие говорить о Нем были из народа и молчали, боясь начальников иудейских. Слова *обольщает народ* показывают, что клеветующие на Него суть из начальников. Ибо если бы они были из народа, они сказали бы, что Он нас обольщает. Но говорящие, что Он обольщает народ, показывают этим, что они не из народа, а из начальников. Смотри: начальство везде неоткровенно, а подначальные остаются прямыми, но, не имея твердой воли и будучи еще несовершенно, они несмелы.

(14–16) *Но в половине уже праздника вошел Иисус в храм и учил. И дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня. — Почему Он пришел в половине праздника? Чтобы ослабить их гнев и чтобы*

они с большим прилежанием и вниманием слушали речи Его, когда праздник не заграждает их слуха, ибо в начале праздника им естественно было развлечься праздничной обстановкой. Когда Он явился внезапно, то все вообще слушали Его — и те, которые называли Его добрым, и те, которые называли Его обольстителем; одни, чтобы получить какую-нибудь пользу и подивиться, а другие, чтобы привязаться к Нему и схватить Его как обманщика. Чему Он учил, евангелист того не сказал, но что Он преподавал нечто чудесное, чем и занял их, сие евангелист показал словами *дивились... как Он знает Писания, не учившись*. Однако хотя дивились, злобное намерение их не изменилось. Ибо они не учению дивились, не речь принимали, но *дивились... как Он знает Писания*, то есть недоумевали, изумлялись, что обыкновенно бывает с завидующими. Например, у кого-нибудь есть бедный сосед. Потом случится, что он неоднократно пройдет в дорогой одежде. Завистливый сосед, увидев его, говорит: «Как он, будучи весьма беден, оделся так богато? Откуда у него такая одежда?» Говорит так не потому, что удивляется делу, но потому, что его снедает зависть. И он к очернению соседа употребляет такие слова: «Без сомнения, — говорит, — он украл эту одежду». Так и иудеи. Как, говорят, знает Писания? Без сомнения, силой всеельзевула.

Хотя им лучше следовало бы заключить из сего, что в Нем не было ничего человеческого, но так как они не хотели признать сего, то Он Сам отвечает им и научает, что учение Его от Отца и Бога. Здесь Моего, говорит, нет ничего. Сам от Себя, вопреки Богу, Я ничего не говорю, но что принадлежит Отцу, о том Я и говорю.

(17–18) Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем. — Сказав, что Мое учение — не Мое (ст. 16), то есть не противное Богу, но учение Отца Моего, говорит, что кто будет творить волю Божию, то есть кто освоится с добродетелью, а не будет рабом зависти и не омрачится напрасной ненавистью против Меня, тот узнает силу слов Моих, от Отца Я говорю или нечто чуждое и противное Ему. Волю же Божию творит тот, кто углубляется в Писания и пророков. Такой человек может узнать об учении Господнем, что оно *от Бога*, ибо пророки изображают Господа не противником Богу и говорящим от Самого Себя, но говорящим и делающим всё, что угодно Богу. Потом присоединяет и другой довод, такой: кто говорит сам от себя, то есть хочет ввести свое учение, тот не для другого чего это делает, как для того, чтобы через то

приобрести себе славу. А Я не желаю приобрести Себе славу, но ищу *славы Пославшему* Меня. Для чего же Я стану учить тому, что чуждо Ему? Следовательно, Я *истинен, и нет неправды* во Мне, то есть Я Себе не присваиваю славы, принадлежащей другому, так как это было бы несправедливо. Посему учение Мое имеет вместе и истину, и правду. Оно не от честолюбия проистекает, чтобы быть ему ложным и несправедливым, ибо честолюбец и лжет, говоря о себе то, что превышает его достоинство, и неправду творит, присваивая себе славу чужую и нисколько ему не принадлежащую. Но Господь ищет славы Отцу и ничего не приписывает Самому Себе. Очевидно, что Он истинен и праведен. Неоднократно мы уже говорили и теперь скажем, что когда Господь говорит о Себе нечто уничиженное, не нужно думать, что Он говорит так потому, что будто Он ниже Отца по Своему естеству, но для того Он так говорит, чтобы не сочли Его противником Богу, из снисхождения к слабости слушателей Своих, потому что Он облекся плотью, и для того, чтобы нас научить смирению, чтобы мы не говорили о самих себе ничего великого. Когда же Господь говорит высокое и о Своей славе, то мы должны веровать, что Он говорит о Себе так возвышенно по величию Своего естества, потому что Он по существу равен Отцу.

(19–20) *Не дал ли вам Моисей закона? и никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня? Народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? кто ищет убить Тебя?* — Как кажется, настоящие слова Господа не имеют никакой связи с прежде сказанными, но когда мы рассмотрим пристальнее, поймем, что они находятся в тесной связи. Его обвиняют в том, что Он нарушает субботу и преступает закон. Он сему противопоставляет то, что скорее они преступники закона. Закон говорит *не убий* (Исх 20, 13), а вы *ищете убить Меня*. Значит, вы преступники закона, а не Я. Итак, вы сами себе позволяете творить неправду, а Меня обвиняете в преступлении закона за то, что Я в субботу исцелил человека. Господь сказал: *Никто из вас не поступает по закону*, — потому что убить Его искали все, с которыми Он вел речь. Смотри, с какой кротостью Он говорит с ними, а они, напротив, с обидной дерзостью говорят: *Не бес ли в Тебе?* Они так дерзки потому, что думали поразить Его и устрашить. Хотя Христос Сам Господь Моисея и виновник закона, но, уступая слабости и бесчувственности иудеев, говорит, что закон дан Моисеем, ибо они не могли бы спокойно выслушать, что закон им дал не Моисей, а Он — Владыка Моисея и Господь.

(21–24) *Иисус, продолжая речь, сказал им: одно дело сделал Я, и все вы дивитесь. Моисей*

дал вам обрезание [хотя оно не от Моисея, но от отцов], и в субботу вы обрезываете человека. Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, — на Меня ли негодуете за то, что Я всего человека исцелил в субботу? Не судите по наружности, но судите судом праведным. — Что иудеи напрасно восстают против Господа, Он доказывает следующим умозаключением. Я одно дело совершил в субботу — исцелил расслабленного, и из-за этого вы дивитесь, то есть смущаетесь, поднимаете тревогу. Между тем сам Моисей, этот законодатель, нарушил субботу, когда повелел, чтобы всякая душа (человек) обрезывалась в восьмой день (см.: Лев 12, 3), ибо часто случалось, что восьмой день, в который необходимо было обрезаться, приходился на субботу. Посему для обрезания самим Моисеем суббота была нарушаема, и день субботний нимало не возбраняет человеку обрезываться; хотя бы восьмой день случился в субботу, закон о покое субботнем оставляется, чтобы не был нарушен закон об обрезании. Если это так, то для чего вы **на Меня негодуете** и гневаетесь за то, **что Я всего человека исцелил в субботу?** Хотя обрезание было **не от Моисея, но от отцов**, однако же оно, бывшее не от Моисея, нарушало закон о субботе, данный Моисеем. И в субботу не возбраняется обре-

знание, которое причиняет боль; а вы порицаете Меня за то, что Я освободил человека от болезни и сделал здоровым.

Не судите по наружности. — Говорит, судите праведно и нелицеприятно. Моисея, который нарушал субботу обрезанием, освобождаете от порицания, а Меня, нарушившего субботу через благодеяние человеку, вы осуждаете. Освободить Моисея от порицания из уважения к его достоинству и осуждать Меня, Который по наружности и по виду бесславен, — это явное лицепрятие.

(25–27) Тут некоторые из Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос? Но мы знаем Его, откуда Он; Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он. — Не просто и не напрасно прибавлено *некоторые из Иерусалимлян*, но для того, чтобы показать, что все те, которые преимущественно перед прочими удостоились великих чудес, более достойны сожаления. Ибо как не жалки они, когда видели великое знамение Его Божества и, однако же, еще допускают неправду в суде о Нем? Если бы они хотели, они видели бы великое знамение и в том, что Он смело говорит посреди

врагов Своих и, однако же, ничего от них не потерпел, но они не хотели узнать в этом знамении силу Его.

Они недоумевают, *не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос*. На этой мысли не останавливаются, но делают такое заключение, что откуда Христос придет, того никто не знает. Но откуда Сей, мы знаем. Значит, это не Христос. И смотри, как злоба сама себе противоречит. Начальники их, когда спрашивал их Ирод, говорят, что Христос рождается в *Вифлееме Иудейском* (Мф 2, 4—5), а они говорят, что никто не знает, откуда Христос. Видишь ли противоречие? В другом месте говорят: *Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он* (Ин 9, 29). Видишь, как неистовы говорящие? Знаем и не знаем. Есть ли что подобное этому неистовству? Но они имели в виду одно — чтобы не веровать. Поэтому, когда для них было полезно, они говорили «знаем», а когда невыгодно, утверждали «не знаем». Итак, противоречие проистекает от злобы их.

Никто не будет знать. — Иной спросит: на каком основании говорят они, что никто не будет знать о Христе, откуда Он? Если бы они не имели какого-нибудь свидетельства в Писании или твердого предания, они не говорили бы так явно вопреки книжникам, которые ясно сказа-

ли Ироду, что Христос рождается в Вифлееме Иудейском, и вопреки тем, которые в другом месте говорят, что *Христос придет... из Вифлеема* (Ин 7, 42). Что же отвечать? Те и другие говорили так на основании пророков. Те, которые говорили, что Христос рождается в Вифлееме и что Он *от семени Давидова* (там же), очевидно, как и Матфей замечает, имели в основании свидетельство пророка Михея: *И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля* (Мф 2, 4—6; см. также: Мих 5, 2). И те, которые говорили, что никто не знает, откуда придет Христос, основывали свою мысль также на свидетельстве пророков. Сам Михей говорит, что *исходы Его из начала, от дней вечных* (Мих 5, 2), чем ясно означает неизвестность исхода или рождения Его, ибо Того, Кто имеет исходы из начала и от дней вечных, никто из людей не может знать. Люди — во времени, а Он — от дней вечных и из начала. Как же временный познает вечное? Исаия говорит: *Род Его кто изъяснит?* (Мих 53, 8) Основываясь на этом, они и говорили, что о Христе никто не знает, откуда Он, ибо не понимали, что Господь Иисус двух естеств и что *откуда Он* (по плотскому рождению — от Девы, именно из Вифлеема) было известно, а о бес-телесном и несказанном рождении Его от Отца

прежде всех веков говорится, что рождение Его выше всякого изъяснения. Итак, иерусалимляне эти говорят о плотском рождении, будто бы знают, откуда Он; а о предвечном рождении, по которому никто не знает Христа, откуда Он, не говорят. Посему, не зная, что Он двух естеств и по одному естеству известен, а по другому — нет, говорят, что Он не Христос.

(28–29) Тогда Иисус возгласил в храме, уча и говоря: и знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете. Я знаю Его, потому что Я от Него, и Он послал Меня. — Так как они говорили, что они знают Сего, откуда Он, не с иной какой целью, а чтобы показать, что Он от земли и сын плотника, посему Он возводит их к небу, говоря: *и знаете Меня, и знаете, откуда Я, —* хотя вы по злобе своей и скрываете, однако знаете, что Я с неба. Потому что если Отец Мой оттуда, очевидно, что и Я Сам оттуда и что Я послан от Того, Кто истинен, ибо Истинный не захотел бы послать обманщика и лжеца. Но вы не знаете Пославшего Меня, не признаете Его делами своими, ибо и в знании бывает незнание, как и апостол Павел говорит: *они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит 1, 16). И вы, иудеи, *не знаете* Отца Моего по причине злых дел ваших и по

весьма злomu намерению. **Я знаю Его**, ибо знать Его Мне не препятствуют ни злое намерение, ни противные Ему дела.

Я от Него, то есть из Него, не от иной сущности, не чужой Ему, **и Он послал Меня**. Здесь ясно указываются два естества во Христе: словами **Я от Него** — существо Божеское, а словами **Он послал Меня** — человеческое. Ибо Сын Божий называется посланником, как и рабом Божиим, по человечеству.

(30–31) **И искали схватить Его, но никто не наложил на Него рук, потому что еще не пришел час Его. Многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?** — Евангелист, показывая, что они невидимо были удерживаемы и что Он пострадал добровольно, говорит, что **искали схватить Его** и, однако же, **никто не наложил на Него рук**.

Еще не пришел час Его. — Это сказано не потому, будто Он подлежит условиям времени, но потому, что всё творит в соответствующее время и в должный час. Когда Он счел благовременным пострадать, то есть пришло такое время, тогда и предал Себя распинателям, ибо Он всё творит и строит в свое время: в свое время нужно было дать закон; свое время — для пророков

и Евангелия. Итак, слово **час** указывает на особенную мудрость и промышление Спасителя.

Многие же уверовали в Него, говоря: *Неужели Христос сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?* Они говорят о вине в Кане, сыне царедворца, расслабленном, хлебах и вообще о других знамениях, о каждом из которых, за множеством, евангелисты не упомянули. Впрочем, если и слышишь, что многие уверовали, то вера их не была истинной верой, но такой, какая свойственна простому народу, легко переменяющему свои мысли.

(32–36) *Услышали фарисеи такие толки о Нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей — схватить Его. Иисус же сказал им: еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня, и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти. При сем Иудеи говорили между собою: куда Он хочет идти, так что мы не найдем Его? Не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние и учить Еллинов? Что значат сии слова, которые Он сказал: будете искать Меня и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти?* — В разговорах своих народ обнаруживал как бы доброе расположение и нечто похожее на веру в Господа и как бы желал отделиться от начальников. Они, заметив это, посла-

ли схватить Господа за одно лишь то, что Его начинали признавать за Христа. Они *послали*, а не пошли сами, потому что боялись народа, чтобы не произвести мятежа. Посему они посылают служителей и таким образом предохраняют себя от возможной опасности, а их предают в жертву ярости народной. Так они везде соблюдают свои выгоды.

Господь произносит слова, полные смиренно-мудрия: *Еще недолго быть Мне с вами*. Что стараетесь об отшествии Моем, зачем гоните Меня? Потерпите немного, и Я взят буду, хотя бы вы и не желали схватить Меня. Вы преследуете и гоните Меня, а Я *с вами*: устрояю и говорю, что случит к вашему благу и спасению.

И Я *пойду к Пославшему Меня*. Здесь устрашает их тем, что они оскорбят Пославшего Его, ибо наносящие Посланному бесчестие, что очевидно, оскорбляют Пославшего. Словом *пойду* Он указывает на добровольное принятие смерти. Показывая же, что смерть Его будет не такова, какова у всех вообще, Он говорит: «Куда Я иду, *туда вы не можете придти*». Ибо если бы смерть Его была обща и сходна со смертью большинства и Он должен был бы остаться мертвым, то Он не сказал бы: *Вы не можете придти*, — ибо в общую смерть мы приходим все. Но, как я сказал, желая показать, что смерть Его не такова, как

у всех, Он говорит, что вы не можете придти туда, *где буду Я*.

Словами *будете искать Меня и не найдете* показывает, что они будут желать Его. Когда же они искали Его? Лука сказал, что многие женщины плакали о Нем (см.: Лк 23, 27). Вероятно, это чувство испытали и многие другие; и особенно, когда город был разрушаем, вспомнили о Христе и чудесах Его и желали Его присутствия (см. там же: Лк 17, 22). Говорил Он обо всем этом, чтобы привлечь и склонить их на Свою сторону. Так как служители пришли с намерением взять Его, то Он показывает, что Ему известна причина их прибытия, Он знает, что они хотят убить Его; посему предсказывает им о Своей смерти: еще немного, и Он пойдет к Отцу. А предсказывать смерть тоже дело великое и не человеческое. Посему и Давид говорит: *Скажи ми, Господи, кончину мою* (Пс 38, 5).

Иудеи говорили: *Не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние?* Смотри, они переменились несколько и смягчились от слов Его. Это видно из их вопроса, ибо если бы это было не так, то они сказали бы: «Ты хочешь уйти? Мы этого желаем, мы рады этому». Но тут нет ничего такого; но, как бы сильно желая не лишиться Его, спрашивают, куда Он хочет идти. Это видно и из слов, что Он хочет идти *в Еллинское рассеяние* и учить там.

Они не сказали «хочет обманывать», но — *учить*. Рассеянием они называли язычников, потому что они рассеяны повсюду. Ибо иудеи в древности не смешивались с ними, но, собранные в одном месте, в Палестине, поносили язычников за рассеяние, что обратилось впоследствии на них самих, ибо евреи сделались рассеянием.

(37–38) *В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой.* — Первый день праздника и последний, седьмой, называли великим, потому что и закон последний день праздника называл особенно важным (см.: Лев 23, 35–36). Следуя этому, и евангелист называет последний день великим. Справедливо обращается Он с речью к народу *в последний день*, как бы напутствуя его на обратный путь домой, ибо говорить тем, которые среди дня предавались увеселениям, было бы неблагоприятно — они не стали бы слушать. *Иисус возгласил* громко частью для того, чтобы быть услышанным, частью для того, чтобы показать смелость, что Он не боится никого. Что же говорит Он? *Кто верует в Меня... как сказано в Писании.* Здесь должно остановиться, потом продолжить: *из чрева его потекут реки.* Многие веровали по причине знамений.

Он показывает, что веровать должно не столько на основании чудес, сколько на основании Писания, ибо от Писания правая вера. Посему Он говорит: *Кто верует в Меня... как сказано в Писании*, — то есть как Писание свидетельствует о Мне, именно: что Я — Сын Божий, Творец, Господь всего, Спаситель мира, ибо многие по видимости веровали (не так, как сказано в Писании, а как им хотелось, — таковы все еретики). Сказал, что у такого верующего *из чрева потекут реки*. Чревом в переносном смысле Он называет сердце, как и Давид: *и закон Твой посреде чрева моего* (Пс 39, 9). Сказал, что *потекут реки воды живой*, а не «река». Этим указывает на обилие и щедрость благодати Духа, ибо Дух таков, что в чью душу войдет и утвердится в ней, заставляет ее течь обильнее всякого источника. Как, согласно Писанию, у верующего из чрева текут реки, это всякий может узнать, когда обратит внимание на язык Петра, на стремительность Павла и мудрость Стефана. Слов их ничто не останавливало, но они всех увлекали вслед за собой, как реки, неудержимым течением своим.

(39) *Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен.* — Евангелист Иоанн, объясняя, что такое реки воды живой, говорит, что *сие*

сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго. Здесь спросит иной: как евангелист говорит, что не было дано Духа Святого? Разве пророки не Духом говорили? И апостолы как совершали чудеса? Отвечаем. Бесспорно, пророки говорили Духом. Но благодать сия прекратилась и от земли удалилась. Хотя она действовала во времена пророков, но уже в то время, когда Христос действовал во плоти, по недостойнству народа пророчество не являлось и благодать не присутствовала во святилище и в храме их. А так как действия Духа тогда не было и еще только предстояло быть, посему и говорит, что Духа Святого еще не было, то есть Он не обитал между иудеями и не проявлялся в действиях. Что касается апостолов, то они не Духом совершали чудеса, но властью Господа. Ибо слушай, что говорит Евангелие. Посылая их, Он дал им власть (см.: Мф 10, 1; Лк 10, 19), а не Духа Святого. Потому, сколько ни совершали они чудес, они творили их не Духом, но властью и именем Господа. Когда же Он воскрес из гроба, тогда сказал им: *примите Духа Святаго* (Ин 20, 22). И в Пятидесятницу сошел на них Дух Святой (см.: Деян 2, 1—4). И иначе: сила Духа и прежде креста была в пророках и апостолах, но не так, как после вознесения, то есть не так щедра и обильна, чтобы сравнивать ее с реками. Посему

евангелист справедливо сказал, что *еще не было на них Духа Святаго*, то есть излита в таком обилии, как впоследствии. Хотя Он был и прежде креста, но не в обилии, ибо Иисус еще не был прославлен. Здесь евангелист славой называет крест, потому что Господь крестом низверг мучителя и воцарился. Посему, когда еще ни крест не был водружен, ни грех упразднен, ни природа наша во Христе не победила мир и не примирилась с Богом, естественно, не была дарована и обильная благодать Духа. Ибо нужно было нам прежде соделаться друзьями Богу, а это совершено через крест, потом уже получить и дар Божий, подобно как и в мирском быту прежде человек делается другом царя, а потом получает и дары. Итак, благодарение Богу, который излил на нас такую обильную благодать, какой не имели и пророки, ибо пророки имели благодать Духа, но не уделяли оной другим, а апостолы исполнили ею бесчисленное множество людей.

(40–43) *Многие из народа, услышавши сии слова, говорили: Он точно пророк. Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид? Итак, произошла о Нем распря в народе.* — Пристыженные смелостью речи,

одни из народа, а не из начальников (ибо начальники по зависти всегда были против Него) исповедуют, что Он есть Пророк, Которого ожидают; другие, из числа неученых и нерассудительных, говорили, что Он — Христос, не понимая, что Христос и ожидаемый Пророк одно и то же Лицо. Более неразумные говорят, что Христос придет не из Галилеи, а из Вифлеема и от семени Давидова. Но они говорили это со злым умыслом, а не как Нафанаил. И он говорил: *Из Назарета может ли быть что доброе* (Ин 1, 46), — но говорил как человек сведущий и точный в законе. Посему Господь и похвалил его, так как он говорил сие не со злым умыслом, а по точному знанию закона. А эти с хитростью говорят, что Христос придет не из Галилеи. Они могли знать, что Иисус из Вифлеема, хотя воспитан и в Галилее; но по зависти не хотят признать происхождения Его из Вифлеема, а называют Его галилеянином. Пусть они и не знали, что Он из Вифлеема. Но как им не знать, что Он от семени Давидова? Мария очевидно вела род Свой от Давида. Отсюда и открывается, что они говорили так злонамеренно.

Произошла о Нем распря в народе, а не в начальниках, потому что начальники держались одной мысли: чтобы не принимать Его за Христа.

(44–46) *Некоторые из них хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук.*

Итак, служители возвратились к первосвященникам и фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его? Служители отвечали: никогда человек не говорил так, как Этот Человек. — Славе Христовой более умеренные в злобе противились лишь на словах, а более бесстыдные хотели и руки наложить. Однако же Божественная сила невидимо удержала их. Впрочем, и это чудо их не поразило. Справедливо сказал о них Давид: *разделишася, и не умилишася* (Пс 34, 15). Посмотрим, что отвечают фарисеям служители, посланные для того, чтобы привести Его. Они очень благоразумны. Фарисеи считали себя мудрыми, читали Писание и видели чудеса, но восстают против Господа и, как разбойники, спрашивают: **Для чего вы не привели Его?** А служители убедились одним учением, без знамений. Так они были удобопреклонны к добру. Что они пленились не знамениями, а одним учением, — что важнее, — видно из следующего. Они не сказали «никогда человек не чудодействовал так», но — **не говорил так.** Вот как были они готовы и быстры к принятию слова спасения. Но нужно удивляться не одному только благоразумию их, но и смелости. Они не робеют перед яростью фарисеев, не унижаются как служители и не говорят в угоду своим начальникам, но свидетельствуют об истине. Им должны подражать все, состоящие

под властью начальников, и не слушать их, когда они приказывают что-либо несправедливое, как случилось и при Сауле. Он, вопреки закону, приказывал умертвить священников Божиих, но предстоящие не послушались и не сделали по его злой воле (см.: 1 Цар 22, 17).

(47–51) Фарисеи сказали им: неужели и вы прельстились? Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он. Никодим, приходивший к Нему ночью, будучи один из них, говорит им: судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает? — Почему фарисеи обращаются к служителям не с гневом, но с кротостью и так мягко говорят: *Неужели и вы прельстились*, которые умнее других прочих и всегда находитесь при нас, опытных в законе? Говорят так, потому что боялись, чтобы они совсем не отделились от них и не пристали ко Христу. Затем стараются убедить их примером, но очень неразумно.

Уверовал ли в Него кто из начальников? — Но кто виноват: Христос или те, которые не уверовали в Него? Без сомнения, те, которые не уверовали, подлежат осуждению. О народе говорят *проклят он* за то, что он уверовал, между тем как сами и за свое неверие, и за препятствие прочим веровать достойны бесчисленных проклятий.

Для чего евангелист замечает о Никодиме, что он приходил к Иисусу *ночью* и что он *один из них*? Для того, чтобы обнаружить их ложь. Они сказали, что никто из начальников не уверовал в Него, а он показывает, что они и в этом случае лгут, ибо вот Никодим — и начальник, и один из них, а уверовал во Христа. Что им замечает Никодим? Он говорит: «Разве закон наш осуждает человека, не выслушав его прежде?» Этим он показывает, что они ни закона не читали, ни требований его не исполняли, хотя и много мечтали о законности. Ибо если закон не велит никого убивать без предварительного суда, не выслушав прежде, а они имели рвение к тому, то, очевидно, они преступили закон. Сказал еще: *Если... не узнают, что он делает*. Этим показал, что нужно выслушать не просто, но весьма внимательно, чтобы узнать, как нужно поступить, а не осуждать, не разузнав дела.

(52–53) *На это сказали ему: и ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк. И разошлись все по домам.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Исус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши. Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет

миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. — Когда Никодим весьма разумно обличил фарисеев в их противозаконном распоряжении, они, раздосадованные, с грубостью и даже зверством говорят ему: *и ты не из Галилеи ли?* (ст. 52). Но как это может служить ответом на замечание Никодима? Он сказал, что без суда и следствия нельзя обвинять человека. Без сомнения, в ответ на это им нужно было доказать, что они обвиняют Иисуса не без суда, но законно, что они и служителей послали схватить Его, и всё делают так, как должно. А они что говорят? *И ты не из Галилеи ли?* Видишь, как неразумно? Видишь, какая непоследовательность в их словах? Потом, выставляя его невеждой, говорят: *рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк* (ст. 52). то есть ступай и научись, так как доселе не научился, что пророк из Галилеи не приходит. Говорят так, осмеивая его как несведущего. Но, о фарисеи! Что Никодим сказал? Он не сказал, что Иисус есть пророк, но сказал, что не должно убивать Его без суда. Как же он сказал одно, а вы отвечаете на это другое?

Я свет миру. — Так как фарисеи постоянно укоряли Христа Галилеей, а принимали Его за одного из пророков, то Он показывает им, что Он не из числа пророков. *Я, говорит, свет ми-*

ру (все в собственном смысле), свет не пророческий, то есть неполный и слабый, но Свет истинный, не ограничивающийся пределами Галилеи или Палестины, но *свет миру* и Владыка всех людей; Я Тот, о Ком пророк сказал: *Я... поставлю Тебя... во свет для язычников* (Ис 42, 6). Этим изречением можешь пользоваться и против Нестория. Ибо не сказал Господь «во Мне свет миру», но — *Я свет миру*. Кто видим был, как человек, Тот же был и Божий Сын, и свет миру, а не так, как пустословил Несторий, будто бы Сын Божий обитал в простом человеке. Нет! Сын Марии и Божий, как сказано, был един.

Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме. — То есть не останется в заблуждении, но освободится от заблуждения и тьмы. Этим одобряет Никодима и служителей, как прямо действующих и потому во свете находящихся, и фарисеям намекает, что они находятся в заблуждении и тьме, потому втайне и строят козни.

(13–14) *Тогда фарисеи сказали Ему: Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно. Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду.* — Когда Он сказал *Я свет миру*, Его

обвиняют за то, что Он Сам о Себе свидетельствует. О безумие! Он постоянно приводит свидетельства о Себе из Писания, а они обвиняют Его, что Он Сам о Себе свидетельствует. Посему Он отвечает им по лукавству их. Пусть так, что Я Сам свидетельствую о Себе, хотя на деле не так, а Я имею трех свидетелей — Отца Моего, дела Мои и Писание, как и выше сказано (см.: Ин 5, 33 и 36—37, 39). Положим, что Я Сам свидетельствую о Себе. Но *если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю*, что Я — Сын Божий, и не простой человек, но свыше приходящий и Бог. Как же свидетельство Мое ложно, когда Я — Бог и посему достоин веры? Бог, без сомнения, достоин веры и в свидетельстве о Самом Себе. Притом Я и пойду к Богу истинному. Как же, намереваясь идти к Истинному, буду Я лгать?

(15–16) *Вы сүдите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня.* — Я, говорит, как Бог и пришедший свыше, свидетельствую Сам о Себе истину, а вы смотрите только на видимое, и так как Я во плоти, *вы сүдите по плоти*, то есть ошибочно, вы принимаете Меня за простую плоть, а не за Бога и пришедшего от Бога. Но как о живущем по плоти говорится, что он живет порочно, так

и о сужащем по плоти нужно сказать, что он не-
праведный судья.

Потом, как бы кто сказал: «Если мы, иудеи, судим несправедливо, то почему не наказываешь, почему не осуждаешь?» А Он говорит, что Он не затем пришел, чтобы судить. *Я ныне не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен*, и если бы Я захотел судить, вы были бы осуждены. Ныне же вы остаетесь без осуждения не потому, будто Я не могу осудить вас, но потому, что ныне не время, так как осуждение вас Я сберегаю до Второго Пришествия. Так и в другом месте Он говорит: *Я пришел не судить мир, но спасти* (Ин 12, 47). А что Судия всех есть Он, слушай неложные уста: *Отец... весь суд отдал Сыну* (Ин 5, 22). Посему, когда слышишь *Я не сужу никого*, разумеи сии слова не о будущем Пришествии, а о Первом.

Сказав *потому что Я не один* [только], но *Я и Отец* Мой со Мною, Он объявил: «Не только один Я осуждаю вас, но Я и Отец, ибо не иначе сужу Я и иначе судит Отец, но — как Я, так и Он; и как Он, так и Я».

(17–18) *А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно. Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня.* — Ариане и евномиане, не признающие Сына единосущным

Отцу, пусть скажут здесь: «Если бы Он не был единосущен, то как бы осмелился сказать, что имеет свидетельство и достоверность такие же, как и Отец?» Когда два человека свидетельствуют о чем-либо и свидетельство их истинно, очевидно, что и достоверность их одинакова. Так и здесь Он доказывает, что свидетельство Его Самого ничем не ниже свидетельства Отца. Ибо слушай, с какой властью говорит далее: *Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец.* Видишь равенство власти и как Он выставляет Себя столь же достоверным, сколь и Отец? Этого Он не осмелился бы сказать, если бы достоинством был ниже Отца и не был Ему равен и единосущен. Ибо если бы Он хотел показать, что в чем-нибудь уступает Отцу и меньше Его, то не сопричислил бы Себя к Отцу и свидетельства Своего не сопоставил со свидетельством Отца, но, будучи рабом, как богохульствуют еретики, обратился бы к кому-то из сорабов и его сделал бы сосвидетелем, например Иоанна, Моисея; и вообще если бы Он пожелал таких свидетельств, нашел бы их множество. Но теперь Он желает показать Свое единосущие с Отцом, вот и сопричисляет Себя к Отцу. Если же в других местах Он приводит в свидетели о Себе Иоанна, Моисея и пророков, не удивляйся сему, — Он делает это приспособительно к понятию слушате-

лей. Они Иоанна и Моисея ставили выше Его, посему Он и приводит свидетельство тех, кого они считали славными и великими. Высокое понятие они имели о Боге и Отце, ибо что иное прославляли, как не Бога? Посему теперь Он приводит свидетелем и Его Самого, Сущего над всеми Бога. А так как Он Самого Себя сопоставляет с таким непогрешимым и неложным Свидетелем, то весьма очевидно: Он имеет одинаковую с Отцом важность и власть. И те, кто называет Его рабом и по всему меньшим Отца, должны посрамиться.

(19-20) *Тогда сказали Ему: где Твой Отец? Иисус отвечал: вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его.* — Так как спрашивали Его об Отце в виде искушения, а не с целью познать истину, то Он их и не удостоивает ответом, но говорит: *Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего*, — то есть не можете знать Отца Моего без Меня. Хотя вы и думаете, что почитаете Бога, но так как не веруете, что Он — Отец Мне, истинному Сыну, то нет вам никакой пользы. Вы и не знаете Его, как должно знать. Иначе вы знали бы и почитали и Меня. А раз теперь вы не знаете и не

почитаете Меня, то и Его не знаете и не воздаёте Ему чести, хотя и думаете наоборот. А что вы не знаете Меня, в том виноват не другой кто, а вы сами. Слышишь ли, нечестивец, подчиняющий Сына Отцу? Если бы Он не был единосущен с Отцом, то как бы сказал: *Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца?* Потому что если, по вашему мнению, Сын есть тварь, то как знающий тварь знает и Бога? Кто знает существо Ангела, тот еще не знает существа Божия. Если же знающий Сына знает и Отца, то Сын подлинно есть одного и того же существа с Отцом. Будешь ли утверждать, что знающие тварь знают и Бога? Никак. Потому что многие и даже все видят и знают тварь, а Бога никто не видит и не знает.

Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме. — Как Он смело держал Себя! И, однако же, дышавшие убийством против Него, имея Его в руках, не смели взять Его. И при этом они не понимали, что делом силы истинно Божеской было то, что Он, окруженный врагами, среди них оставался невредимым и неприкосновенным, тогда как они прежде Пасхи искали Его и подстерегали. Кого искали, когда Его не было, и против Кого, даже в отсутствие Его, неистовствовали, Того, когда Он среди сетей, не могут взять. И при всем этом не признают Его силы, *потому что*, как Он Сам

говорит, *еще не пришел час Его*, то есть не наступило еще предназначенное время смерти Его, в которое Он хотел предать Себя на оную. Ибо и тогда они не могли бы ничего сделать над Ним, если бы не наступило определенное время, которое Он Сам назначил Себе. Распятие было делом не бессилия, но дозволения, ибо Он дозволил, когда захотел. Они давно желали умертвить Его, но были удерживаемы невидимыми узами силы Его: Ему нужно было дольше оставаться живым во плоти, дабы доставить людям больше пользы через совершение бóльших чудес и преподание большего учения.

Где Твой Отец? — Иные думают, что иудеи сказали Господу так в обиду и укоризну. Так как мнимый отец Его Иосиф был беден, то сими словами иудеи как бы говорят, что отец Его безвестен и низкого рода — что постоянно напоминать о нем?

(21–24) *Опять сказал им Иисус: Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем. Куда Я иду, туда вы не можете придти. Тут Иудеи говорили: неужели Он убьет Сам Себя, что говорит: «куда Я иду, вы не можете придти»? Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира. Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что*

это Я, то умрете во грехах ваших. — Для чего так часто Он говорит им: **Я отхожу, и будете искать Меня?** Для того, чтобы потрясти и устрашить души их. Ибо смотри, в какую они тотчас впали заботу. Они в недоумении говорят: **неужели Он убьет Сам Себя?..** Хотя они желали избавиться от Него, просили Его удалиться от них и даже хотели убить Его, однако же настоящее обстоятельство они представляют себе таким важным, что пришли от него в недоумение. **Я отхожу** часто говорит Он и для того, чтобы показать, что Он вперед знает о Своей смерти и что крест есть дело не их силы, но Его произволения. **Я отхожу**, не вы Меня ведете. Но иду добровольно. **Куда Я иду, туда вы не можете придти.** Этими словами показывает, что подлинно воскреснет во славе и сядет одесную Бога, а они умрут во грехах своих. Что же иудеи говорят на это? **Неужели Он убьет Сам Себя?..**

Отвергая такое их предположение и показывая, что самоубийство есть дело преступное, Господь говорит: **Вы от нижних** и не можете помыслить ничего Божественного, потому вам естественно так думать, но **Я не от сего мира**, то есть не забочусь ни о чем мирском и земном, потому-то никогда не могу дойти до такого безумия, чтобы убить Самого Себя, ибо это дело бе-

совское, а не Божеское. Здесь Аполлинарий, ухватившись за это изречение, вслед за манихеями говорит, что, видишь ли, тело Господа было не от сего мира, но свыше, с неба, как и апостол Павел говорит, что *второй человек — Господь с неба* (1 Кор 15, 47). Что же нужно сказать? Или нужно спросить его, как он понимает слова Господа к апостолам *вы не от мира* (Ин 15, 19)? Уже ли так, что и они имели тела с неба, а не от сей твари? Или Господь сказал это потому, что они не заботились о благах мира сего? Так нужно понимать сии слова: *Я не от сего мира*, — то есть Я не то, что вы, заботящиеся о мирском. Подобным образом и апостол Павел говорит некоторым: *Вы не по плоти* (Рим 8, 9), — говорит не потому, будто они бестелесны, но свидетельствует об их любомудрии и свободе от плотских страстей. Что же опять Господь говорит им?

Если не уверуете в Меня, то умрете во грехах ваших. — Если Он пришел на землю затем, чтобы взять *на Себя грех мира* (Ин 1, 29), а получить прощение грехов можно не иначе, как через крещение, креститься же невозможно, не уверовав прежде, то неверующий неизбежно умрет во грехе своем, ибо, не приняв крещения, он не отрекся от ветхого человека. Посему и Господь в другом месте говорит, что *неверующий уже осужден* (Ин 3, 18), — не потому только, что

242 не уверовал, но и потому, что умирает с прежними грехами.

(25–27) *Тогда сказали Ему: кто же Ты? Иисус сказал им: от начала Сущий, как и говорю вам. Много имею говорить и судить о вас; но Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру. Не поняли, что Он говорил им об Отце.* — Спустя столько времени после того, как явлено столько чудес, они еще спрашивают Его: *кто же Ты?* Так они были неразумны, несправедливы и насмешливы. Господь говорит: «Я говорю вам то, что и в начале». Вы, говорит, недостойны ни всецело выслушать Мои речи, ни познать, кто Я, ибо вы всё говорите с целью искусить, а не желаете внимать ничему из Моего учения. Я мог бы и обличить вас в этом, и не только обличить, но и наказать. Ибо на это Он намекает, когда говорит: *Много имею говорить и судить о вас.* Словом *говорить* указывает на обличение, а словом *судить* — на осуждение и наказание. *Но*, говорит, *Пославший Меня* послал Меня не затем, чтобы судить или обличать, *ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него* (Ин 3, 17). И так как Отец Мой послал Меня спасать, а Он *истинен*, то Я по сему самому ныне никого не сужу, а только говорю то, что слышал от Отца Моего, то есть что слу-

жит к спасению, а не к обличению. Говорил Он это для того, чтобы не подумали, что Он не наказывает их по Своему бессилию. Показывает, что не бессилен Он, но не желает наказывать их, так как пришел не наказывать, а спасать.

Когда Он говорил это, они были так неразумны, что *не поняли, что Он говорил им об Отце* Своем. Как часто и много говорил Он уже им об Отце! Но поистине *омрачилось несмысленное их сердце* (Рим 1, 21). Некоторые же так понимают сии слова, что *Пославший Меня есть истинен*: «Я мог бы и ныне судить вас, но оставляю это до будущего века, а вы не веруете и не обращаете внимания на время воздаяния. Но если вы и не веруете, то истинен Отец Мой, Который и день назначил для воздаяния вам, и Меня послал возвестить об этом и открыть миру Его правду и силу».

(28–29) *Итак, Иисус сказал им: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно.* — Много чудес совершил Иисус и, однако же, не привлек к Себе иудеев. Теперь говорит им о кресте. Вы, говорит, думаете, что когда распнете Меня, будете свободны от всякой

заботы и избавитесь от Меня. А Я говорю, что вы узнаете, что это Я, то есть Христос, Сын Божий, всё носящий и держащий (ср.: Евр 1, 3), и что Я не противник Отцу, не действую и не говорю Сам от Себя, ибо не имею собственной воли, отличной от воли Отца. Как же они узнают Его на кресте? Из знамений того времени, из воскресения Его и пленения их. Ибо всё это могло обнаружить Его силу. Итак, говорит Он, когда распнете Меня, узнаете то и другое — и силу Мою, и единомыслие Мое с Отцом. Ибо Отец не предал бы вашего города римлянам в отмщение за Меня и не совершил бы знамений на кресте, если бы не был Я Сыном Его и единомысленным, а не противным Богу. Тогда узнаете, что чему Я ни учу и что Я ни говорю, это от Него, несомненно Божественно и не Мое, но — Пославшего Меня. Потом, дабы не подумали, что послание и посольство означают подчиненность, говорит: «Отец Мой со Мной. Хотя Он и послал Меня как человека, но Я неразлучен с Ним, а Он со Мной, как Бог с Богом». Затем опять нисходит к уничиженной речи и говорит: *Не оставил Меня одного*, потому что Я делаю угодное Ему. Так смиренно говорит Он для иудеев. Они говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботу. А Он говорит, что делает угодное Ему, так что если и субботу нарушает, то делает угодное Ему. Впро-

чем, такой уничиженной речью Он несколько не вредил Своей славе, но слушателям приносил пользу, да и славу Свою через это еще более упрочил. Ибо слушатели, слыша, что Он всё относит к Отцу, охотнее прилагались к Нему и веровали в Него, так что смирение более возвышало Его. Видишь достоинство блаженного смирения? А что это так, слушай далее.

(30–32) *Когда Он говорил это, многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаёте истину, и истина сделает вас свободными.* — Я сказал, что слушатели смиренными речами более увлекались. На это намекает и евангелист. *Когда Он говорил это,* замечает он, *многие уверовали. Говорил это* понимай как речи смиренные и как бы недостойные Его славы. Посему когда слышишь, что Он говорит о Самом Себе нечто малое и несовершенное, ни в коем случае не смущайся, ибо Он говорит это для слушателей, которые не могут понять что-нибудь высшее и тотчас приходят в ярость. Иначе этого бы не случилось с ними, не могущими постигнуть глубины богословского таинства, когда высота Его славы осталась непостижимой и для христиан, познавших Его силу и спасенных Им.

Когда слышишь, что *многие уверовали*, понимай так, что уверовали просто и как случилось, а не как должно было; уверовали потому, что им понравилось смирение в речах Его. А что они не были верующими в точном смысле слова, это очевидно.

К уверовавшим в Него Иудеям говорил: *...Если пребудете в слове Моем.* — Этим показывает, что хотя они и уверовали, но поверхностно, и потому не останутся в вере. Обличая же их в этом, показывает, что Он знает сердца их и есть Бог. А так как некоторые из прежних мнимых учеников Его удалились, посему к уверовавшим теперь Он говорит, что хотя те удалились, но если вы пребудете в Моем слове и вере, то *познаёте истину*, то есть Меня, ибо *Я есмь... истина* (Ин 14, 6). Ныне вы не знаете истины, потому что закон, блюстителями которого вы себя почитаете, не есть истина, но образ и тень ее. Если познаете Меня, Который истинен, то истина освободит вас, то есть Я освобожу вас от грехов. Ибо кто верует во Вземлющего грех мира, тот, без сомнения, свободен от грехов. Как неверующим Он сказал, что умрете во грехах своих (см.: Ин 8, 21), так тем, которые пребудут в вере, обещает свободу от грехов. Потому что законные жертвы и окропления, как образы, не могли освобождать от грехов, а жертва духовная и ис-

тинная через веру и познание освобождает нас от грехов, и мы уже не остаемся рабами греха, но соделываемся сынами Божиими.

(33–36) Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. — Гордые иудеи и здесь опять привязываются к суетному благородству и с яростью говорят: **Мы семя Авраамово.** Если и нужно им было негодовать, то на что-нибудь другое. Он сказал им, что они познают истину. Посему им следовало бы сказать: «Что же, разве ныне мы не знаем истины? Разве все предписания закона и наше познание ложны?» Но они ни о чем таком не заботились — они беспокоятся о делах мирских, думая, что Он укоряет их в рабстве и низком происхождении. Нигде они не упоминают о своих достоинствах, но обращаются к отцам. Посему и Матфей говорит им: **И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам»** (Мф 3, 9).

Говоря, что **не были рабами никому**, они явно лгали, потому что каждый раз, когда они были пленяемы, они были в порабощении у многих

народов — египтян, вавилонян и у иных. Господь не обличает их во лжи. Его цель доказать не то, что они рабы человеков, но что они рабы греха. А это рабство и есть самое тяжкое, и от него может избавить один только Бог, ибо отпускать грехи дело одного только Бога.

Посему говорит: *Всякий, делающий грех, есть раб греха*, а поэтому и вы, поскольку грешны, также рабы. На это они могли сказать, что хотя мы и подлежим такому рабству, но у нас есть жертвы, есть священники, которые очищают нас от грехов. А Господь говорит, что и они рабы, *потому что все согрешили и лишены славы Божией* (Рим 3, 23). Впрочем, священники ваши, будучи сами рабами, не имеют власти другим прощать грехи. Об этом яснее говорит апостол Павел, а именно: священник должен приносить жертву и за самого себя, как за народ, потому что и сам обложен немощами (см.: Евр 5, 2—3).

Раб не пребывает в доме вечно. — То есть не имеет власти дарить что-нибудь, так как он не господин дома, а сын — господин дома, потому и пребывает в доме. Домом называет власть, как в другом месте именуется домом начальство, говоря: *В доме Отца Моего обителей много* (Ин 14, 2). Итак, те священники ваши, будучи рабами, не имели власти прощать грехи. А Я, Сын, пребывающий в доме, то есть имеющий власть и само-

стоятельное начальство, Владыка дома, одарю вас свободой, потому что всё Мое и Я единосилен и единовластен с Отцом. Когда Я вас освобожу, тогда вы будете почтены истинной свободой. Теперь вы присваиваете ложную свободу, а Мной будете освобождены существенно и истинно.

(37–38) *Знаю, что вы семя Авраамово; однако ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас. Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего.* — Вы, говорит, считаете себя семенем Авраамовым. Я согласен с тем, что вы сохраняете плотское родство с этим святым, но у вас нет с ним родства по духу. Он праведен, человеколюбив и странноприимен, а вы (умалчиваю уже о прочих сторонах вашей жизни, выставляя самое явное, что вы теперь делаете) дышите убийством и ненавистью к людям, потому что вы *ищите убить Меня* и злоумышляете против Меня. Какие же вы истинные его дети, когда так далеки от свойств отца? Если вы хвалитесь родством, то должны подражать и добродетели его. Чтобы иудеи не сказали Ему, что мы справедливо ищем убить Тебя, Он выставляет им причину. Вы, говорит, беснуетесь против Меня не за другое что, как за то, что *слово Мое* превышает ваше разумение и *не вмещается*

в вас. Между тем за это нужно было бы не убивать, а уважать и почитать и сильнее желать, чтобы Я научил высоте догматов. Чтобы опять не сказали Ему, что мы и за слово Твое справедливо ненавидим Тебя, потому что Ты говоришь нам не от Бога, а от Самого Себя, и потому мы не можем принять Твоего учения, Он прибавляет: **Я говорю не Сам от Себя, но говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего.** Я, говорит, возвещаю Божественное и небесное и тем являю Отца Моего, а вы своими делами являете отца вашего, то есть дьявола. Когда слышишь слова: **Я говорю то, что видел,** — не думай о телесном видении, но разумей знание естественное, истинное и самое верное. Как глаза, здраво видящие дело и истину, видят истинно и не обманываются, так и Я истинно говорю то, что узнал от Отца.

(39–41) Сказали Ему в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога. — Он выставляет отцом их дьявола, потому что в делах их видит подобное

ему, а они постоянно выставляют Авраама. Господь часто напоминает об их преступном намерении и отрицает родство их с праведником для того, чтобы пресечь лишнюю хвастливость их и убедить, что надежду нужно полагать не в суетной гордости плотским родством, а в сходстве произволения. Воистину, как врач душ, Он утишает в них воспаление, происходящее от мечтания о родстве с Авраамом и препятствующее им прийти ко Христу, ибо они родство это считали достаточным для своего спасения. Итак, вы, дышащие убийством и ищущие умертвить Меня, не дети Авраама. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал, что они справедливо ищут убить Его, говорит: «Я — человек, не восстающий против Бога, не ищущий Своей славы, но говорящий, что слышал от Отца Моего, и сказывающий истину». Какая это была истина? Та, что Он равен Отцу и не раб, как один из пророков, но Сын, не делающий и не говорящий ничего от Себя, но всё от Отца. Ибо за это они искали убить Его. Они говорят: *Мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога*. Смотри, какая надменность! Господь отрицает родство их и с Авраамом, а они до того тщеславны, что в безумии себя называют детьми Самого Бога. Они хвалятся сыновством Божиим, вероятно, потому, что слышали слова *Израиль есть сын Мой* (Исх 4, 22). Но они

должны были знать, что Бог говорил в другом месте: *Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня* (Ис 1, 2). Господь мог бы обличить их в том, что многие из них *от любодейния рождены*, так как вопреки закону еврейские жены вступали в связи с язычниками, а их жены — с иудеями; однако Он не делает этого — Он не о том заботился, чтобы доказать их телесное неблагородство, но главным образом хотел доказать, что они низки душой.

(42–43) *Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего.* — Так как Он исключил их из родства с Авраамом, то они поднялись еще выше — называют отцом своим Бога. Он укорил их как убийц; они же, защищая себя, говорят, что они мстят за Бога и потому-то замышляют против Него. Посему и Господь, показывая, что они не за Бога вступаются, но по самому замыслу своему хотят убить Его и не суть дети Божии, как они думали, но даже противники Богу, говорит: *Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, ибо Я от Бога исшел* в мир, то есть явился во плоти. Я не противник Богу, Я от Него пришел. Посему, восставая на Меня,

вы враги Богу. *Почему вы не понимаете речи Моей*, не разумеете и не познаете того, что Я говорю? Без сомнения, не по другому чему, как *потому, что не можете слышать слова Моего*, то есть не хотите, ибо «не мочь» употребляется здесь вместо «не хотеть». Доколе в вас живет зависть и убийственный замысел, как вы можете слушать, что Я говорю?

(44–45) *Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне.* — Приводит причину, по которой они не хотели слушать — то, что у них свой *отец* — *диавол*. Хотя вы безумно и приписываете себя в дети Богу, как Отцу своему, но дела ваши свидетельствуют, что диавол для вас есть отец более родной, *вы хотите исполнять похоти* его. Не сказал «дела», но — *похоти*, показывая, что они очень склонны ко лжи и убийству — двум видам зла, кои весьма свойственны диаволу.

Он был человекоубийца от начала. — Посему и вы, ища убить Меня, уподобляетесь ему, убившему Адама. Он *не устоял в истине*, но есть *отец лжи*. И вы, когда лжете на Меня и говорите, что Я не от Бога, не стоите в истине, не

пребываете в слове Моем, — вы дети его, породившего ложь. Ибо он и людям клеветал на Бога, когда говорил Еве, что Он возбранил им древо познания добра и зла по зависти (см.: Быт 3, 1). Равно и Богу клеветал на людей, например на Иова, говоря, что Иов чтит Бога не даром (см.: Иов 1, 9). Когда говорит он ложь, говорит свое; люди, когда лгут, пользуются как бы чужой ложью. А диавол употребляет ложь как собственность, ибо она его порождение; и лжец в собственном смысле, и отец лжи есть он сам. Он сказал Еве: *в день, в который вы вкусите плодов древа, будете, как боги* (Быт 3, 5), — а они, Адам и Ева, получили смерть.

Не верите Мне, говорит Господь, потому что *Я истину говорю*. Не имея ни в чем ином обвинить Меня, кроме истины, вы за сие самое и восстаете против Меня, как сыны отца лжи.

(46–50) *Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне? Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога. На это Иудеи отвечали и сказали Ему: не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе? Иисус отвечал: во Мне беса нет; но Я чтю Отца Моего, а вы бесчестите Меня. Впрочем, Я не ищу Моей славы: есть Ищущий и Судящий.* — Они сами себя на-

зывали сынами Бога. Господь говорит: «Если вы сыны Бога, то вы, конечно, должны ненавидеть грешника. Если и Меня, Которого ненавидите, можете обличить в грехе, очевидно, ненавидите Меня справедливо. Если же никто не может обличить явно, вы ненавидите Меня за истину». За какую истину? Без сомнения, за ту, что Он Сам Себя называл Сыном Божиим, что было совершенно истинно.

Кто от Бога, тот слушает слова Божии. — Посему, если б и вы были сынами Божиими, не отвращались бы от Меня, Сына Божия, спешшего с неба и возвещающего слова Божии. Так кротко говорит им Господь, а они позволяют себе дерзости.

Они говорят: *Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?* Называли Его самарянином как нарушителя иудейских обычаев, например субботного покоя, так как самаряне не соблюдали в точности иудейского закона. А беснующимся называют Его, может быть, подобно тому, как говорили, что Он и бесов изгонял силой... князя бесовского (см.: Лк 11, 15), ибо все клеветавшие, что Он изгонял бесов силой веельзевула, говорили, что Он имел в Себе веельзевулова беса, которым и совершал чудеса. А так как Он открывал их помыслы и пожелания, может быть, считали Его беснующимся

и потому, что думали, будто тайны сердца их были открываемы Ему бесами. Когда назвали Его самарянином? Евангелист нигде об этом не упомянул. Отсюда видно, что евангелисты не всё записали, а многое и опустили, как мы о сем самом заметили в другом месте. Иудеи обижают Его, а Он незлобиво принимает от них обиды. Впрочем, когда они сами себя называют сынами Божиими, Он сильно обличает их, вступаясь за истину, а когда Его обижают, Он не защищается. Этим научает Он и нас вступаться за славу Бога и кротко переносить обиды, касающиеся нас самих.

Во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего. — Как же Он чтит Отца? Вступаясь за Него и не позволяя убийцам и лжецам называться сынами Спасителя и Истины. *Вы*, говорит, *бесчестите Меня* за то, что *Я чту Отца Моего*, поносимого вами, так как вы клевете, что Он Отец ваш. Но если Я и не мщу за Себя, а переносу обиды, вы не думайте, что эта обида останется без отмщения. Есть Отец, Который накажет за обиду, наносимую Мне потому, что Я вступаюсь за Него и не позволяю вам называть самих себя сынами Его. Есть Ищущий Моей славы, и не только ищущий, но и могущий судить и наказывать обижающих Меня без основания. Иной часто ищет взыскания за обиду, но сам не может судить.

А Отец и ищет славы Сына, и может судить. Посему и сказал, что *есть Ищущий и Судящий*.

257

(51–52) *Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек. Иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек.* — Какое человеколюбие! Его обижают, а Он, искание Своей славы, суд и отмщение предоставляя Отцу, обращается к ним с увещанием и учением и таким образом благоденствует тем, которые наносят Ему обиды. Так и мы должны платить своим врагам. Что же Он сказал им? *Кто соблюдет слово Мое*, то есть с верой соединит и жизнь чистую (ибо тот только истинно соблюдает учение Господне, кто имеет и жизнь чистую), такой *не увидит смерти*, которой умирают грешники, предаваемые в будущем веке бесконечному мучению и отпадающие от истинной жизни. Вместе с этим дает им знать: «Если соблюдающий слово Мое не умирает, тем более — Я. Зачем же вы хотите убить Меня, над Которым смерть имеет так мало власти, что Я даже и другим дарую истинную жизнь? Ибо хотя верующие умирают телесно, однако они живы в Боге». Что же говорят на это иудеи? Они считают Его за беснующегося, как будто бы Он от повреждения рассудка говорит

какие-то странности. Умерли Авраам и пророки, которые слышали слова Божии, как же не умрут Твои слушатели? Теперь, говорят, мы истинно, то есть вполне и твердо, узнали, что Ты, говоря это, беснуешься.

(53–55) *Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты Себя делаешь? Иисус отвечал: если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто. Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш. И вы не познали Его, а Я знаю Его; и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжецу. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его.* — Безумцы, не понимая, о какой смерти говорил Господь, что она не коснется верующих в Него, говорят Ему нечто безрассудное и безумное. Смотри, как они отвечают: *Неужели Ты больше отца нашего Авраама?..* Им следовало бы сказать: «Неужели Ты больше Бога? Слушавшие слово Божие умерли, а слушающие Твое не умрут». Но они не так говорят. Желая показать, что Он меньше и Авраама, говорят: *Неужели Ты больше отца нашего Авраама?..* Сам Господь не открывает им, о какой Он сказал смерти. А что Он выше Авраама, в этом убеждает немного позже.

Чем Ты Себя делаешь? — говорят это в обиду. Ты, недостойный ни одного слова, сын плот-

ника, галилеянин, **чем Ты Себя делаешь?** Ни дела́, ни истина, ни Писания, но Ты Сам чем Себя делаешь? Ибо Ты Сам присваиваешь славу.

Господь на это говорит: **Если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто**, как и вы думаете. Но ныне славящий Меня иной — **Отец Мой**. Отец прославлял Его всячески: то пророчествами о Нем, то свидетельством с небес, то бесчисленными и безмерными чудесами. О Сем Отце **вы говорите, что Он Бог ваш**, но не признаете Его ни Отцом Моим, ни Богом вашим. Если признавали бы Его Отцом, почитали бы Сына Его, а ныне Сына Его не почитаете. Очевидно, вы не признаете Его Отцом Моим. Но и не признаете Его и просто Богом. Иначе вы боялись бы слов Его, как Бога. Ныне вы решительно пренебрегаете Им. Он постановил законом **не убивай** (Исх 20, 13; Втор 5, 17) — вы ищете убить Меня, и притом тогда, когда не можете обличить Меня в грехе. Отсюда ясно, что вы совершенно не знаете Его.

А Я знаю Его по природе и имею совершенное знание о Нем, ибо каков Я, таков и Отец. А так как Я Сам Себя знаю, то знаю и Его. **И если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец**. Ибо вы лжете, хвалясь, что знаете Его, а Я отрекусь от истины, если, зная Его, скажу, что не знаю. Чем же Он доказывает, что знает Его?

Тем, говорит, что **соблюдаю слово Его**, то есть заповеди Его. Я не противник Ему, иначе Я хвалился бы, как богопротивник, и заповедей Его Я не нарушаю, а вы — преступники Его заповедей, находитесь в плену, предаваясь злым похотям, жаждете убийства и со страстью совершаете многое другое, воспрещенное законом, и тем ясно обнаруживаете, что не знаете Его, ибо если бы знали Его, соблюдали бы слово Его, то есть заповеди. Иные выражение **соблюдаю слово Его** понимают так: «Потому Я знаю Его, что в Самом Себе имею неизменный образ существа Его, то есть бытия, и какой образ естества у Отца, такой же и у Меня, ибо у Отца и Сына одно и то же естество и один и тот же образ бытия. Посему Я знаю Отца, ибо соблюдаю неизменный образ существа Его». <...>

(56–59) *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь. Тогда взяли камень, чтобы бросить на Него; но Иисус скрылся и вышел из храма, пройдя посреди них, и пошел далее.* — Здесь Он утверждает, что больше Авраама. Выше они говорили Ему: *неужели Ты больше отца нашего Авраама?*.. Здесь Он отвечает:

«Да, Я больше. Он *рад был увидеть день Мой*, то есть считал его приятным, возжеланным и радостотворным, как день весьма благотворный и как день не обыкновенного человека, но большего». Днем называет крест, ибо его прообразовал Авраам в принесении Исаака и в заклании овна. Как тот нес дрова, так Господь нес крест, и как Исаак был оставлен, а заколот овен, так Он, как Бог, пребыл вне страдания, а пострадал человечеством и плотью. Провидя сей день Креста как день всемирного спасения, Авраам *возрадовался*. Показывает и то, что Он добровольно идет на страдания, так как хвалит того, кто радовался о Кресте, ибо через него спасение вселенной. Иные под днем разумеют всё время явления Христа во плоти, провидя которое Авраам возрадовался, что от него и его потомства произойдет Спаситель. А может быть, и не один только Авраам радовался, но и все, как Давид говорит: *Сей день, егоже сотвори, Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный* (Пс 117, 24).

Иудеи, будучи не в силах возвыситься до смысла слов Его, вместо того чтобы расспросить и узнать, о каком Он говорит дне, который видел Авраам, еще более осмеивают Его, будто бы Он говорит что-то безрассудное: *Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама?* Сказали так, думая, что Господу около пятидесяти лет,

тогда как Ему было около тридцати трех. Отчего не сказали они «Тебе нет еще сорока лет», но — *пятидесяти*? Об этом излишне бы и спрашивать. Может быть, они упомянули о пятидесяти годах без определенной мысли. Однако же некоторые говорят, что они так сказали потому, что у них особенно чтился пятидесятый год, то есть юбилейный год, в который рабов отпускали на свободу, покупщики уступали свои приобретения и делали все иное, что относилось к чести.

Что же Господь говорит? *Прежде нежели был Авраам, Я есмь*. Смотри, не сказал «прежде нежели был Авраам, был Я», но — *Я есмь*, ибо *есмь* свойственнее Богу, потому что означает бытие непрерывное и всегдашнее. Так и Отец Его в Ветхом Завете выразился о Себе: *Я есмь Сущий* (Исх 3, 14). Об Аврааме, как тленном, Иисус соответственно сказал *был*, ибо что получило бытие, то и разрушается. А слово *есмь* указывает на свободу от всякого тления и на Божественную вечность. Посему и иудеи это изречение, как приличествующее одному только Богу, приняли за хулу и взяли *каменья... на Него*. Но Он опять со смирением скрывается, чтобы не умереть прежде определенного для Его смерти времени.

Как же скрывается? Он не спрятался в угол храма, не убежал в домик, не прислонился к сте-

не или притаился за столбом, но Божеской властью Сам Себя сделал невидимым для наветников, хотя и *вышел... посреди них*.

И пошел далее, то есть пошел так просто, до некоторого времени. Смотри, как Он исполнил всё со Своей стороны: достаточно научил их и о Себе, и об Отце и указал им на истинное благородство и свободу в свободе от грехов, объяснил, что одно только рабство постыдно — рабство греху, и вообще ничего нужного не опустил. А они бросают в Него камни. Посему-то Он оставляет их, как уже неспособных к исправлению. Заметить и то, что камни бросают те самые, о которых евангелист сказал, что они уверовали в Него (см.: ст. 30 и 31). Значит, вера их была не верой, но

каким-то временным и холодным

расположением к речам

Христовым.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

(1-2) **И** проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: *Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?* — Господь уходит из храма, чтобы укротить сколько-нибудь гнев иудеев. Он приступает к исцелению слепого, чтобы этим знамением смягчить их жестокосердие и упорство, хотя они и не воспользовались сим, и вместе показать, что Он не напрасно и по самохвальству сказал: *прежде нежели был Авраам, Я есмь* (Ин 8, 58). Сам подошел к слепому, а не слепой приблизился к Нему.

Ученики, заметив внимание Его к слепому, спрашивают: *Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?* Сей вопрос кажется странным, ибо как он мог согрешить прежде своего рождения? Апостолы, вероятно, не разделяли языческого суеверия о том, будто душа прежде соединения с телом живет в ином мире и за грех, как бы в наказание, нисходит в тело. Будучи рыбаками, они ничего такого не могли слышать, ибо подобные мысли принадлежали мудрецам. Итак, вопрос кажется неразумным, но не для внимательного. Ибо знай, что апостолы слышали, как Христос сказал расслабленному: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случи-*

лось с тобой чего хуже (Ин 5, 14). Теперь видят слепого, недоумевают и как бы так говорят: «Положим, что тот расслаблен был за грехи, но что Ты скажешь об этом? Он ли согрешил? Но этого нельзя сказать, потому что он слеп от рождения. Или родители его? Нельзя и этого сказать, потому что сына за отца не наказывают». Итак, апостолы в настоящем случае не столько спрашивают, сколько недоумевают. Господь разрешает их недоумения.

(3-5) Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру. — Впрочем, Он говорит это, не освобождая их от грехов. Ибо не просто сказал, что не согрешили родители его, но прибавил, что родился слеп. Хотя родители его и согрешили, но не за это он незрячий. Слагать грехи отцов на детей, ни в чем не виновных, несправедливо. Это внушает и Бог через Иезекииля: да не будет у вас более поговорки этой: *отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскоми-на* (Иез 18, 2). А через Моисея постановил законом, что *отцы не должны быть наказываемы смертию за детей, и дети... за отцов* (Втор 24, 16). Но как же, скажешь, написано: *наказывающий вину*

266 ☩ *отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода (Исх 34, 7)?* На это можно сказать, во-первых, то, что этот приговор не всеобщий, сказанный не обо всех, а только о тех, которые вышли из Египта. Потом смотри и на смысл приговора. В нем не говорится, что дети наказываются за грехи, совершенные отцами, но что наказания за грехи отцов переходят и на детей, когда дети совершали такие же грехи. Чтобы вышедшие из Египта не подумали, что они не будут наказаны тем же, чем отцы их, хотя бы согрешили и хуже их, говорит им, что нет, не так: грехи отцов, то есть наказания, перейдут и на вас, потому что вы не сделались лучшими, но совершили грехи такие же и даже худшие. Если же видим, что нередко и дети умирают в наказание родителям, то знаем, что Бог берет их из здешней жизни по человеколюбию, чтобы они в жизни не стали хуже родителей и не прожили во вред своей душе или даже многим другим. Но бездна судеб Божиих сокрыла эти случаи в самой себе. А мы простремся далее.

Это для того, чтобы на нем явились дела Божии. — Другое затруднение. Иной спросит: как Он сказал это? Ибо это значило бы, что человек, лишенный света, был так обижен для того, *чтобы на нем явились дела Божии.* Разве они не могли явиться иначе? Какую же, ска-

жи ты, человек, он терпит обиду? Ту, скажешь, что лишен света. И какой вред от того, что лишен чувственного света? Напротив, он более благодетельствован, потому что вместе со зрением телесным он прозрел и очами душевными. Слепота послужила ему на добро, так как через исцеление от нее он познал истинное Солнце Правды. Итак, слепец этот не обижен, а благодетельствован. <...> Здесь выражением *для того, чтобы... явились дела Божию* указывается не причина, а следствие, ибо через исцеление слепого прославился Бог. Нередко иной строитель дома сделает одно, а что-то другое оставляет неоконченным для того, чтобы неверящим, что он устроил первую часть, мог через устройство недоконченного доказать, что он есть художник и прежде устроенного. Так и Бог наш Иисус, врачю поврежденные члены и приводя их в естественное (нормальное) состояние, показывает, что Он же есть Творец и прочих членов. *Чтобы явились дела Божию* говорит о Самом Себе, а не об Отце, ибо слава Отца была явна, а нужно было явиться славе Иисуса, как и тому, что сотворивший человека в начале есть Он. А в том, без сомнения, немало славы, когда откроется, что Тот, Кто ныне явился человеком, в начале, как Бог, сотворил человека. Что Он говорит о Самом Себе, слушай далее.

Он прибавляет: *Мне должно делать дела Пославшего Меня*. То есть Мне должно явить Само-го Себя и совершить дела, могущие показать, что Я совершаю то же, что и Отец творит. Смотри, не сказал, что Ему должно делать дела такие же, какие творит Отец, но те самые, которые Отец творит. Мне, говорит, должно делать те самые дела, которые творит Пославший Меня.

Мне должно делать их, доколе есть день, то есть пока длится настоящая жизнь и люди могут веровать в Меня. Потом *приходит ночь, когда никто не может делать*, то есть веровать, ибо делом называет веру. Итак, в будущем веке никто не может веровать. Настоящая жизнь *есть день*, потому что мы в течение ее, как днем, можем делать свои дела, хотя апостол Павел и называет ее ночью отчасти потому, что здесь неизвестны совершающие добродетель или порок, и отчасти по сравнению с тем светом, который озарит праведников. Будущий век есть *ночь*, потому что там *никто не может делать*, хотя апостол Павел и называет его днем, потому что праведные явятся во свете и откроются дела каждого. Итак, в будущем веке нет веры, но все будут повиноваться — желающие и нежелающие.

Доколе Я в мире, Я свет миру, ибо учением и явлением чудес просвещаю души. Посему и теперь должно Мне просветить души многих че-

рез уврачевание слепого и просвещение зрачков в его глазах. Как Свет, Я должен просвещать и чувственно, и духовно.

269

(6–7) Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому и сказал ему: пойди умойся в купальне Силоам, что значит: посланный. Он пошел и умылся и пришел зрячим. — Сказав это, Иисус не остановился на словах, но присоединил к ним и дело. **Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому,** показывая через брение, что и Адама тело образовал из брения Он же. Одни слова «создал Адама Я» могли показаться соблазнительными для слушателей, но когда они снова подтверждаются делом, не оставалось уже повода к соблазну. Устраивает глаза из брения, употребляя тот же способ творчества, каким сотворил и Адама. Не только устроил глаза и открыл их, но одарил зрением, а это показывало, что Он также вдохнул и душу в Адама. Ибо без действия души глаз никогда бы не увидел, хотя бы и был устроен. Употребил и плюновение для одарения зрением. Так как Он намерен был послать слепца на Силоам, то, чтобы кто не приписал чуда воде источника, но познали, что глаза слепому образовала и открыла сила, вышедшая из уст Его, для сего плюнул на землю и из плюновения уст сделал

брение. Потом, чтобы ты не подумал, что чудо зависело от земли, повелевает умыться, чтобы брение совсем отстало. Впрочем, некоторые говорят, что брение совсем не отпало, но превратилось в глаза.

Пойди умойся в купальне Силоам. — Повелевает слепцу пойти на Силоам частью для того, чтобы обнаружилась степень его веры и послушания, ибо он не рассуждал, что не нужно идти на Силоам или умываться, если брение и плюновение делают его вполне зрячим, но повиновался Повелевавшему; частью для того, чтобы заградить уста неразумных иудеев, ибо, естественно, многие смотрели на него, когда слепец сей шел с глазами, помазанными брением, и внимательно вглядывались в него, так что не могли впоследствии говорить, что это не он; и, наконец, для того, чтобы, посылая его на Силоам, о Самом Себе засвидетельствовать, что Он чужд закона и Ветхого Завета.

Силоам, что значит: посланный. — Для чего евангелист прибавил объяснение названия Силоам? Для того, чтобы ты знал, что и тут исцелил слепца Христос и что Силоам — образ Христа, ибо как Христос есть Камень духовный (см.: 1 Кор 10, 4), так и Силоам — духовный; и как силоамский ручей своим странным течением представлял нечто внезапное и поразительное, так и Пришествие

Господа, сокровенное и недоведомое Ангелам, силой своей потопляет всякий грех.

271

*(8–11) Тут соседи и видевшие прежде, что он был слеп, говорили: не тот ли это, который сидел и просил милостыни? Иные говорили: это он, а иные: похож на него. Он же говорил: это я. Тогда спрашивали у него: как открылись у тебя глаза? Он сказал в ответ: Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: пойдь на купальню Силоам и умойся. Я пошел, умылся и прозрел. — Соседи, пораженные необычайностью чуда, не поверили. Хотя шествие его на Силоам с глазами, помазанными брением, для того и было, чтобы многие увидели его и потом не отрекались бы незнанием, однако же и теперь не верят. Евангелист не без намерения замечает, что он просил милостыню, но хотел показать неизреченное человеколюбие Господа в том, что Он снисходил и к бедным, что Он с большим попечением врачевал и нищих, а отсюда и мы научились бы не презирать своих меньших братьев. А слепец, не стыдясь прежнего убожества, не боясь народа, открыто говорит: **Это я**, — проповедует благодетеля и говорит: **Человек, называемый Иисус**. Называет Господа человеком, потому что доселе еще ничего не знал о Нем, а то, что теперь узнал, то и исповедует. Откуда*

же знает, что это Иисус? Из разговора Его с учениками. Ученики спрашивали Господа о нем. Он им довольно продолжительно отвечал: *Мне должно делать дела Пославшего Меня* (ст. 4); *Я свет миру* (ст. 5). Так не учил никто иной, кроме одного Иисуса, и такие речи Он употреблял часто. Отсюда-то и узнал слепец, что это Иисус. Что Он сделал брение и помазал его глаза, он знал из прикосновения и сказал о том. О плюновении умолчал, потому что не знал, а поскольку не знал, то и не прибавил. Видимо, человек этот был праведный.

(12–16) *Тогда сказали ему: где Он? Он отвечал: не знаю. Повели сего бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус сделал брение и отверз ему очи. Спросили его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу. Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? И была между ними распря.* — Так как Господь, даруя исцеление и совершая чудо, по обыкновению укрывался по Своей скромности, то слепец на вопрос о том, где Иисус, говорит *не знаю*, чтобы быть совершенно верным истине. Тогда ведут его к фарисеям, что-

бы подвергнуть еще более подробному и строгому допросу. Евангелист замечает, что **была суббота**, чтобы показать злобу их, как они ловят всякий случай против Христа: обвиняют Его в нарушении субботы и тем покушаются затемнить чудо. Посему спрашивают его, **как он прозрел**, но не «как Он отверз тебе очи», во всем клеветца на Господа, как действовавшего в субботу. Заставляют самого слепого припомнить, что Он сделал брение именно в субботу. Он, отвечая уже слышавшим, не упоминает ни об имени Иисуса, ни о том, что говорил ему Господь, а только говорит: **Брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу**. Ибо, вероятно, фарисеи прежде слышали об этом от тех, которые привели к ним слепого, и, быть может, клеветали на Господа и сказали: «Вот что Иисус делает в субботу!» Достойна замечания смелость слепца, что он безбоязненно ведет речь с фарисеями. Его привели с тем, чтобы он, пораженный страхом, отверг действительность исцеления, а он очень ясно возглашает: «Я вижу».

Из фарисеев некоторые — не все, а более дерзкие — говорили: **Не от Бога Этот Человек**. А другие говорили: **Как может человек грешный творить такие чудеса?** Видишь, под влиянием чудес многие смягчаются. Вот эти люди — фарисеи, начальники — вследствие сего

чуда, однако же, пристыжаются, и некоторые из них защищают Сотворившего чудо.

И была между ними распря. — Распря эта происходила прежде в народе, ибо одни говорили, что Он обольщает народ, а другие — что Он добр (см.: Ин 7, 12 и 43), а теперь начинается она и между начальниками. Многие фарисеи, отделившись от прочих, защищают чудо, однако же теперь они говорят за Христа очень слабо и больше с сомнением и двоедушием, чем твердо, ибо слушаешь, что говорят: *Как может человек грешный творить такие чудеса?* Видишь, как слабо возражают? Посмотри и на хитрость клеветников. Они не говорят, что Он не от Бога, потому что исцеляет в субботу, но что Он *не хранит субботы*; постоянно выставляют на вид не благодеяние, а нарушение дня. Примечай и то, что начальники на добро медлительнее, чем народ. Народ еще прежде разделился во мнениях, и не все говорили против Христа, а начальники уже после народа пришли к этому же похвальному разделению. Ибо хорошо иногда бывает и разделение, как и Господь говорит, что на землю *не мир пришел Я принести, но меч* (Мф 10, 34), то есть, без сомнения, разногласие из-за добра и благочестия.

(17–19) *Опять говорят слепому: ты что скажешь о Нем, потому что Он отверз тебе очи? Он сказал: это пророк. Тогда Иудеи не по-*

верили, что он был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего и спросили их: это ли сын ваш, о котором вы говорите, что родился слепым? как же он теперь видит? — Кто были спрашивающие *ты что скажешь о Нем?* Они были из числа благоразумных, ибо говорили, что как может грешник творить такие дела? Чтобы им не показаться напрасными защитниками, они приводят в свидетельство самого получившего благодеяние как испытавшего на себе силу Его, дабы заградить уста клеветников. Смотри, как те благоразумно спрашивают. Не сказали «ты что скажешь о Нем, потому что Он сделал брение и не сохранил субботы?», но напоминают о чуде: *потому что Он отверз тебе очи*, — как бы подстрекая исцеленного сказать о Христе сущую правду. Напоминают ему и побуждают его: *потому что Он отверз тебе очи*. Он, говорят, облагодетельствовал тебя, и ты должен проповедовать о Нем. Слепой теперь и исповедал что мог, а именно: что Он не грешник, но от Бога, что Он *пророк*, хотя иные и говорят, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы. Христос одним перстом совершил помазание брением — и Его считают нарушителем субботы! Сами же иудеи всей рукой отвязывают животных для того, чтобы напоить их, — и считаются благочестивыми! Жестокосердые и упорные, они

призывают родителей прозревшего с целью поставить их в затруднение и через то принудить их отвергнуть прежнюю слепоту сына. Так как они не могли заградить благонамеренные уста, то запугивают родителей в надежде уничтожить чудо. Итак, ставят их на середине и делают допрос с яростью и с еще большей злобой. Не говорят *«это ли сын ваш, бывший некогда слепым»*, но — *о котором вы говорите*, как бы так говоря: «которого вы сделали якобы слепым и молву об этом всюду распространили совершенно вымышленно и ложно». Но, о злочестивые фарисеи! Какой отец позволит себе лгать так о своем детище? С двух сторон стесняют их и принуждают отказаться от сына: выражением *о котором вы говорите* и вопросом *как же он теперь видит?* Видишь ли? Ложным будто бы показанием родителей о том, что сын их прежде был слеп, они унижают это чудо — что он впоследствии стал зрячим. Говорят: ложно или то, что он видит теперь, или то, что он был слеп. Но что он зряч, это истинно, следовательно, вы ложно разгласили, что он прежде был слеп.

(20–23) *Родители его сказали им в ответ: мы знаем, что это сын наш и что он родился слепым, а как теперь видит, не знаем, или кто отверз ему очи, мы не знаем. Сам в совершенных летах; самого спросите; пусть сам*

*о себе скажет. Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги. Посему то родители его и сказали: он в совершенных летах; самого спросите. — Фарисеи родителям слепого предложили три вопроса: сын ли это их, слепым ли он родился и как он стал зрячим? На первые два вопроса они отвечают утвердительно: что это сын их и что он был слеп, — а о способе исцеления не отвечают за незнанием. Так случилось, без сомнения, для того, чтобы истина была признана тверже, чтобы ее засвидетельствовал сам получивший благодеяние и потому свидетель достовернейший, как и родители его говорят, что он **сам в совершенных летах**, он не дитя или недоросль, чтобы не понимал, как исцелился. Так отвечали родители его потому, что боялись фарисеев. Они были слабее в вере и малодушнее сына своего, а он становился неустрашимым свидетелем истины, потому что стал хорошо видеть и мысленными очами.*

(24–29) Итак, вторично призвали человека, который был слеп, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник. Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу. Снова спросили его: что сделал Он

*с тобою? Как отверз твои очи? Отвечал им: я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделать-ся Его учениками? Они же укорили его и сказали: ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он. — Раз родители настаивали на том, что нужно спрашивать сына их, то так и делают, высокомерные. Они приводят его, но не затем, чтобы спрашивать, а чтобы внушить ему обвинение на исцелителя, ибо внушение **воздай славу Богу** значит исповедуй, что Иисус ничего для тебя не сделал, и в том, чтобы не приписывать ничего доброго Иисусу, поставляют славу Божию! Мы, говорят, знаем, что Он грешник. Почему же вы не обличали Его, когда Он вызвал вас на это, говоря: *кто из вас обличит Меня* во грехе (Ин 8, 46)?*

Слепец говорит: *«Грешник ли Он, не знаю и теперь этого не испытываю и не утверждаю. Но весьма ясно знаю то, что Он совершил надо мной чудо»*. Итак, пусть это дело будет рассмотрено само по себе и даст о Нем понятие. Потом, когда снова спрашивали его, *что сделал Он с тобою*, поставляя в вину Спасителю, что Он помазание брением совершил в субботу, человек этот понял, что они спрашивают не для разумения, а для обвинения, и ответил им с укоризной: «Не

хочу я более говорить с вами, потому что много раз я рассказывал, *и вы не слушали*».

279

Потом, что особенно могло уязвить их, прибавляет: *Или и вы хотите сделаться Его учениками?* Очевидно, он сам желает быть учеником Его. Шутя и смеясь над ними, говорит спокойно, а это показывает душу смелую и неустрашимую и не боящуюся их бешенства. На обиду его они говорят: *Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики*. И здесь явно лгут. Если были бы учениками Моисеевыми, то были бы и Христовыми, как и Сам Он говорит: *Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне* (Ин 5, 46).

Не сказали «мы слышали», но — *мы знаем, что с Моисеем говорил Бог*, хотя об этом им передали предки. О том, что приняли по слуху, говорят, что верно знают, а Того, Чьи чудеса видели своими глазами и Чье учение Божественное и небесное слышали сами, называют обманщиком (см.: Ин 7, 12). Видишь, до какого безумия довела их злоба.

(30–33) *Человек прозревший сказал им в ответ: это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от*

Бога, не мог бы творить ничего. — Вы, говорите, иудеи, отвергаете моего исцелителя потому, что будто бы *не знаете, откуда Он*. А я говорю, что Он тем более достоин удивления, что, не будучи из числа знатных между вами и славных людей, может совершать такие дела, которые совершенно ясно свидетельствуют о том, что Он владеет высшей силой и не нуждается ни в какой помощи человеческой. Потому как прежде некоторые из них же говорили: *как может человек грешный творить такие чудеса?* (ст. 16), — то и он берется за это осуждение их и напоминает им собственные их слова.

Мы, говорит, все знаем, что грешников Бог не слушает, а слушает того, кто почитает Его и исполняет волю Его. Примечай отсюда, как он не только отстраняет грехи от Господа, но иставляет Его великим угодником Божиим и делающим всё по Его воле, когда говорит: *Но кто чтит Бога и творит волю Его.* Далее, зная, что они хотят затемнить чудо, он с полным разумением проповедует о благодеянии. *Если бы Он не был от Бога,* то не мог бы совершить такого чуда, какого никто не совершал от века. Если же, может быть, когда и открывались глаза слепых, то не от рождения испорченные, а от какой-нибудь болезни. Но совершившееся ныне — неслыханное дело. Итак, очевидно, что совершивший та-

кое чудо — более чем человек. Некоторые вдаются в холодное и утонченное совопросничество. Как, говорят, сказано, что *грешников Бог не слушает*? Он Человеколюбец. Что же, говорят, значат здесь эти слова? На такой вопрос не следовало бы и отвечать. Однако же нужно сказать, что словами этими — *грешников Бог не слушает* — выражается та мысль, что Бог грешникам не дает силы творить чудеса, ибо Дух Божий не станет обитать в теле, обложенном грехами. Тех же, которые искренно и от сердца просят себе прощения грехов, Бог выслушивает не как грешников, а как кающихся, ибо вместе с тем, что они просят себе прощения, они перешли уже из ряда грешников в ряд кающихся. Посему справедливо сказано, что *грешников Бог не слушает*. Он не дает им и благодати творить чудеса. Ибо если бы они и стали когда-нибудь просить о чем-либо подобном, то как Он даст просимое тем, которых ненавидит за то уже, что они присваивают вовсе им не приличествующее? А если Он слушает просящих прощения, то слушает не как грешников, а как кающихся.

Примечай. Сказав *но кто чтит Бога*, прибавил *и творит волю Его*, ибо многие чтут Бога, а воли Божией не исполняют. А должно быть вместе то и другое — и богопочтение, и исполнение воли Божией, иначе — вера и дела, или, как

выразился апостол Павел, вера и добрая совесть (см.: 1 Тим 1, 5), короче сказать — созерцание и деятельность. Ибо вера истинно жива тогда, когда при ней есть и богоугодные дела, от которых бывает добрая совесть, подобно как от худых дел порочная совесть. И еще: дела тогда живы, когда при них есть и вера, а в раздельности друг от друга они мертвы, как сказано: *Вера без дел мертва* (Иак 2, 26). Так же и дела без веры. Примечай и то, какую смелость дает истина нищему, ничем не примечательному человеку, что он обличает великих и славных между иудеями. Так велика сила истины, тогда как ложь весьма робка и не смела.

(34–38) Сказали ему в ответ: во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? И выгнали его вон. Иисус, услышав, что выгнали его вон, и найдя его, сказал ему: ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему. — Доколе надеялись, что человек этот скажет в угоду им, его призывали и спрашивали, и не однажды. Но когда из ответов узнали, что он мыслит не одинаково с ними, а расположен к истине, унижают его как рожденного в грехах. Совершенно неразумно поносят его слепотой и ду-

мают, что он, как весьма грешный и прежде рождения, осужден был на рождение слепым, что неосновательно. Как сыны лжи, выгоняют его, исповедника истины, вон из храма. Но это послужило ему во благо. Из храма его выгнали, а Господь храма тотчас нашел его. Обесчестили его за мнение в пользу Христа, а он удостоился познать Сына Божия. Иисус, сказано, нашел его, подобно подвигоположнику, который принимает борца, сильно изнемогшего, но увенчанного. И что говорит?

Ты веруешь ли в Сына Божия? — Для чего об этом спрашивает, когда он столько спорил с иудеями, столько говорил за Него? Не по незнанию так делает, но по желанию научить слепца познанию о Самом Себе. Прежде он совершенно не видел Его, не видел и после исцеления, потому что иудеи, эти злейшие псы, таскали его туда и сюда. Теперь Он спрашивает его для того, чтобы на вопрос его о том, кто есть Сын Божий, весьма кстати указать на Самого Себя. Вместе с этим показывает ему и то, что Он высоко ценит веру его, говоря как бы так: «Столько народа оскорбило Меня, но Я нисколько не вменяю им этого. Я об одном забочусь — о вере».

А кто Он, Господи?.. — «Господи, кто это Сын Божий?» — с любовью спрашивает прозревший. Иисус отвечает: «Он Тот, Которого ты

видел и Который говорит с тобой». Не сказал «это Я, исцеливший тебя, велевший тебе пойти и умыться», но говорит сначала прикровенно и неясно: *И видел ты Его*, — а потом уже и яснее: *И Он говорит с тобою*. Господь, кажется, с намерением сказал *видел ты Его* — с тем именно, чтобы напомнить ему об исцелении и о том, что он от Него получил способность видеть. Он тотчас верует и на деле обнаруживает веру горячую и истинную, поклоняется и делом подтверждает слово, что прославляет Его как Бога, потому что законом повелено поклоняться одному только Богу (см.: Втор 6, 13). Примечай, что чудо это совершилось и в духовном смысле. Слеп был и вообще всякий человек от рождения, то есть от подчинения рождению, с которым соединено тление, ибо с тех пор как мы были осуждены на смерть и на размножение через страстное рождение, над нашими мысленными глазами распростерлось как бы какое густое облако и, может быть, те кожаные одежды, о которых упоминает Священное Писание (см.: Быт 3, 21). Слеп был, в частности, народ языческий, слеп от рождения. Например, эллины оттого, что обоготворили рождаемое и тленное, стали слепы, по сказанному: *омрачилось несмысленное их сердце* (Рим 1, 21). Так же и мудрецы (маги) персидские жизнь свою проводили в толках о рождении и днях рождения.

Этого слепца, то есть вообще всякого человека или, в частности, язычников, Иисус увидел. Так как слепец не мог увидеть Творца, Он, по благоутробию милости, Сам посетил нас — *Восток свыше* (Лк 1, 78). Как же увидел? Проходя, то есть не на небе будучи и, по словам пророка, преклонившись с неба, *приниче на сыны человеческия* (Пс 13, 2) и явился на земле. И в ином смысле: проходя, увидел язычников, придя не к ним преимущественно, ибо Он пришел *к погибшим овцам дома Израилева* (Мф 15, 24), а потом, как бы мимоходом, взглянул и на язычников, сидящих во тьме совершенного незнания. Как врачует слепоту? Плюнув на землю и сделав брение. Ибо кто поверит, что Слово снизошло в святую Деву, как *капля, каплющая на землю* (Пс 71, 6), тот помажет себе мысленные глаза брением из плюновения и земли, то есть единым Христом, состоящим из Божества, знаком Которого служит капля и плюновение, и человечества, знаком которого служит земля, из которой — тело Господа. Остановится ли врачевание на вере? Нет; должно идти и на Силоам, источник крещения, и креститься в Посланного, то есть в Христа. Ибо все мы, которые духовно крестились, во Христа крестились. А кто крестится, тот после сего подвергнется и искушениям. Может быть, за исцелившего его Христа поведут его *пред царей*

и правителей (Лк 21, 12). Посему нужно быть твердым и непреклонно стоять во исповедании — не отрекаться из страха, но, если понадобится, стать и отлученным, и изгнанным из синагоги, по сказанному: *будете ненавидимы всеми... за имя Мое* (Мф 24, 9), и *изгонят вас из синагог* (Ин 16, 2). Если же люди, враждующие против истины, исповедника ее выгонят и удалят от святого и драгоценного для них, то есть от богатства и славы, то найдет его Иисус, и когда он будет обещен врагами, тогда от Христа будет особенно почтен познанием и основательнейшей верой, ибо тогда он наиболее будет поклоняться Христу как человеку видимому и как истинному Сыну Божию, ибо не иной Сын Божий и иной Сын Марии, как нечестиво хулил Несторий, но Один и Тот же Сын Божий и Человеческий. Смотри: когда бывший некогда слепым спросил, *кто Он Сын Божий, чтобы мне верить в Него*, тогда Господь отвечал: «Он есть Тот, Которого ты видел и Который говорит с тобою». Кто же это говорил, как не родившийся от Марии? Потому и святая Мария поистине Богородица, ведь Она родила Сына Божия, ставшего плотью, нераздельного и в двух естествах Единого, Который есть Господь наш Иисус Христос.

(39–41) *И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие*

стали слепы. Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас. — Господь видел, что фарисеи из чуда извлекли для себя больше вреда, чем пользы, и через это стали достойны большего осуждения, а потому говорит, что, как кажется и как выходит на деле, Я пришел на суд, то есть для большого наказания, **чтобы невидящие видели** и видящие, каковы фарисеи, стали слепы душевными глазами. Ибо вот невидящий от рождения видит и душой, и телом, а считающие себя видящими стали слепы умом. Здесь Он говорит о зоркости и слепоте двоякого рода. Фарисеи, всегда хватавшиеся за чувственное, подумали, что Он говорит о слепоте чувственной, и сказали: **Неужели и мы слепы?** Они стыдились одной только этой слепоты телесной. А Господь хотел показать им, что лучше быть слепыми по телу, чем неверующими, и сказал: **Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха.** Ибо если бы вы от природы, по необходимости, были слепы, вам могло бы быть дано прощение в неверии, которым вы заражены. **Но как ныне вы говорите, что видите,** и, однако, будучи самовидцами чуда над слепым, еще остаетесь в неверии, то потому и недостойны

прощения, ибо грех ваш остается неизгладимым, и вы тем более будете наказаны, что не приходите к вере при очевидных чудесах. Слова эти — *если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха* — можно еще и иначе понимать. Вы спрашиваете Меня о телесной слепоте, которой одной и стыдитесь. Я же о душевном вашем ослеплении говорю, что если бы вы были слепы, то есть несведущи в Писании, то не имели бы на себе столь тяжкого греха, ибо грешили бы по незнанию. А теперь вы говорите, что вы видите, и выдаете сами себя за разумных и опытных в законе, посему вы сами себя осуждаете и имеете на себе грех больший, потому что грешите сознательно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Истинно, истинно говорю вам: кто не *дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса.* — Господь словами, что они истинно слепы по душе через недуг неверия, упрекнул фарисеев за неверие. Чтобы они не могли сказать, что отвращаются от Него не по слепоте своей, а во избежание обмана, Он ведет о сем продолжительную речь. Какую именно? Он выставляет признаки как истинного пастыря, так и волка-губителя, таким образом показывая о Самом Себе, что Он добр, и ссылается для свидетельства на дела. Сначала Он излагает отличительные свойства губителя. Он, говорит, *не дверью входит*, то есть Писаниями, ибо о нем не свидетельствуют ни Писания, ни пророки. Поистине Писания суть дверь, ибо мы через них приближаемся к Богу. Они не позволяют входить волкам, ибо отлучают еретиков, нас оставляя в безопасности и сообщая нам

знание обо всем, о чем пожелаем. Итак, вор тот, кто не входит через Писания *во двор овчий*, чтобы заботиться об овцах, *но перелазит инуде* — в ином месте, сам себе прокладывает дорогу иную и необычную, как, например, Февда и Иуда. Они перед Пришествием Христовым обманули народ, погубили его и сами погибли (см.: Деян 5, 36—37). Таков будет и скверный антихрист, ибо у них свидетельство не из Писаний. Намекает и на книжников, которые не выполняли ни одного слова из заповедей закона, а учили заповедям человеческим и преданиям. Точно сказал: *перелазит*. Это подходит вору, который перепрыгивает через ограду и делает всё с опасностью. Это — признаки разбойника.

Вот и признаки пастыря: пастырь входит через Писания, и *придверник отворяет* ему. Под придверником разумей и Моисея, ибо ему вверены были слова Божии. Моисей отворил дверь Господу, без сомнения, тем, что говорил о Нем. Сам Господь сказал: *Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне* (Ин 5, 46). Или *придверник* есть Дух Святой. Так как Писания, понимаемые при озарении от Духа Святого, указывают нам Христа, то справедливо Дух Святой — придверник. Им, как Духом премудрости и знания, отворяются Писания, через которые Господь входит в попечение о нас и через которые Он оказывается Пастырем.

И овцы слушаются голоса [Пастыря]. — Фарисеи часто называли Господа обманщиком и доказывали это своим собственным неверием, говоря: «Неужели кто-нибудь из начальников уверовал в Него?» (см.: Ин 7, 48). Посему-то Господь и показывает, что не Его нужно считать губителем за то, что они не веруют, а их нужно исключить из числа овец. Я, говорит им, вхожу дверью, Я поистине Пастырь. Вы за Мной не последовали и тем показали о себе, что вы не овцы. Откуда же нужно выводить Своих овец? Из среды неверных, как, например, Он извел из среды иудеев слепца, который услышал и узнал Его.

Идет перед ними (овцами), хотя у телесных пастухов бывает наоборот — они ходят позади овец. Этим показывает, что Он всех приведет к истине. И учеников, как овец, посылает находиться *среди волков* (Мф 10, 16). Так, подлинно, пастырское служение Христа необычайно.

За чужим же не идут... потому что не знают чужого голоса. — И здесь, без сомнения, намекает на Февду и Иуду, за которыми овцы не последовали, ибо немногие были обольщены, да и те по смерти их отстали. А за Христом и при жизни, и в особенности после смерти, ходил весь мир (см.: Ин 12, 19). Намекает и на антихриста, ибо и он немногих обольстит, а после своей гибели не будет иметь последователей. Слова ***не идут***

показывают то, что по смерти обманщиков никто не будет внимать или следовать им.

Входящий дверью. — Итак, Писания суть дверь. Через эту дверь Господь выводит овец на пастбище. Какое же пастбище? Будущее наслаждение и успокоение, в которое Господь вводит нас. Если в иных местах Он и Самого Себя называет дверью, этому не нужно удивляться. Ибо когда Он хочет изобразить Свое попечение о нас, Он называет Самого Себя пастырем, а когда хочет показать, что Он приводит к Отцу, тогда называет Самого Себя дверью, подобно тому как Он же в разных смыслах есть и овца, и пастырь. Еще под дверью разумеются слова Божественных Писаний, а Господь Сам есть и называется Слово, следовательно, может быть назван и дверью.

(6–8) Сию притчу сказал им Иисус; но они не поняли, что такое Он говорил им. Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. — Иисус сказал им притчу, или сравнение, и употребил неясную речь для того, чтобы сделать их более внимательными. Когда же достиг этого, разрешает неясность и говорит: Я дверь. А все, сколько их ни приходило говорит не о пророках, как безумствуют манихеи, пользующиеся этим из-

речением для доказательства, что Ветхий Завет не от Бога и пророки не были посылаемы Богом. Вот, говорят, Господь сказал, что все, сколько ни приходили, *суть воры и разбойники*. Но Он сказал это не о пророках, а о Февде и Иуде и прочих возмутителях. А что сказал именно о них, видно из того, что прибавил *овцы не послушали их*, потому что овцы не послушали тех возмутителей, а пророков послушали, и сколько ни уверовали в Христа, все через них уверовали. И иначе: *овцы не послушали их* сказал в похвалу. Но нигде не видно, чтобы Он хвалил тех, кто не слушал пророков. Напротив, Он осуждает и обличает их. Обрати внимание и на точность выражения: *сколько их ни приходило*, а не «сколько ни было послано», ибо пророки приходили потому, что были посланы, а лжепророки, как и вышеупомянутые мятежники, приступали к развращению обольщаемых, хотя никто их не посылал. Так и Бог говорит: *Я не посылал... сих, они сами побежали* (Иер 23, 21).

(9) *Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет*. — Кто Мною, дверью, войдет и приведет к Отцу и станет Его овцой, тот спасется, и не только спасется, но и получит великую неустрашимость от Меня, как Господа и Владыки. Ибо это обозначает словами *и войдет*,

и выйдет. Так и апостолы смело входили пред повелителей и выходили радостными и непобедимыми (см.: Деян 5, 41).

И пажить найдет. — То есть обильную пищу. И иначе: так как наш человек двойствен, по выражению апостола Павла, внутренний и внешний (см.: Рим 7, 22; 2 Кор 4, 16), то можно сказать, что входит тот, кто заботится о внутреннем человеке, и тот опять выходит, кто члены, которые на земле, и дела плотские умерщвляет во Христе (см.: Рим 8, 13). Такой *пажить найдет* и в будущем веке, по сказанному: *Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит* (Пс 22, 1).

(10–13) *Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах.* — Так как приставшие к Февде и Иуде и прочим отступникам были убиты и погибли, то прибавил, что *вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить*, называя ворами их и подобных им. Я, говорит, *пришел для того, чтобы имели жизнь.*

Они убивали и погубляли своих последователей, а Я пришел, чтобы жили и имели нечто большее — причастие Святого Духа, под чем нужно разуметь и Царство Небесное. Во Христе все имеют жизнь, ибо все воскреснут и будут жить, а праведники получают и нечто большее — Царство Небесное.

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. — Потом ведет речь и о страданиях и говорит, что жизнь (душу) Свою полагает за овец, выражая этим, что Он идет на страдания не по принуждению, а добровольно. Словом *полагает* показывает: «Никто ее не отнимет у Меня, а Я Сам отдаю ее». Намекает и на мятежников, не раз упомянутых. Они, говорит, не положили жизни за овец, но оставили своих последователей, ибо были наемниками. А Сам Господь поступил наоборот. Когда взяли Его, Он сказал: *Если Меня ищите, оставьте их, пусть идут, да сбудется слово, что никто из них не погиб* (Ин 18, 8—9; 17, 12), и притом тогда это сказал, когда иудеи пришли на Него хуже, чем волки на овец. Ибо пришли, сказано, с мечами и кольями, чтобы взять Его (Лк 22, 52).

Видит приходящего волка. — Под волком здесь можно разуметь и мысленного врага, которого Писание называет и львом (см.: 1 Пет 5, 8), и скорпионом (см.: Лк 10, 19), и змием (см.: Быт 3, 1).

Говорится, что он *расхищает овец*, когда пожирает кого-нибудь через худое дело; а *разгоняет*, когда посредством злых помыслов смущает душу. Справедливо можно назвать его и вором, который обкрадывает через лукавые помыслы, убивает через соглашение с ними, погубляет через дело. Иногда пристаёт к кому-нибудь помысл злобный — это будет воровство. Если человек согласится с лукавым внушением, тогда, можно сказать, диавол убивает его. Когда же человек на деле совершит зло, тогда он погибает. Может быть, и это означают слова *вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить*. Господь делает совсем иначе: Он даёт Божественную жизнь, освящает и помыслы наши добрыми внушениями, и тела — добрыми делами; даёт и нечто преизбыточествующее — именно то, что мы можем приносить и другим пользу посредством дара учительского, а также и Царство Небесное, как бы придавая нам некоторую лишнюю награду.

Я есмь пастырь добрый. — Он подлинно *пастырь добрый*, а не наемник, каковы начальники иудейские, которые не заботятся о народе, а имеют в виду только то.

(14–16) *Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за*

овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь. — И отсюда ты можешь узнать различие между пастырем и наемником. Наемник не знает овец, что происходит оттого, что он не надзирает за ними постоянно. А пастырь, каков Господь, знает своих овец, потому и печется о них, а они, опять же, знают Его, потому что пользуются Его надзором и по привычке узнают своего покровителя. Смотри: прежде Он узнает нас, а потом уже мы Его. И не иначе можно познать Бога, как быв познанными Им (см.: 1 Кор 13, 12), ибо Он прежде усвоился нам плотью, став человеком, потом и мы усвоились Ему, получив дар обожения.

Желая показать, что неверовавшие недостойны быть познанными Богом и не суть овцы Его, Он сказал: **Я... знаю Моих, и Мои знают Меня**, как написано: *Познал Господь Своих* (2 Тим 2, 19). Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он узнавал, как человек, Он присовокупил: **как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца**, то есть Я так же верно знаю Его, как Сам Себя. Часто повторяет **и жизнь Мою полагаю за овец** для того, чтобы показать, что Он не обманщик, ибо выражения **Я свет, Я есмь... жизнь** для немыслящих казались надменными. Но слова «Я хочу умереть» не

заключают никакого самохваления, а, напротив, выражают великое попечение, так как Он хочет предать Себя за людей, которые бросали в Него камнями.

Есть у Меня и другие овцы. — Это говорит о язычниках. Они *не сего двора*, который под законом, ибо язычники не ограждаются законом.

И тех надлежит Мне привести. — И эти в рассеянии, и те не имеют пастырей. И благоразумные из иудеев, и способнейшие к вере были без пастырей, следовательно, тем более — язычники. Мне *надлежит* собрать и язычников, и иудеев. Здесь *надлежит* означает не принуждение, а то, что это непременно последует.

И будет одно стадо и один Пастырь. — Во Христе Иисусе *нет... Иудея, ни язычника* (Гал 3, 28) и никакого различия, ибо у всех один образ, одна печать крещения, один Пастырь — Слово Божие и Бог. Пусть устыдятся манихеи, отвергающие Ветхий Завет, и услышат, что *одно стадо и один Пастырь*, ибо Один и Тот же Бог Ветхого и Нового Заветов.

(17-21) *Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего. От этих слов опять*

произошла между Иудеями распря. Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым? — Так как Его называли чуждым Отцу, обманщиком и губителем, а не Спасителем душ, то настоящими словами Он объявляет: «Я не губитель ваш, а готов за вас всё претерпеть, если уже не по другому чему, то потому, что Бог возлюбил вас столько, что и Меня Он любит за то, что Я умираю за вас. Как же Я буду обманывать вас, когда знаю, что вас Бог любит? Напротив, не лучше ли решусь умереть за вас — если не для иного чего, то для того, чтобы Отец Мой за это еще более возлюбил Меня?» Говорит это так уничиженно из снисхождения, потому что слушатели не принимали, когда Он говорил о Себе возвышенно. Придавать другой смысл этому изречению было бы нелепо. Ибо неужели Отец прежде не любил Его, а начал любить только теперь и причиной сему стала смерть Его за нас? Нет; а, как я сказал уже, Он выразился таким образом по снисхождению. Иной может сказать и следующее. Любовь к нам Бога и Отца была известна. А Бог и Отец увидел, что и Сын Его явил к нам такую же доброту, ибо и восхотел умереть за нас, и в точности сохраняет свойства благодати Отчей. Посему Отец по справедливости воз-

любил Сына. Возлюбил не в качестве дара Сыну и как бы награды за Его смерть за нас, но потому, что увидел в Сыне сродство существа с Самим Собой, и потому любить Сына был побуждаем как бы непреодолимым законом природы. Ибо еще ли не дело великой любви к нам явил Сын, когда принял за нас поносную смерть, и не только смерть, но и опять принял жизнь, чтобы умертвить смерть и через воскресение Свое нас соделать бессмертными? Итак, когда говорит: «**любим Меня Отец** за то, что Я умираю за вас», — то сим выражает, что Отец как бы веселится и радуется тому, что Сын похож на Него и имеет к людям такую же любовь, как и Он.

Никто не отнимает ее (жизнь) у Меня. — Говорит это для тех, которые намеревались убить Его. Вы, говорит, жаждете Моей крови, но знайте твердо, что без Моей воли никто не может пролить ее. Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он умирает, как раб и слуга, по приказанию другого и вследствие подчинения сему, Он говорит: «Я Сам властен в Моей смерти, как Владыка смерти. **Я имею власть отдать** жизнь Мою». Хотя каждый имеет власть отдать жизнь свою, ибо всякому желающему можно умертвить самого себя, но Господь говорит не об этом способе смерти, а о том, что без Его воли никто не мог бы сделать этого. У людей так не бывает. Ибо и без

нашей воли другие могут умертвить нас. А Христос без Своей воли никогда не пострадал бы. Поэтому, подчиняясь смерти только по собственному изволению, Он имеет и большее право — *опять принять жизнь*.

Сию заповедь — умереть за мир — *получил Я от Отца*. Я, говорит, не противник Богу, и при том до такой степени, что эта сама смерть заповедана Мне Отцом. Прежде сказал Он о Себе высокое, что Он имеет власть принять жизнь Свою, что показало в Нем Владыку смерти и Начальника жизни. Теперь присовокупляет смиренное *сию заповедь получил Я от Отца Моего*. Так дивно Он соединяет то и другое, чтобы не сочли Его меньшим Отца и рабом Его, не противником Богу, но равносильным Ему и единовольным.

От этих слов опять произошла между Иудеями распря. — Таковая речь Его действительно послужила на пользу многим из слушателей. Между ними произошло разделение. Одни, для которых эти слова Его казались загадочными, думали, что Он без разума. *Другие*, понимая несколько, *говорили: это слова не бесноватого*. Так как Господь словами не мог заградить им уста (ибо и благоразумные ни сами не поняли вполне слов Его, ни противников бы своих не убедили), то пытаются делами защитить Христа и говорят, что *это слова не бесноватого*. Откуда

это видно? Из дел. Неужели бес может открывать глаза слепым? А если дело это Божеское, таковы же непременно и слова. Почему Христос ничего не отвечал тем, которые говорили, что Он беснуется? Потому что и противники их, и защитники Его могли заставить их молчать и быть для них более достоверными. Так как они разделились и восстали друг против друга, то к чему было и Ему противоречить хульникам, когда от того Он ни сколько не будет иметь от них доверия?

(22–26) Настал же тогда в Иерусалиме праздник обновления, и была зима. И ходил Иисус в храме, в притворе Соломоновом. Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо. Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. — Какое обновление было в Иерусалиме? Одни говорят, что обновление праздновали в тот день, в который был устроен храм Соломонов. Другие же говорят, что евангелист понимает здесь обновление храма, созданного после возвращения из плена. Праздник этот был светлый и многолюдный. Так как город после продолжительного плена получил в виде храма как бы собственное украшение, то день об-

новления храма считали днем радости. На этот праздник прибыл и Иисус. Теперь Он уже часто ходил в Иудее, потому что время Его страдания было близко.

Была зима. — Господь пострадал после этой зимы, в первый весенний месяц. Посему и евангелист отметил это время, дабы показать, что время страдания было близко и потому Господь был в Иерусалим.

Скажи нам прямо. — Иудеи окружили Его и, по-видимому, от некоторого усердия к Нему и желания узнать истину просят сказать им, Христос ли Он. Но на самом деле вопрос их был праздный и злонамеренный. Ибо тогда как дела Его доказывали, что Он — Христос, они для убеждения требуют слов. Это скорее более свойственно шулунам и насмешникам. Впрочем, вопрос их, полный неблагодарности и притворства, обнаруживает их развращение. Они говорят: **Скажи нам прямо.** Между тем Он много раз говорил прямо, когда приходил на праздники, и ничего не говорил тайно, называл Самого Себя Сыном Божиим, и светом, и путем, и дверью и ссылался на свидетельство Моисея. Посему, уличая их в том, что они спрашивают со злым намерением, Господь отвечает им: «Я многократно говорил вам, и вы не верите». И иначе: «Что притворяетесь, будтослушаетесь одного простого слова? Вы не

принимаете дел, которые Я творю не как противник Богу, но *во имя Отца Моего*. Как же вы поверите одному простому слову? Ибо несомненно, что дела гораздо убедительнее слов». И умереннейшие из них высказывали, что не может человек грешный творить такие чудеса (Ин 9, 16).

Вы, говорит, не веруете Мне потому, что *вы не из овец Моих*. Я, как добрый пастырь, со Своей стороны исполнил всё, что Мне должно было сделать; если же вы не следуете за Мною, то не Я недостоин звания пастыря, но вы недостойны звания овец.

И была зима. И ходил Иисус в храме. — Доколе стоит зима, то есть идет настоящая жизнь, которая всегда имеет смущения от духов злобы, старайся и ты праздновать обновление своего духовного храма, постоянно при этом обновляясь и полагая восхождение в сердце своем. Тогда придет к тебе Иисус и поможет совершить праздник обновления сего *в притворе Соломоновом*, охраняя тебя Своим покровом и подавая тебе мир от страстей, ибо Он Сам будет Соломоном, что значит «мирный». Итак, кто, по выражению пророка Давида, водворяется под кровом (см.: Пс 90, 1) Христа, мирного, с тем и Сам Христос празднует обновление души его, доколе продолжается зима, то есть настоящая жизнь, ибо будущий век подобен весне — тогда всё оживет и получит новое бы-

тие, тогда никто не может обновить душу — все такие дела окончатся с настоящим веком.

305

(27–30) Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец — одно. — Сказав им, что они не из овец Его, теперь склоняет их сделаться овцами Его. Для сего и прибавляет, что *овцы Мои слушаются голоса Моего, и... идут за Мною*. Потом, подстрекая их, сказывает и то, что получают идущие за Ним. *Я*, говорит, *даю им жизнь вечную, и они не погибнут вовек* и прочее. Конечно, такими словами Он возбуждает их и внушает им ревность и желание следовать за Ним, коль скоро Он подает такие дары. Почему, говорит, они не погибнут? Потому что *никто не похитит их из руки Моей*, ибо *Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки* Его, а потому и из Моей руки, ибо Моя и Отчая рука — одна. *Я и Отец — одно*, то есть по власти и силе. Рукой называет власть и силу. Итак, *Я и Отец — одно*, и по естеству, и по существу, и по власти. Так поняли и иудеи, что Он этими словами объявляет Себя единосущным Богу, и за то, что Он делает Себя Сыном Божиим,

схватили камень, чтобы побить Его. Но иной спросит, как же Господь сказал, что *никто не может похитить их из руки Отца Моего*, тогда как мы видим, что многие погибают? На это можно ответить, что похитить из руки Отца никто не может, но могут многие обольстить, ибо насильно и самовластно никто не возможет отвлечь их от Отца — Бога, а по обольщению мы каждый день запинаемся. Как же говорит: «Овцы Мои пойдут за Мною и не погибнут», — а между тем мы видим, что погиб Иуда? Но он погиб потому, что не последовал за Иисусом и не пребыл до конца овцой, а Господь говорит об истинных Своих последователях и овцах, что они не погибнут. Если же кто-нибудь отстанет от стада овец и перестанет следовать за пастырем, тот вскоре погибнет. Случившееся с Иудой можно употребить и против манихеев. Иуда был святым и овцой Бога, но отстал — отпал именно по своему выбору и самовластью. Значит, зло или добро существуют не по природе, но появляются и прекращаются от свободного произволения.

(31–36) *Тут опять Иудеи схватили камень, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но*

за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он называл богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий? — Так как Господь сказал: *Я и Отец — одно* (ст. 30) (разумеется по власти и силе), — и показал, что рука Его и Отца одна, то иудеи сочли это за богохульство и хотели побить Его камнями за то, что Он делает Себя равным Богу. Господь, обличая их и показывая, что они не имеют никакой достаточной причины к неистовству против Него, но ярятся напрасно, напоминает о чудесах, которые Он совершил: *Много добрых дел показал Я вам... за которое из них хотите побить Меня камнями?* Они отвечают: *Хотим побить Тебя камнями за богохульство и за то, что Ты... делаешь Себя Богом.* Он не отрицает этого: «Я не делаю Себя Богом, Я не равен Отцу», — но еще более утверждает их мнение. А что Он — Бог, доказывает тем, что написано в законе. Законом же называет и книгу Давида, равно как и всё Писание. Слова Его имеют такой смысл: если получившие обожение по благодати суть боги (см.: Пс 81, 6) и это не

поставляется им в вину, то где справедливость, когда осуждаете Меня, Который по естеству Бог, *Которого Отец освятил*, то есть определил на заклание за мир? Ибо отделенное Богу называется святым. Очевидно, когда Отец освятил Меня и определил на спасение мира, Я не равен прочим богам, но истинный Бог. Если же и те, *к которым было слово Божие*, то есть Я, ибо Я — Слово Божие и Я, вселившись в них, даровал им сыноположение, — если они суть боги, то тем более Я могу без всякой вины называть Себя Богом, Который по естеству Своему Бог и прочим дарует обожение. Да постыдятся этих слов ариане и несториане, ибо Христос есть Сын Божий и Бог по существу и естеству, а не тварь, и дает обожение прочим, *к которым было слово Божие*, а не обожается Сам по благодати. Настоящими словами отличает Себя от обожаемых по благодати, показывая, что обожение даровал им, будучи Словом Божиим и вселившись в них, ибо это обозначают слова *к которым было слово Божие* — с которыми было, в которых обитало. Как Я богохульствую, когда называю Себя Сыном Божиим? Ибо хотя Я ношу плоть и происхожу от потомства Давидова, но вы не знаете тайны: плотское естество человеческое не иначе могло принять беседу с Богом, как только если Он явится ему во плоти, как бы под завесой.

(37–38) Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем. —

Хотите ли вы, говорит, познать Мое равенство с Отцом? Равенство по существу вы не можете познать, потому что познать существо Божие невозможно; но равенство и тождество дел примите за доказательство тождества силы, ибо дела будут для вас свидетельством о Моем Божестве. И вы узнаете и поверите, что Я не иное что, как Отец. Ибо, пребывая Сыном и отличаясь Лицом, Я имею одно и то же существо, равно как и Отец, пребывая Отцом и отличаясь Лицом, есть не иное что, как Сын, разумеется по существу и естеству. Хотя Мы и различаемся лицами, но лица неразлучны и нераздельны, а Отец и Сын пребывают один в другом неслитно. У нас отец существует отдельно от сына, хотя они суть одно по природе. Но в Лицах Божеских не так, как у нас, а Они пребывают одно в другом неслитно. Посему о нас и говорится «три человека», ибо мы — отдельные лица, а не составляем собственно одно; а о Святой Троице говорится «Един Бог», а не три, потому что Лица неслитно сопребывают одно с другим. Прибавь к сему тождество воли и хотения.

(39–42) Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их и пошел опять за

Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн, и остался там. Многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно. И многие там уверовали в Него. — Ищут схватить Господа, не перенося Его высокого свидетельства о Самом Себе, ибо они не терпели превосходного Его богословия. Но Он удаляется, уступая гневу их и устрояя так, чтобы через Его удаление страсть гнева их утихла. Удаляется вопреки их воле, с целью показать (о чем мы многократно говорили), что Он не был бы взят и на крест, если бы не предал Сам Себя добровольно. Куда же удаляется? *За Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн.* Не без цели Он удалился сюда, но с тем, чтобы многим напомнить о том, что там произошло и что Иоанн говорил о Нем. Что пребывание Его здесь многим принесло пользу, видно из того, что евангелист прибавляет: *Многие пришли к Нему и, вспомнив об этом месте, говорили: Иоанн не сотворил никакого чуда.* Слова их имеют такое значение: если мы верили тому (Иоанну), хотя он не сотворил никакого чуда, то гораздо более должно веровать Этому (Иисусу), так как Он совершил столько чудес.

Поскольку же Иоанн свидетельствовал о Христе, а чуда никакого не сотворил и потому мог

быть сочтен недостоверным, то евангелист прибавляет: *Всё, что сказал Иоанн о Нем, было истинно*. Ныне придают веру уже не Иисусу по свидетельству Иоанна, а Иоанну — по делам, которые сотворил Иисус. Посему, говорит, *многие там уверовали*. Слово *там* показывает, что место это принесло им много пользы. Посему-то Иисус часто выводит народ в пустынные места и удаляет его от сообщества злых людей, чтобы могло быть больше плода. Так, кажется, сделал Он и в Ветхом Завете — вывел из Египта и в пустыне образовал и устроил народ, дав ему закон. Примечай, что удаление Христа совершается и в духовном смысле. Он удаляется из Иерусалима, то есть от иудейского народа, и переходит в место, имеющее источники, то есть в Церковь из язычников, имеющую источники крещения. И приходят к Нему *многие*, переходя через крещение, ибо *за Иордан* означает переход через крещение: никто не приходит к Иисусу и не делается истинно верным иначе, как пройдя через крещение, которое обозначается Иорданом.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

(1–3) **Б**ыл болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен. — Один только Иоанн рассказывает эту историю. Рассказывает же для того, чтобы научить нас не соблазняться, если какая-нибудь болезнь постигнет людей усердных или боголюбезных. Ибо Лазарь был друг Христов, однако же и он *был болен*. Нужно знать и то, что сия Мария, помазавшая Господа миром, не была ни блудница, упоминаемая у евангелиста Луки (см.: Лк 7, 37–50), ни женщина, упоминаемая евангелистом Матфеем (см.: Мф 26, 7), но была иная — не блудница, но честная, боголюбезная и усердная, ибо она заботилась о принятии Христа и служила Ему, как сам Иоанн потом свидетельствует (см.: Ин 12, 2). Господь о ней же свидетельствует, что она *избрала благую часть*, как замечает евангелист Лука (Лк 10, 42). Сестры эти были так чудны и достопочтенны, что и Лазарь сделался известным более из-за них, ибо Лазарь, сказано, был из Вифании, из селения Марии и Марфы. Почему же они

посылают звать Иисуса, а не идут к Нему сами, подобно сотнику и царедворцу? Потому, что они крепко надеялись на Христа; они были слабыми женщинами и некстати им было выходить из дому; потому что и они были одержимы скорбью и заняты заботой о брате. А что они сделали так не по небрежению, это открывается из последующего, ибо они оказывают Христу великую честь и уважение и приносят твердую молитву.

Вот, кого Ты любишь, болен. — Говорят так, чтобы именем дружбы вернее преклонить Господа к состраданию. Такое выражение этих женщин обнаруживает и некоторую веру их. Они так уверены в величии силы Господней, что для них удивительно, как болезнь коснулась человека, любимого Им: представляется удивительным, что болен тот, кого Ты, Господи, любишь.

(4–6) Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился. — Поскольку Иисус намеревался пробыть **два дня на том месте**, то и говорит, что эта болезнь **не к смерти**, хотя она послужила к смерти; говорит для того, чтобы ободрить вестников и преподать им некоторое утешение, чтобы они не настаивали и не тузили.

Для сего-то и говорит: *Эта болезнь не к смерти*. И иначе. Если внимательно всмотришься, то болезнь сия не была к смерти, такой, которой умирают многие, то есть к смерти долговременной, но была привременной и продолжалась четыре дня. Поскольку на четвертый день Лазарь воскрес, то, взирая на конец дела, мы говорим, что сия *болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий*. Видишь, у Отца и у Сына одна слава. Сказав к славе *Божией*, прибавил *да прославится... Сын Божий*, ибо слава Бога, то есть Отца, ничем не разнится от славы Сына. Следовательно, и Сын есть собственно и истинно Бог, так же, как и Отец, ибо у кого одна слава, у тех одно и существо. Да постыдятся ариане, и изречение *да прославится* — это не причина, а событие и окончание дела (о чем мы говорили не раз), ибо не для того Лазарь был болен, чтобы прославился Бог, но с Лазарем случилась болезнь, а Господь обратил ее к славе *Божией*. *Пробыл два дня*, чтобы Лазарь умер и никто не мог сказать, что с ним крепкий сон, а не смерть. Посему-то Господь и остается *на том месте* столько времени, чтобы началось разложение и сама сестра сказала, что Лазарь уже смердит.

(7–10) *После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Раввѣ!*

давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Иисус отвечал: не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. — В иных случаях Господь никогда не высказывал вперед, куда Он намерен пойти, а только здесь вперед объявляет, кажется, потому, что ученики Его очень боялись идти в Иудею. Объявляет вперед, чтобы они не смутились неожиданностью, если бы Он внезапно повел их в страну, в которую идти они боялись. Так как они боялись и за Него, ибо не имели еще совершенного познания о Нем, и боялись за самих себя, то говорят Ему: *Давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?* Господь ободряет их и говорит: «Как тот, кто видит свет, не спотыкается, а тот, *кто ходит ночью, спотыкается*, так и тот, кто творит добро и ходит в делах света, не подвергнется никакой беде; а кто творит злое, тот потерпит беду; посему вам бояться нет нужды, ибо мы не сделали ничего достойного смерти». Или иначе: «Если тот не спотыкается, кто видит этот свет, тем более не споткнется тот, кто пребывает со Мной, если только сам не отстанет от Меня. Посему вы, пребывая со Мной, Светом Истинным, напрасно боитесь».

Иные под **днем** разумеют время до страдания, а под **ночью** — время страдания. Итак, говорит, доколе идет день, то есть пока еще не настало время страдания, вы не споткнетесь, ибо не встретите ни гонения от иудеев, ни другой какой-нибудь неприятности. А когда придет ночь, то есть страдания Мои, тогда вы, смятенные, соберетесь в одном доме из опасения иудеев. С того времени вы будете испытывать скорби и болезни и много озлоблений и неприятностей. Когда Я, Свет, не буду уже с вами жить телесно, то обоймет вас ночь скорбей.

(11–16) Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдем и мы умрем с ним. — Так как ученики Господа боялись идти в Иудею, то Он говорит им: «Иудеи искали побить Меня камнями за то, что Я опровергал их и обличал. Но ныне Я иду не затем, чтобы обличать их, а затем, чтобы посетить своего друга. Посему нет нужды бояться. Я иду не затем, зачем ходил прежде, чтобы

ожидать опасности со стороны иудеев, а *иду разбудить* друга». Ученики, желая удержать Его от путешествия туда, говорят: «*Если он уснул, то выздоровеет*; посему нам не нужно ходить, ибо нет необходимости». Хотя Господь, говоря о Лазаре, для того и прибавил *друг наш*, чтобы показать необходимость быть там, но ученики утверждают, что посещение Его не нужно, так как он может выздороветь и от того, что уснул. Еще более того говорят: «Пришествие Твое не только не необходимо, но и вредно для друга, ибо если сон, как нам думается, служит к его выздоровлению, а Ты пойдешь и разбудишь его, то Ты попрепятствуешь его выздоровлению». Итак, не нужно ходить и будить, ибо это вредно. Господь, видя, что ученики Его еще не понимают Его, прямо говорит, что *Лазарь умер*. Для чего Он прежде выразился не прямо, а прикровенно, смерть назвал сном? По многим побуждениям. Во-первых, по смиренномудрию, ибо не хотел показаться хвастливым, а прикровенно назвал воскрешение пробуждением от сна. Как же бы употребил Он это выражение, если бы смерть не назвал сном? А что это справедливо, то есть что Он выразился прикровенно по смиренномудрию, это стало видно из последующего. Сказав, что Лазарь умер, Господь не прибавил, что пойдет воскресить его. Видишь, как Он не хотел на словах хвалиться тем,

что намерен был подтвердить самым делом? В то же время Господь учит нас и тому, чтобы мы не были поспешны в своих обещаниях, ибо если при просьбе сотника (об исцелении слуги его) Господь и дал обещание, сказав: *Я приду и исцелю его* (Мф 8, 7), — то сказал это для того, чтобы обнаружить веру его. Итак, это первая причина, по которой Господь смерть назвал сном. Другая — та, чтобы показать нам, что и всякая смерть есть сон и успокоение. Третья — та, что хотя кончина Лазаря для прочих и была смертью, но для Самого Иисуса, поскольку Он намеревался воскресить его, она была не более чем сон. Как нам легко разбудить спящего, так в тысячу раз более для Него удобно воскресить умершего.

Радуюсь, говорит, *за вас*, что вы можете теперь более увериться в Божеском достоинстве Моем из того, что Я не был там и нахожусь далеко оттуда, однако заранее говорю вам, что в Вифании умер человек, и говорю так, не на слухе основываясь, но, как Бог, Сам прозревая случившееся на далеком расстоянии. Некоторые слова Господа *радуюсь за вас* понимали так: что Я не был там, послужит для утверждения вас в вере, ибо если бы Я был там, то Я исцелил бы больного. Чудом было бы и это, но оно показало бы мало силы Моей. А теперь, когда Меня там не было и последовала смерть Лазаря, а Я пойду и воскрешу

его, вы должны более утвердиться в вере в Меня, ибо увидите, что Я силен делать и то, чего прежде еще не явил: воссозидать и воскрешать мертвеца, уже разложившегося и издающего гнилой запах.

Когда Господь сказал это и доказал ученикам необходимость Своего шествия в Иудею, тогда Фома, боявшийся более прочих, говорит: *Пойдем и мы умрем с ним*. Ибо эти слова выражают не бодрость, а страх и малодушие. Чтобы и прочих соучеников приостановить, Фома напоминает им о смерти и намеренно прибавляет *умрем*, говоря как бы так: «И мы, глупые, безумные и не заботящиеся о своем спасении и жизни, пойдем, чтобы умереть с Ним. Пусть Он недорого ценит жизнь Свою — поэтому и мы должны быть неблагодарными?» Такие речи приличествуют боязливому. Но посмотри на него впоследствии! Он, как апостол, заклан был за истину. Благодать Божия так укрепила его, что и к нему стало можно приложить слова апостола Павла: *способность наша от Бога* (2 Кор 3, 5); *не я... но благодать* (1 Кор 15, 10). А Ориген говорит о Фоме нечто похожее на сон. Фома, говорит он, узнав пророчества о Христе и уразумев, что Он с душой сойдет в ад для освобождения душ, когда услышал, что Господь идет разбудить Лазаря, то подумал, что Он может разбудить его, то есть освободить душу его, не иначе как если Сам отложит

тело и сойдет в ад. Посему, как искренний ученик Христов, не желающий и в этом отстать от своего Учителя, он и всем прочим соученикам советует, и сам вызывается сложить тело свое, чтобы сойти в ад вместе с Иисусом, Который, по его понятию, ныне положит душу Свою, чтобы душу друга освободить из ада. Такое вот смешное объяснение приложил я для посрамления тех, которые превозносят всё оригеново, ибо такое объяснение мудреца не явное ли пустословие и настоящий сон? А я прошу тебя заметить и то, что хотя Лазарь и умер, Господь, однако же, сказал *пойдем к нему*, как бы к живому: для Христа, как Бога, и сам Лазарь был живым.

(17–20) *Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома.* — Господь намеренно промедлил, чтобы Лазарю исполнилось *четыре дня*, потом пошел, чтобы чудо сделать со всех сторон свободным от клеветы. Для чего же евангелист прибавляет, что Вифания отстояла от Иерусалима *стадиях в пятнадцати*? Для того, чтобы показать, что действительно многие из иерусалимлян приходили, ибо Вифания была недалеко. Иудеи уте-

шали этих женщин не потому, что любил их Христос, — *ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги* (Ин 9, 22), — но или по причине тяжести бедствия, или потому, что пришедшие были не из числа злых, отчего многие из них и уверовали. Марфа одна только идет вперед навстречу Иисусу и не берет с собой сестру, потому что она хотела наедине увидеться с Ним и рассказать Ему о случившемся. Когда же Господь возбудил в ней добрую надежду, тогда она уходит и зовет сестру. Прежде она не сказала сестре Марии о приходе Господа для того, чтобы скрыть это от бывших с ней иудеев. Ибо если бы Мария услышала, что идет Иисус, она тотчас пошла бы навстречу Ему, а за ней последовали бы и пришедшие иудеи; но Марфа не хотела, чтобы они узнали о Пришествии Иисуса.

(21–28) *Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она*

говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя. — Марфа имела веру во Христа, но не полную, не надлежащую. Посему и говорит: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.* Сказала это, без сомнения, потому, что не веровала, что Он, если бы захотел, то, и не присутствуя лично, мог бы предотвратить смерть брата ее. А далее обнаруживает еще большую слабость веры, ибо говорит: *Чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе.* Видишь, она считает Его за какого-то человека, добродетельного и угодного Богу, ибо не сказала «чего Ты ни захочешь, всё сделаешь», но — *чего попросишь, всё даст Тебе.* Господь же, опровергая такое понимание ее, говорит: *Воскреснет брат твой.* Не сказал ей «да, Я буду просить Бога, и даст Мне», не согласился с ее речью, но употребил умеренное выражение. А далее гораздо яснее выставляет Свое могущество и власть; *Я, говорит, есмь воскресение и жизнь.* Поскольку Марфа еще не веровала и не поняла смысла слов *воскреснет брат твой*, но подумала, что он воскреснет в последнее воскресение (а что будет последнее воскресение, Марфа знала частью из Божественного Писания, а частью и из частых бесед Христа о воскресении), — поскольку жен-

щина оставалась женщиной, Господь восставляет ее и возбуждает ее веру, как бы умершую, говоря яснее: «Что ты говоришь Мне, что Бог даст Мне всё, чего Я ни попрошу у Него? А Я говорю тебе ясно: *Я есмь воскресение и жизнь*, так что сила Моя не ограничивается местом, но Я могу равно исцелять, присутствуя на месте и заочно, ибо Я раздаю блага, и не от лица кого-либо другого, но Сам Я — воскресение и жизнь и имею силу воскрешать и оживлять».

Верующий в Меня, если и умрет этой телесной смертью, *оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет* смертью духовной. Посему не смущайся. Ибо хотя брат твой и умер, но оживет. И что говорю о брате твоём? И вы, если веруете в Меня, не умрете, но будете выше смерти духовной, которая гораздо страшнее. А Кто избавляет от страшнейшей смерти, Тот тем легче избавит умершего брата твоего от смерти менее страшной.

Веришь ли сему? — спрашивает Господь Марфу. А она, хотя выслушала такие высокие речи, однако не поняла, что сказал ей Господь. Думаю, что от скорби она страдала и непонятливостью, ибо иное спрашивает Господь, иное отвечает она. Господь спрашивает, верует ли она, что Он есть воскресение и жизнь и что верующий в Него *не умрет вовек*, будешь ли разуметь смерть

духовную или телесную. Ибо о верных, по причине их надежды на воскресение, справедливо говорится, что они и не умирают. А что отвечает Марфа?

Я уверена, отвечает, *что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир*. Хороши и справедливы ее слова, но это не ответ на вопрос. Однако она отсюда получила ту пользу, что частью укротилась сила ее скорби и уменьшилась печаль.

Марфа *позвала тайно сестру свою* и сделала это весьма благоразумно, ибо если бы пришедшие к ним иудеи узнали, что Мария идет навстречу Христу, они бы ушли от них и чудо осталось бы без свидетелей. Теперь же иудеи подумали, что Мария идет на гроб плакать, пошли вместе с ней и по необходимости сделались очевидцами и свидетелями чуда.

Марфа говорит Марии: *Учитель здесь и зовет тебя*. А евангелист не отметил, что Господь звал ее. Это можно объяснить так: или евангелист умолчал, что Господь повелел Марфе позвать сестру ее, или она само Пришествие Господа почла за приглашение и сказала *Учитель... зовет тебя*. Когда Господь пришел, ужели не следовало ей пойти к Нему? Итак, Пришествие Господа, необходимо требующее от Марии встречи Его, евангелист и назвал приглашением, ибо Учитель, говорит, пришел и зовет тебя; и так как Он пришел,

то само Пришествие Его служит тебе зовом, а поскольку Он пришел, то и тебе необходимо пойти навстречу Ему.

(29–32) *Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа. Иудеи, которые были с нею в доме и утешали ее, видя, что Мария поспешно встала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб — плакать там. Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. —* Мария, как скоро узнала, что Иисус пришел, не медлила, но поспешно встала и пошла к Нему. Отсюда видно, что Марфа прежде не предуведомляла ее, хотя и знала, что Иисус идет. Иисус еще не пришел в селение, ибо шел медленно, чтобы не подумали, что Он Сам напрашивается на чудо, но что Он совершит оное по их просьбе. И так как совершившееся чудо было велико, совершено немного раз и многим должноствовало принести пользу, то Господь устрояет так, чтобы многие сделались свидетелями чуда, ибо евангелист говорит, что *Иудеи, которые были с нею в доме... пошли за нею*. Мария пришла ко Христу с большей горячностью, чем сестра ее Марфа: *увидев Его, пала к ногам Его*, не устыдившись народа, не обратив

никакого внимания на то, что некоторые из бывших тут враждебно расположены ко Христу. В присутствии Учителя она отбросила всё человеческое и заботилась только о том, чтобы почтить Его. Она говорит: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.* Марфа же ничего такого не делает — она не падает перед Ним, а напротив, когда Христос и подает добрую надежду относительно брата, она оказывается неверующей. Хотя и Мария является несовершенной, когда говорит: *Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой,* — однако же Христос не говорит ей ничего такого, что сказал сестре ее, потому что тут было много народа и не время было для таких речей. Еще более снисходит, ясно показывает в Себе человеческую природу и обнаруживает ее свойства. Ибо слушай, что евангелист Иоанн говорит далее.

(33–37) *Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойд и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?* — Так как Мария и пришедшие с ней плакали, то природа человеческая располагалась к слезам и смущалась. Господь же подавляет по-

трясение в духе, то есть Духом обуздывает смущение и удерживает оное, и задает вопрос, насколько не обнаруживая слез. Но так как Господь скорбел, ибо был воистину человек и желал удостоверить в действительности Своей человеческой природы, то позволил ей сделать свое. В то же время Он ограничивает плоть, запрещает ей силой Духа Святого; но плоть, не вынося запрещения, смущается, воздыхает и предается печали. Всё это Господь допускает испытать Своему человеческому отчасти для того, чтобы утвердить, что Он — человек по истине, а не по привидению, а отчасти и для того, чтобы научить нас полагать пределы и меру печали и беспечалию, ибо не иметь сочувствия и слез свойственно зверям, а проливать много слез и предаваться многопечалию — женщинам. И так как Господь воспринял на Себя нашу плоть и кровь (см.: Евр 2, 14), то принимает участие и в том, что свойственно человеку и природе, и показывает нам меру в том и другом.

Где вы положили его? — спрашивает Господь не потому, будто не знает (ибо, быв в ином месте и далеко, Он знал уже, что Лазарь умер), но для того, чтобы не подумали, будто Сам от Себя Он вызывается на чудо; Он желает узнать все от них и совершить чудо по их просьбе, чтобы освободить оное от всякого подозрения. И так как еще не было никакого намека на воскрешение Лазаря

и не приходила никому мысль, что Он идет воскресить его, а не поплакать только, то и *говорят Ему: Господи! пойд и посмотри*. А лукавые иудеи, несмотря на то, что перед глазами их большое несчастье, и при всем этом не оставляют своей злобы. Они говорят: *Не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?* Говорят это в уничижение чуда, совершенного над слепорожденным (см.: Ин гл. 9). Им следовало бы удивляться тому чуду, а они по поводу смерти Лазаря наводят сомнение и на действительность его и, не дождавшись окончания дела, заранее уже произносят обидный приговор. Так зависть растлила умы их.

(38–42) *Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.* — Для чего евангелист опять замечает, что

Иисус плакал и скорбел по сочувствию? Для того, чтобы мы знали, что Он истинно облекся плотью в наше естество. Иоанн, сравнительно с прочими евангелистами, возвещает о Господе высшее учение и богословствует нечто великое, посему и из Его телесных дел повествует о более уничиженных. Посему и в скорби Господа он находит много человеческого и тем доказывает истинность плоти Его, чтобы ты познал, что Господь был Бог и вместе человек. Ибо как евангелист Лука подвигом, скорбью и потом Господа (см.: Лк гл. 22), так Иоанн слезами Его доказывает, что Он носил истинную плоть. Для чего Господь не воскресил Лазаря, когда камень еще лежал на гробе? Ибо Кто одним словом воздвиг мертвое тело и одушевил уже начавшего разлагаться, Тот гораздо легче мог словом отвалить камень. *Отнимите камень* говорит Господь для того, чтобы сделать их свидетелями чуда, чтобы не могли, как прежде о слепорожденном, говорить, что он это или не он (см.: Ин 9, 9), потому что присутствие на самом месте и отнятие камня своими руками должны были заградить уста неблагонамеренным свидетелям чуда.

Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. — Сказала Марфа по неверию, потому что считала уже невозможным воскресение брата своего по прошествии стольких дней после его смерти. Так она еще невысока была в вере!

Христос, напоминая ей Свою беседу с ней и как бы укоряя ее в забывчивости, говорит: *Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?* Ученикам Своим Господь говорит, что Лазарь умер для того, чтобы прославился через сие Сын Божий (см.: ст. 4), а Марфе говорит *увидишь славу Божию*, разумея Отца. Разные выражения употребляет об одном и том же по причине немощи слушателей — здесь находились иудеи. Сказать Марфе, что она увидит славу Сына Божия, Господь нашел неуместным — Его сочли бы тщеславным. А теперь, сказав о славе Отца, Он сделал Свою речь умеренной и удобоприемлемой. Для чего молится Господь или, вернее, принимает вид молитвы?

Слушай, как Сам Он говорит: *Для народа, здесь стоящего* сказал Я сие, *чтобы поверили, что Ты послал Меня*, то есть для того, чтобы не считали Меня противником Богу, чтобы не говорили, что Я не от Бога, чтобы доказать им, что дело это совершено Мной по Твоей воле. А что именно по этой, а не по другой причине Он предстает перед народом молящимся, то есть перед предстоящими, видно из самой молитвы: *Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня*. Ясно, что это не молитва, а только вид молитвы. А что Он не нуждается в молитве, видно из того, что Он многое иное совершал без молитвы. На-

пример, говорил бесу: *замолчи и выйди из него* (Лк 4, 35); еще: *хочу, очистишься* (Мф 8, 3); и еще: *прощаются тебе грехи твои* (Мф 9, 2), — а это важнее всего; и сказал морю: *умолкни, перестань* (Мк 4, 39). Итак, чтобы присутствующие тут поверили, что Он с неба, а не противник Богу, Господь и молится. Ибо если при таких делах Его, при всесторонних доказательствах единомыслия Его с Отцом, говорили, что Он не от Бога, то чего не сказали бы, если бы Он не делал ничего такого?

(43–46) *Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет. Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус.* — Господь, более возблагодарив Отца, чем попросив (ибо, как сказано, Он не нуждался в молитве и помощи от нее, потому что равносильен с Отцом), *воззвал громким голосом*, самовластным и владычным, ибо не сказал ни «во имя Отца Моего, Лазарь, иди вон», ни «Отче! воскреси его!», но, как сказано, воззвал самовластно, заграждая уста всех, которые говорят, что Он меньше Отца. Ибо что нашлось бы равного такой власти,

что Он умершему, как живому, говорит: *Лазарь! иди вон*. И теперь сбылись на деле слова, что *наступает время... когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут* (Ин 5, 25). Дабы кто-нибудь не подумал, что Христос от другого получил такую силу, Он вперед предсказывает о том, что собирался доказать самым делом. Громкий голос Спасителя, воскресивший Лазаря, служит образом великой трубы, которая будет взывать во всеобщее воскресение (см.: 1 Кор 15, 52; 1 Фес 4, 16). Господь воззвал громко для того, чтобы заградить уста эллинов, пустословящих, будто душа пребывает во гробе вместе с телом, ибо зовет ее громко, как бы далеко находящуюся. Как было это частное, так и всеобщее воскресение будет *вдруг, во мгновение ока* (1 Кор 15, 52).

Вышел умерший, обвитый по рукам и ногам. — Связанному выйти казалось не менее чудно, как и воскреснуть. Итак, к чуду воскресения присоединилось еще чудо — что совершенно связанный двигался. Господь повелевает развязать его, чтобы приблизившиеся и коснувшиеся его увидели, что это он самый.

Пусть, говорит, идет он — это по нелюбви к славе, потому что не выводит Лазаря Сам, ни ходить с Собой не повелевает ему, чтобы всем показаться с ним. Когда чудо совершилось, одни из видевших оное уверовали, а другие объявили

о нем фарисеям — без сомнения, с целью опорочить Его как совершившего нечто несправедливое, так как Он повелел раскопать погребенного.

(47–48) Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. — Нужно было изумляться и удивляться Господу, когда Он творит такие чудеса; фарисеи, напротив, составляют совет, как погубить Его. Какое крайнее безумие! Того, Кто в телах других преодолевает смерть, думают предать смерти, чтобы сокрыть славу Его, и после стольких чудес считают Его простым человеком. *Что, говорят, нам делать? Этот Человек много чудес творит.* И что за преступление, если Он творит чудеса? В таком случае нужно веровать в Него, поклоняться Ему и уже не считать простым человеком. Смотри, какая наглость у фарисеев! Стараясь возмутить народ, они пускают молву, что всем иудеям грозит опасность и гибель от римлян по подозрению в похищении верховной власти.

Если, говорят, оставим Его, за Ним последует множество народа, привлекаемого явлением чудес, и, наконец, римляне заподозрят всех нас в похищении верховной власти, возьмут наши

города и разрушат. Так говорили с лукавством; чтобы не показалось, что они строят козни Христу по зависти, они выставляют на вид общую опасность, возбуждая народ против Христа как будущего виновника гибели их. Понимай это чудо и в отношении к внутреннему человеку. Ум наш — друг Христов, но часто побеждается слабостью человеческой природы, впадает в грехи и умирает смертью духовной и самой жалкой, но со стороны Христа удостоиваемой сожаления, ибо умерший — друг Его. Пусть же сестры и сродницы умершего ума — плоть, как Марфа (ибо Марфа телеснее и вещественнее), и душа, как Мария (ибо Мария набожнее и благоговейнее), — придут ко Христу и припадут перед Ним, ведя вслед за собой и помыслы исповедания, как те — иудеи, ибо Иуда значит «исповедание». Господь, без сомнения, предстанет при гробе, повелит отнять лежащее на памяти ослепление, как какой-нибудь камень, и приведет на память будущие блага и муки. И воззовет великим голосом евангельской трубы, говоря: «Выйди вон из мира, не погребайся в житейских развлечениях и страстях», — подобно как и ученикам Своим говорил: *Вы не от мира* (Ин 15, 19). И апостол Павел добавляет: «И мы выйдем к *Нему* за стан (Евр 13, 13)», то есть в мир. И таким образом Господь воскресит от греха умершего, раны которого пахли зло-

бой. Умерший издавал запах потому, что был четверодневен, то есть умер для четырех кротких и светлых добродетелей и был празден и недвижим к ним. Впрочем, хотя и был неподвижен и связан по рукам и ногам, сжат узами собственных грехов и казался совершенно бездеятельным, хотя и по лицу был покрыт платком, так что при наложении плотского покрова он не мог видеть ничего Божественного, — кратко сказать, был в самом бедственном положении и по деятельности, и по созерцанию, но услышит: «Развяжите его, добрые и служащие спасению Ангелы или священники, и дайте ему прощение грехов, пусть он идет и приступит к деланию добра». Некоторые под Марфой разумели церковь иудейскую, а под Марией — церковь из язычников. Церковь иудейская заботится о многом, ибо заповедей закона много и они неудобоисполнимы, а церковь из язычников нуждается не во многих заповедях, но в нескольких, в которых *утверждается весь закон и пророки* (Мф 22, 40), — в заповедях о любви. Под братом их, воскрешаемым из мертвых, разумели души людей, за грехи нисходящих в ад, по писаному: *Да возвратятся грешницы во ад* (Пс 9, 18), но души эти Господь воскрешает.

(49–53) Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете и не подумаете, что

лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино. С этого дня положили убить Его. — У иудеев между прочим было искажено и первосвященническое достоинство, ибо с того времени, как начальственные должности стали покупными, первосвященники уже не всю свою жизнь священствовали, но только по году. Впрочем, и при таком растлении этого достоинства Дух Святой еще действовал в помазанных. А когда они подняли руки и на Христа, тогда благодать совершенно оставила их и перешла на апостолов. Тогда как одни в виде мнения предлагали умертвить Христа, первосвященник был так кровожаден, что прямо с обнаженной головой и дерзко произносит приговор на Христа. Даже порицает прочих, что они не понимают должного и не заботятся усмотреть полезное.

Вы, говорит, ничего не знаете, не хотите понять и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер и спасся весь народ. Сказал он это со злобным помыслом, ибо благодать Духа употребила уста его для предсказания о будущем, хотя и не коснулась скверного его серд-

ца. Смотри, какая сила Духа! Эта сила устроила так, что и из лукавого сердца произошли слова, заключающие чудное пророчество, ибо когда Христос умер, то уверовавшие из народа избавились от великого и вечного наказания, а Он умер не только за иудейский народ, но чтобы и остальных **чад Божиих собрать воедино**, то есть язычников. Божиими чадами называет язычников, и называет их так или применительно к будущему, поскольку они должны соделаться Божиими чадами, как и в ином месте говорит: *Есть у Меня и другие овцы* (Ин 10, 16), — или потому, что Он есть Отец всех, родивший нас образом творческим, и поскольку почтил нас, создав по образу Своему и по подобию, как и апостол Павел, по сказанию книги Деяний, в беседе к афинянам говорит: *Итак, мы, будучи родом Божиим* (Деян 17, 29). Поскольку человек есть живое существо, высшее и богоподобное, то всякий называется чадом Божиим. Итак, нас, **рассеянных** (ибо сатана многообразно отлучал людей друг от друга и от Бога, настроив каждого неистовствовать против ближнего по любви к богатству и славе), Христос привел **воедино**, собрав во единую Церковь и под единое иго и сделав одним телом ближних и дальних, чтобы находящийся в Риме считал своими членами жителей Индии и исповедовал Христа единой главой всех.

С этого дня положили убить Иисуса. — Это значит, что с того дня особенно и окончательно они утвердились в этом намерении. Они и прежде сего замыслили об убийстве, но слабо, дело было скорее вопросом, чем решением, а теперь состоялся окончательный суд и решительный приговор. И прежде *искали убить Его* (Ин 5, 18), и Он Сам, обличая их, говорил: *За что ищете убить Меня?* (Ин 7, 19). Примечай силу первосвященнического достоинства, как оно полно благодати Духа, хотя носящие оное и недостойны. И прошу тебя, почитай первосвященников по достоинству обитающей в них благодати, а не по их произволу. Не только Каиафа пророчествует, но и многие иные недостойные знали будущее, например фараон во сне об урожае и неурожае (см.: Быт 41, 1—7), Навуходоносор о царствах и Христе (см.: Дан 2, 28—45) и Валаам о Христе (см.: Чис 24, 17). Не всякого, кто пророчествует, можно назвать пророком, но всякий пророк пророчествует. Подобно как не всякий, делающий что-нибудь врачебное, уже и врач, но кто делает врачебное по врачебному званию, тот может быть врачом. Подобно как и праведник не тот, кто делает что-нибудь справедливое, но тот, кто творит правду по сказанному: *Правды, правды ищи* (Втор 16, 20). Так — но не в пророческом настроении духа — пророчествует и Каиафа, а потому он и не пророк.

(54–57) *Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями, а пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый Ефрахим, и там оставался с учениками Своими. Приближалась Пасха Иудейская, и многие из всей страны пришли в Иерусалим пред Пасхою, чтобы очиститься. Тогда искали Иисуса и, стоя в храме, говорили друг другу: как вы думаете? не придет ли Он на праздник? Первосвященники же и фарисеи дали приказание, что если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его.* — От приговора иудеев Господь удаляется не из боязни, а чтобы научить нас не вдаваться самим в опасности, хотя бы и за благочестие, но если будем захвачены, стоять мужественно, а если не будем взяты, добровольно не бросаться в опасность по причине неизвестности окончания дела. Смотри, каким безрассудным намерением движимы иудеи: они и на время праздника не удерживаются от злобы, но полагают совершить убийство и восходят для очищения. Согрешившие волей или неволей не совершали Пасхи прежде очищения, по обычаю, через омовение, пост, обрезание и принесение законенных жертв. А они — лучшие, творящие очищение — составляют совет против Господа и говорят: *Как вы думаете? не придет ли Он на праздник?* — то есть Он непременно попадет

в наши руки, и если не иное что, то само время приведет Его в наши сети. Какая злоба! Тогда как и открытых преступников следовало для праздника освободить, они злоумышляют против невинного. И если бы только простецы это делали, их пристрастие показалось бы делом невежества, а то фарисеи дают приказание объявить о Нем и схватить Его. Итак, Господь благоразумно удаляется от них — *пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим*, — ибо Слово Божие, возвещаемое пророками, прежде явно ходило между иудеями, а теперь удалилось в пустыню — в церковь язычников. <...> Ефраим — то же, что и Ефрем — имя второго сына Иосифа, означающее «плодоносие» (см.: Быт 41, 52). А старшим сыном Иосифа был Манассия, имя которого значит «забвение» (см.: там же, 51).

Иудейский народ был старшим сыном Божиим: *Израиль есть сын Мой, первенец Мой* (Исх 4, 22), — но Бог забыл его, а Ефрема, то есть плодоносие из язычников, Господь сотворил вторым сыном. Итак, Слово, оставив Иудею, вышло в пустыню Ефраим — в церковь из язычников, оплодотворенную Евангелием.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

(1–3) **З**а шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. — В десятый день месяца выбирают агнца для заклания в праздник Пасхи (см.: Исх 12, 3) и с этого времени начинают готовить всё необходимое для праздника. Обыкновенно и *за шесть дней до Пасхи*, то есть в девятый день месяца, едят роскошнее и этим днем начинают праздник. Посему и Иисус, придя в Вифанию, разделяет вечерю. Евангелист, желая показать истинность воскресения Лазаря, говорит, что *и Лазарь был одним из возлежавших с Ним*. Ибо он, явившись живым, не тотчас умер, но долгое время оставался на земле — ел, пил и прочее обычное совершал.

Словами *Марфа служила* означил, что угощение было в ее доме. Приметь веру этой женщины. Она не поручила служение служанкам, но исполняет оное сама непосредственно. И Павел говорит о вдовице, которая *умывала ноги*

святым (1 Тим 5, 10). Итак, Марфа сама служит вообще всем, а Мария воздает честь только одному Христу, потому что она внимает Ему не как человеку, а как Богу: она пролила миро *и отерла волосами своими ноги Его*, потому что имела понятие о Нем не такое, какое другие, не как о простом человеке, но как о Владыке и Господе. Марию можно понимать и в высшем смысле, помышляя о Божестве Отца и Господе всех, ибо Мария значит «госпожа». Итак, господствующее над всем Божество Отца помазало ноги Иисуса — воспринятую в последнее время плоть Господа Слова, — и помазало миром Духа, как и Давид говорит: *Сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости* (Пс 44, 8); и великий апостол Петр говорит: *Знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли* (Деян 2, 36). Ибо воспринятая Словом плоть, помазанная нашедшим на утробу Девы Божественным Духом и соделавшаяся тем же, что Слово, то есть Богом, наполняла мир благословением, как миро Марии наполнило весь дом благоуханием. Что же такое волосы, которыми отерты ноги? Это, конечно, святые, украшающие главу Божию и верховную власть Его. Ибо они, будучи «употреблены» во славу Божию, могут быть названы украшением Его. Они и сделались соучастниками помазания пло-

ти Господней, как называет их Давид (см.: Пс 44, 8); и апостол Павел говорит коринфянам: *Утверждающий... нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог* (2 Кор 1, 21). А во Христе живущие называются христами (помазанниками). Итак, под волосами, которыми отерты ноги Иисуса и которые соучастны Божественного помазания, разумею христиан. Волосы — нечто мертвое. И христиане мертвы, ибо они *распяли плоть* (Гал 5, 24) и умертвили члены, сущие на земле (см.: Кол 3, 5), умертвили для мира. Волосы украшают голову и составляют славу ее. Славу Божию составляют и святые, так как свет их светит перед людьми и Отец прославляется через них (см.: Мф 5, 16), а они принимают пищу и питье во славу Божию (см.: 1 Кор 10, 31) и прославляют Его в членах своих. И ты тоже, поскольку воскресил Иисус твой ум, как бы некоего Лазаря, прими Его в дом души своей, пусть возлежит с Ним и воскресший; помажь ноги Господа за шесть дней до Пасхи — прежде чем наступит Пасха будущего века, доколе живешь в этом мире, сотворенном в шесть дней. Под ногами Христовыми можно разумеать Апостол и Евангелие и вообще заповеди, ибо ими Он ходит в нас.

Итак, к этим заповедям присоедини миро — расположение, составленное из различных добродетелей, из которых высшая — вера, горячая,

как нард*, ибо если не покажешь горячего, усердного и добродетельного расположения к этим заповедям и, как бы волосами, не отрешь их умерщвленными членами и не восприемлешь их, не сможешь облагодухать дом свой. Под ногами Господа можно разуместь еще и меньших братьев, в лице которых Христос приходит к дверям каждого и просит помазать их миром милостины. Многие же подают милостыню напоказ, по сему и не получают себе пользы, ибо здесь получают награду (см.: Мф 6, 1—2). А ты отри волосами и восприми пользу для души, собери плод милостины в господственной части. И если имеешь что-нибудь мертвое и бездушное наподобие волос, надуши этим благим помазанием, ибо сказано: *искупи грехи твои... милосердием к бедным* (Дан 4, 24).

(4–8) *Тогда один из учеников Его, Иуда Симон Искарот, который хотел предать Его, сказал: для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она*

* Нард — благовонное растение из рода валериановых, мазь из которого высоко ценилась на Востоке. — Прим. ред.

сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда. — Иуда, будучи любостяжателен, не одобряет такой образ попечения. Почему, как бы говорит он, принесла ты не деньги, из которых мне бы можно было украсть, а миро? Как же другой евангелист (см.: Мф 26, 8—9) говорит, что все ученики сказали это? На это нужно заметить, что хотя все так сказали, но прочие говорили не с такой мыслью, с какой Иуда. Господь не обличает Иуду, хотя знает, что он сказал это с воровским намерением, ибо не хотел посрамить его, научая и нас долго терпеть таковых людей. Впрочем, прикровенно Господь упрекает Иуду в предательстве и в том, что он предаст Его на смерть по любостяжанию. Посему упоминает и о погребении, поражая неразумное его сердце, чтобы он исправился; прибавление сие имеет такой смысл: **нищих**, говорит, вы **всегда имеете с собою, а Меня не всегда**; еще немного — и Я отойду, так как ты приготовил Мне смерть. Посему, если Я неприятен тебе и честь, Мне делаемая, тягостна для тебя, ты потерпи немного, и избавишься от Меня, и тогда обнаружится, из-за нищих ли ты заботишься о продаже мира. Если же Иуда был любостяжателен и вор, то почему Господь возложил на него распоряжение деньгами? По тому самому, что он был вор, чтобы отнять у него всякое

извинение, ибо Иуда не мог сказать, что предал Иисуса по любви к деньгам.

Денежный ящик утешал его, но, нося ящик, он не был верен, ибо уносил, то есть крал то, **что туда опускали**, и был святотатец, присваивая подаяния на святое дело. Пусть слышат святотатцы, какова их участь. Верх же зла в том, что Иуда впоследствии и предал Господа Иисуса. Видишь, до чего доводит любостяжание? До предательства. Итак, апостол Павел точно сказал, что *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим 6, 10), потому что оно предало Господа и всегда так делает. Некоторые же говорят, что Иуде было вверено хранение денег как меньшему среди прочих, ибо служить около денег — меньше, чем учить, как говорят в Деяниях апостолы: *Не хорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах* (Деян 6, 2).

(9–11) **Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса.** — Те, которые пришли к Господу, были благонамереннее прочих, бессознательных и неистовых, ибо пришли не для одного только Иисуса, но и для того, чтобы увидеть Лазаря. Так как совершилось поистине величайшее чудо, то многие желали ви-

деть воскресшего, может быть, в надежде узнать от Лазаря что-либо о находящихся в аду. Фарисеи же так бесчеловечны, что хотят убить не только Иисуса, но и Лазаря, потому что он для многих послужил поводом к спасению через чудо, над ним совершенное, приводя к вере людей бесхитростных. Так и благодеяние Иисуса для них стало преступлением. Особенно они досадовали, что по случаю наступления праздника все идут в Вифанию, узнают о чуде и своими глазами видят воскресшего.

(12-13) *На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!* — Господь, на малое время удалившись в пустыню для того, чтобы утишить ярость кровожадных, опять явно входит в Иудею и показывается перед всеми. Наступило наконец время пострадать, и Ему следовало не укрываться, но предать Самого Себя за спасение мира. Смотри же, какова была последовательность страдания. Господь воскресил Лазаря, сохранив к концу это чудо, важнейшее всех прочих; вследствие сего многие стекались к Нему и уверовали. Оттого, что многие уверовали, увеличилась зависть врагов. Затем последовали

козни против Него и крест. Народ, услышав, что идет Иисус, встретил Его со славой, без сомнения, ради чуда над Лазарем, воздавая Ему честь бóльшую, нежели приличествовала простому человеку, ибо принимали Его уже не за пророка, потому что кому из пророков отцы их воздавали такую честь? Посему-то и восклицали: **осанна! благословен грядущий во имя Господне!** Из этого восклицания мы уразумеваем, во-первых, что Он Бог, ибо **осанна** значит «спаси». Так это слово на греческий язык перевели и семьдесят толковников в 117-м псалме. <...> Спасать свойственно одному только Богу, и к Нему обращаемся мы: *Спаси ны, Господи, Боже наш!* (Пс 105, 47). Из Писания всякий узнает, что спасение приписывается только одному Богу. Итак, восклицавшие Христу словами Давида этим показывают, во-первых, что Он — Бог; потом, что Он — Бог в собственном смысле слова, ибо говорят **грядущий**, а не «ведомый». Последнее нечто рабское, а идти — самовластное. Словами **во имя Господне** выражают то же самое: что Он есть истинный Бог, ибо не говорят, что Он идет во имя раба, но — **во имя Господне**. Еще и то представляют, что Он не противник Богу, но пришел во имя Отца, как и Сам Господь говорит: *Я пришел во имя Отца Моего, а... иной придет во имя свое* (Ин 5, 43). Называют Его и Царем Израиле-

вым, может быть, в мечтах о чувственном царстве, ибо ожидали, что восстанет какой-то царь природы высшей, чем человеческая, и избавит их от владычества римлян.

Взяли пальмовые ветви. — Пальмы, может быть, означали то, что Он, воскресив Лазаря, стал победителем смерти, ибо пальма давалась на боях победителям. Может быть, ими выражалось и то, что прославляемый есть существо небесное и свыше пришедшее. Ибо пальма из прочих деревьев одна только достигает, так сказать, самого неба, на высоте пускает листья, а в листе имеет белые ядра, в стволе же и середине, доверху, шероховата и неудобна для того, чтобы взлезать на нее, так как на ветвях имеет колючки. Так и тот, кто стремится к познанию Сына и Слова Божия, найдет оное не легким, а трудным, восходя трудами добродетели, но, достигнув высоты познания, озарится ярким светом богопознания и открытием неизреченных тайн, как бы белейшими ядрами пальмы.

(14–16) *Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано: Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле. Ученики Его сперва не поняли этого; но когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что так было о Нем написано, и это сделали Ему.* — Прочие евангелисты говорят, что Господь

сказал ученикам: *Отвязав, приведите ко Мне* (Мф 21, 2; см. также: Мк 11, 2; Лк 19, 30). А здесь Иоанн ни о чем этом не упоминает, а просто говорит: *Иисус же, найдя молодого осла, сел на него*. Впрочем, здесь нет разногласия между евангелистами. Прочие говорили пространнее, а Иоанн сказал короче: *Иисус... найдя молодого осла*. Когда ученики отвязали и привели его, Иисус нашел и *сел на него*. В этом обстоятельстве Он исполнял и пророчество Захарии, который сказал: *Ликуй от радости, дочь Сиона... Царь твой грядет к тебе... сидящий... на молодом осле* (Зах 9, 9). Так как цари иерусалимские по большей части были несправедливы и корыстолюбивы, то пророк говорит: «Ликуй, дочь Сиона, и не бойся! Царь, о котором я предсказываю тебе, не таков, но кроток и смиренномудр и нисколько не горд». Это видно и из того, что Он пришел, сидя на осле, а не вошел в сопровождении войска. Восседание Господа на осле было и образом будущего. Животное это, по закону нечистое, было образом нечистого народа из язычников, на котором Иисус, Слово Божие, восседает, подчиняя Себе этот непокорный и грубый, наподобие осла, новый народ, который Он и возводит в истинный Иерусалим после того, как он стал ручным и покорным Ему. Ибо ужели Господь не совозвел на небо тех язычников, которые стали Его народом и покорились проповеди евангельской?

Прошу тебя, подивись евангелисту, как он здесь не стыдится, а открыто говорит о прежнем незнании апостолов. *Ученики*, говорит, *сперва не поняли этого*, но поняли тогда, когда Иисус прославился. Под славой разумеет вознесение, последовавшее за страданиями и смертью. Тогда-то, без сомнения, по сошествии Святого Духа они познали, что это *было о Нем написано*. Что было это написано, они, может быть, и знали, но что написанное относилось к Иисусу, от них было сокрыто, и не без пользы. Иначе они соблазнились бы распятием Его, видя, как страдает Тот, Кого Писание называет Царем.

(17–19) Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо. Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним. — Народ, видевший чудо над Лазарем, свидетельствовал и проповедовал о силе Иисуса. Посему и встретили Его со славой те, которые слышали о совершении этого чуда, то есть уверовали; если бы не уверовали, не переменились бы так скоро. Фарисеи, говорящие *видите ли, что не успеваете ничего*, говорят так не по лукавству, ибо они были не из числа наветовавших на Спасителя, но представляются

благорасположенными, только неявно, потому что не смеют явно противостать неистовствующим против Господа, пытаются утишить их последствиями дела, говоря как бы так: «Какая вам польза от того, что много строите козней Человеку Сему? Сколько вы ни злоумышляете, Он всё более растёт и слава Его умножается, ибо *весь мир*, то есть весь народ, *идет за Ним*. Посему, не имея никакого успеха, оставьте ваши козни и не грешите понапрасну».

(20–24) *Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.* — По причине красоты храма и чудес, о которых передавали среди иудеев, *некоторые Еллины* пришли поклониться. Они были близки к тому, чтобы принять иудейство. Когда дошла до них молва об Иисусе, они подходят к Филиппу и просят дать им возможность видеть Иисуса. Филипп по смиренномудрию и благочи-

нию говорит Андрею, как высшему себя. Андрей, взяв с собой Филиппа, осмеливается сказать о том Иисусу — такой добрый порядок и взаимная любовь господствовали между ними. Что же Господь? Так как Он заповедал ученикам: *На путь к язычникам не ходите* (Мф 10, 5), — а теперь видел, что язычники сами приходят к Нему (эллины, желавшие видеть Его, без сомнения, были язычниками, а иудеи между тем строят Ему козни), и говорит, что наступило время идти на страдание, наступило время креста, чтобы прославился Сын Человеческий. Какая польза не принимать приходящих язычников и навязываться иудеям, ненавидящим и гонящим? Раз язычники приходят, то теперь время уже быть распятым. Итак, говорит, Я позволю иудеям докончить их козни и допущу им распять Меня, чтобы они впоследствии были без всякого извинения, так как Я благословно оставляю их, как распинателей и убийц, и обращусь к язычникам, которые уже начали приходить к Моему учению, ибо очень несправедливо было бы не давать ничего язычникам, жаждущим слова и спасения, и изобильно давать иудеям, которые попирают даруемое им и умышляют зло Благодетелю.

Потом, чтобы ученики не соблазнились тем, что Он умирает тогда, когда начали приходить и язычники, Он говорит: «Смерть Моя еще более

увеличит веру язычников, ибо как *пшеничное зерно* тогда приносит много плода, когда, будучи посеяно, умрет, так и Моя смерть *принесет много плода* для веры язычников. Итак, пусть никто не соблазняется, потому что Моя смерть не препятствует присоединению язычников, но примером зерна убедится, что падение Мое в смерти Моей приумножит число верующих, ибо если так бывает с зерном, тем более будет со Мной: умерев и воскреснув, Я через воскресение еще более явлю силу Свою, и тогда все уверуют в Меня как в Бога».

(25–26) *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой.* — Так как Господь был близок к страданиям и знал, что ученики исполнятся печали, посему говорит: «Вы нисколько не должны печалиться о смерти Моей. Ибо если и сами вы не умрете, то для вас не будет никакой пользы. Да и всякий вообще человек, который любит настоящую жизнь и любит свою душу, то есть исполняет ее неуместные пожелания, когда угождает ей больше, чем должно, и не презирает смерти, погубит ее. А кто ненавидит ее, то есть не служит ей и не преклоняется перед ней, тот *сохранит ее в жизнь веч-*

ную». Желая показать, сколь строгое отвращение должно иметь к похотениям души, сказал **ненавидящий душу свою**. Как мы не можем ни видеть лица, ни слышать голоса ненавидимых нами, так же должны относиться и к неразумным пожеланиям души, то есть ненавидеть их совершенной ненавистью. Словами же **ненавидящий душу свою в мире сем** показывает временность дела. Заповедь сия казалась убийственной и несообразной с любовью к жизни. Он смягчил ее прибавлением **в мире сем**. Я, говорит, не всегда повелеваю ненавидеть душу, но **в мире сем**, неверном, — отвращайся ее, когда она предписывает тебе творить неподобное (см.: Рим 1, 28). Прибавляет и пользу: **сохранит ее в жизнь вечную** — возненавидишь на время, а сохранишь живой навеки для жизни Божественной.

Желая еще более убедить их презирать настоящую жизнь и ободрить против смерти, говорит: **Кто Мне служит, Мне да последует** — пусть будет готов к смерти так же, как Я. Ибо говорит здесь о действительном последовании Себе. Потом предлагает и утешение: **где Я, там и слуга Мой будет**. Где же Христос? На небесах, ибо небесное и земное противоположны: кто любит быть на земле, тот не будет на небе, а кто избегает земного и мира сего, тот будет высоко и на небесах.

Кто Мне служит, того почтит Отец Мой. — Не сказал «Я почту его», но — **Отец**. Сим показывает Свое родство с Ним. Ибо истинный Отец удостоит его чести как слугу Своего истинного Сына. Этим показывает и то, что Он не противник Богу, — Бог и Отец не почтил бы того слугу, который противится Ему. Итак, не будем постав-
лять любовь к душе своей в том, чтобы хранить ее от опасностей за истину и не желать терпеть зла за добро, но, если мы слуги Христовы, отдадим ее в опасности за истину и, без сомнения, будем в том же состоянии, в каком ныне Христос, — не говорю в Божеском достоинстве, ибо Он по природе Бог, но в том, чем может украситься природа человеческая, ибо Он — Бог по естеству, а мы — боги по усыновлению и по благодати.

(27–28) Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прослаблю. — Что это Он говорит? Кажется, Он противоречит Сам Себе. Выше Он, кажется, готовил других к смерти и убеждал ненавидеть душу, а теперь Он же, вблизи к смерти, возмущается. Это подходит не призывающему к смерти, а отвращающему от нее. Но если внимательно рассмотришь, то найдешь, что само возмущение Его есть увещание к презре-

нию смерти. Дабы кто-нибудь не вздумал сказать, что Ему легко любомудрствовать о смерти и других убеждать к терпению бедствий, когда Он Сам вне человеческих страданий и вне опасности, Он показывает, что и Сам испытал свойственное людям и причастен нашего естества, хотя и без его греха. Посему, хотя Он, как человек, по природе любящий жизнь, не желает смерти и возмущается, однако же не отказывается от нее, поскольку она нужна для спасения мира. Для сего-то, говорит, **на сей час Я и пришел**, чтобы воспринять смерть за всех. Этим ясно научает нас, чтобы и мы, хотя бы возмущались и печалились, однако смерти за истину не избегали. И Я, говорит, возмущаюсь, ибо Я поистине человек и попускаю природе человеческой обнаруживать свойственное ей, однако не говорю Отцу, чтобы Он избавил Меня от часа сего, но что́ говорю: **Отче! прославь имя Твое**, — то есть благоволи Мне воспринять крест и смерть за спасение всех. Смотри: смерть за истину Он назвал славой Божией. Посему и Отец говорит: **И прославил и еще прославлю; прославил** теми чудесами, которые Ты до креста совершал во имя Мое, **и еще прославлю**, совершив через Тебя чудеса на самом кресте, а после погребения сделаю еще более славным и Мое имя, и Тебя, воскресив Тебя и ниспослав Дух.

(29–33) *Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром; а другие говорили: Ангел говорил Ему. Иисус на это сказал: не для Меня был глас сей, но для народа. Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет.* — Так как очень многие были грубы и невежественны, то они сочли голос за гром, хотя голос этот был членораздельным и весьма ясным, ибо они скоро забыли слова голоса, удержав только его отголосок. Иные помнили и сами слова голоса: *и прославил и еще прослаблю*, однако же, не понимая смысла этих слов, думали, что *Ангел говорил Ему*, а потому слова сии, как сказанные Ангелом, и непонятны для них. Но Иисус говорит: «Голос сей был не для Меня, но для вас. Я не имел нужды в научении, что Отец прославил и еще прославит имя Свое. А вас нужно было научить, что Я не противник Богу, а действую во славу имени Божия. Ибо если через Меня прославится имя Божие, как же Я противник Богу? Итак, голос сей был для вас, чтобы вы узнали, что Я действую во славу Божию, и если не можете сами узнать, то через расспросы узнали б чего не знаете.

Слова *ныне суд миру сему*, как кажется, не имеют связи с предыдущим. Ибо как относятся

они к словам *и прославил и еще прослаблю*? Но связь, без сомнения, есть. Так как Отец свыше сказал *прослаблю*, то Господь показывает нам и сам способ прославления. Какой именно?

Князь мира сего изгнан будет вон и побежден, а за мир будет суд, то есть отмщение. Слова эти имеют такой смысл: ныне совершается суд и отмщение за мир сей. Так как диавол подверг этот мир смерти, сделав всех людей повинными греху, но, напав на Меня и не найдя во Мне греха, подвел под смерть и Меня наравне с прочими, то он будет осужден Мной, и таким образом Я отомщу за мир. Пусть прочим нанес он смерть за грех, но что такое он нашел во Мне подобного прочим, чтобы умертвить и Меня? Итак, ныне Мной совершается суд мира сего, то есть отмщение за него. Ибо, умертвив умертвившего всех, потом напавшего и на Меня, невинного, Я буду мстителем за всех умерщвленных им, а жестокий властитель, осужденный Моей смертью, изгнан будет вон. <...> Слова эти можно понимать и так, что изгнан будет во тьму внешнюю. Господь как бы так говорит: «Лишится он владычества над людьми и не будет, как прежде, царствовать в них — и в душах, и в смертном теле их, но Я всех привлеку к Себе, когда... вознесен буду на крест, ибо все, и из числа язычников, будут привлечены к вере в Меня. Так как они сами не могут

прийти ко Мне, удерживаемые властителем сим, то Я, победив его, выслав вон и пресекши нити владычества его над людьми, привлеку их и против его воли». В ином месте Он назвал это похищением: *Никто... не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного* (Мк 3, 27). Когда Я вознесен буду сказал, давая разуместь, какой смертью Он умрет, то есть будет распят, ибо этим означает высота креста.

(34–36) *Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий? Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света.* — Думая обличить Господа и затруднить Его, как неистинного Христа, говорят: «Если Христос бессмертен, а Ты о Самом Себе говоришь, что умрешь, как же мы будем веровать, что подлинно Ты Христос?» Говорили они так злонамеренно, ибо Писание, которое они называют законом, упоминает не только о воскресении, но и о страдании. Так Исаия указывает на страдание и на смерть, когда говорит: *Как овца, веден был Он на заклание* (Ис 53, 7), — и на воскре-

сение, когда говорит: *На подвиг души Своей Он будет смотреть с удовольствием* (там же, 11). Давид также упоминает вместе о смерти и о воскресении: *не оставиши душу мою во аде* (Пс 15, 10). <...> Посему, отвергая страдания Христа и приписывая Ему воскресение, они делали это злонамеренно: *мы слышали из закона*, то есть из Писания (ибо законом, как мы часто замечали, называется всё Писание), *что Христос пребывает вовек*. Справедливо, что вы знаете это, ибо Он *пребывает вовек* и, как Бог, пребывает и по воскресении. Но как вы могли не знать о страданиях, когда те же Писания, как мы показали, учат тому и другому вместе?

Как же Ты говоришь, что должно вознесу быть Сыну Человеческому? — Видишь, они понимали многое из того, что Господь говорил в притчах, — например, поняли, что словами *вознесу быть* Он говорит о кресте. Да, они подлинно многое понимали, но по злой воле своей прикрывались незнанием, посему и речь их полна злобы. Они говорят как бы так: «Хотя мы и не знаем, о ком Ты говоришь и кто есть Сын Человеческий, однако ясно понимаем ту истину, что кто будет вознесен, кто бы он ни был, тот не Христос — это несовместимо, ибо Писания говорят, что Христос бессмертен». Что же Господь?

Заграждая им уста и показывая, что страдания Его нисколько не препятствуют Ему пребывать вовек, Он говорит: *Еще на малое время свет есть с вами*. Светом назвал Самого Себя: «Как свет солнечный совершенно не исчезает, но сокрывается и снова воссиявает, так смерть Моя не есть тление, но закат и преставление, и через воскресение Я опять воссияю. А так как страдания нисколько не препятствуют Мне быть вечным и Писания свидетельствуют о Христе, что Он вечен, то Я подлинно Христос, хотя и претерплю страдания. Ибо Я — свет, зайду и снова взойду. Итак, пока *свет есть с вами, ходите*, то есть веруйте в Меня». О каком времени Он говорит здесь? Говорит о времени до страданий, или о времени после страданий, или о том и о другом вместе? Итак, говорит, *ходите и веруйте* в Меня и прежде Моего распятия, и после оногo. На это Он указывает словами *доколе свет с вами*, то есть доколе можете веровать в Меня; веровать же в Меня, Который есть свет, вы можете и прежде страданий, и после оных. А кто ходит в неверии, тот не знает, куда идет. Ибо чего ни делают теперь иудеи, они, однако же, не знают, что делают, но ходят как бы *во тьме*; думают, что идут по прямому пути, но всё у них выходит напротив, когда они соблюдают субботу и обрезание. Но не так поступают те, кои уверовали. Они ходят во свете, делая всё, что

относится к спасению, ибо тени закона и тьмы гаданий они избежали и пришли к свету, скрывавшемуся в них, но теперь воссиявшему, и соделались **сынами света**, то есть Христа. **Да будете**, говорит, **сынами света**, то есть сынами Моими. Хотя евангелист Иоанн в начале Евангелия говорит, что некоторые *от Бога родились* (Ин 1, 13), но здесь называет их **сынами света**, то есть Христа. Да постыдятся Арий и Евномий, ибо и здесь показывается, что у Отца и Сына одно действие.

(36–40) *Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них. Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.* — Для чего Господь **скрылся от них**? Ведь теперь они не подняли на Него камней и не сказали никакой хулы, как было прежде. Зачем же Он **скрылся**? Хотя они и ничего не говорили, но, проникая в сердца их, Он видел, что ярость их усиливается. Чтобы укротить их ненависть, Он теперь скрывается. Что они не веровали, а досадовали, на это и указал евангелист, когда сказал: **Столько чудес сотворил Он**

перед ними, и они не веровали в Него. А, конечно, это дело немалой злобы — не верить стольким чудесам, ибо *столько*, говорит евангелист, было чудес, о которых он умолчал. Итак, Иисус скрылся для того, чтобы утишить их злобу, а вместе и для того, чтобы дать им время и спокойствие обсудить Его слова и дела, ибо в таком случае, если бы захотели, они могли бы прийти до уразумения Его достоинства — Божества. Хотя Он и вперед знал их неверие, однако же что зависело от Него Самого, Он делал и допускал, давая им, как сказано, время для обсуждения.

В словах *не веровали в Него, да сбудется слово Исаии* заключается не причина, а событие, ибо они не веровали во Христа не потому, что Исаия предсказал о них так, но пророк предсказал о них это потому, что они не будут верить.

Та же мысль выражается и в словах *потому не могли они верить, что... как еще сказал Исаия* [о них]. Этим он хочет подтвердить то, что Писание не ложно и что пророчество Исаии сбылось не иначе, а в точности так, как он предсказывал. Чтобы кто-нибудь не стал говорить и недоумевать, зачем же и пришел Христос, если знал, что иудеи не будут верить в Него, для этого евангелист и приводит пророков, предвозвещавших об этом; Христос же, хотя знал об их неверии, однако пришел, чтобы они не имели из-

винения в грехе своем и не могли сказать, что поверили бы, если бы Он пришел. Слова **не могли веровать** означают то же, что «не хотели». Ибо злой и лукавый человек, доколе остается таким, то есть избирает злое, не может веровать. Когда же слышишь, что Бог **ослепил глаза** их и **окаменил сердце** их, не думай, что Он просто одних делает добрыми, а других злыми (прочь такая мысль!), но под совершенным ослеплением разумеи оставление их Богом (см.: Ис 6, 9—10). Объясню примером. Положим, что кто-нибудь умерен в злобе. Бог, по-видимому, пребывает с ним, ибо есть надежда, что такой человек обратится. Когда же человек погрузится в глубину злобы, тогда Бог оставляет его по причине злого его произволения. О человеке, лишившемся Божественного света и ходящем во тьме греха, говорится, что он ходит как слепой; отсутствие Божественного слова, которое умягчает сердца тех, кто принимает его, зовется окаменением сердца. Ослеплен уже тот, кто совершенно не принимает луча Божественного света, и окаменен тот, кто не хочет слушать учения, умягчающего сердце, и удаление Божие совершенно ослепляет и помрачает его. Итак, когда слышишь, что Бог ослепляет кого-либо, то понимай так, что ослепляет потому, что Он больше ему не присущ. Ибо если бы Бог был присущ человеку, человек не сделался бы слеп.

Если бы было солнце, не было бы тьмы. А ныне солнце производит ночь. Каким же образом? Когда заходит. Так и Бог делает людей слепыми, удаляясь от них. Удаляется же от них по причине их злобы, и оттого они, как слепые, грешат безвозвратно и падают неисправимо.

Вникнем и в слова Исаии (см.: Ис 53, 1): ***Господи! кто поверил слышанному от нас?*** Это то же, что никто не поверил, ибо слово *кто* во многих местах Писания употребляется вместо «никто». Пророк сказал это как бы от лица Христа. Христос как бы так говорит Отцу: «Господи! кто поверил слуху нашему?» — то есть никто не поверил нашему слову и Моей проповеди, которую Сам называл слухом, ибо, говорит, *что Я слышал от Него* [от Отца Моего], *то и говорю* (Ин 8, 26). ***И кому открылась мышца?*** — то есть сильное действие чудес, которое называл мышцей, не открылось никому из неразумных иудеев, но они клеветуют на Меня и тогда, когда Я творю столько чудес.

(41–43) ***Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем. Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию. — Сие сказал Исаия, когда видел славу Его.*** Кого? Сына. Хотя пророк, судя по логике речи, видел, ка-

жется, славу Отца, но евангелист говорит здесь, что Исаия видел славу Сына, а апостол Павел говорит, что он видел славу Духа (см.: Деян 28, 25). Истинно, едина слава Святой Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа. Исаия, говорит, видел славу: дым, который ему представился, Серафимов, угли, жертвенник, Престол (см.: Ис, гл. 6). Итак, Исаия увидел эту славу и сказал о Нем, то есть о Сыне. Что же сказал о Нем? То, что выше сказано, что ослепил глаза их и ожесточил сердца их.

Евангелист замечает, что *и из начальников многие уверовали в Него*, показывая, что фарисеи солгали и в том, когда сказали: *Уверовал ли в Него кто из начальников?* (Ин 7, 48) Ибо вот *и из начальников многие уверовали... но ради фарисеев не исповедывали. Ибо возлюбили... славу человеческую*. Об этом Христос и прежде говорил им: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?* (Ин 5, 44). Евангелист показывает, что с ними случилось, что предсказывал Христос: они были не начальники, а рабы самые низкие. Отсюда научаемся: кто любит славу, тот раб и бесчестен.

(44–45) *Иисус же возгласил и сказал: верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня.* — Иисус, уступая ярости иудеев, на

время скрылся, а потом снова является и взывает открыто. Показывая, что Он Сам равен Отцу и не противник Богу, говорит: *Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня*, — как бы говоря: «Что боитесь вы уверовать в Меня? Вера в Меня восходит к Отцу Моему». Примечай и точность в словах. Господь не сказал «верующий Мне», но — *верующий в Меня*, что означает веру в Бога, ибо иное — верить кому-нибудь, и иное — веровать в кого-нибудь: «верить кому-нибудь» — верить справедливости его слов, а «веровать в кого-либо» — веровать как в Бога. Посему сказать «верить апостолам» можно, но «веровать в апостолов» — нельзя. Посему Господь не сказал «верующий Мне», ибо Павел и Петр могли сказать «верующий мне», и евреям поставлялось в укоризну, что они не веровали даже Моисею (см.: Ин 5, 46), но Он сказал больше: *Верующий в Меня*, — чем показывает, что Сам Он есть Бог, так как и ученикам говорит: *Веруйте в Бога, и в Меня веруйте* (Ин 14, 1). Посему кто верует в Него, возводит веру свою к Отцу, и не верующий Ему не верует Отцу.

И видящий Меня видит Пославшего Меня. — Ужели видящий телесные черты? Нет. Ибо Отец не тело, чтобы можно было сказать, что видящий телесно Христа видит и Отца, но под видением разумей созерцание умственное. Господь говорит

как бы так: «Кто созерцанием ума обнял существо Мое, насколько это возможно человеку, тот обнял и существо Отца. Кто Меня признал Богом, тот, без сомнения, признает и Отца, ибо Я — образ Отца». Всё это показывает единосущие Отца и Сына. Следующие за Арием пусть слышат, что верующий в Сына не в Него верует, но в Отца, так что или и Отец есть тварь, или и Сын не тварь. Как если бы кто сказал, что черпающий воду из реки берет ее не из реки, а из источника, так и верующий в Сына верует не в Сына — реку (ибо Сын не иного существа с Отцом и не имеет что-нибудь отличное от Отца), но верует в источник добра, то есть в Отца.

(46–47) Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. — И этими словами показывает Свое единосущие с Отцом, ибо как Отец в Писании называется Светом, то и Он о Самом Себе говорит: **Я свет пришел в мир.** Посему апостол Павел и называет Его сиянием (см.: Евр 1, 3), показывая тем, что ничего нет посредствующего между Отцом и Сыном, но Отец и Сын вместе, как вместе свет и сияние. Итак, и Сын есть свет, поскольку избавляет от заблуждения и рассеивает умственный мрак. И потому, что как свет своим явлением

становится видим сам и показывает прочие видимые предметы, так и Сын, придя и явившись нам, дал познание о Себе Самом и об Отце и сердца тех, которые приняли Его, просветил всяким познанием.

Если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. — Смысл этих слов такой: не Я виновен в осуждении человека неверующего, ибо Я не за этим преимущественно пришел, но случилось это как последствие. Я пришел *спасти* и для этого учил. Если же кто не верует, то не Я причина его осуждения, но он сам на себя навлек оное. Это еще более уяснится из последующего. Слушай далее.

(48–50) Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец. — Я никого не сужу, но неверующий имеет себе судию. И у нас в обычае, и мы часто говорим, когда хотим наказать беспорядочное дитя, что не мы его наказываем, но его беспечность и беспорядочность, и не мы осуждаем

его, но убеждения наши, которым оно не покорилось, они обвиняют его как непокорного. Так и Господь говорит: «Не Я сужу, но *слово, которое Я говорил, оно будет судить*. Почему не уверовали? Разве не потому, что Я противник Богу и ищу славы Себе? Но Я говорил не Сам от Себя, а сказывал всё от Отца Моего и нигде не выставлял Себя мудрствующим что-нибудь иное, ибо *пославший Меня Отец... дал Мне заповедь, что́ сказать и что́ говорить*». Какое глубокое смирение в этих словах! Ужели, Господи, прежде чем послал Тебя Отец и дал Тебе заповедь, Ты не знал, что должно говорить, не знал той заповеди, которая *есть жизнь вечная*, не знал этой жизни вечной, — как же Ты говорил *Я есмь... жизнь* (Ин 11, 25)? Видишь, какая возникает несообразность, если мы не будем благоразумно понимать, что говорится. Итак, знай, что Господь так смиренно выражается потому, что слушатели немощны. И что Он хочет выразить этим? То, что Он не говорит, не мудрствует ничего, отличного от Отца. Ибо как посланные не говорят ничего, кроме заповеданного, так и Я Сам не мудрствую и не учил ничему иному, кроме того, что служит к славе Отца. Итак, желая доказать это, то есть единомыслие с Отцом, напомнил об этом примере, то есть о заповеди. Посему и прибавляет: «*Что Я говорю, говорю*,

как сказал Мне Отец. А так как Я ничего не говорил от Себя, то неуверовавшие какое представят оправдание? Без всяких возражений они будут осуждены за то, что не поверили Отцу».

Отец... дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. — Ничего низкого не подразумевай в сих смиренных словах, но понимай их благоразумно, ибо Сын, будучи Словом и выражая то, что есть в Уме, то есть в Отце, говорит, что от Него получил заповедь **что́ сказать и что́ говорить.** Подобно тому как и наше слово, если захотим быть искренними, говорит то, что предлагает ему ум, и слово никогда не разнится в сущности с умом, но ему единосущно совершенно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

(1) **П**еред праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их. — Господь и прежде всех веков знал час Своей смерти, а когда он настал, творит дело, полное многого человеколюбия и снисхождения и являющее великую любовь к ученикам, ибо, намереваясь оставить их, обнаруживает к ним сильнейшую любовь. Слова *возлюбив [их], до конца возлюбил их* означают то, что Он не опустил ничего, что следовало сделать тому, кто сильно любит. Посему в заключение всего творит и это: умывает ноги ученикам, чтобы вполне выказать любовь к ним и оставить им великое утешение среди бедствий, какие их постигнут, — утешение в той мысли, что возлюбивший их до того, что умыл им и ноги, не оставит их и в бедствиях. Переходом называется смерть Христа по причине вознесения Его по воскресении. Итак, поскольку Он хотел *перейти от мира сего*, являет любовь к Своим, а Своими называет учеников по причине близости. Богу Свои и все люди по праву творчества Его, почему сказано: *Пришел к своим, и свои Его не приняли* (Ин 1, 11). Но святые — Свои Ему потому, что близки к Нему, как и здесь Своими назвал учеников.

Прибавил *сущих в мире* потому, что есть Свои Ему и иные, например Авраам и патриархи, но они не в мире сем, потому что переселились отсюда. *Своих сущих в мире... до конца возлюбил*, явив к ним совершенную любовь.

(2–5) *И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.* — Евангелист, удивляясь тому, что Христос умыл ноги, и тому, кто решился предать Его, говорит: *Когда диавол уже вложил в сердце Иуде.* Так до конца Он заботился об исправлении предателя. И слова *во время вечери* не без цели поставлены, но чтобы показать бесчеловечие Иуды, так как и участие в вечери не переменило его.

Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его. — То есть что Отец вручил Ему спасение верных и нужно уже явить им всё, относящееся ко спасению, между прочим, и ноги умыть ученикам, ибо этим узаконивается смиренномудрие. И иначе: зная, что Отец всё предал Ему *и что Он от Бога исшел и к Богу отходит* и что сла-

ва Его не уменьшится, если Он умоет ноги ученикам, ибо Он не похитил славу, чтобы бояться потери оной и посему не братья ни за какое смиренное дело. Подобное чувство испытывают те, которые не имеют истинного благородства. Поскольку они похитили себе славу, то они не желают даже наклониться, чтобы не потерять того, что не принадлежит им и что они похитили. Но Он был Царь всех и Сын Божий. Ибо это значат слова *от Бога исшел*, то есть из сущности Отца, и опять *к Богу отходит*. Посему слава Его, когда Он так высок и так велик, не уменьшится, если Он умоет ноги ученикам. Примечай, что если смирение есть дело того, кто от Бога исходит и к Богу отходит, то гордость, очевидно, будет делом того, кто исходит от бесов и к бесам отходит. Когда же слышишь, что *Отец всё отдал* Ему, не думай, что здесь обнаруживается бессилие Сына, нет, но единочестие и единомыслие с Отцом, ибо если от того, что говорится, что Отец всё отдал Ему, Сын представляется тебе бессильным, то и Отца представляй бессильным. Ибо и Ему, как говорит апостол (см.: 1 Кор 15, 24), Сын предаст Царство. Но этого нет — Предание означает единомыслие и содействие и благоволение Отца. Примечай и превосходную степень смирения, ибо не прежде вечери умывает, но когда все возлегли: один только Он встает, а прочие покоятся.

Отлагает Свои одежды, научая нас делать себя беспрепятственными и легкими на служение. Опоясывается полотенцем, делая всё Сам — и умовение, и отирание. Вливает воду и делает это Сам, а не приказывает сделать другому. Всё это пример и закон для нас, как мы должны служить, именно: со всем усердием, делать всё самостоятельно, не пользуясь служением других.

(6–7) Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что́ Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. — Господь умывает ноги у Петра не первого, хотя он и имел первенство перед учениками, но, может быть, предатель, будучи дерзок и бесстыден, возлежал выше Петра, и ему умыл Господь ноги. Откуда это видно? Из следующего. Начал умывать ноги ученикам и отирать (ст. 5), а потом уже *подходит к Симону Петру*. Отсюда-то и видно, что Господь умыл Петра не первого. Если бы Господь не умыл кого-нибудь прежде Петра, евангелист не сказал бы *подходит к Симону Петру*. Из прочих учеников никто не отважился бы принять умовение прежде Петра, а предатель мог дерзнуть на это. Если бы Господь начал умывать кого-нибудь из прочих учеников, то сей, кто бы он ни был, не допустил бы Господа и сказал бы то же, что и Петр: *Господи! Тебе ли умывать мои*

ноги? Но этого возражения не последовало. Значит, из прочих учеников Господь умыл предателя первого, потом уже — Петра. Вразумленные примером Петра, остальные, естественно, не противоречили, но приняли такую высокую честь, возданную им Господом. Вникни, какую силу имеют слова апостола Петра: «Ты ли умоешь ноги мои теми руками, которыми Ты очищал прокаженных, воскрешал мертвых, открывал глаза слепых? Ты ли, Который сделал это и больше сего, у меня, раба и неученого, умоешь, — и не руки, а ноги, считаемые особенно грязными и бесчестными?» Что же Господь?

Он говорит: *Что́ Я делаю, теперь ты не знаешь* [того]; дело Мое заключает в себе глубокое смирение, которому Я и вас учу. Однако же после того как ты именем Моим будешь изгонять бесов, когда увидишь Мое вознесение на небо, когда от Духа Святого узнаешь, что Я восседаю одесную Отца, тогда ты поймешь, что Тот, Кто смирился до того, что умыл ноги твои, Тот Самый дал тебе такую силу над бесами и вознесся и прославился с Отцом, нисколько не унизившись от смирения. А потому и ты внедри в себя смирение, которое не унижает, а более возвышает человека.

(8–9) Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр

говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. — Петр глубоко уважает своего Учителя, посему и благоговеет перед Ним и не принимает от Него служения. Хотя при ином случае Петр получил упрек от Господа (см.: Мф 16, 22) и во избежание того упрека должен был бы теперь принять умовение от Господа, однако же, поскольку совершаемое теперь Христом дело очень важно, Петр противится, а не помышляет, что Господь, быть может, сделает ему опять выговор еще более строгий, как непокорному. Что же Христос? Он не говорит Петру: «Я учу тебя смирению и для того умываю ноги твои», — ибо Петр сказал бы Ему, даже с клятвой, что он и без умовения ног будет иметь смирение. Что же говорит ему Господь? Что, по ведению Господа, могло особенно затронуть сердце Петра, то Он и ставляет ему на вид как бы некоторую угрозу.

Если, говорит, Я не умою тебя, ты не имеешь части со Мною. Так как Петр более всех прочих учеников желал быть вместе с Христом, почему и спрашивал Его, куда Он идет, и по любви обещал положить за Него душу свою (см.: Ин 13, 36—37), то настоящей угрозой Господь потрясает его душу. Петр, слыша такую страшную угрозу, насколько был тверд в сопротивлении, настолько же, и еще более, силен в изъявлении согласия, ибо дает и голову свою на умовение. В том

и другом случае он руководится любовью: сопротивляется умовению потому, что очень почитает Господа, а соглашается потому, что не хочет разлучиться с Ним. А я прошу тебя, когда увидишь, что кто-нибудь сильно настаивает на своем по неразумию и с клятвой обещает: «Не буду делать того-то», — потом из уважения к клятве пребывает в том, чего не обсудил хорошо, и из-за этого терпит вред по душе или по телу, то пользуйся благоприлично примером апостола Петра, который настаивал на своем, но когда увидел, что его настойчивость может разлучить его с Христом, оставил ее.

(10–11) *Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты.* — Господь, получив повод, обличает предателя, что он имеет нечистую мысль, нуждается в омовении от лукавства и перемене своего намерения. Вы, говорит, будучи омыты, не нуждаетесь еще в другом омовении, а один нечист и нуждается в омовении. Многие спрашивают: почему Господь сказал апостолам *вы чисты*, когда они еще не были освобождены от грехов, не получили Духа, так как грех еще царствовал и клятва сохраняла свою силу, ибо Агнец, вземлющий грех мира, не был еще заклан, Испытатель наш от проклятия

не был еще повешен на древе? В каком же смысле апостолы были чисты? Можно сказать, что хотя они совершенно и не были освобождены от грехов, но они чисты через слово, которое проповедовал им Господь (см.: Ин 15, 3), чисты, по крайней мере, в том отношении, что уже приняли Свет, уже освободились от иудейского заблуждения. Послушай, как Исаия научает нас омываться: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих* (Ис 1, 16). Посему и учеников Своих Господь справедливо называет омытыми и чистыми, ибо они пребывали со Христом со всяким незлобием и простотой. На вечери, под которой некоторые разумели познание таинства Христова в конце веков, которому Иисус научает учеников Своих, Господь умывает ноги их не потому, что они грязны, но для того, чтобы приготовить их к благовествованию, по изречению Исаии: *Как прекрасны... ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис 52, 7). Итак, говорит, вы, что касается вас самих, чисты, но вы должны быть посланы и для очищения других, что и выражается умовением ног ваших. Итак, умовение дает нам мысль не об очищении апостолов от грехов, ибо они, по свидетельству Господа, чисты, но служит знаком того, что они посылаются на проповедь, чтобы чистоту, дарованную им через учение Владыки, передать и прочим. Посему и Петр

говорит: «Умой не только ноги мои, но и главу», то есть «не только пошли на проповедь, но очисти и голову мою через мученичество». Заметь, пожалуй, как и ныне это совершается. Ибо вечера и ныне бывает, когда при Божественном священнодействии предлежит Божественное Тело и Кровь Его. Какое же дело требуется от каждого из нас? Слушай. Все мы, уверовавшие во Христа, имеем сами в себе слово Божие и евангельскую проповедь, ибо все мы приняли Христа в сердца наши; но на этой Божественной вечере мы должны восстановить это слово и снять с него одежды, которые скрывают его. Такими одеждami бывают сребролюбие, тщеславие, зависть и каждая из прочих страстей, которые, налегая на сущее в нас слово Божие, обременяют оное. Итак, когда слово встает, нужно отложить страсти, чтобы оно, став легким, могло очистить нас через покаяние. Ибо слово, поднявшись и отложив всякую тяжесть и заботу житейскую, умоет помыслы наши, которые учатся у него и следуют за ним, умоет и ноги наши, то есть наши деятельные движения и поступки. Если же кто нуждается в другом очищении, желает улучшения в учении и созерцании, пусть говорит Господу: «Господи! умой не только ноги мои, но и руки, и голову», — то есть очисти не только поступки, но и руки мои, чтобы я мог и других руководить и приниматься за

добро, и голову, чтобы я в созерцательном и богословском отношении имел о предметах Божественных понятие чистое и безукоризненное. Через исповедь мы можем омыться, чтобы достойно причаститься вечери, а не есть и не пить в осуждение себе (см.: 1 Кор 11, 29).

(12–16) *Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его.* — Господь уже не к одному Петру, но и ко всем обращает речь Свою и выставляет причину такого смирения со Своей стороны. Причина же заключается в том, что ученики должны подражать Ему в этом. Не о настоящем ли времени намекает Господь, когда говорит Петру: «Ты, Петр, узнаешь всё после того, как Я возьму одежду Свою и возлягу и начну учить вас и говорить: *знаете ли, что Я сделал вам?* Ибо если Я, признаваемый вами Господом и Учителем, — и признаваемый неложно, ибо Я точно таков есть, — *умыл ноги вам* (и не ска-

зал „вам, рабам, некнижным и неученым”, но оставил это самим доразумевать), *то и вы должны умывать ноги друг другу*, то есть оказывать друг другу всякую услугу». Ибо через умовение, которое считается последним служением, научает, что мы тем более должны исполнять прочие служения, более почетные.

Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. — То есть служили с таким же усердием. Хотя Мое дело и больше, поскольку Я, Владыка, умыл ноги рабам, а вы умывайте ноги подобных вам рабов. Мы иногда видим, что учителя пишут для детей весьма красивые буквы, чтобы они мало-помалу дошли до подражания. Апостолам же по необходимости Господь внушает это, так как они получили честь, одни — большую, другие — меньшую.

Чтобы они не превозносились друг перед другом, Он очищает помыслы их, ибо *раб не больше господина своего*, доколе он раб, *и посланник не больше пославшего его*, доколе он посланник, а когда сделается больше, тогда он ни раб уже, ни посланник.

(17–19) *Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою. Теперь сказываю вам, прежде нежели то*

сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. — Чтобы не сказали: «Что Ты говоришь нам об этом, как будто бы мы не знаем, что смирение хорошо», — посему говорит, что **если это знаете**, одного этого недостаточно, но **блаженны вы** тогда, **когда это исполняете**. Ибо и иудеи знали заповеди, но они не блаженны, а весьма несчастны, потому что не исполняли их.

Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. — Этими прикровенными словами обличает предателя и вместе не уличает его пока, ибо хотел довести его до раскаяния. Посему, опустив все прочие благодеяния, какие оказал ему, выставляет то, которое более всех могло обратить его: «Кто ест хлеб Мой, кого Я питаю, кто разделяет со Мной трапезу и стол, а такое обстоятельство смягчает и врагов, тот...» — и не сказал «тот предает Меня», но — **поднял на Меня пяту**, то есть «употребил против Меня коварство и лукавство по подобию борцов, которые ухищряются против своих соперников и, запиная их пяты, повергают их». Чтобы не навести страха на многих, Он явно отделяет предателя — **не о всех вас говорю** — и показывает, что замышляет против Него только один из них. Посему говорит **ядущий со Мною хлеб** Мой. Когда Иисус сказал **Я знаю, которых избрал**, что нам сказал об Иуде? Неужели избрал и его? Да, когда он был хорош, избрал, как и Сау-

ла, но он сам переменился, ибо свободен; Господь же попускает каждому действовать по своей воле, потому что не отнимает свободы, а когда Иуда переменился, то отверг его, хотя прежде и избрал.

Да сбудется Писание. — Это выражение понимай так же, как и прочие подобные, о которых мы часто говорили (см. также: Пс 40, 10).

(20) Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. — Какова связь настоящих слов с предыдущими, ибо доселе говорилось о предателе, а теперь прибавляется: **принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает?** Связь есть, и самая близкая. Господь сказал, что Он будет предан, говорил, что Он оставит их, что они потом разойдутся, рассеются, будут терпеть много бедствий, посему утешает их двумя способами. Во-первых, через Самого Себя, показав им, что Сам Он претерпит и что Он сделал предателю, умыв ему ноги и допустив к участию за столом, ибо если будут иметь это на душе, то легко перенесут всякие бедствия. Итак, один способ состоит в том, что Господь утешает их тем, что Он сделал врагу, до конца врачуя его, и что Сам претерпит. Другой способ — в том, что Он отворяет для них дома всех, что все, которые послушают их учения, примут их. Видишь связь настоящих

слов с предыдущими? Господь оставит их, они будут терпеть множество зол и бед, и Он утешил их собственным примером, ибо будет предан учеником, но умывает его; утешает их и предсказанием им, что хотя они испытают много бед, но все будут их принимать. *Принимающий вас Меня принимает*, а через Меня — Бога и Отца. Примечай силу утешения. Вас, говорит, люди будут чтить, как Самого Бога, посему не унывайте от злобы гонителей.

(21–22) *Сказав это, Иисус возмущился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит.* — Господь, помыслив, что предатель лишился и терпения в трудах, и услуг от людей, которые будут принимать апостолов, *возмущился духом*, то есть в душе ощутил скорбь, *и засвидетельствовал*. Это значит, что Он предсказал, вперед засвидетельствовал, объявил. Ученики в недоумении *озирались друг на друга* — каждый из них признавал себя чистым, не находил никакого лукавства в своих помыслах, но слово Господа почитал достовернее своих помыслов. Посему все они скорбят и недоумевают, ибо объявление сделано Тем, Кто не ложен, и они были уверены, что оно непременно сбудется. Некоторые слова *один из вас*

понимали как «предаст Меня один, отпавший от лика вашего и вышедший из числа вас», подобно тому как выражение *вот, Адам стал как один из Нас* (Быт 3, 22) объясняли довольно изощренно: «Стал, как один отпавший от нас, то есть диавол». Ибо как он отпал, так и этот через преслушание стал вне нас, то есть отпал от нас.

(23–26) *Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам.* — Все в томлении, и сам верховный Петр в трепете, а Иоанн как бы в радости возлежит на груди Господа. Почему это? И еще — почему он сам о себе говорит *которого любил Иисус*? Иоанн возлежал по следующим двум причинам. Во-первых, потому, что был любим более всех прочих, а признаком любви служило возлежание рядом с Господом. Во-вторых, потому, что смелостью и бодростью он хотел показать, что был чужд обвинения в предательстве. Свидетельствует же сам о себе, что Иисус любил его, в разрешение недоумения. Чтобы ты, слыша, что Петр дал ему знак спросить, не подумал, что тот дал ему знак как старшему, евангелист говорит сам о себе, что Петр дал ему знак не как большему,

но как любимому Христом. Посему эти слова выражают смирение, а не желание показать себя. Ибо он не говорит «я любил Иисуса», но — «Он любил меня, взыскав меня по милости и щедротам» подобно тому, как и апостол Павел говорит: *Стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус* (Флп 3, 12), — и в другом месте: *Познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога* (Гал 4, 9). Так и слова *которого любил Иисус* выражают не тщеславие, а смиренномудрие. Почему же Петр не спрашивает Господа сам, а дает знак Иоанну? Во многих случаях Петр от большой горячности был стремителен, но подвергался порицанию. Посему теперь он опасался спросить, чтобы Господь и в настоящий раз не упрекнул его как порывистого.

Припав к груди Иисуса. — Для чего же Иоанн припадает к груди Иисусовой так неблагоговейно? Потому что он не понимал еще ничего великого о Христе и не был научен почтенным воздавать достойную честь, ибо был рыболовом, не сведущим в приличиях. Господь позволяет ему припасть к груди, чтобы ослабить его печаль, укротить смущение в душе его и вообще успокоить его скорбь. Ибо естественно, что и на лицах учеников выражалось много печали. Господь, спрошенный и таким способом, не объявляет предателя по имени, но дает знать о нем посредством

куска хлеба, чтобы обратить предателя и привести ему на память общение в хлебе за трапезой, участнику которой не следовало предавать Питателя и неистовствовать против Него. Прими, говорит, хлеб сей, который ты разделял вместе со Мной, осознай, что мы имели общий стол. Но он, усыпленный в душе страстью, не уразумел этого. Если ты и сам желаешь возлежать ближе к Иисусу и припасть к персям Его и научиться от Него тайнам, постарайся заслужить любовь Его простотой и добротой. Ибо Иоанн был незлобивее, проще и кротче всех, за что и был любим. Так и ты, если будешь так же незлобив, удостоишься припасть к груди Иисусовой, что служит знаком богословского достоинства, ибо, по уверению Писания, в сердце сокрываются слова Господни (см.: Пс 118, 11). Таким образом откроется и тебе всё таинство и предатель Слова — для того, кому вверена благодать богословия, явным становится и предатель Слова, то есть мудрствующий не по правой вере, ибо еретик, подменяющий слово истины, которое есть хлеб, оказывается имеющим оный не без примеси, но подмоченный.

(26–30) И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарйоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как

у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь. — Господь подал кусок Иуде для того, чтобы он усовестился общения в хлебе за трапезой и удержался от предательства. Но Иуда и от этого не стал лучше, а еще более удержался на стороне сатаны и, как неисправимый, совершенно предался ему. Доколе Иуда считался одним из учеников и членов святого лика, дотоле сатана не имел к нему такого доступа. Когда же Господь отделил Иуду и отлучил его от прочих учеников, обнаружив его через хлеб, тогда сатана овладел им, как оставленным Господом и отлученным от божественного лика.

Вошел в него сатана. — То есть проник в глубину его сердца и овладел его душой, ибо сатана прежде нападал на Иуду извне, страстью сребролюбия, а теперь совершенно овладел им, внушив ему предательство.

Иисус говорит Иуде: *Что делаешь, делай скорее.* Этим Господь не побуждает Иуду к предательству, но как бы укоряет его в том, что он решился на предательство. Словом *делай* Господь как бы так говорит: «Вот Я оставляю тебя, делай что хочешь; не препятствую твоему намерению, не удерживаю тебя более». Ибо прежде сего Го-

сподь обуздывал злобу Иуды, соблюдая Сам для Себя время смерти, почему и говорил: *Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее* (Ин 10, 18).

391

Но никто из возлежавших не понял. — Достойно исследования, отчего никто не узнал этого, когда на вопрос о предателе Господь сказал: «Предатель тот, кому Я подам кусок». Господь, очевидно, сказал это тихо одному только Иоанну, так что из прочих никто не слышал. Притом Иоанн, припав к груди, спрашивает почти на ухо, так что предатель не был объявлен, ибо иначе Петр, может быть, мечом и умертвил бы его. Неужели и Иоанн не узнал сего? Да, даже он, ибо он не ожидал, что ученик будет способен на такое беззаконие. Святой своей душой, будучи далек от такой злобы, он не предполагал, что это возможно и для другого. Итак, слов **делай скорее** никто не понял, но подумали, что Господь повелевал Иуде купить что-нибудь для праздника или дать что-либо нищим, ибо Он много заботился о нищих, и хотя прочих убеждал не иметь ни суммы, ни меди, но Сам позволял носить при Себе ящик, показывая тем, что и нестяжательный и распявшийся для мира должен иметь большое попечение об этой части людей — о бедных.

Была ночь, когда Иуда вышел. Это евангелист не без цели заметил, но для того, чтобы научить

нас, что Иуде и время не помешало, что и ночью он был занят коварством. Мне кажется, Иуда вышел в пятом часу вечера, когда сатана вошел в него, ибо сатана напал на Иуду в четвертом часу, когда упоминаемая у евангелиста Матфея женщина пролила миро (см.: Мф 26, 6—16), а Иуда пошел и уговорился с иудеями о предательстве. В пятом же часу вечера сатана вошел в Иуду, то есть завладел уже всем его сердцем. Ибо иное дело кого-нибудь ударить рукой снаружи, и иное дело — вонзить в него меч и поразить им внутренность. Иуда *вышел* от Спасителя и чувственно, и мысленно. Была, может, и мысленная *ночь* — накрывшая его тьма сребролюбия.

(30–32) *Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его.* — Так как ученики поникли духом, Господь говорит им: *Ныне прославился Сын Человеческий.* Убеждает их не сетовать, а радоваться, ибо страдания и доставление посредством бесчестия чести людям составляют славу Его. И иначе: Он прославился через чудеса, совершившиеся на кресте: когда солнце померкло, камни распались, завеса раздралась и все прочие знамения совершились. *Ныне прославился Сын Человеческий*, то есть Я, учащий, совершающий чудеса, и слава

не останавливалась на Мне, но восходила к Богу и Отцу. А так как Моя слава становится славой Отца, то не сетуйте, — Отец опять прославит Меня, чтобы и Ему прославиться, ибо Я славы не присваиваю, и не к Нему ли она восходит? Да, слава у Нас общая. Посему и опять прославит Меня, и не замедлит, но, говорит, **вскоре прославит**; когда Я буду терпеть бесчестные страдания, когда по видимости Я буду взят из среды живых, через смерть, тогда-то Он более почтит Меня, тогда-то через воскресение прославит Меня.

Вскоре прославит Его. — Прославит на самом кресте, потом через три дня воскресит Его и через сорок дней ниспошлет ученикам благодать Духа. А то, что **Бог прославит Сына в Себе**, значит, что прославит через Самого Себя, а не через Ангелов и Архангелов или другую силу, ибо делал всё для славы Сына.

(33–35) **Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою.** — Так как они вскоре подвергнутся бедствиям, то Господь предсказывает им об этом, чтобы они помнили

о бедствиях и приготовились к ним. Это же служит и к славе Его, ибо возвешение ученикам вперед о том, что с ними случится, было немалой для Него славой (ученики впоследствии вспоминали, что Господь предсказывал им об этом). Показывая же, что не теперь только Он узнает впервые, но и задолго знал, что в искушениях будут искать Его, говорит, что Он, как задолго предвещавший, говорил это самое и иудеям.

Словами *куда Я иду* Господь показывает, что смерть Его есть переход и преставление в лучшее место, куда не принимаются тела тленные. Иудеям говорил *будете искать Меня и куда Я иду*, туда *вы не можете придти* с тем, чтобы навести на них страх, а ученикам говорит для того, чтобы воспламенить в них любовь. Ибо когда мы видим, что кто-нибудь из наших друзей удаляется, мы обыкновенно воспаляемся к нему любовью, особенно если он отъезжает туда, куда нам прийти невозможно. Итак, говорит это им, чтобы воспламенить в них любовь.

Посему и прибавил *дети*, чтобы не подумали, что Он сказал им это от такого же расположения, как иудеям, но им сказал от любви. Иудеи искали Господа, когда город их был взят и отовсюду неся на них гнев Божий, как и Иосиф свидетельствует, что это последовало с ними за умерщвление Иисуса. Ученики же искали, когда были

гонимы или другую скорбь испытывали. Посему в другом месте говорит: *Отнимется... жених, и тогда друзья жениха будут поститься* (Мф 9, 15).

Заповедь новую даю вам. — Итак, Господь предсказывает будущее тем и другим, но одним по причине неверия их, другим по причине любви к ним, чтобы они не подвергались бедствиям неожиданным. Поскольку они, выслушав это, естественно, могли прийти в смущение как люди, которые будут оставлены без помощи, то Он утешает их, говоря: «Не печальтесь, Я даю вам сильного стража — любовь; если будете ее иметь, то, подкрепляемые друг другом, будете непобедимы». Так как иной мог спросить: «Господи! почему Ты выдаешь любовь за новую заповедь, когда мы знаем, что любовь заповедана и в Ветхом Завете?» — прибавляет: **«Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.** Как, говорит, **Я возлюбил вас** даром, без предварительных заслуг, даже и тогда, когда естество человеческое было во вражде и разлучении с Богом, Я, однако же, принял оное на Себя и освятил, — **так и вы любите друг друга** даром; а если брат оскорбит тебя, ты не помни этого. Видишь, новая заповедь состоит в том, чтобы любить ближнего даром, хотя бы и ничем вы не были ему должны». А закон говорил «возлюби друга твоего», повелевая

396 любовью как бы уплачивать долг ближнему, на-
чавшему любить прежде.

Показывая же, что они по отшествии Его не будут унижены, но сделаются славными, говорит: *По тому узнают все*. Видишь, объявляет, что они сделаются известными у всех, и этим немало утешает их. Умалчивая о чудесах, которые они будут совершать, отличительным их признаком поставляет любовь, ибо многие из творивших чудеса услышат: *Я никогда не знал вас* (Мф 7, 23). Если и вся вселенная чудесами была приведена к вере, что удивительного? Потому и была у них сила творить чудеса, что была у них любовь. Если бы они отстали и отделились друг от друга, то у них погибло бы всё и никто не поверил бы, когда бы они неистовствовали друг против друга, тогда как более чуда делало их достойными веры то, что у верующих *одно сердце и одна душа* (Деян 4, 32).

(36–38) *Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.* — Петр, от великой горячности сделавшись дерзновенным,

когда услышал, что Господь говорит: «Куда Я иду, туда вы не можете идти», — спрашивает: **Куда Ты идешь?** Петр как бы так говорит Христу: «Что это за путь, которым я не могу идти?» Спрашивает об этом, не столько желая узнать, куда Он идет, сколько выражая прикровенную мысль, что, хотя бы Ты пошел путем труднейшим из всех, я и тогда последую за Тобой. Так он любил всегда быть вместе со Христом! Посему и Христос отвечает на мысль Петра, что не может он ныне последовать за Ним, а впоследствии пойдет за Ним.

Петр так неудержим в своем стремлении, что и Христу противоречит. Не довольствуется тем, что получил добрую надежду пойти за Христом впоследствии, но настаивает на своем и самоуверенно говорит: **Почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя.** Смотри, какая сила желания! Петр слышал, как Господь говорил, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15, 13), посему и сам стремится к этой степени и желает достигнуть самой высшей любви, почему и обещает положить за Господа душу свою.

Спаситель, показывая ему, что один только Он, а не какой-нибудь человек, может с уверенностью обещать это, говорит: **Не пропоет петух, как ты отречешься от Меня трижды**, — то есть теперь же, ибо немного уже осталось времени.

Господь говорил это поздно ночью, и первая и вторая стража ночи уже прошли. Так как Петр противоречил от великой любви, то Господь любовь принимает, а противоречие отсекает. Посему Он лишает его помощи свыше и доводит до познания своей немощи: «Если ты любишь, то должен покоряться Тому, Кого любишь. Я сказал, что *ты не можешь*, а ты противоречишь. Из отречения ты ясно узнаешь, что не может не сбыться то, что Я говорю».

Посему, щадя его, попустил ему пасть для того, чтобы он не подвергся этому и впоследствии, когда примет домостроительство вселенной, но познал бы самого себя. И смотри, как он пал: не однажды, а *трижды*. Так оставление нас Богом обличает наше бессилие, и кто внимателен, тот находит в этом величайшее благодеяние.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

(1) **Д***а не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте.* — Когда апостолы услышали о верховном Петре, что он отречется, то, естественно, на них напало смущение. Посему Господь утешает их и утишает смущение сердца. Ибо если верховный и пламенный Петр отречется трижды, прежде чем пропоет петух, очевидно, они должны ожидать какого-то великого обстоятельства. Потом ученики как бы сказали: «Как же нам не смутиться, когда наступят для нас такие затруднения?» Господь отвечает: *Веруйте в Бога, и в Меня веруйте* — и все ваши затруднения разрешатся и смущение утишится через веру в Бога и в Меня. Посему и сказал им: *Да не смущается сердце ваше*, — чтобы они тем самым, что Он видит состояние их сердца и знает сокровенное смущение, уверились, что Он — Бог.

(2-3) *В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я.* — Господь сказал Петру, что после он пойдет за Ним. Чтобы прочие не подумали, что это обещание дано одному только Петру, а им — нет, Господь говорит, что

и их примет та же страна, которая примет Петра, посему не нужно смущаться из-за места, ибо **в доме Отца Моего обителей много**. Под домом разумеи власть и начальство. Если же не было бы обителей, говорит Господь, Я пошел бы и приготовил вам, так что вам не должно смущаться в том и в другом случае, готовы или не готовы обители, ибо если бы они не были готовы, Я со всем усердием приготовил бы их для вас. Если бы для приготовления вам места Я и отошел, то в этом случае Я не оставил бы вас, но взял бы с Собой, чтобы и вы были там же, где Я. Видишь, сколько утешения и одушевления в словах **чтобы и вы были, где Я**. Итак, неразумно смущаться вам, когда вы будете со Мной.

(4–6) **А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.** — Господь видит, что у них в мыслях — спросить и узнать, куда Он идет, посему дает им повод спросить об этом. Вы, говорит, знаете, куда Я иду, и путь знаете. И тем приводит их к вопросу, посему Фома и говорит: **Господи! мы не знаем, куда Ты идешь; и как можем знать путь?** Фома говорит это от большого страха, а не от желания следовать за Господом, как Петр. Посему Христос,

желая показать, что следовать за Ним легко для них и приятно, объявляет, куда Он идет и каков путь. Идет Он к Отцу, а *путь* есть Сам Он — Христос. Если, говорит, путь есть Я, то вы через Меня, без сомнения, взойдете к Отцу. Я не только путь, но *и истина*, посему вам нужно быть бодрыми, потому что Мною не будете обмануты. *Я и жизнь*, посему, если и умрете, смерть не воспрепятствует вам прийти к Отцу. Итак, бодрствуйте, ибо всякий *приходит к Отцу... через Меня*. И так как в Моей власти приводить к Отцу, то вы, без сомнения, придете к Нему, ибо прийти туда невозможно иным путем, как только Мною. А ты и отсюда уразумей, что Сын равен Родившему, ибо в ином месте говорит, что приводит к Нему Отец: *Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец* (Ин 6, 44). А здесь говорит, что к Отцу Он приводит. Следовательно, у Отца и Сына равна сила, ибо и действие едино. Итак, когда ты идешь деятелен, тогда Христос для тебя бывает путем, а когда упражняешься в созерцании, Он бывает для тебя истиной. Но так как многие, будучи деятельными и созерцательными, все-таки не получили жизни или потому, что, совершая добродетель из тщеславия, здесь получили награду, или потому, что в догматических мнениях уклонились от правого пути, то к пути и истине, то есть к деятельности и созерцанию,

присоединена жизнь. Посему и нам должно шествовать и богословствовать, стремясь к живущей вовек, а не к гбгнуущей славе людской.

(7) *Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его.* — Выше сказал: «Вы знаете, куда Я иду, знаете и путь сей, то есть Меня», — а здесь говорит: *Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего.* Как же это? В словах Его нет противоречия, ибо они знали Отца, но не так, как следовало, знали как Бога, но как Отца еще не знали. Уже впоследствии Дух, нисшедший на них, сообщил им совершенное познание. Итак, слова Его имеют такой смысл: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы также существо и достоинство Отца. И отныне вы начали познавать Его через Мое посредство *и видели Его*, то есть познали умом вашим насколько возможно. Так как вы признаете Меня Господом и Учителем, то, без сомнения, обо Мне и об Отце, насколько для вас достижимо, получили познание достаточное, потому что совершенного еще не получили. И иначе. Слова *если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего* выражают не то, будто они не знают Его, но имеют такой смысл: Я сказал вам, что вы знаете, куда Я иду, то есть к Отцу, и знаете путь сей — Меня. Фома сказал Мне: *Не знаем, куда идешь* (ст. 5), — то есть не знаем и пути

сего. Я же сказал Фоме, что *Я есмь путь* и никто не приходит к Отцу иначе, как только через Меня (ст. 6). Итак, *если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего*, но вы знаете Меня, а посему знаете и Отца Моего. Отныне, говорит, *знаете Его и видели Его*, видев Меня.

(8–9) Филипп сказал Ему: *Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца? —* Филипп думал, что хорошо знает Христа, но не знает Отца. Посему и сказал *покажи нам Отца, и довольно для нас*. Ибо сколь много ни говори нам *если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего* (ст. 7), мы не сможем таким образом познать Отца. А Ты покажи Его нам, телесным глазам нашим. Филипп слышал, что пророки видели Бога, и сам пожелал видеть Его также телесно, не зная, что видения пророков были снисхождением. Итак, научая Филиппа, что нельзя Бога видеть телесно, Христос говорит: *Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?* Смотри. Не сказал «не видел ты», но — *не знаешь* для того, чтобы отвести Филиппа от земного помысла, от желания видеть Отца телесно, ибо о Боге говорится «знать», а не «видеть».

Потом прибавляет *видевший Меня видел Отца*. Слова имеют такой смысл: Филипп! ты желаешь видеть Отца телесным глазом и думаешь, что Меня уже видел. А Я тебе говорю, что если бы ты видел Меня, то видел бы и Его. А так как Его ты ныне не видел, то не видел и Меня, как должно смотреть на Меня, — ты видел Меня телесно, так как Я имею и тело, но Божественного существа не видел; посему ты не можешь видеть телесно и существа Отца. Ни Меня, ни Отца невозможно видеть телесно, ибо *видевший Меня видел Отца*. Впрочем, многие думают, что видят Меня, а Отца не видят. Посему Меня видят не по Божескому естеству, но по человеческому. Можешь и яснее понимать так, что Я единосущен Отцу. Итак, кто Меня видел, то есть познал, тот познал Отца. Ибо когда одно существо и естество, тогда одно и познание. Да постыдится Арий, слыша, что видевший Сына, то есть познавший Божество Сына, познал Отца, то есть Божество Отца. Да постыдится и Савеллий, который говорит, что одно существо и одно Лицо Отца и Сына. Ибо вот, Господь различает Ипостаси и иное Лицо показывает в Отце, а иное — в Сыне: в словах *видевший Меня* указывает на Свое Лицо, а в словах *видел Отца* — на другое Лицо. Если же Он и Отец были бы одно Лицо, то ничего такого Он не сказал бы, но на просьбу Филиппа

показать им Отца ответил бы: «У Меня нет Отца, но Я есть Отец и Сын». И было бы крайне неразумно слышать, как Сын говорит «иду к Отцу Моему» и «Я в Отце» и многое тому подобное, и не понимать, что иное Лицо Сына и иное — Отца. Посему-то Господь упрекает этого ученика, что он столько времени следует за Ним, видел знамения и дела Божества, но еще не познал Его как Бога, чтобы через Него познать и Отца. Ныне же, говорит, из желания видеть Отца телесно открывается, что ты не веруешь ни тому, что Я — Бог, ни тому, что Он — Бог.

(10–11) *Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам.* — Сын в Отце, так как является в Его существе, и Отец — в существе Сына, подобно как царь является в образе своем и образ — в царе, ибо одни черты у образа и у царя. А что, говорит, Мое и Отчее существо одно, это ясно, ибо *слова, которые говорю Я, говорю не от Себя*, то есть говорю их не иначе, но как сказал бы Отец, так и Я говорю, потому что Я не имею у Себя ничего особенного, отдельного от Отца, но всё общее, ибо одно существо у Нас, хотя Лица разные. Но Отцу принадлежат не только

слова, которые говорю Я, но и дела — дела Божественные. Если же дела — Божии, а Отец и Я — Бог, следовательно, это дела одного существа, так что если Я делаю, Отец делает; если Отец делает, Я делаю.

Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне. — То есть вам, которые слышат об Отце и Сыне, не следует искать никакого другого доказательства Их родства по существу. Если же этого вам недостаточно для доказательства единосущия и единочестия и того, что Отец является в Моем существе и Я — в существе Отца, то, по крайней мере, по делам верьте Мне, ибо дела — Божии.

(12–14) Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю. — Христос, показывая, что Он может творить не одни только эти дела, но и другие, гораздо большие, говорит об этом с чрезвычайной силой, ибо не говорит, что может творить дела и большие сих, но, что гораздо удивительнее, и другим может дать власть творить дела **больше сих**. Видишь, сколь велика сила Единородного? Он и другим дает силу творить дела, большие тех, которые Сам творил.

Потому что Я к Отцу Моему иду. — То есть теперь уже, говорит, вы будете творить чудеса, ибо Я уже отхожу.

Объясняя нам, как верующий в Него может творить великие и чудные дела, говорит: **Если чего попросите... во имя Мое.** Здесь показывает нам способ чудотворения: всякий может творить чудеса через прошение и молитву и призывание Его имени. Так и апостолы сказали хромоту: **во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи** (Деян 3, 6). Посему не сказал «о чем ни попросите, Я умолю Отца, и сделает», но — **Я сделаю**, показывая собственную Свою власть.

Да прославится Отец в Сыне. — Когда сын явится имеющим великую силу, тогда бывает слава и тому, кто родил такого сына. Смотри же, как это приводит к славе Отца. Именем Господа нашего Иисуса Христа совершались чудеса; благодаря чудесам веровали проповеди апостолов; наконец, переходя к богопознанию, познавали Отца и таким образом Он прославлялся в Сыне. Ослепленные арианством пусть скажут: «Как это чудеса через апостолов творил Он — Свои дела делал не Сам, но при содействии Отца? Как это иным давал силу, а Сам не имел ее? Для чего Он сказал одно и то же дважды? Ибо сказав: „Если чего попросите во имя Мое, Я сделаю“, потом прибавив **да прославится Отец в Сыне**, опять во второй

раз говорит: *Если чего попросите во имя Мое, то сделаю*». Дважды говорит это для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что Он творит Сам и не нуждается в посторонней силе. Всё же это Он говорит ученикам для утешения их и в подтверждение, что Он по смерти не погибнет, не уничтожится, но опять останется в Своем достоинстве и будет на небесах. Ибо Я, говорит, иду к Отцу; Я не уничтожусь, но отхожу туда, где жизнь блаженнейшая. Хотя Я и умру, но несколько не явлюсь бессильным; напротив, и других облеку силой творить дела бóльшие. И чего ни пожелаете, дам вам. Итак, не падайте духом из-за того, что смерть Моя будет такой, на которую Я вам указал.

(15–17) *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет.* — Выше сказал, что сделает всё, о чем Его ни попросят; теперь показывает, что должно просить не просто, но с любовью к Нему и соблюдением заповедей, ибо тогда Он сделает, когда Его будут просить таким образом. И иначе. Ученики, слыша, что будут Им оставлены, естественно, могли опечалиться и смутиться

душами. Он говорит, что любовь к Нему состоит не в том, чтобы печалиться и смущаться, но повиноваться Его словам: Я дал вам заповедь не бояться *убивающих тело* (Мф 10, 28).

Если вы любите Меня, то соблюдайте ее и из-за Моей смерти не скорбите, ибо скорбеть несвойственно хранящему упомянутую заповедь. Как же, не соблюдая Моей заповеди, но боясь смерти, вы говорите, что **любите Меня**? На это они могли бы сказать: «Как же нам не скорбеть, когда нам предстоит лишиться Его утешения и руководства?»

Посему говорит, что этого не будет и они не останутся без утешения: **«Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя**, — иного, но такого же, как Я». Да постыдится Савеллий (который говорит, что одно лицо Отца и Сына и Святого Духа), ибо выражение **даст вам другого Утешителя** значит: лицо Духа другое. Да постыдится и Македоний, который говорит, что Дух иного существа и ниже Сына. Ибо слушай: и Дух есть Утешитель, подобно как и Сын. Итак, Дух, единосущный Сыну, без сомнения, единосущен и Отцу, ибо Отец и Сын одного и того же существа. Не удивляйся, если Он говорит **Я умолю Отца**, — Он не просит, как раб, но для того, чтобы уверить учеников, что к ним непременно придет Дух Утешитель, снисходит к ним и говорит: **Я умолю Отца**. Если бы

Он сказал «Я пошлю», то они не столь поверили бы, а теперь, чтобы сделать Свое слово достовернее, говорит: *Я умолю Отца*, — если будет нужно и просить, и молить, то Я всячески постараюсь о том, чтобы Дух пришел к вам. Это подобно тому, как и мы нередко говорим, что жизнь свою положим, чтобы случилось то или другое. Хотя часто дело не требует большого старания, однако же мы говорим таким образом, желая показать, что не откажемся от старания. Иначе. Так как Господь за нас Сам Себя принес в жертву Отцу, умиловив Его Своей смертью как Первосвященник, и затем, по истреблении греха и прекращении вражды, пришел к нам Дух, посему-то Он говорит, что *Я умолю Отца, и даст вам... Утешителя*, то есть Я умиловлю за вас Отца и примирю Его с вами, враждебными Ему по причине греха, и Он, умиловленный Моей смертью за вас и примиренный с вами, пошлет вам Духа.

Да пребудет с вами вовек. — Сказал это также в утешение их. Пришествие Его не таково, как Мое, оно не на время только, оно продолжится до века; Он не оставит вас и по смерти вашей, а пребудет с вами и прославит вас; Он и со всеми святыми пребывает всегда, даже и по смерти их, тем более что они тогда еще более возвышаются над плотскими страстями. Дух истины, говорит, то

есть Дух не Ветхого Завета, ибо он — образ и тень, а Нового, который есть истина. Имели Духа и те, которые жили под законом, но имели Его в образе и тенях, а ныне, можно сказать, Истина Сама существенно снизошла к ученикам.

А чтобы не подумали, что и Дух, подобно Ему, воплотится, говорит, что *мир не может принять* Его. Мир, говорит, будет учить вас не так, как Я, ибо мир не может принять Его телесно. Он будет обитать в самих душах ваших. Иначе. Мир не может принять Его, то есть люди порочные и мудрствующие мирское, потому что не видят Его, что существо Его необъятно, ибо под видением разумеет здесь созерцание умом, почему и *не видит* прибавил и *не знает Его*.

Господь утешает апостолов, говоря: «Мир не может принять Меня, а вам подастся этот превосходный дар и пребудет *с вами*. И что еще более, пребудет *в вас*», — ибо *с вами* указывает на внешнюю помощь, а *в вас* — на внутреннее обитание и укрепление. Этим же показывает, что Он есть Бог, ибо говорит: «*Поставлю жилище Мое среди вас... и буду ходить среди вас* (Лев 26, 11—12). Мир не может принять Духа, потому что не знает Его, а вы знаете Его. Почему? Потому что вы не от мира. Потому-то вы и способны принять Его и Он ныне пребывает с вами и всегда будет в вас».

(18–20) *Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас.* — Не бойтесь, говорит, что Я сказал вам, что пошлю другого Утешителя. Не думайте, что уже не увидите Меня, ибо Я не удалюсь от вас навсегда. Я приду и *не оставлю вас сиротами*. Так как вначале назвал их детьми, то теперь как раз и говорит: *Не оставлю вас сиротами*.

А чтобы они не думали, будто Он по-прежнему им и всем явится с телом, говорит: «*Мир уже не увидит Меня*. Вы только одни увидите Меня по воскресении, *ибо Я живу*, хоть Я и приму смерть. Но Я воскресну, *и вы будете жить*, то есть, увидев Меня, возрадуетесь и, как бы после смерти, оживете от Моего явления». Или и так говорит: «Как Моя смерть послужила к жизни, так и вы, хотя умрете, оживете. Итак, не скорбите ни обо Мне, умирающем, ни сами о себе. Ибо если вы и умрете, оживете в будущую жизнь».

В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем. — То есть когда Я воскресну, тогда вы узнаете, что Я не отделен от Отца, но имею одну и ту же силу. *И вы во Мне*, то есть хранимы Мной, *и Я в вас*, то есть Я с вами, избавляю вас от скорбей, совершаю через вас чудеса, вообще прославляю вас че-

рез всё. И иначе: **Я в вас**, как Глава в членах, ибо апостолы — члены Христовы (см.: 1 Кор 3, 23), **и вы во Мне**, как члены в Главе. Когда Он воскрес, тогда Он уяснил им познание обо всем этом, ибо по воскресении благодать Духа научила их всему. Когда слышишь слова **Я в Отце... и вы во Мне, и Я в вас**, то не понимай их в одном и том же значении, ибо Сын в Отце — как единосущный, в апостолах — как помощник и споспешник, а апостолы в Нем — как получающие от Него помощь, содействие и горячность. Много и иных названий употребляется о Боге и о людях, но не в одинаковом смысле. Так, называемся богами и мы (см.: Пс 81, 6), но не в таком смысле, как Бог. Сын называется образом и славой Отца (см.: Евр 1, 3), и человек называется так же, но не в одном значении. Так нужно понимать и настоящие слова. Равно как и следующие слова: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин 20, 21), — ужели мы должны понимать буквально? Отец послал Сына в том смысле, что Он, будучи бестелесен, воплотился, родившись от Девы. Неужели посему и апостолы с неба бестелесны, потом воплотились и каждый из них родился от Девы?! Но так понимать слова Писания — очевидное безумие.

(21–22) *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим;*

и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Иуда — не Искарот — говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? — Такими словами, как и выше мы говорили, Он утишает их скорбь, научая их, что любит Его не тот, кто печалится о Его смерти, каковую печаль и они испытывают, но тот, кто соблюдает Его заповеди и заветы о том, чтобы не привязываться к настоящей жизни, но за Бога и за добро полагать жизнь свою. Он говорит им как бы так: «Вы думаете, что из любви скорбите о Моей смерти, а Я, напротив, признак любви поставляю в том, чтобы вы не скорбели». Что такая мысль содержится в Его словах, видно из того, что Он говорит несколько далее: *Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу [Моему]* (ст. 28).

Итак, говорит, кто любит Меня, тот *имеет заповеди Мои*, и не только *имеет*, но *и соблюдает их*, чтобы не пришел вор — диавол и не похитил это сокровище, ибо нужна тщательная осторожность, чтобы не потерять их.

Какую же награду получит тот, кто любит Его? Он, говорит Господь, *возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам*. Для чего Он сказал *явлюсь ему Сам*? Так как по воскресении Он явился им в теле боговидном, то, чтобы не приняли Его за духа и призрака, об этом

Он и предсказывает им, дабы, увидев Его тогда, не оставались в неверии, но вспомнили, что Он предсказывал им это и что Он является им за соблюдение заповедей Его, дабы и всегда старались соблюдать оные, чтобы и Он всегда являлся им. Тайна воскресения велика, и с трудом они приняли бы ее, посему Он приготавливает их, говоря, что явится им Сам. Ибо по воскресении Он и вкушал для того, чтобы не почли Его за призрак, ибо такая мысль была теперь и у Иуды.

Иуда — не Искарот — подумал, что как мертвых мы видим во сне, так и Он явится им; посему и говорит: *Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?* Говорит это от сильного изумления и ужаса, говорит как бы так: «Горе нам! Ты умираешь и хочешь явиться нам во сне, как и мертвые являются». Ибо *что это* — слова испуганного и встревоженного. Что же Господь отвечает на это? Чем Он ниспровергает его мнение как ложное?

(23–24) *Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца.* — Иуда в сильном страхе подумал, что Господь по смерти Своей явится им во сне,

почему и предложил вышеупомянутый вопрос. А Господь, опровергая его мнение, говорит: «Как Отец является Сам, так и Я явлюсь вам Сам. Ибо Я и Отец вместе придем к тому, кто хранит слова Мои. Не во сне явлюсь Я вам, но так как Я приду с Отцом, то, как богоприлично было явиться Отцу, таково же будет и Мое явление к вам».

Слова *обитель у него сотворим* также неспровергают мнение Иуды. Сны непродолжительны, говорит Господь, а Я явлюсь и пребуду с Отцом. Посему посещение Мое не походит на сон. Предсказывает им о Своем явлении для того, как я сказал, чтобы не почли Его за призрак, и вместе возбуждает их к соблюдению Своих заповедей уверением, что соблюдающим оные являются и Он, и Отец. Равно как, наоборот, от того, кто не соблюдает заповедей, как от нелюбящего, удаляется и Он, и Отец.

Ибо, говорит Он, кто не любит Меня, тот *не соблюдает слов Моих*, а кто не любит Сына, тот не любит и Отца, ибо слово принадлежит и Сыну, и Отцу. Посему кто не соблюдает слов Сына, то есть Отца, тот не любит как Сына, так и Отца. Итак, вы, ученики, соблюдайте слова Мои, ибо этим вы докажете любовь ко Мне и к Отцу. Иные говорят, что вопрос, почему Он хочет явиться ученикам, а не миру, сей Иуда (не Искарот) предложил не из страха, а из любви к людям. Он

желал, чтобы польза от явления была не одним только ученикам, но и всему миру. А Спаситель показывает, что таких благ удостаиваются не все, а только те, которые соблюдают заповеди Его, содейваясь достойными явления Его и любви Отчей. Ибо в том, кто соблюдает заповеди, пребывает Бог и Отец. Но не так же, как и в Сыне, ибо в Сыне Он пребывает естественно, а в человеке — нравственно.

(25–26) *Сие сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам.* — Так как речи Господа были неясны для учеников и многого из них они не понимали, а в большей части их сомневались, то, чтобы опять не просили Его и не сказали, какие заповеди им должно соблюдать, Он освобождает их от забот и смущения, говоря, что *Утешитель* неясное и неудобопонятное сделает для них удобопонятным: «Это — кажущееся для вас неясным — Я сказал, пребывая у вас и будучи с вами; если же удалюсь, то вы будете всему научены. Итак, вам не нужно скорбеть по случаю разлуки со Мной, когда она доставит вам столько благ и столько мудрости, потому что доколе Я Сам пребываю у вас и Дух не придет, вы ничего ни великого, ни высокого не можете уразуметь». Часто упоминает об

Утешители по причине одержавшей их скорби, подавая им добрую надежду, что Он будет руководить ими: «*Утешитель* придет *во имя Мое*. Это значит, что Он не будет учить вас ничему, чуждому Моего учения, не будет искать Своей славы, но придет во имя Мое, то есть во славу имени Моего, а не Своего, как делают враждебные друг другу учителя, увлекая за собой последователей». Некоторые слова *во имя Мое* разумеют как имя Христа «Утешитель», ибо говорится: *Имеем ходатаю* (Утешителя)... *Иисуса Христа* (1 Ин 2, 1). И так как Дух, пришедший к ученикам, стал Утешителем, облегчил скорбь их, то Он пришел во имя Христа, ибо и Он — Утешитель, как и Христос. Но апостол Павел называет и Духа Христом, когда говорит: *Вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (Рим 8, 9). Потом прибавил: *Если Христос в вас* (там же, 10). <...> Христом апостол назвал Духа. А так как Дух именуется Христом, то слова *пошлет Отец во имя Мое* ты должен понимать так, что и Он будет называться Христом. Святой Дух и научил, и напомнил — научил всему тому, о чем Христос не сказал им как не могущим вместить; напомнил всё то, что Господь хотя и сказал, но чего апостолы не могли удержать в памяти или по неясности сказанного, или по немощи своего ума.

(27) *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.* — Апостолы опять почувствовали печаль, когда слышали слова Господа, что Он отходит, а придет Дух. Посему, видя сердца их в смущении, и особенно из-за предстоящих им скорбей и бед, говорит: *Мир оставляю вам*, — говоря им как бы так: «Какой вам вред от смятений мира, доколе вы в мире со Мной? Ибо *мир Мой* не таков, каков бывает у мира. Этот мир часто бывает вреден и бесполезен, но *Я даю* такой мир, по которому вы друг с другом будете в мире и будете составлять одно тело. А это сделает вас сильнее всех. Хотя многие восстанут на вас, но вы при единомудшии и взаимном мире нисколько не пострадаете». Потом, поскольку опять сказал *оставляю*, а это указывало на Его отшествие и могло привести в смущение, прибавляет: *Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.* Смущение они испытывали от привязанности и любви к Нему, потому что должны лишиться Его, а страх — от того, что по смерти Его с ними могут случиться бедствия. Но Господь не оставляет без уврачевания ни смущения их от привязанности, ни боязни будущих бедствий, а утишает то и другое, говоря: *Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.*

(28–29) *Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.* — Так как Господь видел, что апостолы не совсем надеются на воскресение Его, даже и не знают, что это такое, и посему сильно скорбят и смущаются при мысли о разлуке с Ним, снисходит к их слабости и говорит: «*Я сказал вам, что Я пойду и опять приду*, и, однако же, вы еще скорбите, ибо не доверяете Мне, что Я, хотя и умру, однако не оставлю вас в скорбях ваших. Ныне же, услышав, что Я иду к Отцу Моему, Которого вы считаете великим и большим Меня, вы должны радоваться, что Я отхожу к Нему, большому Меня и могущему уничтожить все бедствия». Видишь, какая последовательность мысли?

Отец Мой более Меня. — Сказал для утешения учеников, ибо они скорбели потому, что Христос будто бы не может защитить их. Господь говорит: «Если и Я не могу, то Отец Мой, Которого вы считаете большим Меня, по всей вероятности, поможет вам». Равно и в другом месте говорит: *Неужели думаете, что Я не могу... умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?* (Мф 26, 53) Здесь

Он говорит так не потому, что не может сделать этого, — ибо как не силен Тот, Кто одним только словом, которое сказал иудеям, внезапно отбросил всех их назад (см.: Ин 18, 4—6), — но потому, что думали о Нем как о человеке. Так и это — **Отец Мой более Меня** — Он сказал сообразно с понятием их, так как они считали Его слабым, а Отца могущим укрепить их во время скорбей.

И вот, Я сказал вам... прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется. — То есть Я так спокоен, не страшусь смерти и не скорблю, что даже предсказываю о ней, поэтому и вам повелеваю радоваться, чтобы вы, когда сбудется, поверили Мне, что как о скорбях, которые случатся с вами, Я знал и, предсказав о них, не солгал, так и в предсказании об утешении и руководстве вашем не окажусь лживым, но всё радостное придет к вам. Некоторые думают, что Он называл Отца бóльшим потому, что Отец — причина и начало Его, ибо Он от Него родился. А что Отец больше, не значит, что Он и иного существа. Ибо и у людей, можно сказать, отец больше сына, но не другого существа. Потом, пусть скажут еретики, чем Христос отходил к Отцу — Божеством или человечеством? Без сомнения, человечеством. Ибо, как Бог, Он всегда был на небесах и не отделен от Отца. Итак, Отец называется бóльшим Его как человека.

(30–31) *Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда.* — Утешив учеников, Господь опять говорит о Своей смерти. *Ибо идет*, говорит, *князь мира сего*, то есть диавол. Что он *князь мира сего*, это понимай не о твари вообще, но о людях порочных и мудрствующих мирское. Ибо он владычествует не над небом и землей, иначе бы он всё ниспроверг и расстроил, но над теми, которые сами предаются ему. Поэтому он называется и князем тьмы, а под тьмой разумея злые дела.

А так как некоторые могли подумать, что и Христос предается смерти за грехи, то Он прибавил: *И во Мне не имеет ничего* — Я смерти неповинен, диаволу ничем не должен, но принимаю страдания добровольно, из любви к Отцу. Часто упоминает о смерти, присоединяя и слова утешения, чтобы сделать ее удобоприемлемой для них. Ибо слыша, что Он умрет, они узнают и то, что Он добровольно пренебрегает диаволом и умирает из любви к Отцу. Итак, если бы страдания были пагубны, а не спасительны, не соизволил бы это Отец любящий, не принял бы их на Себя Сын любимый. Как же нам понимать, что Он умирает из любви к Отцу? Отец, говорит, любит мир и за не-

го предает на смерть Меня. Я, любя Отца, с Его благоволением и хотением соглашаюсь и доказываю, что *Я люблю Отца*, тем, что беру на Себя и исполняю заповеданное Им, то есть Его благоволение и определение. Скажите, ариане, если бы Сын был раб, неужели Он сказал бы, что умирает из любви к Отцу? Раб исполняет волю господина своего не потому, что любит его, но потому, что он раб и боится наказания. А Господь Иисус, так как Он творит волю Божию из любви, не раб, не тварь, но поистине Сын, исполняющий волю Отца. Посему когда слышишь *заповедал Мне Отец*, из-за слова *заповедал* не смотри на Господа как на подчиненного, но из-за слова *Отец* признавай Его Сыном, единосущным Отцу.

Заповедал понимай как «восхотел»,
«сказал», «определил»,
«благоволил».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

(1-3) **Я** *есмы истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам.* — Многократной речью о Своих страданиях Господь совершенно убедил учеников в необходимости оных. За сим уразумел, что они боятся, как бы вскоре их не схватили, и от сильного страха уже не внимают и словам Его. Посему Он хочет, как может показаться, вести их в место потаенное, в котором их не схватят. Но Он уходит из того места, где они были, чтобы, укротив смятение в душах их, преподавать таинственнейшее учение. Отводит, как узнаем из последующего, в сад, который был известен Иуде. Такой поступок был, как казалось, удалением, а на самом деле — добровольным преданием Себя, ибо Он удаляется в такое место, которое знал Иуда. Что же таинственного Он преподаст им?

Я, говорит, есмь... лоза, корень, вы же — ветви, а Отец Мой — виноградарь. О ком же заботится Отец? Ужели о корне? Нет, о ветвях. Ибо, говорит, *всякую... ветвь, не приносящую плода, Он отсекает.* Всякий человек, который через

веру стал частью корня, соединился с Господом и соделался сотелесником Ему, должен и плод приносить — вести жизнь добродетельную. Так что если кто имеет только голословное исповедание веры, а не приносит плода через соблюдение заповедей, тот делается ветвью мертвой, ибо *вера без дел мертва* (Иак 2, 26). Всякий верующий дотоле находится во Христе, доколе верует, ибо, говорит, всякую ветвь, которая во Мне, если она не приносит плода, Отец отсекает, то есть лишает общения с Сыном, а *приносящую плод... очищает*. Отсюда узнаем, что и очень добродетельный человек нуждается в попечении Божиим, ибо бесплодная ветвь не должна оставаться на лозе, а плодоносную Отец делает еще более плодородной. Понимай эти слова и о бедствиях учеников. Так как бедствия похожи на то, что садоводы называют подрезыванием, Господь показывает ученикам, что через бедствия они сделаются более плодоносными, подобно подрезываемым ветвям, ибо через искушения они становились всё более сильными.

Потом, чтобы не спросили, о ком Его слова, Он говорит: *Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам*. Смотри: выше сказал, что Отец очищает, а теперь представляет Самого Себя заботящимся о ветвях. Итак, у Отца и Сына одно действие. Я, говорит, очистил вас через Свое

учение; теперь же нужно, чтобы и вы показали на деле, что следует с вашей стороны. Поэтому и присовокупляет дальнейшее.

(4–6) Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. — Я, говорит, уже очистил вас через Свое слово и учение, и с Моей стороны не осталось ничего неисполненного. Теперь должно начаться ваше дело.

Пребудьте во Мне говорит, чтобы они из страха не отделились от Него. Он укрепляет ослабевшую душу их, прилепляет к Себе и подает добрую надежду, что чего ни попросят, то получают, если пребудут в Нем (см.: ст. 7). Примером ветви ясно показывает нам, что от Него подаются сила и жизнь тем, кто благоугождает Ему: «Как плод приносит та ветвь, которая пребывает на лозе и от нее получает содействие к жизни, так и вы, если пребудете во Мне через соблюдение заповедей, принесете больше плода. А кто не пребывает, тот засохнет, то есть потеряет то, что имел от корня, и если получал какую-нибудь духовную

благодать, лишается ее и сообщаемой от нее помощи и жизни».

Бросают в огонь, и они сгорают. — Этими словами подает им и немалое утешение, показывая, что злоумышляющие против Него, например Иуда, будут сожжены, а они, пребывающие в Нем, принесут плод. Ибо без силы и оживления, которые подаются от Него, не смогут ничего сделать.

(7–8) **Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками.** — Здесь Господь объясняет, что слова **если пребудете во Мне** значат «если соблюдете Мои заповеди», ибо выражение **если... слова Мои в вас пребудут** означает, что Он желает соединения с ними через дела, потому что каждый из живущих богоугодно пребывает на лозе по собственному желанию, соединяясь с ней через любовь и соблюдение заповедей и прилепляясь духом, равно как, напротив, кто перестает соблюдать заповеди, произвольно отчуждается от Господа.

Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода. — Славу Бога и Отца составляет достоинство учеников Сына Его, ибо когда светил пред людьми свет апостолов, тогда

прославляли Отца... Небесного (Мф 5, 16). Плод апостолов суть те народы, которые их учением приведены к вере и стали прославлять Бога. Если же Отец прославляется тем, когда вы приносите плод, то Он, без сомнения, не будет пренебрегать Своей славой, но поможет вам приносить больше плода, чтобы и Ему больше прославиться. Отец Мой прославится тем, когда **вы принесете много плода и будете Моими учениками**. Видишь, кто приносит плод, тот истинный ученик. И Отец от этого прославляется, то есть радуется и считает это Своей славой.

(9–10) *Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви.* — Убеждает их не бояться и для сего говорит: *Я возлюбил вас*, и возлюбил так, *как возлюбил Меня Отец*. Сказал же это человекообразно. Итак, *пребудьте в любви Моей*, ибо это от вас зависит. Услышав же *Я возлюбил вас*, не будьте беспечны, но старайтесь пребыть *в любви Моей*. Потом объясняет, как они могут пребыть в этой любви, именно: если соблюдут заповеди Его, ибо, как много раз было говорено, любит Его тот, кто соблюдает заповеди Его. Всем этим Он показывает, что они будут в безопасности тогда, когда будут вести чистую жизнь.

Как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. — И это говорит по снисхождению к немощи слушателей, ибо весьма нелепо думать, будто бы Дающий законы для всех подлежал заповедям и без заповедей Отца не мог управить Свою жизнь. Говорит же это для того, чтобы их более утешить. Он сказал им, что **Я возлюбил вас.** Между тем они впоследствии должны будут бороться со скорбями. Чтобы в этом случае они не соблазнились, будто бы любовь Его ни к чему не служит им, Он говорит: «Не смущайтесь. Ибо вот, Отец любит Меня, однако же предает на страдания за мир. И как от того, что Я страдаю, любовь Отца не уменьшается, так и Моя любовь к вам не уменьшится, хотя вы и подвергнетесь бедствиям».

(11–13) Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. — Я, говорит, сказал вам это, чтобы не пресечь вашей радости, ибо они радовались, когда были с Ним и когда Он творил чудеса и был прославляем. Радовались и потому, что сами изгоняли бесов. Но так как теперь наступили страдания и печальные речи прервали их радость, Он говорит: «Я эти утешительные слова

сказал вам для того, чтобы радость ваша всегда и до конца пребывала непрерывной, была полной и совершенной. И настоящие события достойны не печали, а радости, хотя и предстоит крест, стыд и бесчестие». Выше Он сказал, что они тогда пребудут в Нем, когда будут соблюдать заповеди Его. Теперь показывает, какие заповеди они должны соблюдать, и выставляет им на вид любовь: *Да любите друг друга, как Я возлюбил вас*. Он желает, чтобы мы любили друг друга не просто и как случилось, но так, как Он возлюбил нас. Примечай, что Он выше сказал во множественном числе — заповеди, а здесь говорит в единственном числе — *сия есть заповедь Моя*. По моему мнению, любовь называется заповедями и заповедью потому, что она охватывает все заповеди и есть глава их. Вместе с этим указывает нам путь соблюдения заповедей: через соблюдение одной — заповеди о любви. Когда же говорит: *Любите друг друга* и вы так же, *как Я возлюбил вас*, — сим указывает меру и совершенство любви, ибо *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей*. Посему, говорит, и вы полагайте души друг за друга, как и Я умираю за вас. Не думайте, что Я ныне удаляюсь от вас по нерасположению к вам, напротив, это делается по любви к вам, и притом совершеннейшей.

(14–16) *Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам.* — Постоянно вставляет речь о любви и этими многими речами показывает нам то, что заповедь о любви важнее прочих и требует большего усердия. Представляет и величайшее доказательство любви Своей. Я, говорит, люблю вас настолько, что открыл вам неизреченные тайны, ибо Я сообщил *вам все, что слышал от Отца Моего*. Как же в другом месте говорит, что *многое имею [Я] сказать вам, но вы... не можете вместить* (Ин 16, 12)? Он сообщил им всё, что можно было им выслушать и что они могли теперь понять. Когда же говорит *все, что слышал от Отца Моего*, не подумай, будто Он нуждается в научении, — Он показывает то, что Он не возвещает ничего постороннего, но то, что принадлежит Отцу, и что все слова Его суть слова Отца. Сказав: «Доказательством любви Моей к вам служит сообщение вам тайн», — прибавляет и другой признак любви: *вас избрал*. То есть говорит: «Не вы

пристали к Моей дружбе, но Я — к вам, Я первый возлюбил вас. Как же Я оставлю вас в последующее время?»

И поставил вас, чтобы вы шли. — «Насадил Я вас, чтобы вы росли, умножались, расширялись, распространялись *и приносили плод*», — ясно выставляет Себя виноградарем, как выше объявил Себя очистителем: Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам (ст. 3). Теперь говорит еще яснее: *Я вас избрал и поставил вас*, — ибо известно, что виноградарь выбирает и полагает ветви в землю. Видишь равенство Отца и Сына? Выше называет виноградарем Отца, а здесь им является Сын. Постыдись, Арий, с теми, кто вместе с тобой поработился нечестию!

Вот и еще признак любви: *Дабы, чего ни попросите от Отца... Он дал вам*, — то есть Я дам вам. Хотя следовало бы сказать «чего ни попросите у Отца, даст вам», а Он сказал «Я дам вам», — сказал так, без сомнения, по равенству силы, ибо Отец, когда дает, дает десницей Своей, а десница Его — Сын. Примечай и то, что когда мы, будучи насаждены, приносим плод, тогда и даст Он нам, чего ни попросим; если же не приносим плода, то не получим. Ибо кто не приносит плода, тот и не просит полезного и спасительного для души, но непременно просит мирского и бесполезного, а потому и не получает, ибо сказано: *Прóсите*,

и не получаете, потому что просите не на добро (Иак 4, 3).

433

(17-19) Сие заповедаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. — Чтобы апостолы не подумали, будто Господь в укор им говорит, что Он полагает за них душу Свою и что Он избрал их, посему говорит, что заповедует это ни в укоризну им, ни в похвалу Себе как бы за какое достоинство, но чтобы души их более утвердить в любви друг к другу, для того Он исчисляет совершенства Его любви к ним. **Сие заповедаю вам, да любите друг друга.** — Так как терпеть гонение и ненависть — дело тяжелое и прискорбное, в утешение говорит им, что если ненавидят их, это нисколько не ново, ибо Его возненавидели прежде их. Посему они должны находить великое утешение и в том, что становятся общниками Его в перенесении ненависти. За сим присовокупляет и другой способ утешения, более убедительный. Вам, говорит, напротив, нужно было бы скорбеть в том случае, если бы мир, то есть злые люди, любил вас. Ибо если бы они любили вас, это было бы знаком того, что и сами вы имеете с ними общение в той же злобе и лукавстве.

А теперь, когда злые ненавидят вас, радуйтесь, ибо они ненавидят вас за добродетель. Иначе если бы вы не были добродетельны, *мир любил бы свое*. Но так как Я отлучил вас от злобы мирской, то мир и ненавидит вас за то, что вы не участвуете в делах его.

(20–21) *Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня.* — Что сказал выше, что Его возненавидели прежде, нежели их, то теперь излагает пространнее, подавая им большее утешение. Вспомните, говорит, Мое слово о том, что *раб не больше господина своего*. А вы не больше Меня. Смотрите же, как поступали со Мной. *Если Меня гнали*, Владыку, то тем более *будут гнать и вас*, рабов. Если не гнали Меня, а *Мое слово соблюдали*, то *будут соблюдать и ваше*. Но этого нет. Ни Моего слова, ни вашего не будут соблюдать. *Но все то сделают* над вами *за имя Мое*. Посему, если вы любите Меня, переносите то, что испытываете за Меня, Которого, по словам вашим, вы любите. Вот и еще причина к утешению. Они, обижая вас, оскорбляют вместе и Того, Кто послал Меня. Посему и должно служить к вашему утешению именно то,

что одни и те же суть враги вам, Мне и Отцу Моему.

(22–25) Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха: а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно. — Неужели, говорит, справедливо они делают это: ненавидят и Меня, и Отца Моего, и вас? Неужели в словах или делах Моих нашли они повод к такому поведению? Нет, грех их непростителен. Не Я ли пришел и учил? Если бы Я не приходил, если бы не говорил, они могли сказать, что не слыхали. А теперь злоба их неизвинительна. Потом, так как они везде ссылались не на иное что, как на то, что вступаются за Отца, — ибо говорят, что Этот Человек не от Бога и тому подобное (см.: Ин 9, 16), — посему прибавляет: *Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего.* Так что и это нимало не служит к их оправданию. Я же не только учение преподавал, но и дела творил, каких никто другой еще не делал, например чудо над слепым, над Лазарем и прочие подобные. Какое же у них оправдание? Я, со Своей стороны, преподавал учение на

словах и присовокупил доказательство делами. Моисей заповедал слушаться того, кто творит чудеса и учит благочестию (см.: Втор 18, 18—21). ***А теперь и видели*** такие дела, и, однако же, ***возненавидели и Меня и Отца Моего***. Ненависть их родилась от одной только злобы, а не по иной причине. Законом, как мы часто говорили, называет не только закон Моисеев, но и книги пророков, а здесь назвал законом книгу Давида. Давид Духом Святым предвозвещал, что будет делать их злоба (см.: Пс 68, 5), а они, без сомнения, по злобе исполнили предсказанное и уже тем подтвердили истину пророчества.

(26–27) ***Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною.*** — Господь сказал ученикам, что их будут гнать, а слова их не будут соблюдать. Они могли сказать: «Господи, зачем же, наконец, Ты посылаешь нас? Как нам будут верить? Кто будет внимать нам? Кто послушает нас?» Дабы не сказали этого, Господь прибавляет: ***Когда придет Утешитель... Он будет свидетельствовать о Мне.*** Он — свидетель достоверный. Посему обличаемые от Духа в том, что они грешат безответно, будут принимать вашу проповедь.

И вы, *сначала со Мною* бывшие, также будете свидетельствовать, что Я и словами, и делами сделал их безответными».

Итак, не смущайтесь. Проповедь не будет без свидетельства, но Дух *будет свидетельствовать* знамениями и чудесами, и свидетельство Его будет достоверно, ибо Он — *Дух истины*. Как Дух истины, Он и будет свидетельствовать об истине. Как исходящий от Отца, Он знает всё в точности, ибо Он от Того, от Кого всякое познание.

Слова *Которого Я пошлю* показывают равенство Его с Отцом. Ибо в ином месте сказал, что Отец пошлет Духа (см.: Ин 14, 26), а здесь говорит, что Он Сам пошлет Его. Этим показывает не что иное, как равенство.

А чтобы не подумали, будто Он восстает против Отца, когда посылает Духа иной властью, прибавил *от Отца*. Пошлю Его Сам, но от Отца, то есть по благоволению Отца и вместе с Ним, ибо Я не извожу Духа из собственных недр, но от Отца Он подается через Меня.

Когда слышишь *исходит*, то под исхождением не разумей посольство, как посылаются служебные духи, но естественное бытие Духа. Если мы будем понимать исхождение не так, но как совне бывающее посольство, то не видно будет, о каком Он Духе говорит, потому что бесчисленны *духи, посылаемые на служение для тех, которые*

имеют наследовать спасение (Евр 1, 14). Но здесь исхождение есть какое-то особенное и отличное свойство, принадлежащее собственно одному Духу. Итак, под исхождением должно разуметь не посольство, а естественное бытие от Отца. Сей-то Дух будет свидетельствовать о проповеди.

А также и вы будете свидетельствовать, потому что, как бы так говорит, не от других слышали, но сами с самого начала находитесь со Мной (а свидетельство тех, которые *сначала* были с Ним, немаловажно, сами апостолы впоследствии говорили перед лицом народа, что они — свидетели Его воскресения, они, *которые с Ним ели и пили* (Деян 10, 41)), так что свидетельство есть с двух сторон — и от вас, и от Духа. О вас могут подумать, что вы свидетельствуете в угоду

Мне, но Дух никак не будет
свидетельствовать из
угодливости.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

(1-4) **С**ие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время вспомнили, что Я сказывал вам о том. — Я, говорит, сказал вам об этом прежде, чем сбылось всё, для того, чтобы вы не соблазнились впоследствии, когда увидите, что многие не веруют вашей проповеди и что вы сами подвергнетесь бедствиям, но чтобы, заключая по тому, что Я сказал вам об этом прежде, нежели сбылось, приняли и утешение Мое с верой, что Я не обману вас в этом случае так же, как не солгал и в предсказании о бедствиях.

Изгонят вас из синагог. — То есть отлучат от своих собраний и славных мест и лишат всякого общения, ибо сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги (Ин 9, 22).

Вы не только будете изгнаны из синагог, но и примете смерть, и смерть поносную, ибо вас будут убивать как людей вредных, врагов Божиих. И всякий, убивающий вас, будет стараться об

убиении вас, так как **будет думать, что он тем служит Богу**, то есть будет думать, что он совершает дело богоугодное и святое.

Присовокупляет и достаточное утешение. **Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня.** Вы будете страдать за Меня и за Отца, и потому терпите, ибо блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (Мф 5, 11). Да будет это вам в утешение. Я сказал вам об этом для того, чтобы вы, когда увидите, что печальные речи Мои сбылись, поверили и прочим. Ибо вам нельзя будет сказать, будто Я, желая обмануть вас, предсказывал только приятное, но так как, предсказав печальное, Я не обманул, то и в предсказании о радостном достоин веры. Сказал вместе с тем и для того, чтобы вы не оставались без приготовления, но приготовились, помня, что Я сказал Сам об этом, и потому мужественно стояли бы против скорбей.

(4–7) **Не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его**

к вам. — Апостолы, услышав, что с ними случатся такие бедствия, были отягчены сильной печалью. Посему Господь говорит: «О таких скорбях Я не рассказывал вам прежде не потому, что не знал, но *потому, что был с вами* и вы имели во Мне достаточное убежище, и вся война была против Меня, а вы были в совершенной безопасности. Тогда не нужны были такие речи, предуготовляющие и предограждающие вас, но теперь, отходя к Отцу Своему и оставляя вас, Я предувещаю об этом, чтобы вы обезопасили себя сами».

И никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? — От скорби вы смутились и пришли в исступление, сердца ваши потрясены ожиданием бед, но **Я истину говорю вам.** Смотри, как Он утешает их. Сколько ни скорбите, а Я говорю полезное вам. Вы желаете, чтобы Я всегда был при вас, но это бесполезно для вас.

Лучше для вас, чтобы Я пошел. — Хотя вы и желаете Моего присутствия, Я не послушаюсь вас, но лучше изберу полезное для вас, чем исполню вредное для вас желание ваше (посему и мы должны во всем поступать так: для самих себя и для ближних придумывать полезное, а не приятное).

Ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, то есть если Я не умру за мир и не пойду к Отцу, предав Сам Себя в жертву умилоствления

442 за грехи мира, то *Утешитель не придет*,
 ☩ ибо как Он придет, если вражда не прекратит-
 ся с умерщвлением греха, если Отец не прими-
 рится с естеством человеческим? <...>

А если пойду, то пошлю Его к вам. — Примеча-
 чай здесь самовластие Духа и соизволение Сына,
 ибо в словах *Утешитель не придет* выража-
 ется власть Духа, а в словах *пошлю Его* — благо-
 воление Сына, согласие, если можно так сказать,
 на Пришествие Утешителя и мановение к тому.

Не говорил же сего вам сначала. — Как же
 Господь сказал, что не говорил этого сначала,
 когда написано, что, призвав двенадцать учени-
 ков, Он сказал им: *Поведут вас к правителям*
и царям (Мф 10, 18)? Хотя Он сказал, что поведут их
 к правителям, но еще не сказал, что будут убивать
 как нечестивцев, людей вредных и врагов Божи-
 их. И иначе. Там сказал, что доведется им терпеть
 от язычников, а здесь говорит, что бедствия при-
 чинят им иудеи, ибо изгонят из синагоги, без со-
 мнения, иудеи.

(8–11) *И Он, придя, обличит мир о грехе*
и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в
Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже
не увидите Меня; о суде же, что князь мира
сего осужден. — Утешитель придет — какая же
 от того польза? Он... *обличит мир о грехе* и по-
 кажет, что они, не веруя, грешат. Ибо когда уви-

дят, что Дух руками учеников совершает особенные знамения и чудеса, и после того не уверуют, как же они не будут достойны осуждения и не будут повинны в величайшем грехе? Ныне они могут говорить, что Я — сын плотника, сын бедной матери, хотя Я и совершаю чудеса. А тогда, когда Дух во имя Мое совершит такие дела, неверие их будет неизвинительно. Итак, Он обличит их *о грехе*, то есть покажет, что они согрешили непростительно.

Обличит и *о правде, что Я иду к Отцу Моему*, то есть докажет, что Я, будучи праведен и безукоризнен по жизни, умерщвлен ими несправедливо, и доказательство сего в том, *что Я иду к Отцу*, ибо Я не взошел бы к Отцу, если бы не был праведен. Так как они убьют Меня как безбожника и беззаконника, то Дух докажет им, что Я не таков, ибо если бы Я был противник Богу и преступник закона, Я не удостоился бы чести у Бога и Законодателя, и притом чести не временной, но вечной, ибо слова *уже не увидите Меня* означают, что Он пребудет вечно у Отца.

Обличит *о суде, что князь мира сего осужден*, то есть что Я праведен и безгрешен — это Дух докажет еще и тем, что Мной осужден и побежден *князь мира сего*. Они говорили, что бесы в Нем (см.: Ин 8, 48—52; 10, 20), что Он творит чудеса *силою вельзевула* (Мф 12, 24) и *обольщает*

народ (Ин 7, 12). Всё это окажется ложным, когда диавол осужден и всем доказано, что он побежден Мною. Ибо Я не смог бы совершить это, если бы не был сильнее его и не был свободен от всякого греха. Чем же это доказано? Тем, что с пришествием Духа все верующие во Христа попрали князя мира и посмеялись над ним. А отсюда видно, что Христом он осужден гораздо ранее. Итак, Дух обличит тех, которые не уверовали, как грешников. Ибо вера разрешает от грехов через отпущение их в крещении, а силы Духа, являемые в верующих, в неверующих не обнаруживаются. Отсюда оказывается, что они — сосуды злые, скверные и недостойные вместить в себя Духа. И иначе. Дух обличает неверующий мир *о правде*, то есть что тот будет лишен праведности, кто не уверует в праведника Иисуса, за праведность вознесенного на небеса. Обличает и осуждает как ленивого, потому что по уязвлении сатаны он не хотел преодолевать его.

(12–15) *Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое;*

потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам. — Выше Господь сказал им, что для них полезнее, чтобы Он пошел. Теперь излагает это пространнее. Ныне, говорит, **вы... не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины,** то, получив от Него благодатные дары, вы будете наставлены **на всякую истину.** Какую же разумеет истину? Ужели познание обо всем? Сам Господь о Себе Самом не возвещал ничего великого отчасти для того, чтобы подать образец смиренномудрия, отчасти по причине немощи слушателей и неблагонамеренности иудеев. Он не вводил явно и отмены законных обрядов, дабы все не сочли Его за противника Богу. А когда пришел Утешитель, тогда-то уяснилось достоинство Сына; обо всем сообщено истинное и ясное познание; законные обряды изъты и упразднены; мы научены служить Богу в духе и истине; чудесами, совершенными Духом, вера утверждена.

Не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. — Потом, так как Господь о Духе сказал нечто великое, то, чтобы не подумали иные, будто Дух больше Его, если Он наставит на истину, сделает их способными принять многое и великое, чего в присутствии Христа они не могли вместить, — чтобы не подумали этого, Он прибавляет

не от Себя говорить будет, то есть Он не будет говорить ничего отличного в сравнении с Моим учением, ибо слова *что услышит* означают то, что Он не будет учить ничему, кроме того, чему учил Христос. Как о Самом Себе Господь говорит: *Сказал вам... что слышал от Отца Моего* (Ин 15, 15) — и тем выражает не то, будто Он Сам учится наподобие дитяти, но то, что Он без Отца ничего не знает и ничему не учит, так должно понимать и о Духе. А что Дух не нуждается в научении, слушай, что говорит апостол Павел. Как того, что в человеке, никто не знает, кроме духа, живущего в нем, *так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор 2, 11). Видишь, Святой Дух, как и наш дух, Сам Себя научает. Божество Духа благоразумный узнает и из того, что следует далее. Он говорит: *И будущее возвестит вам*. А знать будущее преимущественно свойственно одному Богу. И так как для природы человеческой ничто иное так не желательно, как знание будущего, то Господь и этим утешает апостолов. Настолько, говорит, Он благодетельствует вас, что дарует вам и предзнание будущего, а это дарование считается бóльшим из всех. И так как они должны приготовиться к искушениям, то говорит, что Дух приготовит их к тому, что имеет случиться с ними, чтобы они по незнанию не пали от неосторожности.

Он прославит Меня, ибо всё и говорить, и делать будет во имя Мое. Посему чудеса, Им совершаемые, удостоят, что Я — Бог, когда на вас, Моих учеников, изольется богатство благодати и имя Мое после смерти Моей будет сиять еще более. Ибо это великая и непререкаемая слава, когда умерщвленный и обещенный после сего будет блистать еще более.

От Моего возьмет. — Потом, так как Господь говорил и они слышали: *Один у вас Учитель — Христос* (Мф 23, 8), — то, чтобы не подумали: «Если один.. Учитель — Ты Сам, то как же говоришь, что будет и другой Учитель — Дух», — чтобы не подумали этого, Он прибавляет: **От Моего возьмет**, — то есть из того, что Я знаю, от Моего знания. И иначе: **от Моего**, то есть от сокровища Моего, которое есть и Отчее. И как всё, что имеет Отец, есть Мое и Мое богатство, а Утешитель будет говорить от Отца, то Я справедливо говорю, что **от Моего возьмет**, то есть возьмет сокровища и богатства, и знания. Для чего же столько благ даровал нам Дух, а не Сын? На это, во-первых, скажем то, что путь к дарам Духа сотворил Сын и Он есть виновник столькох благ. Если бы Он не истребил грех, как бы мы удостоились Духа? Ведь Дух не будет обитать в теле, поработанном греху (Прем 1, 4). Посему велики дарования Духа, но основание их — во Христе.

Потом, так как явились еретики, уменьшающие достоинство Духа из-за того, что Он пришел после Сына, то Он предоставляет Ему действовать в апостолах более, чем Сам, для того, чтобы, побуждаемые величием даров, они и против воли признали достоинство Духа и не считали Его меньшим Сына из-за того, что Он явился в мире после Него.

(16–18) *Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу. Тут некоторые из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит нам: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, и: Я иду к Отцу? Итак, они говорили: что это говорит Он: «вскоре»? Не знаем, что говорит.* — Для чего Христос опять напоминает об удалении и Своей смерти, тогда как более следовало бы скрывать это? Он упражняет их душу и делает ее более твердой и постоянно напоминает о печальном для того, чтобы они свыклись с этим и ожидали этого, а не были поражены внезапностью. В то же время к печальному присовокупляет и способное воодушевить. Так и здесь, сказав печальное *вскоре вы не увидите Меня*, прибавил и радостное *и опять вскоре увидите Меня*, потому что Я восхожу к Богу, могущему помочь вам; Я не погибаю, а изменяю состояние; разлука со Мной не будет долгой, а пребывание Мое с ва-

ми, которое затем наступит, вечно. Но они этого не понимали. Посему иной может подивиться, как они не уразумели слов Его. Вероятно, что печаль, овладевшая их душой, изглаживала из памяти то, что говорилось, или непонятливость нашла на них от неясности самих слов. Посему и представляется им в словах Иисуса некоторое противоречие: если мы увидим Тебя, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то как мы увидим Тебя? Это казалось им загадкой.

(19–22) Иисус, уразумев, что хотят спросить Его, сказал им: о том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня? Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. — Господь видел, что ученики, обремененные печалью, не совсем поняли слова Его; посему предлагает им объяснение учения о Своей смерти, чтобы, свыкшись со словами и делами, мужественно перенесли ее.

Вы, говорит, **восплачете и возрыдаете** о том, что Я умру на кресте, **а мир возрадуется**, то есть иудеи, мудрствующие мирское, возрадуются, что уничтожили Меня, врага своего; **но печаль ваша в радость будет**, а радость иудеев, напротив, обратится им в печаль, когда по воскресении будет славиться имя Мое. Под радостью мира можешь разуместь и не радость иудеев, которой они возрадовались при умерщвлении Господа, но спасение мира, так что в словах сих будет такой смысл: **вы печальны будете**, но эти страдания Мои, о которых вы печалитесь, будут радостью всего мира и спасением.

Женщина, когда рождает, терпит скорбь. — Потом приводит и обыкновенный пример женщины и родов. Это сравнение употребляли и пророки, жестокостью родильных болезней обозначая высшую степень скорби. Господь как бы так говорит: «Вас застигнут скорби, как бы болезни рождения, но болезнь бывает причиной рождения». В то же время Он удостоверяет учение о воскресении и показывает, что смерть Его будет похожа на то, как человек выходит из материнской утробы на свет. Не удивляйтесь же, что радости вы должны достигнуть через такую печаль, ибо и мать через скорбь и болезнь достигает того, что становится матерью. Здесь Он намекает на нечто таинственное, именно: что Он

разрушил болезни и смерть и соделал то, что родился человек новый, уже не истлевающий, уже не умирающий, Который есть Сам Господь. Ибо смотри: Он не сказал «женщина уже не помнит скорби, потому что родилось у нее дитя», но — **потому что родился человек в мир**. Не без цели Он так сказал, но для того, чтобы загадочно и прикровенно намекнуть на то, что Он Сам есть Человек, родившийся не для ада, чревоболевшего Им, но для мира. Ибо для нас родился от воскресения новый и нетленный Человек — Иисус Христос, Бог наш. Итак, пример рождающей женщины не требуется во всем приноравливать к событиям жизни Христовой, он только имеет целью показать, что печаль временна и что от этих болезней велика польза и что воскресение рождает для жизни и нового бытия. Всё прочее в данном сравнении не имеет приложения и справедливо. Ибо это притча, а притча, если во всех частях сохранится, уже не притча, но то самое, что ею изображается. Так и здесь под болезнями рождения мы уразумеем печаль апостолов, под радостью — утешение их по воскресении и, опять, под разрешением болезней — разрушение ада, а под рождением — воскресение Перворожденного из мертвых. Но уже не разумеем под матерью ад, ибо не ад обрадовался, а возрадовались апостолы, и возрадовались такой радостью,

которой у них никто не отнял. Ибо когда их обижали, когда их бесчестили за имя Христово, они и тогда радовались (см.: Деян 5, 41).

Словами *радости вашей никто не отнимет* показывает также и то, что Он уже не умрет, но всегда, будучи жив, подаст им радость неиссякаемую.

(23–24) *И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна.* — Когда, говорит, Я воскресну, а затем придет Утешитель к вам и наставит на всякую истину, тогда *вы не спрósите Меня ни о чем*, как, например, прежде спрашивали: *Куда идешь?* (Ин 14, 5); *Покажи нам Отца* (Ин 14, 8). Ибо силой Духа вы будете знать всё. Или *спрósите* употреблено вместо «попрósите», «потребуется». Итак, когда Я по воскресении из мертвых пошлю вам Утешителя, тогда вы уже не попросите Меня, то есть не будете нуждаться в Моем посредничестве, но довольно будет вам произнести *имя Мое*, чтобы желаемое получить от Отца. Итак, здесь Он показывает силу Своего имени, так как Его не будут видеть и не будут просить, а только назовут имя Его, и Он будет творить такие дела.

Доныне вы ничего не просили во имя Мое; а отныне просите, и непременно получите. Посему полезнее, чтобы Я умер, ибо отныне вы получите большее дерзновение перед Отцом Моим. Хотя Я и разлучусь с вами, но вы не думайте, что вы оставлены Мной, ибо разлучение Мое даст вам большее дерзновение, а *радость ваша* тогда будет самая полная, когда вы получите всё просимое. Примечай: получает тот, кто просит во имя Христа. А из тех, кто желает предметов мирских и душевредных, никто не просит во имя Христова, а потому и не получает. Ибо имя Христа Божественно и спасительно. Если же кто просит пагубного для души, то неужели мы скажем, что и он просит во имя Спасителя?

(25–28) *Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу.* — Притча есть речь, объясняющая какой-нибудь предмет косвенно, прикровенно и сравнительно. Так как Господь многое говорил прикровенно и речь о женщине и рождении была также притчевая,

Он говорит: *Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце*. Ибо по воскресении, явив Себя живым, в продолжение сорока дней Он сообщил им об Отце познания таинственнейшие и подробнейшие (см.: Деян 1, 3). А прежде они думали, что Бог Ему Отец так же, как и нам, по благодати.

Снова ободряя их, что они в искушениях получают помощь свыше, говорит: *Будете просить во имя Мое*, и уверяю, что Отец настолько любит вас, что вы уже не будете иметь нужды в Моем посредничестве, *ибо Сам Он любит вас*.

Потом, чтобы они не отстали от Христа, так как не имеют уже нужды в Нем и состоят в непосредственной любви Отца, говорит: *Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня*. Посему, если отпадете от любви Моей, то немедленно отпадете и от Отца. А так как слова о том, что Он *исшел от Бога* и опять идет к Богу, в разных отношениях утешали их, то Он часто говорит об этом. Посему и сами они, получив пользу от слов этих и воодушевившись, что говорят?

(29–32) *Ученики Его сказали Ему: вот, теперь Ты прямо говоришь и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь всё и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Посему веруем, что Ты от Бога ис-*

шел. Иисус отвечал им: теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. — Ученики, услышав, что Бог Отец будет любить их и что они не нуждаются в посредничестве Его, Христа, как усвоенные Отцу, и что Он **от Бога исшел**, говорят: **Теперь видим, что Ты знаешь все**, — то есть знаешь, чем соблазняется сердце каждого, — **и не имеешь нужды** узнавать это от других, и потому **веруем, что Ты от Бога исшел**, ибо знать тайны сердечные свойственно Богу (см.: Пс 43, 22). Смотри же, как они были несовершенны, раз говорят **теперь видим**. Они, так много и долго слушавшие учение Его, говорят, что теперь знают. А Христос объявляет им, что они и теперь еще несовершенны, что они не уразумели ничего великого о Нем, но еще обращаются низко и около земли. Он говорит: **Теперь веруете?** — и этим как бы упрекает и укоряет их за медлительность в вере.

А чтобы они, держась таких мыслей о Нем, не подумали, что они угождают Ему, говорит: **«Наступает час... что вы рассеетесь каждый в свою сторону.** Вы думаете, что имеете обо Мне великое представление. А Я говорю вам, что вы оставите Меня врагам и такой страх овладеет вами, что вы и удалитесь от Меня не вместе друг

с другом, но рассеетесь каждый поодиночке и каждый сам себе будет искать убежища и спасения. Но Я от этого не потерплю никакого зла, ибо Я не один, но и Отец вместе со Мной. Посему Я страдаю не по бессилию, но добровольно отдаюсь распинателям». Посему когда слышишь: *Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф 27, 46) — не понимай так просто, будто Спаситель оставлен Отцом (Он свидетельствует здесь: *Отец со Мною*), а понимай так, что слова эти сказаны естеством человеческим, оставленным и отверженным за грехи, но во Христе примиренным и усвоенным Отцу.

(33) *Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.* — Сие, говорит, сказал Я вам, чтобы вы не удаляли Меня из ваших мыслей и не колебались и не смущались продолжать твердую любовь ко Мне, но *чтобы вы имели во Мне мир*, то есть чтобы вы пребывали непреклонными, принимая за верное всё, что ни говорил Я вам. Да слышит и Арий, что всё это смиренное и, как кажется, недостойное славы Сына сказано ради слушателей, а не для того, чтобы мы пользовались этими словами при определении догматов, ибо они сказаны в утешение апостолам как показывающие Его любовь к ним.

В мире будете иметь скорбь. — Искушения для вас не остановятся на страшных этих словах,

но до тех пор, пока вы будете в мире, вы **будете иметь скорбь**, не теперь только, когда Я предаюсь, но и после сего. Но вы должны противостоять искушающему помыслу.

Мужайтесь: Я победил мир, а раз **Я победил**, вам, ученикам, должно не скорбеть, но презирать мир, как уже побежденный. Как же Он **победил мир**? Низложив начальника мирских страстей. Впрочем, это видно из последующего, ибо всё Ему покорилося и уступило. Как с поражением Адама вся природа осуждена, так победа Христова простерлась на всю природу — и во Христе Иисусе нам дарована сила **наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью** (Лк 10, 19), потому что через человека смерть вошла, через человека же — и жизнь, и сила на диавола (см.: 1 Кор 15, 21—55).

Ибо если бы победил один только Бог,
тогда ничто не относилось бы
к нам.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

(1–3) **П**осле сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: *Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа.* — Сказав ученикам, что они будут иметь скорби, и убедив их не унывать, Господь ободряет их еще молитвой, научая и нас в искушениях оставлять всё и прибегать к Богу. Однако можно считать, что настоящие слова суть не молитва, но беседа с Отцом. Если в иных случаях Он молится и преклоняет колена (см.: Мф 26, 39), то не удивляйся сему, ибо Христос пришел не для того только, чтобы явить Себя миру, но и для того, чтобы научить всякой добродетели, а учитель должен учить не только словами, но и делами. Желая показать, что идет на страдания не против воли, а по собственному изволению, говорит: *Отче! пришел час.* Вот, Он желает этого, как чего-то приятного, и предстоящее дело называет славой, и славой не Своей только, но и Отчей. Так и было. Ибо не Сын только прославился, но и Отец. Ибо прежде креста не знали Его даже и иудеи, как сказано: Из-

раиль не знает [Меня] (Ис 1, 3), а после креста вся вселенная притекла к Нему. Показывает и то, в чем состоит слава Его и Отца: слава Божия в том, чтобы уверовала и была благодетельствована всякая плоть, ибо благодать не ограничится одними только иудеями, но прострется на всю вселенную. Сказал это потому, что намерен был послать их к язычникам.

Чтобы они не почли этого нововведением, негодным Отцу, объявляет, что *власть над всякою плотью* дана Ему от Отца, хотя прежде говорил им: *На путь к язычникам не ходите* (Мф 10, 5). Что же значит *над всякою плотью*, ведь не все же уверовали? Но Христос, со Своей стороны, старался всех привести к вере; если же они не внимали Ему, то в этом вина не Учителя, но тех, которые не принимают Его. Когда слышишь «дал», «принял» и тому подобное, то понимай так, что это сказано по снисхождению, как мы много раз говорили. Ибо всегда, остерегаясь говорить Сам о Себе что-нибудь великое, Он снисходит к немощи слушателей. И так как они соблазнялись, слыша о Нем великое, то Он возвещает то, что для них доступно, подобно как и мы, разговаривая с детьми, так называем воду, хлеб и вообще всё прочее, как и они. Когда же евангелист говорит о Господе от своего лица, то говорит, что *все чрез Него начало*

быть (Ин 1, 3); *а тем, которые приняли Его...*
дал власть быть чадами Божиими (Ин 1, 12). Если другим дает Он такую власть, то неужели Сам не имел ее, а получил от Отца? Потом, и в этих словах, казалось бы уничиженных, вставлено нечто высокое.

Да всему, что Ты дал Ему, — это снисхождение; *даст Он жизнь вечную* — это власть Единородного и Божества, ибо давать жизнь, и притом вечную, может только Бог. Назвал Отца единым истинным Богом для отличия от лжеименных богов языческих, а не отделяя Самого Себя от Отца. Прочь такая мысль! Ибо Он, будучи истинным Сыном, не может быть богом ложным, а есть истинный Бог, как этот же самый евангелист в Соборном послании своем говорит о Господе Иисусе Христе, что Он *есть истинный Бог и жизнь вечная* (1 Ин 5, 20). Если еретики настаивают, что Сын есть Бог ложный, так как Отец назван Единым истинным Богом, то пусть знают, что этот же евангелист говорит о Сыне: *Был Свет истинный* (Ин 1, 9). Ужели, по их понятию, Отец есть ложный свет? Но нет, прочь такая мысль! Посему, когда называет Отца истинным Богом, то называет Его так в отличие от ложных языческих богов, подобно как и из слов *славы, которая от Единого Бога, не ищите* (Ин 5, 44), по понятию еретиков, выходит: так как Отец — Еди-

ный Бог, то Сын вовсе и не Бог. Но такое заключение поистине безумно.

461

(4–6) Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира. — Отсюда познай, как Отец прославляет Сына. Без сомнения, прославляет так же, как и Сын Отца. Я, говорит, **прославил Тебя на земле.** Справедливо прибавляет **на земле**, ибо на небесах Он был прославлен, будучи поклонением от Ангелов, а земля не знала Его. А так как Сын всем возвестил о Нем, то и говорит: **Я прославил Тебя**, посеяв богопознание по всей земле, и **совершил дело, которое Ты поручил Мне**, ибо делом воплощения Единородного было освятить нашу природу, низвергнуть миродержца, которого прежде боготворили, насадить богопознание между тварью. Как Он совершил это, когда еще и не начинал? Всё, говорит, что Мне нужно было сделать, Я совершил. Да, Он сделал то, что больше всего: посадил в нас корень добра, победив диавола, и Самого Себя предал всепожирающему зверю — смерти, а от этого корня по необходимости пойдут и плоды богопознания. Итак, говорит, Я совершил дело, потому что Я посеял, посадил корень, а плоды вырастут.

Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. — Естество плоти еще не было прославлено, так как оно не сподоблялось еще нетления и не приобщалось царского престола. Посему-то и говорит *прославь Меня*, то есть Мое человеческое естество, которое теперь не в чести, которое будет распято, и возведи оное в ту славу, *которую Я* — Слово и Сын Твой — *имел у Тебя прежде бытия мира*, ибо естество человеческое Он посадил с Собой на престоле царском, и теперь поклоняется Ему всякая тварь.

Я открыл имя Твое человекам. — Теперь объясняет, что значат слова *Я прославил Тебя на земле*, а именно: *Я открыл имя Твое*. Как же Сын *открыл*? Ибо Исаия еще говорил: *Кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины* (Ис 65, 16). Но мы много раз говорили, что если тогда имя Божие и было известно, то одним только иудеям, и притом не всем, а теперь говорится об язычниках, что и им будет известно имя Божие, так как Христос уже дал семена богопознания, низложив диавола, введшего идолослужение. И иначе. Если знали Бога, то знали не как Отца, а только как Творца, но Сын возвестил о Нем как об Отце, словами и делами дав знать о Самом Себе, а кто доказал Сам о Себе, что Он — Сын Божий, тот, очевидно, вместе с Собой дал знать и об Отце.

(6–8) *Они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.* — Господь хочет утвердить две мысли: одну ту, что Он не противник Отцу, а другую — что Отец хочет, чтобы они веровали Сыну. Посему говорит: *Они были Твои, и Ты дал их Мне.* В словах *Ты дал Мне* показывается то и другое: Я не похитил их, но Ты соизволил, чтобы они пришли ко Мне, посему не вражду, но единомыслие и любовь имеешь Ты, Отче, ко Мне; *они сохранили слово Твое*, потому что поверили Мне и не вняли иудеям. Кто верит Христу, тот сохраняет слово Божие, то есть Писание, закон, ибо Писание возвещает о Христе.

Ныне уразумели они, что всё, что Ты дал Мне, от Тебя есть. — Всё, что говорил Господь ученикам, принадлежало Отцу, ибо Он говорил не от Себя (Ин 14, 10). <...> Ныне, говорит, ученики Мои узнали, что Я не имею ничего противоречивого и что Тебе Я не чужой, но что *всё, что Ты дал Мне* (дал не в дар, как созданию какому-либо, ибо это не приобретено Мной), *от Тебя есть*, то есть принадлежит Мне, как Сыну и лицу, властному над тем, что принадлежит Отцу. Откуда же узнали это ученики Мои?

Слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, то есть из Моих слов, из Моего учения, ибо то, чему Я учил их, есть от Отца.

И не только этому учил, но и тому, **что Я исшел от Тебя и что Ты послал Меня**, ибо во всем Евангелии хотел утвердить ту истину, что Он не противник Богу, но исполняет волю Отца.

(9–10) **Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них.** — Показывая, что Он говорит это Отцу не для чего-нибудь другого, а только ради них, чтобы они познали, что Он любит их и печется о них, говорит: «Я молю и прошу о них, а не о мире». Ибо этим Я, без сомнения, доказываю, что люблю их, когда не только то, что у Меня Самого, даю, но и Тебя прошу хранить их. Итак, не о людях порочных и мудрствующих мирское Я молю Тебя, **но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои.** Дабы ты, слыша постоянно, как Он говорит **Ты дал Мне**, не подумал, будто начальство и власть эта дана Ему недавно и в то время, как Отец имел их, Он (Сын) не имел, или, опять же, теперь, когда Он имеет, Отец лишился власти над ними, для этого говорит **и все Мое Твое, и Твое Мое.** Я не теперь принял эту власть, но когда они были Твои, они были и Мои, ибо **все... Твое Мое.**

И теперь, когда Я Сам имею их, имеешь и Ты, и не лишился, ибо *все Мое Твое*.

И Я прославился в них, то есть, имея власть над ними, Я прославляюсь в них как Владыка, подобно как и сын царя, имея равную с отцом честь и царство, прославляется тем, что имеет столько же, сколько и отец. Итак, если бы Сын был меньше Отца, Он не осмелился бы сказать *все... Твое Мое*, ибо господин имеет всё, что принадлежит рабу, но раб не имеет всего, что принадлежит господину. Здесь же Он обоюдно усваивает Отчее Сыну, а Сыновнее — Отцу. Итак, Сын прославляется в тех, которые принадлежат Отцу, ибо Он имеет столько же власти над всеми, сколько и Отец.

(11–12) *Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое.* — Для чего Он постоянно говорит: *Я уже не в мире и когда Я был с ними в мире?* Кто будет понимать эти слова просто, они покажутся противоречащими, ибо в другом месте Он обещал им: *Пребудьте во Мне, и Я в вас* (Ин 15, 4) и *увидите Меня* (Ин 16, 17), — а теперь, как кажется, говорит иное. Итак, воистину можно сказать, что Он говорит это, приспособляясь к их понятиям. Им естественно было опечалиться, коль скоро они

остаются без помощника. Он объявляет им, что вручает их Отцу и Его дает им в хранители, а затем говорит Отцу: «Так как Ты призываешь Меня к Себе, то храни их Сам во имя Твое, то есть Твоей помощью и силой, которую Ты дал Мне». В чем же хранить?

Чтобы они были едино, ибо если они будут иметь любовь друг к другу и не будет между ними разделений, то они будут непобедимы и ничто не одолеет их. И не просто *чтобы... были едино*, но так, как Я и Ты, имели одно мудрствование и одно желание, ибо единогодушие — вот их охрана. Итак, чтобы утешить их, Он умоляет Отца хранить их. Ибо если бы Он сказал: «Я буду хранить вас», — они не так бы глубоко поверили. А теперь, когда умоляет за них Отца, Он подает им твердую надежду.

Я соблюдал их во имя Твое. — Говорит так не потому, будто Он не мог хранить их иначе, как только именем Отца, но, как мы много раз говорили, потому, что слушатели Его были слабы и не представляли себе ничего великого о Нем. Посему-то говорит: «Я помощью Твоей соблюдал их». Вместе с тем Он укрепляет их в надежде: «Как в Мою бытность с вами вы были хранимы именем и помощью Отца Моего, так, верьте, и опять будете соблюдены Им, ибо хранить вас — для Него обычное дело».

(12–13) *Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.* — Много уничижения в этих словах, если кто примет их не так, как следует, ибо смотри, что здесь представляется. *Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил.* Кажется, что Он заповедует Отцу, чтобы и Отец хранил, подобно тому как кто-нибудь, передавая имение на сохранение другому, сказал бы: «Смотри, я ничего не утратил, не потеряй же и ты». Но всё это Он говорит для утешения учеников. *Сие, говорю в мире,* для успокоения, утешения и радости учеников, чтобы они воодушевились и не беспокоились, так как Ты принимаешь их целыми и будешь хранить их, как и *Я сохранил* их и никого не погубил. Как же, Господи, никого не погубил Ты, когда Иуда погиб и многие иные отошли обратно (см.: Ин 6, 66)? Со Своей стороны, говорит, Я никого не погубил. Что только зависело от Меня, Я ничего не оставил без исполнения, но соблюдал их, то есть всячески старался сохранить их. Если же они сами собой отпадают, это нисколько не относится к Моей вине. *Да сбудется Писание,* то есть всякое Писание, предсказывающее о сыне погибели, ибо о нем сказано в различных

псалмах (см.: Пс 108, 8; 108, 17; 68, 26) и в прочих книгах пророческих. <...>

(14–16) *Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира.* — Умоляя Отца о помощи апостолам, высказывает и причину, по которой они достойны великого попечения от Отца. За *слово Твое*, которое *Я передал им*, возненавидели их. Посему они достойны получить помощь от Тебя, так как мудрствующие мирское возненавидели их за Тебя. Порочные люди ненавидят их потому, что *они не от мира*, то есть не привязаны умом своим к миру и не истощают своей деятельности для него. Как же Он в другом месте говорит, что те, *которых Ты дал Мне от мира, были Твои* (ст. 6)? Там Он говорил о природе их, что они люди и часть мира, а здесь говорит о мыслях и произволении и замечает, что *они не от мира*.

Как и Я не от мира. — Не смущайся сими словами. Апостолы не были так святы и чужды мирских страстей, как Господь: *Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его* (1 Пет 2, 22), а они не избегли немощи человеческой природы. Итак, услышав слова *как и Я не от мира*, не принимай их за совершенное сходство апосто-

лов с Господом, но когда это говорится об Отце и о Нем, тогда только разумеи равенство.

469
—

Не молю, чтобы Ты взял их из мира. — Сказал это, желая доказать любовь к ним и что Он много заботится о них, когда с таким усердием приносит за них молитву, ибо Он не учит Отца тому, что нужно (это было бы ни с чем не соотносимо), но, как я сказал, говорит это Отцу с тем, чтобы показать, что Он очень любит учеников и заботится о них. **Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы** во время нахождения их в мире **сохранил их от зла.**

Опять повторяет **они не от мира**. Они, говорит, нуждаются в сильной поддержке, ибо у них, ставших гражданами небесными, ничего нет общего с землей. И когда весь мир будет обращаться с ними как с чужими, тогда Ты, Небесный, помоги им как гражданам небесным. Говорит это очень часто вслух при учениках, чтобы они, слыша это, возненавидели мир и не посрамили такой похвалы им. «Соблуди их от неприязни», — говорит не только об избавлении их от опасностей, но и о пребывании и утверждении в вере. Посему и продолжает:

(17–19) **Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною.** —

Сделай их святыми через преподание Духа, сохрани их в правоте слова и догматов, наставь их и научи истине, ибо святость состоит в хранении правых догматов. А что Он говорит о догматах, видно из объяснения: *слово Твое есть истина*, то есть нет в нем никакой лжи. Посему если Ты дашь им сохранить *слово Твое* и самим сохраниться от зла, то они освятятся истиной.

Слова *освяти их истиною Твоею* означают и иное, а именно: отдели их для слова и проповеди и соделай их жертвой; пусть они послужат этой истине, пусть посвятят ей собственную жизнь. Прибавляет *как Ты послал Меня в мир... и за них Я посвящаю Себя*, то есть приношу в жертву, так Ты и их освяти, то есть отделив жертву за проповедь и поставив их свидетелями истины, подобно как и Меня Ты послал свидетелем истины и жертвой, ибо всё принесенное в жертву называется святым.

Чтобы и они, как и Я, *были освящены* и принесены Тебе, Богу, не как жертвы подзаконные, заколаемые в образе, но *истиною*. Ибо ветхозаветные жертвы, например агнец, голуби, горлицы и прочее, были образами, а всё святое в прообразе было посвящаемо Богу, предызображая собой нечто иное, духовное. Души же, принесенные Богу, в самой истине освящены, отделены и посвящены Богу, как и Павел говорит: *Пред-*

ставьте тела ваши в жертву живую, святую (Рим 12, 1). Итак, освяти и посвети души учеников и сделай их истинными приношениями или укрепь их претерпеть и смерть за истину.

(20–21) *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня.* — Сказал: *За них Я посвящаю Себя* (ст. 19). Чтобы кто-нибудь не подумал, что Он умер только за апостолов, прибавляет: *Не о них же только молю, но и о всех верующих в Меня по слову их.* Здесь Он опять ободрил души апостолов тем, что они будут иметь много учеников. А чтобы, слыша слова *не о них только молю*, апостолы не соблазнились, будто Он не отдает им перед прочими никакого преимущества, утешает их, объявляя, что они для многих будут учителями веры и спасения. А так как Он достаточно предал их Отцу, чтобы Он освятил их верой и совершил за них святую жертву для истины, говорит, наконец, опять об единомыслии и с чего начал, то есть с любви, тем и заканчивает, говоря: *Да будут все едино*, — то есть да имеют мир и единомыслие и *в Нас*, то есть по вере в Нас, да сохраняют полное согласие, ибо учеников ничто так не соблазняет, как если учителя разделились и неединомысленны: кто захочет слушаться тех, которые

сами неединомысленны? Посему говорит: ***И они да будут в Нас едино*** в вере, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе. «Как» и здесь не означает совершенного равенства, ибо нам невозможно объединиться друг с другом, как Отец с Сыном. «Как» должно понимать так же, как и в словах *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк 6, 36).

Да уверует мир, что Ты послал Меня. — Единомыслие учеников докажет, что Я, Учитель, от Бога исшел. Если же будет между ними раздор, то никто не скажет, что они — ученики Примирителя; а если Я не примиритель, то не признают Меня посланным от Тебя. Видишь, как Он до конца утверждает Свое единомыслие с Отцом.

(22–23) И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня. — Какую славу... дал Он? Славу чудес, догматов учения и еще славу единомыслия — ***да будут едино***. Ибо эта слава больше, чем слава чудес. Как мы изумляемся перед Богом, потому что в Его естестве нет ни восстаний, ни борьбы, — и это величайшая слава, — так, говорит, и они да будут славны тем же, то есть единомыслием.

Я в них, и Ты во Мне. — Этим показывает, что апостолы вмещали в себе и Отца. Ибо Я, говорит, ***в них***, а Я в Себе имею Тебя, следовательно, и Ты

в них. В другом месте говорит, что Отец и Сам Он придут и обитель сотворят (см.: Ин 14, 23). Этим Он заграждает уста Савеллия и показывает два лица. Этим же ниспровергает неистовство Ария, ибо говорит, что Отец пребывает в учениках через Него.

Да познает мир, что Ты послал Меня. — Часто говорит об этом, дабы показать, что мир может привлекать больше, чем чудо. Ибо как вражда разрушает, так согласие скрепляет.

(23–24) *И возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира.* — Здесь «как» опять понимай в значении того, насколько человек может быть возлюблен.

Да видят славу Мою. — Итак, сказав, что они будут в безопасности, что они будут святы, что многие уверуют через них, что они получают великую славу, говорит теперь и о наградах и венцах, подлежащих им по отшествии отсюда. *Хочу, чтобы там, где Я, и они были;* и дабы ты, услышав это, не подумал, что они получают то же самое достоинство, какое и Он, прибавляет: *Да видят славу Мою.* Не сказал «да получают славу Мою», но — *да видят*, ибо для человека величайшее наслаждение — созерцать Сына Божия.

И в этом слава для всех достойных, как и Павел говорит: *Мы... открытым лицом... взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу* (2 Кор 3, 18). Показывает же этим, что тогда будут созерцать Его не так, как ныне они видят Его, не в уничиженном виде, но в славе, которую Он имел прежде сложения мира. Имел же Я, говорит, эту славу потому, что Ты **возлюбил Меня**. <...> Как выше сказал: *Прославь Меня... славою, которую Я имел... прежде бытия мира* (ст. 5), — так и теперь говорит, что слава Божества дана Ему **прежде основания мира**. Ибо истинно Отец дал Ему Божество, как Отец — Сыну, то есть по естеству. Так как Он родил Его, то, как виновник бытия, Он же и называется виновником и Подателем славы.

(25–26) **Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них.** — После такой молитвы о верующих и обещания им стольких благ высказывает наконец нечто милостивое и достойное человеколюбия Его. Говорит: **«Отче праведный! Я желал бы, чтобы и все люди получили такие блага, какие Я просил для верных. Но они не познали Тебя и потому не получают той славы и тех наград, а Я познал Тебя»**. Словами *мир Тебя не познал*

намекает и на иудеев («миром» их называет во многих местах), которые говорили, что знают Бога, и показывает, что они не знают Отца: «Хотя иудеи говорят „Ты не послал Меня“, но Я этим ученикам Моим *и открыл... имя Твое и открою*. Как же открою? Ниспослав им Духа, Который наставит их на всякую истину. И когда они узнают, Кто Ты, тогда *любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них*, ибо они узнают, что Я не отчужден от Тебя, но весьма любим, что Я истинный Сын Твой и соединен с Тобою. Узнав же это, они соблюдут веру в Меня и любовь, и наконец Я пребуду в них за то, что они таковы, что Тебя познали и Меня чтут как Бога.

Они веру в Меня сохранят
непоколебимой».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

(1-2) **С**казав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. — Не сказал евангелист «Иисус, помолвившись таким образом», но — *сказав сие*, ибо предшествовавшая речь была не молитвой, а беседой для утешения учеников. Иисус идет среди ночи, переходит реку и спешит прийти на место, известное Его предателю. Сам Себя выдает убийцам для того, чтобы показать, что Он идет на страдания добровольно и освобождает иудеев от поисков Его. Дабы они не затруднялись, переходя туда и сюда и отыскивая Его, Он Сам идет к ним. Сам отдает Себя в руки их, ибо в саду они находят Его, как бы в какой-нибудь темнице. Чтобы ты не подумал, будто бы Иисус удалился в сад с целью укрыться, евангелист прибавляет, что *знал это место и Иуда*. Посему Иисус отходит в это место скорее с целью открыться, чем укрыться. Иуда знает сие место, *потому что Иисус часто бывал там*, ибо Господь любил уходить в места пустые и пристанища спокойные, особенно когда передавал что-либо таинственное. Почему Иуда знал, что Иисус находится в саду, и не думал най-

ти Его спящим в доме? Он знал, что Господь много ночей проводил вне града и дома, а посему и тогда вышел вон. И иначе: он знал, что Господь особенно во время праздника имел обычай учить учеников Своих чему-нибудь высшему, а, как мы сказали, Он учил учеников Своих таинственному и в местах таинственных. И так как тогда был праздник, то Иуда догадывался, что Иисус находится там и по обычаю рассуждает с учениками Своими о празднике.

(3–6) Итак, Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его. И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю. — Пришедшие уговаривают на помощь себе отряд воинов за деньги, ибо воины таковы, что золотом их можно подкупить. Приходит их много, потому что боятся последователей Иисуса, привязанных к Нему ради Его учения и чудес. Несут с собой фонари и светильники, чтобы Иисус, скрывшись во тьме, не бежал от них. А Он настолько не нуждался в бегстве, что Сам выходит к ним и выдает Себя. Господь спрашивает их не потому, будто не знал; евангелист

говорит, что Он знал *все, что с Ним будет*. А так как Он знал, что с Ним будет, то спрашивает не по незнанию, но с целью показать, что и тогда, когда Он стоял перед ними, они не видели Его и не узнавали. Он спрашивает как другое лицо, и Его не узнают по голосу ни прочие, ни сам Иуда. А что не узнали Его не по причине темноты, это видно из того, что, по сказанию евангелиста, они пришли с фонарями. Если допустим, что не узнали Его и по причине темноты, то должны были Его узнать по голосу. Итак, Господь спрашивает для того, как мы сказали, чтобы показать, что ни по виду, ни по голосу не узнали Его. Так, значит, сила Его была неизреченна, что не могли бы и распять Его, если бы Он Сам не предался добровольно. Господь не только ослепил глаза их, но и поверг их на землю одним только вопросом Своим. То, что пришедшие взять Иисуса *пали*, было знаком всеобщего ниспадения этого народа, что и постигло его впоследствии, после смерти Христовой, как и Иеремия предсказал, что дом Израиля падет, но не будет того, кто восстановит его (см.: Иер гл. 5). И так падают все те, которые противятся слову Божию. Сад, в котором спасение наше получило начало, может быть сравнен с раем. Ибо в саду мы ниспали из рая; в саду же, как видим, начинается и спасительное страдание Христово и исправляет все прежние бедствия.

(7–9) **Опять спросил их: кого ищете? Они сказали: Иисуса Назорея. Иисус отвечал: Я сказал вам, что это Я; итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут, да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого.** — Господь поверг их на землю для того, чтобы показать и силу Свою, и то, что Он идет на страдание добровольно. Сверх сего, Он устрояет и нечто другое. Чтобы кто-нибудь не сказал, что иудеи нисколько не согрешили, ибо Он Сам предался в руки их и явился к ним, для того Он и показывает над ними это чудо, и его было достаточно для вразумления их. Но когда и после этого чуда они остались при своей злобе, тогда Он отдает Себя в руки их. Смотри, как до последнего часа Господь не оставляет любви к ученикам. **Если, говорит, Меня ищете, оставьте их, пусть идут, да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого** (см. также: Ин 17, 12). Господь говорит о гибели душевной, которой не подвергся никто из учеников Его, а евангелист понял это и о гибели телесной. Чудно, как воины не взяли вместе с Ним апостолов и не умертвили их даже и тогда, когда Петр напал на них. Это совершилось силой Того, Кто был взят ими, и Его прежде сказанным изречением, что никто из них не погиб. Что ученики остались невредимыми по

силе слова Господня, этому научает нас и евангелист, когда говорит: *Да сбудется слово, реченное Им*, что *Я не погубил никого* из них. По причине немощи учеников, поставляет их вне искушений. Так Он устрояет и ныне с нами, хотя мы и не сознаем того. Поэтому если найдет на тебя искушение, веруй в то, что если бы Господь не знал, что ты можешь победить оное, Он не допустил бы и прийти ему к тебе, как тогда к ученикам.

(10–11) *Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* — Петр видел, что Господь поверг их на землю; слова Господа *оставьте их, пусть идут* (ст. 8) наполнили его смелостью, и он подумал, что время уже отмщать, вынимает меч и ударяет раба. Если ты спросишь, зачем меч у того, которому заповедано не иметь *ни сумы... ни двух одежд* (Мф 10, 10), то знай, что он имел нужду в нем для заклания агнца, нес его при себе и после вечера, или же что он, опасаясь нападения, еще прежде заготовил меч на этот случай. Если ты недоумеваешь, как тот, которому не велено ударять по щеке (см.: Мф 5, 39), готов был совершить убийство, то слушай, что Петр в особенности от-

мщал не за себя самого, а за Учителя. Притом же они не были еще вполне совершенны. Ибо впоследствии прошу тебя посмотреть на Петра: он крайне страдает и радуется. А теперь, негодуя на несправедливость к Учителю, он покушается на самую голову и, не усекнув ее, по крайней мере отсекает ухо. Иисус прикладывает и исцеляет ухо и этим чудом снова удерживает безумных иудеев от рвения к убийству. А так как чудо над ухом было велико, то евангелист замечает имя раба, чтобы читающие в случае сомнения могли разыскать и исследовать, точно ли так это было. Господь удерживает Петра и с угрозой говорит ему: **Вложи меч в ножны.** В то же время и утешает, говоря: **Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?** Ибо этим показывает, что страдания зависят не от силы их, но от Его соизволения, и что Он не противник Богу, но исполняет волю Отца даже до смерти. Назвав страдания чашей, дает знать, что смерть для спасения человеческого должна быть отрадна и вожделенна. Я прошу тебя заметить, что отсечение правого уха у **первосвященнического раба** было знаком непослушания их, ибо ослепление пришло на народ израильский, чтобы слышащие не слышали, за нечестие их против Спасителя, которое особенно сильно было в первосвященниках, почему и знак — отнятие уха — был на рабе

первосвященника. Восстановление уха указывает на будущее восстановление разума израильтян, которого они лишились ныне. Ибо Илия придет и приведет их ко Христу и их, отцов, соединит с нами, сыновьями, о чем пророчествовал и Малахия (см.: Мал 4, 6).

(12–14) Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ. — Когда Господь сделал всё, что могло бы укротить их, а они не уразумели, тогда позволил им вести Себя. Они *связали Его... и отвели... к Анне* с каким-то торжеством по сему случаю и похвальбой, как будто одержали великую победу. Евангелист напоминает пророчество Каиафы (см.: Ин 11, 49–52) для того, чтобы показать, что это совершилось для спасения мира и что истина сия столь важна, что и сами враги предсказывали об этом. Итак, чтобы ты, услышав об узах, не смутился, он напоминает тебе пророчество, то есть что и узы, и смерть были спасительны, и посему-то Господь терпел их.

(15–16) За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком

первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический. А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра. — Кто был этот другой ученик? Тот самый, который написал об этом, но скрывает себя по смиреномудрию. Поскольку же поступок этот он считает доблестным и боится сам себя возвеличить тем, что последовал за Иисусом, тогда как прочие разбежались, посему он себя скрывает и впереди поставляет Петра: за Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик.

Итак, он скрывает себя по смирению. И если упомянул о себе, то упомянул лишь для того, чтобы мы знали, что он обстоятельнее прочих рассказывает о происшествиях во дворе первосвященниковом, так как он сам был внутри двора. Смотри, как опять он отстраняет от себя похвалу. Дабы ты, услышав, что Иоанн *вошел с Иисусом*, не подумал о нем что-нибудь великое, он говорит, что *был знаком первосвященнику*. О Петре объявляет, что он следовал за Иисусом по любви к Нему, а остановился вне двора потому, что не был знаком. Что Петр вошел бы, если бы ему позволили, видно из того, что когда Иоанн вышел и велел придвернице ввести его, Петр тотчас вошел. Почему же Иоанн сам не ввел его, а велел

сделать это женщине? Потому что крепко держался Христа, следовал за Ним неотступно и не хотел отлучиться от Него.

(17–18) *Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. Между тем рабы и служители, разведя огонь, потому что было холодно, стояли и грелись. Петр также стоял с ними и грелся.* — Женщина спрашивает Петра без дерзости, без грубости, но очень кротко, ибо она не сказала «*И ты не из учеников ли „этого обманщика“*», но — *Этого Человека*. Это, скорее, были слова сожалеющие и проникнутые любовью к людям. Сказала *и ты не из учеников ли*, потому что Иоанн был внутри двора. Женщина эта говорила так кротко, а он ничего этого не заметил, оставил без внимания и предсказание Христа. Так слабо само по себе человеческое естество, когда оно оставлено Богом. Некоторые, напрасно желая угодить Петру, говорят, что Петр отрекся не потому, что боялся, но потому, что постоянно желал быть со Христом и следовать за Ним, а он знал, что если объявит себя учеником Иисуса, то его разлучат с Ним и уже не будет возможности следовать за Ним и видеть возлюбленного Учителя. Поэтому и отрекся, сказав ей, что он не ученик. С этой мыслью он *и грелся*, ибо для видимости делал то же, что и слуги, как бы один из них,

дабы не обличили его по изменению в лице, не выгнали из своей среды как ученика Христова и не лишили возможности видеть Его.

(19–23) Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Когда Он сказал это, один из слугителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что́ ты бьешь Меня? — Первосвященник спрашивает Иисуса **об учениках**, может быть, так: где они, кто они, с какою целью Он собирал их и какое у Него намерение? Он хотел обличить Его как какого-нибудь нововводителя или возмутителя.

Спрашивает **и об учении**: в чем оно заключается, не разнится ли от закона, не противно ли Моисею, дабы и в учении найти повод убить Его как богопротивника. Что же Господь?

Он отвечает на подозрения его. **Я, говорит, тайно не говорил ничего.** Ты подозреваешь во Мне мятежника, тайно составляющего какие-то заговоры, а Я тебе говорю, что тайно Я не говорил

ничего, ничего возмутительного, и, как тебе думается, ничего нового не ввожу и с хитрым и тайным намерением не говорю ничего Своего. Если мы будем стараться понять эти слова Господа не в соответствии с подозрением первосвященника, то Он представится как бы говорящим ложь, ибо Он многое говорил тайно — то, что превышало понятия простого народа.

Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших. — Это слова не человека надменного, но уверенного в истине Своих слов. Спроси, говорит, этих врагов, этих ненавистников, этих служителей, которые связали Меня. Ибо это самое несомненное доказательство истины, когда кто в свидетели своих слов приводит своих врагов. А эти самые служители прежде отзывались так: *Никогда человек не говорил так, как Этот Человек* (Ин 7, 46). И после такого ответа Ему не удивляются, но наносят удар по щеке! Что же может быть наглее этого?

Но Тот, Кто может всё потрясти и уничтожить, не делает ничего такого, но произносит слова, которые могут укротить всякое зверство. Если, говорит, ты можешь порицать сказанное Мною, то докажи, что *Я сказал худо*; если же не можешь, то зачем *бьешь Меня*? Или и так: *если Я сказал худо*, то есть если Я учил худо, когда учил в синагогах, то приступи теперь и свидетельствуй об этом

худом учении Моем и доставь полные сведения первосвященнику, который теперь спрашивает Меня об учении Моем. Если же Я учил хорошо и вы, служители, дивились Мне, то за что теперь ты бьешь Меня, Которому прежде ты удивлялся? Этот служитель ударил Господа для того, чтобы самому избавиться от обвинения в великом преступлении.

Так как Иисус предстоящих призвал в свидетели: *Вот, они знают, что Я говорил*, — то служитель сей ударил Его, желая отвлечь от себя подозрение, что и он был из числа дивившихся Иисусу. Христос сказал, что Он тайно не говорил ничего, тем самым напомнив пророчество: *Не тайно Я говорил, не в темном месте земли* (Ис 45, 19).

(24–27) *Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе. Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет. Один из рабов первосвященнических, родственник тому, которому Петр отсек ухо, говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду? Петр опять отрекся; и тотчас запел петух.* — Так как не нашли в Нем никакой вины, то отводят Его к Каиафе, быть может, надеясь, что Каиафа, как более хитрый, найдет против Иисуса что-нибудь достойное смерти, уличив Его в ответе или обличив

в каком-нибудь поступке. А Петр, горячий и любящий, одержим такой бесчувственностью, что Учителя повели уже, но он не двигается с места и греется. А так как его опять спрашивают, то он отрекается, и не только во второй раз, но и в третий. Для чего всё это евангелисты согласно написали о Петре? Не для того, чтобы осудить своего соученика, но чтобы нас научить, сколь худо не обращаться во всем к Богу, а полагаться на себя. Нужно удивляться и человеколюбию Владыки. Он связан, Его водят из одного места в другое. Однако Он не оставил попечения об ученике Своем, но, обернувшись, взглянул на Петра, как замечает другой евангелист, и этим взглядом упрекнул его в слабости и возбудил в нем раскаяние и слезы (см.: Лк 22, 61—62).

Что тогда случилось с Петром, то же и ныне, как можно видеть, испытывают на себе многие из нас. Сущее в нас Слово Божие связывается и как бы забирается в плен, поработчаемое то скорбью, то удовольствием, ибо мы тем и другим связываемся и отводимся в плен: или удовольствиями мирскими, или скорбями, забывая Бога. Тогда Слово осуждается, а бессловесие побеждает и раб ударяет владыку, ибо таково восстание страстей. Ум наш, как бы иной Петр, так часто надеется на себя, что не отречется от Слова, посему и стоит и греется. Стоит, потому что не преклоняется, не

смирятся, но одинаково и упорно остается с самоуверенностью и надмением. Но его обличает раба — какое-нибудь небольшое и расслабляющее удовольствие, и он тотчас отрекается от Слова и подчиняется бессловесию. Или его обличает какое-нибудь скорбное искушение, как Петра обличал раб, и тогда уже обнаруживается его бессилие. Но мы будем молиться, чтобы Иисус, Слово Божие, взглянул на нас и возбудил нас к покаянию и слезам, когда мы выйдем из двора князя мира сего, этого первосвященника, распинающего Господа. Ибо когда мы выйдем из мира сего, который есть двор князя мира, тогда только воспрянем для искреннего покаяния, как и апостол Павел говорит: *Выйдем к Нему за стан*, то есть из мира сего, *нося Его поругание* (Евр 13, 13).

(28–32) *От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху. Пилат вышел к ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего? Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе. Пилат сказал им: возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого, — да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. — Гóспода водят по*

многим судилищам, думая, что они обесславят Его, а истина, напротив, еще более обнаружилась через рассмотрение дела многими судилищами, ибо из всех них Господь вышел необвиненным и получил непререкаемую силу оправдания.

Повели Иисуса в преторию, потому что сами не имели власти умерщвлять, так как они находились под владычеством римлян. При этом они боялись, чтобы впоследствии не подвергнуться суду и наказанию за то, что умертвили без суда.

Было утро говорит для того, чтобы ты знал, что Каиафа допрашивал Господа в полночь, ибо Он был отведен к Каиафе прежде, чем пропел петух. О чем он спрашивал Господа, этот евангелист умолчал, а другие сказали. Когда ночь прошла в этих допросах, наутро отводят его к Пилату.

И они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться. — Какое безумие! Когда несправедливо убивают Его, не думают, что они оскверняются, а войти в судилище считают для себя осквернением!

Чтобы можно было есть пасху. — Господь совершил ее в *первый день опресноков* (Мк 14, 12). Мы под пасхой должны разуметь посему или весь семидневный праздник, или понимать так, что они на этот раз должны были есть пасху вечером в пятницу, а Он совершил ее одним днем ранее, чтобы заклание Самого Себя совершить в пятни-

цу, когда совершалась и ветхозаветная пасха. Пилат поступает несколько справедливее: он сам выходит. И хотя увидел Господа связанным, однако не счел этого достаточным для обвинения, но спрашивает, за что Он связан.

А они, не зная, что сказать, говорят: *Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе*. Видишь, как они везде уклоняются от доказательств. Анна спросил и, не найдя ничего, отослал к Каиафе. Этот, посудив несколько, отправляет к Пилату.

В чем вы обвиняете Человека Сего? — Спрашивает их опять Пилат. Они и тут ничего не могут сказать. Поскольку же они никакого обвинения не выставляют, он говорит: *Возьмите Его вы*. Так как вы присваиваете суд самим себе и хвалитесь, что никогда не поступили бы несправедливо (ибо говорите, что *если бы Он не был злодей, то мы не предали бы Его тебе*), то возьмите Его сами и судите. Если же вы Его привели ко мне и делу Его придаете вид суда (законную форму), то необходимо высказать, в чем Этот Человек виноват. Итак, судите Его вы, ибо я не могу быть таким судьей — если закон ваш наказывает без вины, судите сами.

На это иудеи говорят: *Нам не позволено предавать смерти никого*. Говорят это, зная, что римляне осуждают мятежников на распятие.

Дабы Господь был распят и смерть Его была позорнее, и разгласили Его проклятым — для этого притворно говорят, что им никого не позволено убивать. А как же Стефана побивали камнями? Но я сказал, что они говорят так для того, чтобы Господь был распят. Они как бы так сказали: **«Нам не позволено умерщвлять на кресте никого, но желательно, чтобы Этот был распят».**

Да сбудется слово Иисусово о смерти, именно: или что Он будет распят (см.: Ин 3, 14), или что Он будет умерщвлен не иудеями, а язычниками (см.: Мк 10, 33). Итак, когда иудеи сказали, что им не позволено убивать, тогда берут Его уже язычники и по обычаю своему распинают на кресте, и таким образом **слово Иисусово** сбывается в том и другом отношении — в том, что Он предан язычникам, и в том, что Он распят.

(33–36) Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. — Пилат призвал

Иисуса наедине. Поскольку о Нем было высокое мнение, Пилат хотел точнее всё узнать, вдали от смятения иудейского. Итак, спрашивает Его, царь ли Он. Что говорили все, то и выставляет на вид. А Христос его спрашивает, сам ли от себя он говорит это или от других. Не потому, что не знает, но потому, что желает обнаружить злой умысел иудеев так, чтобы и Пилат обвинил их. Посему Пилат правильно отвечает, что Его предатели иудеи, и отводит вину от себя. И иначе. Господь спрашивает Пилата, сам ли от себя он говорит это или по внушению других, и тем обличает его в неразумии и несправедливом суде. Он как бы так говорит Пилату: «Если ты говоришь это сам от себя, то укажи признаки моего восстания; если же тебе донесли другие, то произведи точное расследование». Пилат не говорит, что он слышал от других, но просто ссылается на мнение народа: **Предали Тебя мне; что Ты сделал?** Это слова как бы огорченного и ожесточенного.

Господь отвечает: **Царство Мое не от мира сего**, — и таким ответом совершает два дела. Во-первых, возводит Пилата к познанию, что Он не простой человек и не из числа земных существ, но Бог и Сын Божий; во-вторых, уничтожает подозрение в похищении верховной власти. **Царство Мое не от мира сего**, посему не бойся Меня, якобы тирана и мятежника, ибо *если бы от*

мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан. Здесь показывает слабость земного царства, ибо оно имеет силу в слугах, а Царство вышнее сильно само в себе и ни в ком не нуждается. А манихеи здесь находят предлог говорить, что мир сей чужд благого Бога. Ибо, утверждают, Сын Божий говорит, что *Царство Мое не отсюда*. Но, о, безумные, вы прежде вникните в это изречение. Он сказал *Царство Мое не от мира сего и не отсюда*, но не сказал, что оно не в мире сем и не здесь. Он царствует в этом мире, промышляет о нем и по Своему хотению всем управляет. Но *Царство Его не от мира сего*, а свыше, прежде веков и *не отсюда*, то есть не от земли состоялось; хотя здесь имеет силу и пребывает, но *не отсюда*, не состоит из дольного и не падает.

<...>

(37–39) *Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем. Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? — Когда*

Пилат спросил Господа, Царь ли Он, Господь отвечал: ***Я на то родился***, то есть чтобы быть Царем. Я имею это по существу и по рождению от Отца, ибо то самое, что Я родился от Царя, свидетельствует, что Я — Царь. Посему, когда слышишь, что Отец дал Сыну жизнь и суд и всё прочее (см.: Ин 5, 22 и 26), то слово «дал» понимай вместо «родил» Его, так что Он имеет жизнь, судит, и всё это приходит от Отца к Сыну по естеству. ***Я на то... пришел в мир*** сей, чтобы сказать это и научить и убедить всех в том, что Я — Царь, Владыка и Господь. Некоторые в словах ***Я на то родился*** разумели указание не на предвечное рождение от Отца, а на рождение в последнее время от Девы. Я для того соделался человеком и родился от Марии, чтобы погубить ложь и диавола и доказать, что Божеское естество царствует над всем. Итак, истина состоит в том, чтобы познавали Меня и через это познание спасались; ***Я на то... пришел***, чтобы сообщить людям истинное познание о Боге и даровать им спасение.

Желая этим привлечь внимание Пилата и склонить выслушать Свои слова, говорит ему: ***Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего***. Посему и ты, Пилат, если ты чадо истины и любишь ее, послушаешь Моего гласа и согласишься, что Я — Царь, но не такой, каковы цари мира сего, Я имею власть не приобретенную,

а природную, присущую Мне по самому рождению от Бога и Царя. Делает намек и на то, что иудеи не суть от истины, потому что не хотят слушать гласа Его; если же они не от истины, то, без сомнения, вымыслили на Него всё ложно и Он истинно неповинен смерти.

Этими немногими словами Он так пленил Пилата, что Пилат спросил: *Что́ есть истина?* — ибо она почти исчезла между людьми и никто не знал ее, а все были уже в неверии.

Но поскольку этот вопрос требовал особого времени для разрешения, а теперь нужно было избавить Иисуса от неистовства иудеев, то Пилат выходит к ним и говорит: *Я никакой вины не нахожу в Нем.* И говорит это разумно, ибо не сказал: «Хотя Он погрешил и достоин смерти, но для праздника простите Ему», — но сначала объявил Его свободным от всякой вины, а потом уже предлагает им и отпустить Его. Посему если Иисус будет отпущен, то им Он нисколько не обязан, ибо они отпустили невинного. Если осудят Его, этим докажется злоба их, потому что осудили невинного.

Хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? — Смотри: название Царь Иудейский имеет некоторый смысл. Пилат этим, очевидно, высказывает то, что Иисус нисколько не виноват и что они напрасно обвиняют Его, будто Он домогает-

ся царства, ибо того, кто выдает сам себя за царя и восстает против владычества римлян, правитель римский не отпустил бы. Посему, сказав *отпущу вам Царя Иудейского*, Пилат объявляет Иисуса решительно невинным и насмехается над иудеями, говоря как бы: «Того, на Кого вы клеветеете, что Он выдает Себя за царя, Кого вы называете бунтовщиком и мятежником, Того я признаю нужным отпустить, потому как очевидно, что Он не таков». Достойно исследования и то, по какому поводу возник у иудеев обычай отпускать ради Пасхи одного узника. На это можно, во-первых, сказать то, что учащие учениям, заповедям человеческим (см.: Мк 7, 7) весьма много вводили от своего мудрования, но не соблюдали заповедей Божиих. Так и это ввели без разумного основания, между тем как в прочих случаях оставляли обряды, предписанные им законом. Потом, можно сказать, что и в Писании находится похожее законоположение, с которого они могли взять повод к введению в обычай таких отпусков лиц осужденных, ибо о невольном убийстве написано: «Если же кто-нибудь не по вражде и без особенного намерения причинит зло ближнему, бросит сосуд или камень, а упавшая вещь поразит проходящего и человек этот умрет, то такой убийца — невольный. Рассудит же об этом вся синагога (собрание), и освободят

его от смерти, ибо он убил не злонамеренно, но поместят его во град убежища, то есть накажут изгнанием» (см.: Чис 35, 22—29). Отсюда, быть может, как мы догадываемся, взяли они повод и ввели такой обычай, чтобы отпускать одного из осужденных за убийственное намерение. Закон предписывает это дело вести иудейской синагоге, но так как иудеи были во власти римлян, то и право отпускать узников они предоставляли начальникам римским, как теперь Пилату.

*(40) Тогда опять закричали все, говоря:
не Его, но Варавву. Варавва
же был разбойник.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(1-7) **Т**огда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек! Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы и распните; ибо я не нахожу в Нем вины. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. — Смотри, в каких размерах выказывается злоба иудеев: Варавву, известного разбойника, выпрашивают на свободу, а Господа предают. Пилат бичует Его, желая этим по крайней мере утишить и укротить их ярость. Поскольку словами он не мог освободить Его из рук их, то бичует, надеясь этим ограничить их неистовство; позволяет надеть на Него хламиду и возложить венец также с целью утолить их гнев. Но воины делают всё из угождения иудеям. Они слышали, как Пилат

говорил, что отпустит Царя Иудейского, посему насмеваются над Ним как над царем. Ибо не по приказанию же Пилата делали это те, которые ночью пошли на Иисуса без ведома правителя, но в угождение иудеям, из-за денег. Пилат слабодушен и немстителен в отношении к иудеям. Он выводит Иисуса, еще раз желая погасить их ярость. Но они и этим не укротились, а кричат: *Распни, распни Его!* Пилат же, видя, что всё делаемое им остается напрасным, говорит: *Возьмите... и распните; ибо я не нахожу в Нем вины.* Говорит же это, побуждая их к делу, им не позволенному, для того, чтобы Иисус был отпущен. Я, говорит, имеющий власть распять, не нахожу в Нем никакой вины, а вы, не имеющие власти распинать, говорите, что Он виновен. Итак, *возьмите Его вы и распните.* Но вы не имеете власти, так что Человек сей должен быть отпущен. Такова была цель Пилата — он милостивее, однако же не настаивает на истине.

А они, посрамленные этим, говорят: *По закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.* Смотри, как злоба несогласна сама с собой. Прежде Пилат говорил им, чтобы они взяли Его и по их закону судили, — они на это не согласились. Теперь же говорят, что *по закону нашему Он должен умереть.* Прежде они обвиняли Его в том, что Он выдает Се-

бя за царя, а теперь, когда эта ложь изобличена, обвиняют Его в том, что Он **сделал Себя Сыном Божиим**. И в чем тут вина? Если Он творит дела Божии, то что препятствует Ему быть Сыном Божиим?

Не нахожу в Нем вины. — Смотри на Божественное домостроительство: они предавали Господа многим судилищам, чтобы опорочить Его и помрачить славу Его, но это бесчестие обращается на их главу, ибо при точнейшем исследовании дела невинность Его еще более доказана. Сколько раз даже Пилат объявлял, что он не находит в Нем ничего, достойного смерти!

(8–11) **Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе.** — Пилат, услышав одно только слово, что Он есть Сын Божий, убоялся. А они видели Божеские дела Его, однако умерщвляют Его за то самое, за что нужно было поклоняться Ему. Спрашивает Его не так, как прежде: **Что Ты сделал?** (Ин 18, 35) Но спрашивает: **Откуда**

Ты? Тогда обвиняли Его как царя, потому Пилат естественно и спрашивал *что Ты сделал?* Теперь же, когда клеветают, что Он Сам Себя выдает за Сына Божия, спрашивает *откуда Ты?* Иисус молчит, ибо Он объявлял уже Пилату: *Я на то родился* (там же, 37) и *Царство Мое не отсюда* (там же, 36), однако Пилат нисколько не воспользовался этим и не стал за истину, но уступил требованию народа. Посему Господь, презирая его вопросы как предлагаемые напрасно, не отвечает ничего. Оказывается, что Пилат нисколько не имеет твердости, но всякая случайная опасность может поколебать его: он боялся иудеев; трепетал и Иисуса как Сына Божия.

Посмотри, как он сам себя осуждает своими словами *я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя*. Если всё зависело от тебя, почему же ты не отпустил того, кого нашел невинным? Господь, низлагая его высокомерие, говорит: «*Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше*, ибо Я не просто так умираю, но совершаю нечто таинственное, и это предопределено свыше для общего спасения». А чтобы ты, услышав *дано свыше*, не подумал, что Пилат не подлежит ответственности перед Богом, прибавляет: *Более греха на том, кто предал Меня тебе*. Этим показывает, что и Пилат повинен в грехе, хотя и меньшем, ибо

оттого, что умереть Христу дано свыше, то есть попущено, Пилат и иудеи не становятся невинными, но их свободная воля выбрала злое. Бог попустил и дозволил привести это в дело. Итак, от того, что Бог попускает злобе приходить в дело, злые не свободны от вины, но за то, что избирают и совершают злое, достойны всякого осуждения.

(12–14) *С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. — Господь устрасил Пилата Своими словами и представил о Себе ясное оправдание: «Если б Я не предал Сам Себя добровольно и если бы Отец не допустил сего, то ты не имел бы власти надо Мною; грех и на тебе, а еще больший — на предавшем Меня Иуде или и на народе иудейском, потому что он приложил к болезни ран Моих болезнь новую и не вспомнил долга сотворить милость, но, найдя Меня безответным и беспомощным, предал на крест; не постыдился даже и того, что Я из столь многих судилищ вышел невинным, но кричал: Распни, распни Его!»*

Когда Господь таким образом устранил Пилата, он *с этого времени* еще более *искал отпустить Его*. Иудеи, поскольку были уличены в клевете, что Он Сам Себя выдает за царя, не успели и в том, что сослались на свой закон (ибо *с этого времени* Пилат еще более убоился прогневить Бога и пожелал отпустить Его), опять прибегают к чужим законам и Пилата, как боязливого, устрашают, ибо как увидели, что он с благоговением опасается, как бы, осуждая Иисуса, Сына Божия, не согрешить, они наводят на него страх от кесаря и, оговорив Господа в похищении царской власти, угрожают Пилату, что он оскорбит кесаря, если отпустит восстающего против него. И где Он пойман в похищении царской власти? Чем же вы это докажете: порфирой, диадемой, воинами? Но не всё ли у Него бедно — и одежда, и пища, и дом? Дома даже нет. Но как мало мужества в Пилате, когда он счел опасным для себя оставить такое обвинение без расследования! Он выходит как бы с намерением расследовать дело, ибо это означают слова *сел на судилище*; между тем, не сделав никакого исследования, предает Его, думая тем преклонить их.

Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестой. — <...> Три евангелиста — Матфей, Марк и Лука — согласно говорят, что от часа шестого настала тьма по всей земле до часа девято-

го (см.: Мф 27, 45; Мк 15, 33; Лк 23, 44). Очевидно, Господь наш был распят прежде шестого часа, до наступления тьмы, именно около третьего часа, как заметил Марк (см.: 15, 25), а равно и Иоанн, хотя у него читаем *час шестый* (здесь, как думают некоторые, в греческом тексте была допущена ошибка в цифрах). Другие же говорят, что Марк ясно и несомненно означил час приговора о распятии Господа. Ибо говорится, что судьи распяли и казнили Его с того времени, в которое они произнесли приговор, потому что на словах он получил силу наказания и смерти. Посему Марк говорит, что Он распят в третий час, в тот, в который Пилат произнес приговор. Марк замечает время приговора, а Иоанн записал час, в который распяли Господа. Притом смотри, сколь много совершено между приговором Пилата о распятии и тем часом, в который Господь восшел на крест. Отпустив Варавву, Пилат бичевал Иисуса и решительно предал Его на распятие, ибо выдача Вараввы была осуждением Господа. Воины насмеваются. Смотри, сколько времени ушло бы на продолжительное осмеяние. Пилат вывел Его, беседовал с иудеями; опять входит и судит Иисуса; опять выходит и разговаривает с иудеями. Всё это могло занять время от третьего часа до шестого. Посему Иоанн, с точностью изложивший это как следивший за всем, упоминает о шестом часе,

когда Пилат предал Иисуса совершенно, чтобы был распят, уже не беседуя с иудеями, не осуждая Иисуса, но произнеся окончательное решение о Нем. Если кто задастся вопросом, для чего же он, еще около третьего часа произнеся приговор о распятии, опять хотел отпустить Его, во-первых, пусть знает таковой, что, принужденный толпой, Пилат произнес приговор; потом смущен был сном жены, ибо она предостерегала: *Не делай ничего Праведнику Тому* (Мф 27, 19). При всем этом заметь, как выразился Иоанн: «Был **час шестый**». Не сказал утвердительно, что было шесть часов, но как бы нерешительно и не с уверенностью: **час шестый**. Посему нисколько не должно быть важно для нас, что евангелисты по видимости не совершенно согласны друг с другом, если даже допустим наличие разногласий. Ибо смотри, не все ли они сказали, что Иисус был распят, а что о часе один говорит, что был третий, а другой — шестой, то вредит ли это сколько-нибудь истине? Но весьма достаточно доказано, что разногласия даже и здесь нет.

(14–18) *И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. И, не-*

ся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса. — Мы много раз говорили, что Пилат более слаб и боязлив, чем злостен. Вот и теперь смотри: он придает делу вид исследования и суда, а во всем действует слабо. Се, говорит, *Царь ваш* — ни Иисуса не осуждает, ни иудеев прямо не обличает, но как бы прикровенно упрекает их в клевете. Вот, говорит, какого человека вы оговариваете в домогательстве царства над вами, такого бедного и не думающего искать этого. Ложное обвинение, ибо что у Него свойственного похитителю власти — воины, или богатство, или благородство? Что пользы, если вы убьете Его — Человека, Который не может причинить ни малейшего вреда? Так говорит Пилат, но без настойчивости и твердости и без борьбы за истину.

А они кричат: *Возьми, распни*, — вынуждают и требуют креста, потому что желают придать Христу дурную славу, ибо смерть такая была самой позорной и проклятой, как сказано: *Проклят... [всякий] повешенный на [дереве]* (Втор 21, 23). Но не знали они, что как древом было падение, так древом будет и исправление.

Примечай и то, как они сами заявляют, что у них нет иного *царя, кроме кесаря*, и через то

сами добровольно подчиняются власти римлян и отторгаются от Царства Божия. Посему и Бог предал их римлянам, которых они сами называли царями, отрекшись от промысления и покровительства Божия.

Тогда наконец он предал Его им — безумный! Надлежало б тебе исследовать, мог ли Он действительно присвоить Себе царскую власть, а ты предаешь Его, уступаешь по страху и заканчиваешь суд образом, недостойным мужа.

Неся крест Свой, Он вышел. — Так как они прикосновение ко крестному древу считали делом бесчестным, то на Него, как уже осужденного и проклятого, и возлагают проклятое древо. Как же другой евангелист говорит, что нести крест заставили Симона (см.: Мк 15, 21)? Было то и другое. Вначале Господь пошел, Сам *неся крест*, так как этим деревом все гнушались и не позволяли себе даже прикоснуться к нему. А когда вышли, встретили Симона, идущего с поля, и тогда древо это возложили на него. Примечай и то, что это совершается согласно с ветхозаветным прообразом. Как там Исаак, неся дрова, шел на заклание, так и здесь Господь идет, неся крест, и, как бы воин какой, несет оружие, которым ниспровергает Своего противника. Что Исаак служил образом Господа, это ясно. Исаак значит «смех» или «радость». Кто же иной соделался нашей радостью, как не

Тот, Кто через Ангела при самом зачатии подал естеству человеческому радость? Ибо благовестие, которое услышала Дева, приняло всё естество человеческое. Имя отца Исаака — Авраам — значит «отец многих народов», а сам Авраам и есть образ Бога всех, Который есть Отец иудеев и язычников, по благоволению и определению Которого Сын Его несет крест. Только в Ветхом Завете дело ограничивалось произволением отца, так как то было прообразованием, а здесь исполнилось на самом деле, потому что это была истина. Может быть и еще сходство. Подобно тому как в Ветхом Завете Исаак был отпущен, а заклан агнец, так и в Новом Божеское естество пребыло бесстрастно, а заклано человеческое естество, которое и называется агнцем.

Он вышел на место, называемое Лобное. — Место сие называлось Лобным местом, ибо хранилась молва, что тут погребен Адам, дабы где было начало смерти, там же совершилось и ее упразднение. Ибо есть церковное Предание, что по изгнании человека из рая первым жилищем его была Иудея, данная ему в утешение после райского блаженства как страна лучшая и обильнейшая из всех прочих. Она-то первая приняла и мертвого человека. Люди того времени, удивленные мертвым лбом, сняли с него кожу и зарыли его тут и от него дали название сему месту. А после потопа

Ной передал всем сказание об этом. Посему и Господь принимает смерть там, где источник смерти, дабы иссушить оный.

И распинают с Ним двух других. Иудеи желали этим пустить дурную молву, будто и Он разбойник, между тем невольно исполняют пророчество, говорившее: *И к злодеям причтен был* (Ис 53, 12). Примечай же Премудрость Божию, как она обратила к славе Господа то, что они делали к бесчестию Его: Он на самом кресте спас разбойника, что не менее чудно и еще более доказывает Божество Его. Ибо прославился один только Он, хотя вместе с Ним распяты были и другие. Этого не сделалось бы, если бы Он был виновен в нарушении закона и не был Сам Судьей незаконных и выше закона.

(19–22) Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал. — Пилат делает эту надпись, с одной стороны, для того, чтобы отмстить иудеям за то, что они не по-

слушались его, и показать злобу их, по которой они восстали против своего собственного царя, а с другой — для того, чтобы защитить славу Христа. Они распяли Его с разбойниками, желая обесчестить имя Его. Однако Пилат объявляет, что Он был не разбойник, но царь их, и это объявляет не на одном, но на трех языках: естественно было предполагать, что по причине праздника Пасхи с иудеями пришло и много язычников. Выше евангелист упоминает о некоторых эллинах, пришедших видеть Иисуса (см.: Ин 12, 20—21). Итак, чтобы все знали о неистовстве иудеев, Пилат возвестил о нем на трех языках. Иудеи завидовали Иисусу и тогда, когда Он был распят. Что они говорят? «Напиши, что Он Сам говорил». Ибо теперь надпись представляется общим мнением иудеев, а если будет прибавлено, что Он Сам Себя назвал царем, тогда вина будет в Его дерзости и гордости. Но Пилат не согласился, а остался при прежнем мнении. Посему и говорит: *Что я написал, то написал*. Впрочем, здесь устроится и нечто другое важное. Так как три креста, зарытые в землю, будут лежать в одном месте, то, чтобы не осталось безызвестным, который из них крест Господа, устроилось так, что он один только имеет надпись и по этому признаку может быть узнан. Надпись, сделанная на трех языках, дает намек и на нечто высшее, а именно:

показывает, что Господь есть Царь любомудрия деятельного, естественного и богословского. Так, римские буквы служат образом деятельного любомудрия, ибо власть римлян была самая мужественная и деятельная в деле военном; греческие — образ естественного любомудрия, так как греки занимались изучением природы; еврейские — богословского, ибо евреям вверено богопознание. Итак, слава Тому, Кто через крест явил Себя имеющим такое царство, Кто и мир победил, и укрепил нашу деятельность, и подает познание природы и вводит через оное во внутреннейшие завесы, в собственное знание и созерцание, то есть богословие.

(23–24) *Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак, сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий.* — Чем диавол лукавит, в том исполняются пророчества. И смотри истину. Распятых было трое, и, однако же, речи пророков исполняются на Нем только одним. Заметь точность пророчества: пророк сказал не о том только, что они разделили, но и о том, что

не разделили. Прочие одежды они разделили на части, а хитон — нет, но дело о нем предоставили жребию (см.: Пс 21, 19).

Слова *тканый сверху* прибавлены также не без значения. Одни говорят, что этими словами выражается иносказательно, что распятый был не простой человек, но имел и свыше Божество. Другие говорят, что евангелист описывает самый вид хитона. Так как в Палестине одежды изготовляют, соединяя два куска материи или два полотна тканьем вместо сшивания, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, сказал, что он *весь тканый сверху*, то есть соткан от начала и сверху донизу. Указывает же этим замечанием на бедность Христовых одежд. Иные же говорят, что в Палестине ткут холсты не так, как у нас: у нас сверху находится основа и уток, а полотно ткется снизу и таким образом идет кверху, там же, напротив, основа находится снизу, а ткань ткется *сверху*. Таков, говорят, и был хитон у Господа. Без сомнения, и здесь является таинство. И Тело Господа соткано свыше, ибо Дух Святый нашел и сила Всевышнего осенила Деву (см.: Лк 1, 35). Хотя Господь принял долу сущее и падшее естество человеческое, но Плоть Божественная образована и соткана вышней благодатью Святого Духа. Итак, святое Тело Христа, разделяемое и раздаваемое в четырех частях мира, пребывает неразделимо:

будучи уделяем каждому поодиночке и каждого освящая Своим Телом, Единородный Своей Плотью всецело и нераздельно обитает во всех, ибо, будучи везде, Он никак не разделен, как и взывает апостол Павел (см.: 1 Кор 1, 13). Поскольку все слагается из четырех стихий, то под одеждой Иисусовой можно разуметь эту видимую и сотворенную природу, которую бесы разделяют, когда умертвят сущее в нас слово Божие; они стараются привлечь нас на свою сторону через привязанность к мирским благам, но не могут разодрать хитон, то есть сущее во всем существующем Слово, по Которому всё существует (см.: Пс 32, 6), ибо сколь бы много раз я ни обольстился текущими благами, я все-таки знаю, что они текущи, знаю и качество и существо обманчивых и преходящих вещей.

(24–27) Так поступили воины. При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жéно! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. — Воины действовали по своему неразумию. Господь печется о Матери, научая нас до последнего издыхания прилагать всякое попечение о родителях. И смотри:

тогда как тут находятся и другие женщины, Он более всего беспокоится об одной только Матери, ибо на родителей, не препятствующих в деле богопочтения, должно обращать особое внимание и всячески заботиться. И поскольку Сам Он отходит от жизни и Матери естественно было скорбеть и искать покровительства, поручает попечение о Ней ученику. Евангелист скрывает свое имя по скромности, ибо если бы он хотел хвалиться, то представил бы и причину, по которой был любим, и, вероятно, она была бы какая-нибудь великая и дивная. Ах, как Он почтил ученика, делая его Своим братом! Так хорошо пребывание со Христом страждущим, ибо оно приводит в братство с Ним. Подивись тому, как Он на кресте всё творит без смущения, заботится о Своей Матери, исполняет пророчества, отверзает разбойнику рай, между тем как прежде распятия испытывает душевное томление, источает пот. Ясно, что последнее принадлежит человеческому естеству, а первое — Божеской силе. Да посрамятся Маркион и все прочие, пустословившие, что Господь явился миру призрачно, потому что если Он не родился и не имел Матери, то для чего Он прилагает о Ней столь великое попечение?

Почему *Мария Клеопова* называется *сестра Матери Его*, тогда как Иоаким не имел другого

чада? Клеопа был братом Иосифа. Когда Клеопа умер бездетным, Иосиф, по сказанию некоторых, жену его взял за себя и родил брату детей. Одна из них — упоминаемая здесь Мария. Она называется сестрой Богородицы, то есть родственницей, потому что Писание имеет обыкновение называть сродников братьями. Например, Исаак говорит о Ревекке, что она сестра, хотя она была его женой (см.: Быт 26, 7). Так и мнимую дочь Клеопы называют здесь сестрой Богородицы по родству. В Евангелиях четыре Марии. Одна — Богородица, Которую называют матерью Иакова и Иосии, ибо они были дети Иосифа, родившиеся от первой его жены, может быть, жены Клеоповой. Богородица называется матерью их как мачеха, ибо ее считали женой Иосифа. Другая — Магдалина, из которой Господь выгнал семь бесов. Третья — Клеопова, а четвертая — сестра Лазаря. Итак, ученик сей взял Марию к себе, ибо Чистая вверена чистому. Смотри, как женский пол тверд в бедах, а мужчины оставили Господа. Подлинно пришел Тот, Кто укрепляет слабое и приемлет уничиженное.

(28–30) После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус

вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух. — Евангелист, говоря **Иисус, зная, что уже все совершилось**, понимает, что для Него не осталось ничего неисполненного в плане домостроительства Божия — так свободна была смерть Его, ибо кончина для тела Его наступила не прежде, чем Сам Он восхотел, а Он восхотел после того, как всё исполнил. Посему-то и говорил, что имеет власть положить душу Свою (см.: Ин 10, 18).

Говорит: жажду. — И в этом случае опять исполняет пророчество. А они, выказывая злодейский нрав свой, напояют Его **уксусом**, как они делали с преступниками. А так как уксус вреден, налагают губку **на иссоп** — трость, потому что уста Иисуса были высоко. Таким образом исполнилось пророчество: **в жажду Мою напоиша Мя оцта** (Пс 68, 22).

После напоения Он сказал **совершилось**, — и это пророчество сбылось со всеми прочими, ничего не остается, всё кончено. Он всё творит без смущения и со властью. Это видно из последующего. Когда **всё совершилось**, Он, **преклонив главу**, так как она не была пригвождена, **предал дух**, то есть испустил последнее дыхание. С нами бывает наоборот: прежде у нас прекращается дыхание, а потом преклоняется глава. Он же прежде преклонил главу Свою, а потом

испустил дух. Из всего этого ясно открывается, что Он был Господь смерти и всё творил по Своей власти.

(31–34) Но так как тогда была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, — ибо та суббота была день великий, — просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. — Господь предал дух Богу и Отцу, чтобы показать, что души святых не остаются в гробницах, но востекают в руки Отца всех, а души грешных низвлекаются в место мучения, то есть в ад. А те, которые поглощают верблюда и оцеживают комара (см.: Мф 23, 24), совершив столь великое злодеяние, выказывают о дне особенную заботливость: дабы не оставить тел на кресте... просили Пилата, чтобы... снять их.

Для чего иудеи просят *перебить у них голени*? Для того, чтобы казненные, если и останутся живы, были неспособны к делу (ибо они были разбойники). Итак, они не хотели являться в день праздника мстителями и убийцами, поскольку и закон так повелевал, чтобы солнце не заходило

во гневе человека (см.: Еф 4, 26). Смотри, как через выдумки иудеев исполняются пророчества. Здесь за один раз исполняются два пророчества, как далее говорит евангелист.

Они не сокрушили голеней Иисуса, однако в угоду иудеям пронзают Его, и течет **кровь и вода**. Это удивительно. Они думали надругаться и над мертвым телом, но поругание обращается им в чудо. Достойно удивления то, что из мертвого тела вытекает кровь. Впрочем, иной из недоверчивых скажет, что, вероятно, в теле было еще сколько-нибудь жизненной силы. Но поскольку и вода вытекла, то чудо непререкаемо. Неспроста это случилось, но потому, что жизнь в Церкви начинается и продолжается посредством сих двух вещей: водой мы рождаемся, а Кровью и Телом питаемся. Итак, когда приступаешь к чаше общения Крови Христовой, так располагай себя, как бы ты пил из самого ребра. Примечай, как посредством прободенного ребра врачуется рана ребра, то есть Евы. Там Адам, уснув, лишился ребра, здесь Господь, уснув, дает ребро воину. Копье воина есть образ меча, обращающегося и выгоняющего нас из рая (см.: Быт 3, 24). А так как всё вертящееся не останавливается в своем движении, доколе не ударится обо что-нибудь, то Господь, показывая, что Он остановит тот меч, копью воина подставляет Свое ребро, чтобы нам

ясно было, что как копье воина, натолкнувшись на ребро, остановилось, так и пламенный меч остановится и не будет уже страшить своим вращением и возбранять вход в рай. Да постыдятся ариане, которые в Таинстве причащения не присоединяют воды к вину. Ибо они, как кажется, не веруют, что из ребра вытекла и вода, что было самым удивительным, но веруют, что вытекла одна кровь, и тем уменьшают величие чуда, ибо кровь показывает, что распятый — человек, а вода — что Он выше человека, что Он — Бог.

(35–37) И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили. Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится. Также и в другом месте Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили. — Не от других, говорит, я слышал, но сам тут был и видел, *и истинно свидетельство мое.* Справедливо замечает это. Он повествует о поругании, а не о чем-нибудь великом и досточестном, чтобы тебе заподозрить ложь в этом сказании. Для того, говорит, я так подробно описываю это и кажущееся бесчестие не скрываю, чтобы ты верил, что всё это истинно, несомненно, а не составлено в чью-нибудь пользу, ибо если кто говорит в чью-нибудь пользу, тот выставляет лишь наиболее славное.

Да сбудется Писание. — Так как Моисея считали достовернее его, то он и его приводит в свидетели. Что Моисей сказал об агнце, закалаемом в Пасху: *Костей... не сокрушайте* (Исх 12, 46), — то, по объяснению евангелиста, исполнилось на Христе, ибо тот агнец был прообразом Его и много сходного есть между ним и Истиной. Исполнилось и другое пророчество: *воззрят на Него, Которого пронзили* (Зах 12, 10). Ибо когда Он придет судить, тогда увидят Его в лучшем и боговиднейшем теле и пронзившие узнают Его и восплачут. Сверх сего, это дерзкое дело врагов Иисусовых для неверующих будет дверью веры и доказательством, как, например, для Фомы, ибо он удостоверялся в воскресении через осязание ребра. Итак, кость не сокрушится у Иисуса, а ребро Его проливает нам источники бытия и жизни. Вода — источник бытия, ибо через нее мы становимся христианами, а кровь — жизни, ибо мы ею питаемся. И Слово Божие есть агнец. Вкушая Его от головы до ног (голова — Божество, ибо оно глава, и ноги — плоть, ибо они самая низшая часть), еще и внутренности Его, то есть тайное и сокровенное, с благоговением принимаемое в пищу, мы не сокрушаем костей, то есть трудных для понимания и возвышенных мыслей, ибо что не можем понять, того мы не сокрушаем, не стараемся понять худо и с извращением. Итак, когда здраво

понимаем, тогда не сокрушаем, ибо Божественное сохраняем в целости. А когда будем стараться понять и принимаем еретическое понимание, тогда сокрушаем и ломаем твердые и недоступные мысли. Такие предметы, то есть неудобопонятные, надобно жечь огнем, то есть предавать Духу, и Он обделаёт и утончит их, потому что Он постигает всё, в том числе и глубины Божии (см.: 1 Кор 2, 10).

(38–42) После сего Иосиф из Аримафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, — просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, — приходивший прежде к Иисусу ночью, — и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак, они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко. — Почему не кто-нибудь из двенадцати пришел к Пилату, но осмелился на такое дело Иосиф, быть может, принадлежавший к числу семидесяти? Если кто-нибудь скажет, что ученики (двенадцать) скрылись из страха от Иудеев, то и Иосиф был одержим таким же страхом.

Можно сказать, что Иосиф — человек весьма знаменитый, известный и Пилату. Подумав, что гнев иудеев укротился, когда ненавистный для них Иисус уже распят, Иосиф безбоязненно приходит и вместе с Никодимом совершает великолепное погребение. Оба они еще не представляли о Нем ничего Божественного, а расположены были к Нему только как к человеку, потому что приносят такие благовония, которые преимущественно имели силу долго сохранять тело и не давать ему скоро предаться тлению. А это показывало, что они не представляли о Нем ничего великого. Однако они выказывают к Нему великую любовь, потому что погребают не как преступника, но великолепно, по иудейскому обычаю. Время заставляло их спешить, ибо смерть Иисуса последовала в девятом часу.

Потом, покуда они ходили к Пилату и пока снимали тело, наступил вечер, когда нельзя было устроить гробницу. Посему они полагают Его в ближайшую гробницу, ибо *на том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый.*

Устраивается так, *что гроб был близко*; посему и ученики могут прийти и быть зрителями и свидетелями случившегося, и воины могут быть приставлены для охраны, и тогда будет неуместна речь о похищении. Всего этого не могло бы быть, если бы Иисус был погребен далеко.

Гроб новый, в котором еще никто не был положен. — Устроилось так для того, чтобы нельзя было перетолковать воскресение, будто бы воскрес иной кто, а не Иисус. И иначе. **Гроб новый** образно показывал то, что через Гроб Господень будет обновление от смерти и тления и в нем мы все обновимся. Заметь, как много обнищал Господь для нас. При жизни не имел Он дома; по смерти не имеет гроба, но полагается в чужом; Он наг, и одевает Его Иосиф. Иисус и ныне бывает мертв, когда Его умерщвляют люди, делающие насилие или страстные до приобретений; Он страдает также от голода; бывает также наг, ибо что ни терпит бедняк, всё то терпит Христос. И ты ныне подражай Иосифу, прилагай добро к добру (ибо Иосиф значит «прибавление»), одевай наготу Христа, то есть бедняка. Делай это не однажды, но положи во гробе души и всегда помни, всегда размышляй и заботься о таких делах. Примешивай смирну и алоэ, ибо должно держать в уме горькое и строгое судилище будущего века и тот глас, который немилостивых называет проклятыми и отсылает в огонь (см.: Мф 25, 41). По моему мнению, нет ничего ужаснее этого гласа.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

(1–4) **В** первый же день недели *Мария Магдалина* приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Петр и другой ученик и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра и пришел ко гробу первый. — Первым днем недели евангелист называет тот день, который мы называем Господним. <...> Такой день — образ будущего века, один день, ни ночью не пресекающийся, ни полдня не имеющий. Бог есть солнце его, никогда не заходящее. Как Господь воскрес в этот день, тленное тело Свое сделав нетленным, так и мы в будущем веке получим нетление.

Итак, *в первый день недели приходит Мария Магдалина*. Так как суббота прошла и законом уже не воспрещалось движение, она отправляется, желая найти некоторое утешение от места погребения Господа, и, увидев, что *камень отвален от гроба*, идет с большой поспешностью к Петру и Иоанну. Господь воскрес, когда камень лежал еще на месте и печати были целы. Но так

как нужно было кому-нибудь быть свидетелем воскресения и войти во гроб, то камень оказался отвален Ангелом. Мария, ничего еще не знающая о воскресении, называет это событие похищением и переложением.

Петр и другой ученик... пошли ко гробу. — Ученики приходят ко гробу и видят лежащими одни пелены (см.: ст. 5), а это было знаком истинного воскресения. Ибо если кто-нибудь переложил бы тело, тот не обнажил бы его; и если бы кто украл, тот не позаботился бы свивать плат и класть отдельно на особом месте, но взял бы тело просто, как было можно. Посему евангелист предварительно сказал, что тело Христово погребено было со многою смирной, которая не хуже смолы приклеивает пелены к телу, чтобы мы, когда услышим, что плат лежал на особом месте, нисколько не верили тем, которые говорят, будто тело Христово украдено. Ибо вор не был бы так глуп, чтобы на излишнее дело употреблять столько времени и старания и не подозревать, что чем дольше он будет здесь оставаться, тем скорее может быть пойман.

Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно. — В котором часу последовало воскресение, о том никто не знает, подобно как неизвестно и время Второго Пришествия. Если же евангелист Матфей говорит, что

землетрясение совершилось в глубокий вечер, а Иоанн говорит, что Мария пришла и увидела отваленный камень утром *рано, когда было еще темно*, то в этом нет разногласия. Ибо, во-первых, по Матфею, поздно в субботу пришли женщины, а у Иоанна теперь не упоминается о женщинах; когда сказал об этом Матфей, излишне было бы о том же говорить и Иоанну, но Мария Магдалина приходит утром. Различны пришествия ко гробу: то Мария приходит с прочими женщинами, то одна только она. Отсюда и представляется разногласие между евангелистами, будто бы они говорят о разных приходах — каждый о своем. Так, во-первых, скажем, что Матфей говорит об одном приходе — женщин, а Иоанн — о другом: приходе одной Магдалины. Потом говорится, что был глубокий вечер и утро, *когда... еще темно*, что иной назвал бы глубоким утром, совпадающим с одним и с другим, поскольку всё это время есть середина ночи. Если спросишь, каким образом Петр и Иоанн и женщины входили во гроб, когда тут же были стражи, то ответ простой: когда Господь воскрес и с землетрясением предстал при гробе Ангел, тогда стражи уже ушли объявлять об этом фарисеям, и таким образом гроб освободился от военной стражи и ученики могли бесстрашно войти туда.

(5–13) *И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. Итак, ученики опять возвратились к себе. А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.* — Примечай смирение евангелиста, с каким он свидетельствует о тщательности исследования Петрова. Он пришел прежде, *увидел лежащие пелены* и ничего более не исследует, но дожидается Петра. А пламенный Петр вошел внутрь гроба и тщательно осмотрел всё. Тогда и Иоанн, войдя после Петра, увидел погребальные пелены лежащими отдельно одни от других *и уверовал*, — впрочем, не тому, что Господь воскрес, а тому, что Его украли, поверил словам Марии, что взяли Господа. Почему поверил Марии, а не помыслил о воскресении? Потому что *они еще*

не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых, и поверили Марии, подзревавшей похищение и переложение тела.

Итак, ученики... возвратились к себе, ничего более не узнав. Мария, по свойственной женщинам чувствительности и склонности к слезам, стоит у гроба и плачет. Не находя Иисуса, смотрит на то место, где положено было тело любимого Учителя, и в этом одном находит утешение.

За то и удостаивается видеть больше, чем ученики. Она увидела то, чего они не видели — **двух Ангелов**. Видение Ангелов было для нее величайшим утешением. И светлое их одеяние, и сидение их, **одного у главы и другого у ног**, показывало, что они знают нечто большее и, если будут спрошены, могут наставить. И слова **что ты плачешь?** полны искреннего участия. Чтобы Мария не смутилась, как женщина, вопросом этим утешают ее смущение. Она с жаром и любовью отвечает: «**Унесли Господа моего**, потому и плачу; не знаю, куда переложили Его; я пошла бы туда, помазала бы тело Его и в этом, по крайней мере, нашла бы некоторое утешение». Ты же пойми, как Петр деятелен и горяч, а Иоанн проницателен и способен к уразумению Божественных предметов. Чисто созерцательный предваряет знание и даровитостью, а деятельный отстаёт, однако усердием и старанием побеждает быстроту его,

и деятельный первый усматривает какую-нибудь Божественную тайну. Не нечто ли подобное бывает и в науках? И здесь из двоих мальчиков малоспособный и медленный старанием превосходит того, который по природе быстрее и способнее. Так и в духовных предметах: деятельный и неискусный в слове нередко понимает лучше, чем созерцательный. Всякая душа, господствующая над страстями, называется Марией. Очистившись посредством бесстрастия, она видит в Иисусе Бога и Человека. Ибо один из Ангелов, сидящий в головах, указывает на Божество, а другой, сидящий в ногах, — на уничиженное воплощение Слова.

(14–18) Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это сатанник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуні! — что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей. — Для чего Мария обратилась

назад? Когда она беседует с Ангелами, что ее побудило обратиться назад? Вероятно, пока она говорила с Ангелами, Иисус, внезапно явившись позади нее, привел их в изумление, и они, увидев Владыку, и видом, и движением, и взором тотчас обнаружили, что они увидели Господа, и женщина сия (Мария), заметив это, **обратилась назад**. Быть может, Он Ангелам явился в поразительном виде, а Марии не в таком, но в смиренном и обыкновенном, почему она и сочла Его за садовника того сада, в котором был гроб.

Посему она и говорит: *Господин! если ты унес Его*, — то есть если ты украл Его. Не говорит «Иисуса», но — *Его*, говорит как бы знающему, в чем дело. Итак, если ты унес, то есть взял и украл отсюда, то *скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его* и переложу в другое место, где Он будет погребен великолепно. Быть может, она боялась, чтобы иудеи не надругались и над мертвым телом, и потому желала, чтобы оно переложено было в другое место, им неизвестное. Намерение женщины полно любви, но она не может представить себе ничего высокого. И так как она сама по себе не могла помыслить ничего высокого, то Господь голосом Своим дает ей узнать Себя. Ибо Он произнес только имя ее и тем вложил знание, подобно как иудеям иногда давал узнавать Себя, а иногда при них был и они не

узнавали Его. Так и в речах, когда хотел, тогда давал узнавать Себя. Подобным образом и теперь, когда захотел, тогда дал Марии узнать Себя по голосу. Без сомнения, Он и прежде гласно говорил ей *жена! что ты плачешь?* Но Мария не узнала, ибо не было на это воли Иисусовой, а когда Он восхотел, узнала Его.

Она, обратившись, говорит Ему. — Как понять это выражение? Она вела с ним речь и говорила: *Скажи мне, где ты положил Его;* а теперь евангелист говорит, что она *обратилась*. Мне кажется, что она, сказав *где ты положил,* обратилась к Ангелам, быть может, с намерением спросить их, чему они изумились. Потом Христос, назвав ее по имени, изумил ее Своим голосом и от них обратил к Себе, а она, узнав Его теперь, сказала: *Учитель!* Мария желает сейчас же подойти к Нему, обращаться с Ним, как прежде, и, может, обнять, как Возлюбленного. Но Он по-иному направляет ее мысль, чтобы она помыслила нечто высшее и внимала Ему с бóльшим почтением.

Не прикасайся ко Мне. — То есть обстоятельства теперь уже не в прежнем положении, а Я не буду уже обращаться с вами по-прежнему. Хотя Он не сказал этого словами, но таков смысл слов *восхожу к Отцу Моему.* Я туда спешу. А так как Я спешу туда и уже не имею такого тела, чтобы обращаться с людьми, то надобно быть благого-

вейнее ко Мне, с высшим, иным, чем обыкновенная беседа и прикосновение, то есть обращение. Смотри же, сколько мыслей евангелист выразил кратко. Господь сказал: *Не прикасайся ко Мне*. Потом, как бы спросил кто: «Почему?» «Потому, — отвечает, — что у Меня тело уже не такое, какому свойственно быть в жизни земной, но такое, какое приличествует небу и горним селениям». Потом вопрошающий как бы продолжает: «Зачем же Ты ходишь на земле, когда имеешь такое тело?» «Потому, — отвечает, — что *Я еще не восшел к Отцу Моему*, но взойду», — и выражает эту мысль такими словами: *Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему*, хотя взойдет не тотчас, но спустя сорок дней. Для чего же так говорит? Для того, чтобы воскресить ее ум и убедить, что Он отходит на небеса, и тем утешить. Назвав учеников братьями, прибавляет: *И Отцу вашему*. Бог и нам Отец, но по благодати, а Господу Он Отец по естеству. И наоборот: Он нам Бог по естеству, а Господу Бог — по Его человечеству, ибо Он стал Богом Его, когда Он принял на Себя человеческое естество.

Мария Магдалина, удостоившись таких речей, *идет и возвещает ученикам* об этом. Вот как хорошо усердие и постоянство! Будь и ты усерден, быть может, и ты узнаешь что-нибудь высшее и из учеников Слова сделаешься учителем.

(19–23) *В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся.* — Когда Мария возвестила об этом ученикам, естественно было, что они или не поверили ей, или, поверив, пожалели, что не удостоились видеть Его сами. Посему Он *в тот же первый день* является к ним, так как они, с одной стороны, услышав от женщины, что Он воскрес, жаждали видеть Его сами, а с другой — боялись иудеев и оттого еще более желали увидеть это единственное для них утешение; является *вечером* для того, чтобы имели время собраться вместе; является *когда двери... были заперты* для того, чтобы показать, что Он и воскрес также тогда, когда на гробе лежал камень. Иной подивится, как они не сочли Его за призрак? Но прежде всего женщина, предварившая их, произвела в них сильную веру. Потом Он явился им в кротком виде и голосом успокоил волновавшиеся мысли их,

сказав **мир вам!** — то есть «не смущайтесь». Этим Он напоминает то слово, которое сказал им перед страданием: *Мир Мой даю вам* (Ин 14, 27).

Ученики обрадовались, увидев Господа. — Об этом Он тоже предсказывал им перед страданием: *Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше* (Ин 16, 22). А так как они имели непримиримую брань с иудеями, то опять говорит им: **Мир вам!** Как женщинам сказал *радуйтесь* (Мф 28, 9), потому что они были в печали, так ученикам дает мир по причине брани, которую имели с ними и будут иметь все. Итак, приличествует женщинам радоваться, потому что они осуждены рождать в печали, а мужчинам — быть мирными по причине брани за дело проповеди. Показывает вместе и благое следствие креста — мир.

А так как крестом приобретен мир, то, говорит, **Я посылаю вас** на проповедь Евангелия. В утешение им и ободрение поясняет: **Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.** Вы примете на себя Мое дело; посему бодрствуйте, ибо Я буду с вами. Примечай самовластие этих слов. Не сказал им «Я умолю Отца Моего, и Он пошлет вас», но — **Я посылаю вас.**

Примите Духа Святаго. — Дует и дает им Святого Духа. Теперь Он уделяет им не совершенный дар Святого Духа, ибо таковой Он даст им в Пятидесятницу, но делает их способными

к принятию Духа, ибо слова *примите Духа Святаго* — то же, что «будьте готовы принять Духа».

Можно сказать и то, что Он дал им некоторую власть и духовную благодать, только не воскрешать мертвых и творить силы, но — прощать грехи. Посему и прибавил: *Кому простите грехи, тому простятся*, — показывая, что Он дал им этот именно вид духовных дарований — прощение грехов. По вознесении же Его Сам Дух нисшел и преизобильно подал им силы творить чудеса и всякое иное дарование. Примечай и достоинство священников — оно Божественно, ибо отпускать грехи — дело Божие. Таким образом, их должно почитать, как Бога. Хотя бы они были недостойны, что от этого? Они — служители Божественных дарований, и благодать действует через них, как некогда через ослицу Валаама (см.: Чис 22, 28—30). Итак, достоинство наше не препятствует благодати. И так как через священников подается благодать, то должно их почитать.

Стоит узнать, для чего Он является ученикам не в Галилее, а в Иерусалиме, ибо Матфей (см.: Мф 26, 32) и Марк (см.: Мк 14, 28) говорят, что Он обещал увидеться с ними в Галилее. Как же Он является в Иерусалиме? Некоторые отвечают: что ж такого? Ведь Он не сказал им, что увидится с

ними лишь в Галилее, а в Иерусалиме — нет. Значит, это богатство Его любви, а не повод к нареканию во лжи. И еще можно сказать: Он обещает явиться в Галилее всем ученикам, а в Иерусалиме явился только принадлежащим к двенадцати. Итак, нет здесь никакого разногласия: в Галилее Он явился всем, а в Иерусалиме — двенадцати. И так как явлений было много, то одни евангелисты описали одни явления, а другие — другие. Иногда и два евангелиста сообщают об одном и том же, но что у одного сказано сокращенно, то восполняет другой.

(24–29) Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны

невидевшие и уверовавшие. — Фома не был с учениками. Вероятно, еще не возвратился из бывшего рассеяния. Что значит замечание *называемый Близнец?* Это значение самого имени Фома. Ибо как Кифа значит «камень», так Фома значит «близнец». Евангелист упоминает о таком значении имени Фомы, чтобы показать, что он был какой-то недоверчивый и имел такой нрав от самого рождения, как показывает само имя. Когда прочие ученики сказали о Господе, Фома не верил не потому, что считал их лжецами, но потому, что дело воскресения считал невозможным, почему и обвиняется в неумеренном любопытстве. Ибо как скоро верить — легкомысленно, так сильно упорствовать — дико и грубо. Смотри, он не сказал «я не верю глазам», но присовокупил: *Если... не вложу руки моей.* Но откуда он знал, что была рана в боку? Слышал это от учеников. Для чего Господь является ему не тотчас, но спустя восемь дней? Чтобы, внимая наставлению соучеников и слыша одно и то же, воспламенился бóльшим желанием и сделался тверже верующим на будущее время.

Говорит Фоме. — Господь, желая показать, что Он был с ними и тогда, когда Фома высказал перед соучениками слова своего неверия, не ожидает, пока услышит от него что-нибудь подобное, но Сам вперед исполняет то, чего желал Фома,

и употребляет его собственные слова. И смотри: сначала Он говорит с упреком: *Подай руку твою*. Но потом вразумляет: *Не будь неверующим, но верующим*. Отсюда ясно, что сомнение происходило от неверия, и посему напрасно некоторые в защиту Фомы говорят, что он не скоро поверил по своей основательности, ибо Господь называет его неверным.

Фома сказал Ему в ответ. — Смотри, как тот, кто сначала не верил, от прикосновения к ребру сделался отличным богословом, ибо он проповедал два естества и одно Лицо в едином Христе. Сказав *Господь*, исповедал человеческое естество, ибо «господь» употребляется и о людях в значении «господин», например: *Господин! если ты вынес Его* (Ин 20, 15). А сказав *Бог мой*, исповедал Божеское существо, и таким образом исповедал одного и того же Господом и Богом.

Господь, показывая нам, что вера состоит в том, чтобы принимать невидимое, говорит: *Блаженны невидевшие и уверовавшие*. Здесь Он намекает на учеников, которые не касались ни раны от гвоздей, ни ребра, однако уверовали, и не на одних только них, но и на тех, которые уверуют впоследствии. Сказал это не с тем, чтобы лишить Фому блаженства, но чтобы утешить невидевших, ибо многие говорят: «Блаженны очи, видевшие Господа». Он утешает таковых, говоря,

что более блаженства в том, чтобы не видеть и веровать.

Если... не вложу перста моего... и не вложу руки моей. — Каким образом нетленное тело оказалось имеющим раны и было осязаемо рукой человеческой? Всё это было делом снисхождения, ибо тело, вошедшее через запертые двери и потому тонкое и легкое, было свободно от всякой грубости. А чтобы уверить в воскресении, Господь показывает его таким и для того воскрес, имея знаки креста и раны. Также если Он и ел, то ел не по нужде для тела, но для удостоверения в воскресении. Посему как прежде распятия, ходя по волнам (см.: Мк 6, 48), Он имел тело не иной природы, так и ныне оно показывает осязаемым и имеющим раны. Однако же хотя оно осязаемо и видимо, но нетленно. Это показывается для удостоверения, а не по необходимости и закону тела, ибо всё вкушаемое во чрево входит и изменяется (см.: Мф 15, 17), чего у Христа после воскресения не было, но вкушаемое, принимаемое Им только для удостоверения в воскресении, было потребляемо некоторой невидимой и Божественной силой. Заметь и то, что как для одного человека, Фомы, Господь не отказался снизойти и показать ребро, чтобы спасти одну неверующую душу, так и мы не должны презирать ни одного, даже самого малого.

(30–31) *Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его.* — О каких знамениях говорит здесь евангелист? Ужели о тех, которые Господь совершал еще до Своих страданий? Нет, но о тех, которые Он творил после Своего воскресения, ибо евангелист прибавляет: *Сотворил... пред учениками Своими.* Чудеса же до страданий Господь творил не перед учениками, а перед всеми. Посему евангелист говорит теперь о тех чудесах, которые совершены Господом по воскресении, ибо, общаясь с одними только учениками в течение сорока дней, Он представлял доказательства воскресения. Как до страдания творил чудеса в подтверждение, что Он — Сын Божий, так по воскресении совершал чудеса перед учениками в подтверждение, что Он — Сын Человеческий, то есть что носит тело, хотя и нетленное и боговиднейшее и уже не подлежащее законам плотским.

Дабы вы уверовали. — Итак, из многих чудес, совершенных по воскресении, записаны одни только эти, и то не из хвастовства или для приложения славы Единородному, но, говорит, для того, *дабы вы уверовали.* И какая в том польза, и к кому сие относится? Не ко Христу, ибо какая

польза Ему от нашей веры? Но она служит нам самим. *И, веруя*, говорит, *имели жизнь во имя Его*, ибо веруя, что Он воскрес и жив, мы готовим сами себе жизнь, ибо Он воскрес и жив для нас.

А кто думает, что Он мертв, а не воскрес
и не жив, тот сам себя осуждает
и утверждает смерть
и гибель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. (1-8) Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясавшись одеждою, — ибо он был наг, — и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, — ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, — таща сеть с рыбою. — Словами явился Иисус евангелист выражает мысль, что если бы Он не захотел

и по снисхождению не явил Сам Себя, то при нетленном теле и не был бы видим.

При море Тивериадском. — Для чего упомянул о месте — Тивериадском море в Галилее? Этим показывает, что они уже не боялись иудеев так, как прежде, но наибольший страх отвергли. Они уже не сидели запершись, но выходили из дома, на что прежде не осмеливались, и ходили повсюду, так что дошли и до Тивериады, которая не на малом расстоянии от Иерусалима.

Симон Петр говорит: иду ловить рыбу. — Ученики ловили рыбу, ибо не имели другого занятия, — Сам Иисус не постоянно находился с ними. Дух еще не был им дарован, учительство не поручено окончательно, посему они и принялись за свое рыбацкое ремесло. Петр, будучи деятельен, не может оставаться в праздности, но с горячностью стремится к делу, а прочие следуют за ним, потому что уже не разлучались друг с другом.

Иисус стоял на берегу. — Явившись к ним, когда они трудились и утомились, Он не тотчас обнаруживает Себя, а сначала хочет вступить в разговор с ними. Как бы желая купить что-нибудь, спрашивает: *Дети! есть ли у вас какая пища?*

Когда они отозвались, что нет, а по Его приказанию закинули *сеть по правую сторону лодки* и получили улов, *тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь.*

Здесь мы опять находим указание особенностей в учениках: Иоанн был проницательнее, а Петр — пламеннее. Поэтому Иоанн первый узнал Господа, а Петр первый поспешил к Нему. Опоясав себя одеждой, ибо *был наг*, он выразил почтение к Иисусу, а бросившись в море, показал свою любовь, ибо не удержался, как прочие, но пустился вплавь, хотя они были от берега на расстоянии *локтей около двухсот*. <...> Событие настоящее не малое, но важное, потому что и много рыбы поймано, и сеть не порвалась.

(9–14) Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты?, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых. — Костер, рыба и хлеб, которые видят теперь ученики, составляют также чудо, ибо Он столько человек удовлетворил не из готового вещества, как прежде в пустыне пятью хлебами

и двумя рыбами (см.: Ин 6, 9—12), но просто из ничего. Когда Господь сказал *придите, пообедайте*, то никто не спрашивает и не осмеливается спросить. Они не имели уже прежней смелости, но в молчании и со страхом удивлялись Ему; знали, **что это Господь**, потому и не спрашивали. Видя, что образ Его изменился и исполнен поразительного величия, они сильно изумлялись. Желали бы, по крайней мере, об этом спросить, но страх и сознание, что это был не иной кто, а именно Он, удерживали их от вопроса, и они лишь вкушали то, что Он для них сотворил. Как же сотворил? С полной властью, ибо Он уже не взирает на небо и не призывает Отца — это делалось тогда из снисхождения. Повелевает принести рыбы, ими пойманной, для того, чтобы показать, что видимое ими не было призраком. Здесь не говорится, чтобы Он ел с ними, а Лука говорит, что Он вместе и ел (см.: Лк 24, 30 и 43). Как Он ел, мы не можем объяснить, ибо это происходило необыкновенным образом — не потому, чтобы природа его нуждалась в яствах, но это было делом снисхождения, для доказательства воскресения.

Это уже в третий раз явился. — Евангелист показывает, что Он общался с ними не постоянно и не так, как прежде. Понимай это и в созерцательном смысле. Когда преобладала тьма идолослужения, тогда была ночь. Пророки, тру-

дившиеся до явления Христа — Солнца, не поймали ничего. Хотя они, казалось бы, имели в своем неводе один только израильский народ, но так как и он часто впадал в идолослужение, то, можно сказать, они ничего не поймали. Когда же воссияло утром Солнце Правды и распростерта была сеть апостольская, учение поистине правое, в сравнении с которым закон и пророки представляются левой стороной, тогда невод этот вытаскивается с *большими рыбами, которых было сто пятьдесят три*, и ко Христу приводятся не одни язычники, которых можно назвать *сто*, но и израильтяне, которых можно разуместь под числом *пятьдесят*, ибо когда *войдет полное число язычников*, тогда и *весь Израиль спасется* (Рим 11, 25—26). *Три* рыбы означают веру в Святую Троицу, ибо *сто* и *пятьдесят*, то есть язычники и иудеи, пойманы не без трех, так как без веры в Троицу никто не называется уловленным.

Повеление *придите, пообедайте* служит указанием на то, что святые после трудов своих получают успокоение, довольство и наслаждение, ибо все, что тогда ни совершалось, ни говорилось, было исполнено таинственности. Например, что Мария сочла Его за садовника. Как, кажется, просто, но в этом есть и нечто сокровенное, ибо Он действительно был истинный делатель сада, в саду гроба, как бы в раю, исправляющий женский

род и обращающий от обмана и неверия обол-
стившую первого садовника — Адама. Ибо обра-
щение Марии и учение о воскресении указывает
на то, что женский род обращается и возводится
к совершенству.

*(15–19) Когда же они обедали, Иисус гово-
рит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли
ты Меня больше, нежели они? Петр говорит
Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Те-
бя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще
говорит ему в другой раз: Симон Ионин! лю-
бишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так,
Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус
говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему
в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты
Меня? Петр опечалился, что в третий раз
спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Го-
споди! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю
Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Ис-
тинно, истинно говорю тебе: когда ты был
молод, то препоясывался сам и ходил, куда
хотел; а когда состаришься, то прострешь
руки твои, и другой препояшет тебя, и по-
ведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая
разуметь, какою смертью Петр прославит
Бога. — Так как обед имел цель, то Он вручает
Петру попечение об овцах всей вселенной, — вру-
чает попечение не иному кому, а ему, во-первых,*

потому, что он был избранным из всех и был устами всего лика апостолов, потом для того, дабы показать, что он должен иметь дерзновение, так как отречение его заглажено. Об отречении не вспоминает; не порицает за оное, а говорит: «Если любишь Меня, позаботься о братьях и докажи теперь ту горячую любовь ко Мне, о которой ты говорил, что готов и умереть за Меня». Трижды спрашивает его частью для того, чтобы показать, что Он настолько заботится о верующих и любит Своих овец, что попечение об овцах Его служит признаком любви к Нему Самому, частью троекратным вопрошением и исповеданием врачует троекратное отречение и словами исправляет падение, бывшее на словах. Отсюда произошел обычай от желающих креститься требовать троекратного исповедания.

Петр опечалился, что в третий раз спросил его. — После первого и второго вопроса Петр призывает в свидетели Его Самого, знающего сердца; он уже не надеется сам на себя, не отвечает с поспешностью, но всякий раз прибавляет: *Ты знаешь*. Когда же Петр был спрошен и в третий раз, то он смутился, не ошибочно ли он думает о себе, что любит, тогда как, быть может, на деле не любит, потому что и прежде он много думал о себе и крепости своей, однако же последствия опровергли его. И теперь он убоялся того же.

Потому и отвечает с благоговением: *Господи! Ты все знаешь* — и настоящее, и будущее; *Ты знаешь, что* ныне я люблю Тебя, как мне кажется; но пребудет ли моя любовь на последующее время, это Ты знаешь, а я не могу твердо сказать сам о себе. Господь, сказав Петру о любви к Себе, предсказывает ему и о мучении, которое он претерпит. Говорит это с тем, чтобы показать, что если Он спрашивает его о любви, то спрашивает не по недоверию к нему, но по уверенности, что он любит, ибо как не любит тот, который будет и замучен за Него? Спрашивал для того, чтобы более обнаружить любовь самого Петра и всех прочих научить, что если мы желаем любить Его, то должны доказать любовь к Нему попечением о братьях. Как же предвещает ему мученичество? Слушай.

Когда ты был молод, то препоясывался сам. — Поскольку, говорит, ты любишь Меня и не раз обещал в опасностях за Меня положить душу свою, то будь спокоен, Я исполню твое желание, так что чего ты не потерпел в молодости, то потерпишь в старости. Напоминает ему о прежней жизни, дабы показать, что духовное с плотским находятся в противоречии. В житейских делах полезен молодой, а состарившийся бесполезен; в духовных делах, напротив, подвиг блистательнее тогда, когда наступит старость. Говорит это с целью возбудить его любовь и воспламенить к

мученичеству. Намекает ему и на то, что и он будет распят, ибо слова *прострешь руки твои, и другой препояшет тебя* указывают не на иное что, как на темницу и распятие на кресте. Словами *когда ты был молод и а когда состаришься* показывает, что Петр тогда был ни молод, ни стар, а совершенный муж. Для чего сказал ему Господь: *Другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь?* Хотя Петр желал мученичества, и желал его пламенно, эти слова Господа указывают на сочувствие нашего естества к жизни и на то, что душа неохотно разлучается с телом, ибо Бог так устроил, и устроил на пользу, чтобы мы не убивали сами себя. Посему никто, хотя бы и свят был, не отлагает тела бесстрастно.

Евангелист, по обычаю своему, в объяснение слов присовокупляет: *Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Петр прославит Бога.* Иисус, говорит, сказал Петру: *Прострешь руки твои* и прочее, давая разуметь, что он потерпит за Него мучение. Смерть Петрову он называет славой Божией, потому что страдание за Него до смерти поистине есть слава Божия. Ибо если душа не убеждена вполне, что Он есть истинный Бог, то человек и не умрет за Него, а посему смерть святых есть подтверждение славы Божией.

<...>

(19–23) *И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною. Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? —* Господь вручил Петру попечение о всех верующих, ибо если Иаков и получил кафедру в Иерусалиме, то Петр получил кафедры во всей вселенной. После сего Господь говорит ему: *Иди за Мною*, — показывая попечение о нем и Свое великое расположение к нему. Под следованием разумея здесь и исполнительность во всех делах и словах, ибо те следуют за Ним, которые идут по следам жизни Господа и подражают Его исправности во всем. Может быть, Он повелевает Петру и чувственно следовать за Собой, являя, как я сказал, Свое особенное расположение к нему. Ибо и мы делаем последователями своими тех, которые близки к нам.

Для чего евангелист упоминает о том, что Петр преклонялся к груди Господа и спрашивал: *Кто*

предаст Тебя? Не просто и не случайно, но чтобы показать, что Петр и после отречения своего имел дерзновение перед Господом. Ибо тот, кто прежде креста не смел спросить о предателе, но поручал вопрос другому — Иоанну, тому теперь вручается попечение о всех, и он не только вопроса о самом себе не поручает другому, но и о том самом ученике, который пользовался особенной перед всеми любовью, спрашивает Господа и становится как бы ходатаем за него перед Ним.

Господи! а он что? — Когда Петр услышал, что удостоится того, что вселенная ему будет вручена и что он увенчается мученичеством, то, по сильной любви к Иоанну, спрашивает о нем: ***А он что?*** Не пойдет ли он тем же путем, которым и мы? Не будет ли он общником в попечении об овцах и заботе о них? Ибо слова ***иди за Мною*** почти то же значат, что «ступай», «принимай овец», «выступай во вселенную».

Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? — Зная, что Петр заботится об Иоанне и не желает разлучиться с ним, Господь, чтобы прекратить их неблагоприятный союз и привязанность друг к другу, говорит: «Тебе поручено дело; совершай его и следуй за Мной, когда Я вывожу тебя на проповедь, вручаю тебе всю вселенную. Если же Я хочу, чтобы он оставался здесь, в окрестностях Галилеи, и не хочу послать его

вместе с тобой, *что тебе до того?*» Слова Иисуса *пока приду* некоторые понимали так: «Пока Я не приду на распявших Меня иудеев, чтобы наказать их посредством римлян и разрушить город их». Ибо говорят, что апостол Иоанн почти до правления Веспасиана находился в нагорных местах, проповедовал и пребывал там, а перед взятием Иерусалима удалился оттуда. Итак, поскольку им вручалось великое дело проповеди, то уже не следовало быть вместе друг с другом, но раздельно пойти одному к тем, другому — к другим. Некоторые же так понимают: Петр, услышав, что он умрет за Христа, сказал: «Что же Иоанн, не умрет ли и он тоже?» Христос не отверг этого, ибо всякий, кто родился, тот и умрет, а сказал: *Если Я хочу, чтобы он пребыл*, то есть жил до кончины мира и тогда соделался мучеником за Меня. Отсюда и говорят, что он жив, а будет умерщвлен антихристом, когда вместе с Илией станет проповедовать Христа. Если указывают гроб его, что до того? Он вошел в него живой, а потом преставлен, как Енох и Илия. По нашему мнению, слова *чтобы он пребыл, пока приду* лучше понимать не о жизни, а о разлуке с Петром, как понимал это достославный и златоустый Иоанн.

Ученик тот не умрет. — Подивись скромности евангелиста, с которой он исправляет ошибочное понимание многих, кто не уразумел ска-

занного о нем Господом, но подумал, что он *не умрет*. Господь сказал не то, что он не умрет, но что он не будет проповедовать в одно время с Петром, а останется после него. Итак, евангелист опровергает ложное мнение тех, которые подумали, что ученик сей не умрет, а будет бессмертен, ибо сущая ложь, чтобы человек был бессмертен. Хотя Енох и Илия не умирали, однако они смертны. Так и он, хотя не умер, но умрет. Посему понимание слова *не умрет* в том смысле, что будет бессмертен, ложно.

(24–25) *Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его. Многие и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь.* — Из прочих евангелистов ни один не свидетельствовал сам о себе. Говорят, что он после всех приступил к написанию Евангелия, будучи подвигнут и возбужден к тому Христом. Потому-то он постоянно упоминает о любви Его к себе, показывая причину, по которой приступил к написанию, и что Христос поручил это дело тому, которого Он любил более прочих. И я знаю, что он говорит истину, то есть как бы так: «Что я написал, то написал с полной уверенностью, так как я был при всем: при делах и словах, при страданиях и обстоятельствах по

воскресении. Посему смело и о самом себе говорю, что я истинен, и вызываю рассмотреть и исследовать каждое в отдельности событие». У нас, когда мы совершенно уверены в истине, есть обыкновение не отказываться от собственного о том свидетельства. Так и апостолы говорили: *Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему* (Деян 5, 32). «Откуда же видно, что я говорю истину, а не в угоду Учителю? Из того уже, что я многое оставил, видно, что я не хотел угождать Ему, ибо я выставил на вид всё укоризненное, не скрыв и того, что Его называли беззаконником и даже обманщиком и бесноватым. Очевидно, я не старался угодить Ему, ибо кто льстит, тот поступает напротив: позорное опускает, а выставляет на вид достойное».

Самому миру не вместить бы написанных книг. — Не удивляйся сказанному, что если писать книги о делах Иисуса, то не вместил бы их мир, но помысли о неизреченной силе Бога Слова и сказанное прими с верой, потому что как для нас легко говорить, так для Него легко, и даже гораздо легче, творить, что Ему угодно. Некоторые говорят, что это по обычаю Писания сказано гиперболически, ибо у Писания в обычае употреблять гиперболы. Например: мы видели города, достигающие до неба, мы видели мужей и... были, пред ними, как саранча (см.: Чис 13, 29 и 33—34),

и так далее. В таком же, дескать, смысле здесь было сказано, что весь мир не смог *вместить бы написанных книг*. Иначе под миром разумеют человека, мудрствующего мирское; дела же Божественные и таинственные, совершенные Иисусом в мире невидимом и видимом и в домостроительстве последнего времени, которое исполнено тайн, человек мирской не может понять, по сказанному: *Многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* (Ин 16, 12).

Будем молиться, чтобы дела и слова Господа никогда не приходили у нас в забвение, но чтобы нам всегда раскрывать сию книгу Возлюбленного и изыскивать сокровище, заключающееся в чудесах и учении Иисуса; чтобы нам, очистившись в слове и жизни, в день откровения удостоиться неизреченнейших дел и тайн, которых ныне, находясь в этом мире, мы вместить не можем, и соделаться совершенными в Самом Христе, возлюбившем нас и через возлюбленного Своего ученика просветившем нас богословием и познанием

Его — Сына, и Отца, и Святого Духа,
Которому слава вовеки.

АМИНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнеописание евангелиста Иоанна . . . 3

**ТОЛКОВАНИЕ
НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА 7**

Глава первая 9

Глава вторая 63

Глава третья 78

Глава четвертая 104

Глава пятая 137

Глава шестая 164

Глава седьмая 202

Глава восьмая 231

Глава девятая 264

Глава десятая 289

Глава одиннадцатая 312

СОДЕРЖАНИЕ

Глава двенадцатая	341	559
Глава тринадцатая	373	
Глава четырнадцатая	399	
Глава пятнадцатая	424	
Глава шестнадцатая	439	
Глава семнадцатая	458	
Глава восемнадцатая	476	
Глава девятнадцатая	499	
Глава двадцатая	525	
Глава двадцать первая	543	

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА
Блаженный
Феофилакт Болгарский
БЛАГОВЕСТНИК
ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ ИОАННА
3-е издание

РЕДАКТОР С. А. Еремина
ХУДОЖНИК СЕРИИ иеромонах Матфей
(Самохин)
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР А. Н. Кузнецова
ВЕРСТКА Е. А. Ларина
КОРРЕКТОР Л. Н. Иконникова
ТЕХНОЛОГ М. Ю. Мыскин

На переплете: храм
Воскресения Господня, Иерусалим
На фронтисписе: святой евангелист Иоанн,
русская икона, XVII в.

Подписано в печать 01.04.2013
Формат 70×100^{1/32}. Бумага писчая. Гарнитура Georgia
Печать офсетная. Объем 17,5 п. л. Тираж 5 000 экз. Зак. № 1303940
Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом
издательства Сретенского монастыря
Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Магазин «Сретение»: (495) 623-8046
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210

Издательство
Сретенского
монастыря

Едва ли можно постигнуть безмерную глубину Священного Писания без опытного наставника. Никогда не оскудевала Церковь Христова такими учителями, один из которых — блаженный Феофилакт Болгарский. Его «Благовестник» — толковое Четвероевангелие, написанное на греческом языке и переведенное в Болгарии на славянский, стало широко известно в России и до сих пор пользуется непререкаемым авторитетом.

ТОЛКОВАНИЕ
НА ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ ИОАННА

БЛАЖЕННЫЙ
ФЕОФИЛАКТ